

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ

Электронный сборник научных трудов
Международной студенческой научной конференции

Брест, 20–21 мая 2022 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2022

ISBN 978-985-22-0521-4

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2022

Об издании – [1](#), [2](#)

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус

Редакционная коллегия:

О. А. Фелькина (отв. ред.), **О. Б. Переход**

Рецензенты:

заведующий кафедрой белорусского и русского языков
УО «Брестский государственный технический университет»
кандидат филологических наук, доцент **Н. Н. Борсук**

декан филологического факультета
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»
кандидат филологических наук, доцент **Т. В. Сенькевич**

Слово в языке, речи, тексте [Электронный ресурс] : электрон. сб. науч. тр. Междунар. студен. науч. конф., Брест, 20–21 мая 2022 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. А. Фелькина (отв. ред.), О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2022. – 287 с. – Режим доступа: <http://lib.brsu.by/node/1964>.

ISBN 978-985-22-0521-4.

В сборник вошли материалы докладов, посвященные вопросам функционирования слова в языковой системе, в речевой практике, в научных, публицистических и художественных текстах. Статьи представлены на русском, белорусском, английском языках.

Адресуется широкому кругу читателей – студентам, аспирантам, преподавателям, учителям, научным работникам.

Разработано в PDF-формате.

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус

Текстовое научное электронное издание

Системные требования:

тип браузера и версия любые; скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая; дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2022

[ВПЕРЕД](#)

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 10, Microsoft Office 2013;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, корректор А. А. Лясник, технический редактор А. А. Лясник, компьютерный набор и верстка О. А. Фелькина;
- дата размещения на сайте: 28.12.2022;
- объем издания: 2,58 МБ;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

[ВПЕРЕД](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Абдыллаев Ш. Д. Исследование этимологии названий христианских и мусульманских религиозных праздников (на материале русского и туркменского языков).....	8
Азевич И. П. Особенности употребления аргументативных лексических средств в институциональном дискурсе (на примере текстов судебных лингвистических экспертиз).....	11
Аймырадова А. С. Бинарные оппозиции в языке как средства характеристики внешнего и внутреннего мира человека	14
Алексахина А. С. Гипертекст как тип организации текстового пространства	18
Алексеев Я. А. Специфика рецепции пьесы У. Шекспира «Зимняя сказка» в романе Дж. Уинтерсон «Разрыв во времени».....	19
Андросюк А. В. Образный строй притчи С. Глущенко «Сад».....	22
Афанасьева Ю. А. Интермедиальное взаимодействие слова и музыки в творчестве Зоры Нил Херстон	26
Бакшаева Е. А. Отражение в лексике средств массовой информации современных политических событий.....	29
Беленькая М. В. Сленг как объект филологических исследований.....	32
Близнюк Д. В. Структурные особенности хортенсионимов белорусского пограничья	35
Бобіч В. І. Моўныя адзінкі вёскі Осаўцы Драгічынскага раёна з нацыянальна-культурнай семантыкай.....	40
Богунь И. Д. Пунктуационные средства экспрессивности в поэзии и прозе М. Цветаевой.....	42
Вандзіч В. П. Вялікая літара ў вершах Святланы Варонік	47
Вандич В. П. Семантический сдвиг в современной сетевой поэзии	50
Ван Дохуа. Космологический принцип как фактор выбора личного имени в китайской языковой культуре	53
Веремейчик Е. А. Лексические средства портретной характеристики Манилова и Коробочки.....	56
Галах М. А. Творчасць В. Быкава ў ацэнках сучасных літаратуразнаўцаў... ..	59
Гибкий П. В. Металингвистическое значение знаков алфавита синтаксиса в китайском языке (на примере полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le))	63
Гончаревич О. В. Семантическая классификация авторских неологизмов в современной поэзии	66
Гончарова А. А. Приемы имитации «языка будущего» в романе Д. Митчелла «Облачный атлас» и его переводах на русский язык	68
Гопта В. Функционирование фразеологических единиц, выражающих эмоции, в родственных языках: лингвокультурологический аспект.....	72
Грыгарук Л. А. Міфалагічныя ўяўленні пра знешні выгляд русалкі.....	74

Гусакова А. А. Оригинал и перевод сказок Ш. Перро: лингвокультурный фактор.....	77
Дубовик Е. А. Авторская песня как жанр лирики	79
Дубовик Е. А. Своеобразие творчества Булата Окуджавы.....	80
Дугина Е. С. Особенности перевода реалий в художественной литературе	84
Жандарова А. Н. Традиции пивоварения на Вологодчине в гастрономическом диалектном дискурсе	86
Зими́на А. С. Этнокультурный аспект фразеологизмов в разговорном французском языке	89
Зиновенко П. Ю. Лексические средства выражения агрессии в русскоязычных каналах мессенджеров.....	90
Зиновенко П. Ю. Роль экспрессивов в агрессивном дискурсе (на материале русскоязычных каналов мессенджеров)	95
Каменев Д. М. Польское прилагательное <i>wrażliwy</i> и его семантические эквиваленты в русском языке (на материале словарей и НКРЯ)	98
Кан Жоши. Мифический дракон в реальных фразеологизмах	101
Карпиевич А. А. Творчество Чинуа Ачебе в русскоязычном литературоведении.....	104
Касынюк Я. У. Канцэпцыя мінулага ў ранняй творчасці Вольгі Іпатавай	107
Качына К. А. Канцэпт як аб’ект літаратуразнаўчых даследаванняў	109
Коренчикова А. А. Грамматические особенности перевода художественных текстов в эпистолярном жанре (на материале произведения Элис Уокер «Цвет пурпурный»)	111
Косынюк Е. В. Вербально-семантический контекст концепта «судьба» в устных рассказах женщин Брестчины	114
Кот Д. С. Семантические типы сравнений в художественных произведениях Г. Яхиной	118
Краўчук В. А. Заходнебеларуская тэма ў “Споведзі” Л. Геніюш	120
Кузіч А. С. Эпітэт як сродак стварэння вобраза Я. Купалы ў рамане-эсэ А. Лойкі “Як агонь, як вада...”	124
Кулик К. С. Презентация смыслового ядра текста с помощью сочетания коммуникативных регистров.....	127
Куратник Д. А. Психологическая деталь в игровой гиперреальности романа «Защита Лужина» В. Набокова	130
Куратник Д. А. Роль художественной детали в рассказе В. Набокова «Музыка»	133
Леончук Е. А. Полногласные и неполногласные морфемы в идиостиле А. С. Пушкина (корпусное исследование).....	137
Линкевич А. С. Имена собственные пространства Москвы в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер».....	140

Лысенко В. С. Язык города Ярославля: лингводидактический и лингвокультурологический потенциал при обучении иностранцев русскому как иностранному.....	143
Лю Сюэхань. Эволюция вербальных и невербальных форм приветствия в китайской языковой культуре.....	147
Мазурук В. В. Мотив любви в поэзии С. А. Есенина.....	150
Маркевіч К. Л. Лінгвакультуралагічны змест фразеалагізмаў у гістарычнай прозе беларускіх пісьменнікаў.....	154
Мартэн Д. С. Тематический мотив «тема/идея» в киноминациях (на примере произведений национальной студии «Беларусьфильм»).....	157
Маслаў К. С. Стылістычная функцыя чужога маўлення.....	160
Маслаў К. С. Суб'ектыўныя асаблівасці дыялогу і маналогу ў “Палескай хроніцы” І. Мележа.....	163
Матюто У. В. Габитарный имидж врача в белорусской прессе (на материале «СБ. Беларусь сегодня»).....	167
Мацяш Д. В. Жанравая разнастайнасць паэзіі Ніны Мацяш.....	170
Моисейчик А. Э. Вербализация концепта «праздник»: словообразовательный аспект.....	174
Мохор Д. С. Отантропонимные названия массовых торжеств, мероприятий (на материале современной геортонимии Пинцины).....	177
Наумчик М. Д. Реализация магической функции языка в лирике В. Брюсова.....	180
Наумчик М. Д. Способы выражения речевой экспрессии в стихотворении Ю. Н. Куранова «Две птицы».....	182
Новак А. В. Смысловая и стилистическая роль кратких форм имен прилагательных в поэзии Е. А. Евтушенко.....	185
Новак А. В. Стилистическое использование субстантивированных прилагательных в стихах Е. А. Евтушенко.....	189
Пань Гаоцзинь – Pan Gaojin. Symbols in the text of english and chinese poets and its translation.....	192
Попека А. С. Вариативность перевода как признак безэквивалентной лексики (на материале белорусско-русского параллельного корпуса).....	193
Пригожая Д. В. Немецкие фразеологизмы с оттенком национального характера.....	196
Пудаўкіна В. В. Назвы дрэў у гаворцы вёскі Слабудка Пружанскага раёна.....	198
Раўнейка М. А. Да пытання маўленчай дзейнасці: суадносіны паміж мовай і маўленнем.....	201
Ричко В. В. Способы передачи имен собственных при переводе поэзии Е. Евтушенко с русского языка на английский.....	204
Рыжук А. Г. Металогические средства образной дескрипции в идиостиле Наринэ Абгарян.....	208

Рылова Е. В. Здоровье в системе ценностных ориентаций современного человека (на материале русскоязычных средств массовой информации Беларуси)	212
Свірыдовіч К. У. Паэтанімікон рамана Уладзіміра Гніламёдава “Пасля вайны”	215
Сильванович Н. Л. Специфика функционирования прецедентных имен в поэтическом сборнике Е. А. Евтушенко «Стихи XXI века»	219
Соколовская Ю. В. Медиаобраз персонала как компонент корпоративного имиджа Гродненского государственного медицинского университета	222
Стоянов В. П. Лингвокультурная специфика фразеологизма <i>крепкий орешек</i>	225
Струнец Е. А. Восприятие старшеклассниками миниатюры И. А. Бунина «Роман горбуна»	228
Струнец Е. А. Римское наследие в поэзии акмеистов	232
Сунь Фэни, Рыбикова А. П. Невербальное общение в мультикультурной аудитории	236
Титова Д. В. Модальные слова в повести К. Паустовского «Золотая роза»: семантический аспект	239
Токмакова Н. В. Активные тенденции в названиях ювелирных предприятий, организаций Костромской области	242
У Сяо. Исследование этимологии китайской лексики в современном русском языке	245
Федуро Е. М. Утраченные названия улиц Беларуси: культурологический аспект	248
Хафізаў І. І. Тэарэтычныя аспекты асэнсавання духоўнага і духоўнасці ў літаратуры	252
Хвесік Т. М. Антонімы-квалітатывы ў беларускіх прыказках	255
Хихлина П. Э. О языке «Баллады о красках» Р. Рождественского	258
Чалюк А. П. Назвы дрэў у дыялектнай мове Бярозаўшчыны	259
Чешко К. Н. Вещный мир как способ психологизации художественного пространства в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя	263
Чжэн Цзяюнь. Лингвистический анализ текста романса и его роль в передаче эмоционально-экспрессивных оттенков содержания при исполнении на сцене	267
Шишкова З. К. Историко-культурный контекст фразеологической единицы <i>между двух огней</i>	270
Шурко А. Ю. Внетекстовая функция заговорного слова	273
Шыкіла А. В. Функцыянальна-семантычная значнасць метафар у прозе В. Быкава	276
Юркович А. Ю. Тема поэта и поэзии в лирике Б. Ахмадулиной	279
Ярмошевич А. В. Концепт «дорога» в восточнославянских поговорках ...	283

Ш. Д. АБДЫЛЛАЕВ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Зуева, преподаватель

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ ХРИСТИАНСКИХ И МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Христианство и ислам, как религии мира, имеют свои праздники, которые отражают «систему эстетических, нравственных, этических, религиозных критериев общества, накопленных в историческом беге времени» [1, с. 5]. Христианские и мусульманские религиозные праздники как факт объективной реальности систематизируются с точки зрения их значимости для церкви и мечети. **Цель** статьи – рассмотрение этимологии названий христианских и мусульманских религиозных праздников (на материале русского и туркменского языков). **Материалом** исследования послужили названия религиозных праздников – 11 христианских и 22 мусульманских, зафиксированных этимологическими словарями с привлечением сайта academic.ru (источники материала – в списке условных сокращений).

Геортоним (от греч. *έορτη* ‘праздник’ + оним) – собственное имя любого праздника, памятной даты, торжества» [2, с. 48]. Этимологический анализ названий христианских религиозных праздников показывает, что геортонимы в русском языке по происхождению можно разделить на следующие группы:

1. **Старославянские, церковнославянские заимствования и древнерусские слова**, являющиеся кальками греческих слов: *Благовещение* – церковнославянская калька греческого языка (ЭСРЯ, т. 1, с. 170). *Великдень* – ‘пасха’. Старославянское *великъ днь*. Калька греческого (ЭСРЯ, т. 1, с. 288). *Вознесение* – в церковнославянском это калька греческого (ЭСРЯ, т. 1, с. 334). *Преображение* – из церковнославянского *прѣображение* от *прѣобразити*, кальки греческого (ЭСРЯ, т. 3, с. 359). *Пятидесятница* – ‘троица’, церковнославянское, калька греческого ‘пятидесятый день после Пасхи’. Это слово было заимствовано без перевода в древнерусский, церковнославянское *пѣтикошти*, *пѣтикоштие* – то же (ЭСРЯ, т. 3, с. 425). *Рождество* заимствовано из церковнославянского, древнерусское *рожьство*, старославянское *рождьство*. Калька греческого (ЭСРЯ, т. 3, с. 493). *Сретенье* – древнерусское, церковнославянское *сърѣтениѣ господьнѣ*, буквально ‘встреча’; калька с греческого (ЭСРЯ, т. 3, с. 740). *Троица* – древнерусское, старославянское *троица*. Калька греческого (ЭСРЯ, т. 4, с. 104–105). *Успение* – церковнославянское,

древнерусское *успение* ‘засыпание, сон; смерть, кончина’; церковный праздник *успение* от *у-* и *спать*, калькирует греческое (ЭСРЯ, т. 4, с. 172).

2. **Церковнославянские, старославянские, древнерусские слова:** *Покров* – от *кров, крыть*. Праздник был введен в XII в. православной церковью в память об избавлении Константинополя от сарацин (в середине X в.), которое на основании видения Андрея Салосского было приписано Богородице (ЭСРЯ, т. 3, с. 379). *Спас* – церковнославянское, древнерусское, старославянское *съпасъ*, откуда *Спасов день*, древнерусское *Съпасовъ днь* (6 августа), также *Съпасово преображение* (ЭСРЯ, т. 3, с. 732). *Вербница, Вербная неделя, Вербное воскресенье* названы так потому, что первоначально пальмовые ветви были заменены ветвями вербы (ЭСРЯ, т. 1, с. 294).

3. **Греческие заимствования с русскими элементами:** *Пасха* – из греческого с вторичным введением по народной этимологии суффикса *-ка* (ЭСРЯ, т. 3, с. 216).

Этимология названий мусульманских религиозных праздников показывает, что геортонимы в туркменском языке по происхождению можно разделить на следующие группы:

1. **Арабского** происхождения: *Араф* – от араб. ‘преграды’ (СЭА). *Жума* – hepdäniň anna gününiň ikinji ady bolan juma (jum’a, jumga) sözi jem (jemg) diýen arap sözünden bolup, jemlenilýän, metjide ýugnanylýan günü aňladýar. Ýene-de seret Anna (TDSE, s. 217). *Анна* – türkmen nusgawy edebiýatynda *anna* sözüniň *a: ýna ýaly ýazylyşyna-da duş gelinýär. Anna* sözi bilen manydaş ulanylýan *juma* (arapça *jum’a* – «jemlenilýän, metjide üýşülýän gün») sözi-de durmuşda we adam atlarynda gaty ýörgünlidir (TDES, s. 30–31). *Зуль-хиджа*, или *Зу аль-хиджа* – арабское ‘месяц Хаджа’. Хадж – арабское ‘паломничество’, связанное с посещением Мекки (Масджид аль-Харам) и ее окрестностей (гора Арафат, долины Муздалифа и Мина) в определенное время (СЭА). *Ид аль-Адха* – от араб. ‘праздник жертвоприношения’ (СЭА). *Ид-аль-Фитр* – от араб. ‘праздник прекращения поста’ (СЭА). *Исра и Мирадж* – от араб. ‘ночное путешествие и вознесение’. Слово *исра* означает ‘путешествие ночью’, а слово *мирадж* ‘восхождение’, ‘вознесение’, ‘лестница’ (СЭА). *Ляйлят аль-Бараа* – от араб. ‘ночь’, ‘непричастность’, ‘полное отделение’, ‘очищение’, ‘прощение’ (СЭА). *Ляйлят аль-Кадр* – от араб. ‘ночь предопределения, ночь решения, ночь могущества’ (СЭА). *Ляйлят аль-Рагаиб* – от араб. ‘ночь даров’ (СЭА). *Мавлид ан-Наби* – араб. ‘рождение пророка’ (СЭА). *Раджаб* – от араб. ‘возвеличивание’ (СЭА). *Рамадан* – от араб. или тюрк. от араб. *Ramazan*. Слово *рамадан* в переводе с араб. означает ‘палящий зной’, ‘сжигающий’, ‘горячий’, ‘жаркий’ (СЭА). *Таширик* – от араб. ‘двигаться

в верном направлении’, ‘сиять’ (СЭА). *Фатх Мекка* – от араб. ‘открытие Мекки’, ‘завоевание Мекки’ (СЭА). *Хиджра* – от араб. ‘переселение’ (СЭА). *Шавваль* – от араб. ‘щедрый’ (СЭА).

2. **Персидского** происхождения: *Милад* – от персид. ‘рождение’ (СЭА). *Новруз, Навруз* – от персид. ‘новый день’. Новоперсидское название праздника происходит от пехлевийского (среднеперсидского) языка *nōg rōz*, восходящего через древнеперсидский **navaka-raocah-* ‘новый день’ (СЭА).

3. Геортонимы, имеющие **смешанную** этимологию: *Курбан-байрам* – первая часть названия происходит от араб. *курбан* ‘жертва’, вторая часть – тюрк. слово *байрам* ‘праздник’. Часто вместо слова *байрам* употребляется слово *аид* от араб. ‘праздник’ (СЭА). *Ураза-байрам* – от персид. *rūzeh* ‘пост’ и тюркского *bayram* ‘праздник’ (СЭА). *Regaip Kandili* – от араб. ‘мечта, желание’ и тюрк. ‘свеча’ (СЭА). *Oraz* – (manysy: “ot – bagt”) diýen nakyllda duş gelyän bu sözüň asly uras bolup, ol çagataý, uýgur, gazak dillerinde “bagt” diýen manyda ulanylýar. Ýokardaky nakyllda uras/yrys sözi häzirkä türkmen dilinde ýörgünli ulanylýan oraz sözi bilen çalşyrylypdyr (TDSE, s. 261).

Таким образом, исследование этимологии названий христианских и мусульманских религиозных праздников показывает, что большинство русских названий калькирует к греческому языку, геортонимы являются старославянскими церковнославянскими по происхождению. Названия религиозных праздников в туркменском языке являются заимствованиями из арабского и персидского языков, некоторые геортонимы имеют смешанную этимологию, восходящую к арабскому и общетюркскому языкам.

Список условных сокращений

СЭА – Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>. – Дата доступа: 21.04.2022; ЭСРЯ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс, 1986–1987. – 4 т.; TDSE – Atanyýazow, S. Türkmen diliniň sözlöki (etimologik) sözlügi / S. Atanyýazow. – Aşgabat : Türkmenistanyň milli medeniýet “Miras” merkezi, 2004. – 496 s.

Список использованной литературы

1. Лазарева, Л. Н. История и теория праздников : учеб. пособие / Л. Н. Лазарева ; Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск : ЧГАКИ, 2010. – 251 с.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 200 с.

К содержанию

И. П. АЗЕВИЧ

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Научный руководитель – И. П. Зайцева, д-р филол. наук, профессор

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АРГУМЕНТАТИВНЫХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ
ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ СУДЕБНЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ)**

Речевое общение в рамках заданных норм между людьми, которые выполняют определенные социально значимые роли в пределах какого-либо социального образования, специально созданного для удовлетворения определенных потребностей общества, принято называть институциональным дискурсом [3]. Характеристика какого-либо типа институционального дискурса, по мнению В. И. Карасика, требует рассмотрения таких компонентов, как 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе и ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы [2, с. 6].

Судебно-экспертный дискурс является институциональным дискурсом, поскольку общение между его участниками предполагается в рамках статусных отношений: с одной стороны – эксперт, с другой стороны – лицо, инициирующее проведение экспертизы (представители органов дознания, предварительного следствия, судебных органов, а также физические лица). Помимо специфических участников судебно-экспертного дискурса, среди других его конститутивных признаков как институционального дискурса отмечаются специфические: коммуникативная цель, жанры, характер отправной точки для создания текста, дискурсивные формулы, отсутствие оценочности.

На лексическом уровне аргументы в структуру текстов судебных лингвистических экспертиз (далее – СЛЭ) вводятся с помощью специального набора вербальных средств. Одним из самых распространенных средств аргументации в институциональном дискурсе являются клишированные фразы и речевые штампы. В СЛЭ употребляются такие клише, как *в результате анализа (исследования), установлено, что: «В результате анализа спорного текста на предмет наличия в нем языковых средств, выражающих побуждение, установлено, что в спорном тексте имеются...», «Установить, в каком конкретно значении употреблена данная лексическая единица в спорном тексте, не представляется возможным»* и др. С помощью данных слов часто вводится структурная часть аргумента – вывод. Данная часть также

может быть выражена с помощью формул с иллокуцией обобщения: *таким образом, это означает, что...: «Таким образом, подлежащий лингвистическому исследованию спорный текст создан в ситуации неофициального, массового, опосредованного общения», «Это означает, что негативная оценка, выраженная семантикой данной лексемы, имеет ненормативную форму речевого выражения».*

В СЛЭ широко применяется узкоспециальная лексика, лексика терминологического характера: *«Спорные тексты обладают цельностью, связностью, структурированностью, прагматической исчерпанностью», «Адресант презюмирует написание комментариев относительно содержания своего поста», «Данный смысловой компонент содержит конкретный денотат», «Личное местоимение ты в данной речевой ситуации приобретает дополнительное референциальное значение»* и др. Использование узкоспециальной лексики и терминов является индикатором принадлежности текста к институциональному дискурсу. Терминологичность свойственна текстам СЛЭ.

В текстах СЛЭ отсутствует явление синонимии, часто используются лексические повторы, которые способствуют однозначности понимания лексических единиц: *«Предоставленный на исследование спорный текст представляет собой диалог, состоящий из иницирующих и ответных реплик пользователя с именем “Вы” и пользователя с именем “Н.”* и т. д.

С помощью лексических средств, выражающих последовательность мыслей эксперта, указателей на источник аргумента, определяется структура текста, акцентируется внимание на достоверности факта, взятого в основу промежуточных выводов: *«Далее было проведено лингвистическое исследование спорного текста на предмет наличия в нем языковых средств, выражающих побуждение», «Затем были проанализированы высказывания пользователя с именем N», «Исходя из установленных обстоятельств, спорный текст создан в ситуации неофициального, межличностного общения», «Анализ коммуникативной ситуации, исходя из информации, изложенной в предоставленных материалах и постановлении о назначении лингвистической экспертизы, показал следующее...»; Исходя из анализа языковых средств спорный текст, а также контекста и экстралингвистических факторов установлено, что данный речевой акт можно рассматривать как часть общественно-политической коммуникации». Лексические акцентуаторы, используемые экспертами, позволяют обратить внимание на важные, спорные аспекты в анализируемом речевом материале: *«В спорном тексте, несмотря на наличие грамматического показателя адресации конкретному лицу (использование краткой формы личного имени МИША, личного местоимения второго лица единственного числа “ты” (в форме родительного**

надежда “тебя”), адресатом являются посетители социальной сети “Одноклассники”»; **«Следует отметить, что данная лексема в толковом словаре субстандартной лексики сопровождается пометами “грубое”, “бранное”, что указывает на ненормативный характер данной лексической единицы»** и др.

Дискурсивной лексической формулой в судебно-экспертном дискурсе как институциональном являются так называемые экземплификаторы (аргументы-примеры) *а именно, в частности* [1, с. 34]: **«Понимание текста основывается на исходных предпосылках, одной из которых является предположение об осмысленности текста, в частности о том, что адресат текста в состоянии понять текст»**. В эту же группу входят также «экземпликаторы умолчания, ставящие в известность адресата о том, что примеры есть, но не актуализированы в данном тексте: *и т. д., и др., и т. п.»* [1, с. 35]. В текстах СЛЭ данные лексические средства представлены широко: **«Лексема “шакал”, употребленная по отношению к человеку, приобретает негативную коннотацию и “перенимает” стереотипные качества того или иного животного (насекомого *и т. д.*), проецируя их тем самым по принципу сходства на объект оценки: «внешний вид животного – внешний вид человека», «поведение животного – поведение человека» *и т. п.*», «Текст должен быть структурирован по словесной организации: состоять из последовательности отдельных элементов (высказывание, реплика, абзац *и т. д.*), иметь композицию и др.»**.

Перечисленные лексические средства свойственны текстам институционального дискурса и являются средствами аргументации в СЛЭ. Данные аргументативные конструкции представляют собой дискурсивные формулы [2, с. 15] судебно-экспертного дискурса, что является одной из его констативных характеристик как институционального дискурса.

Таким образом, выявленные в текстах СЛЭ на лексическом уровне средства аргументации выступают как дискурсивные формулы и указывают на принадлежность текста к институциональному дискурсу.

Список использованной литературы

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / А. Н. Баранов. – М., 1990. – 48 с.
2. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
3. Попова, Т. П. Характеристики институционального дискурса / Т. П. Попова // Ист. и соц.-образоват. мысль. – 2015. – Т. 7, № 62. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-institutsionalnogo-diskursa>. – Дата доступа: 10.05.2022.

К содержанию

А. С. АЙМЫРАДОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к изучению лексических и фразеологических средств языка, используемых при передаче характеристики человека, т. е. к исследованию языка с точки зрения отражения в нем человека. Объектом исследования все чаще выступают именно характерологические единицы, т. е. такие единицы, которые содержат в своей семантике характеристику человека. В связи с этим представляется актуальным определение структуры лингвистической категории «характеристика человека» и выявление ее основных составляющих элементов.

Традиционно под характеристикой человека понимают «описание характерных, отличительных качеств и черт человека» [1, с. 27]. Методологической базой данного исследования является концепция Ю. Д. Апресяна, отраженная в работе «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» [2] и статьях А. В. Рачковской [6; 7].

Поскольку категории внешности и внутреннего мира в большинстве случаев – парные понятия, то «определение одного из них, как правило, содержит в себе отсылку и противопоставление другому. В этом смысле всякое определение (понимаемое как определёливание, установление семантических пределов, границ понятия) представляет собой отрицание противоположности» [3, с. 3], поэтому, чтобы описать внешность и внутренний мир человека, представляется необходимым рассмотреть их в противопоставлении, бинарной оппозиции, т. е. категория «характеристика человека» рассматривается в бинарной оппозиции (антонимии, противопоставлении), так как «бинарные оппозиции рассматриваются в научной литературе как универсальное средство познания действительности, лежащее в основе описания любой картины мира» [3, с. 4], в том числе как средство описания внешности и внутреннего мира человека.

В. П. Руднев трактует бинарную оппозицию как «универсальное средство познания мира, имеющее универсальный характер и лежащее в описании любой картины мира»: *жизнь – смерть, счастье – несчастье, правый – левый, хорошее – дурное, близкое – далекое* и т. д. Левая часть оппозиции считается всегда маркированной положительно, правая –

отрицательно [7, с. 48–49]. Рассмотрим репрезентацию внешнего и внутреннего мира человека через антонимические пары слов.

Материал исследования составили 92 пары прилагательных-антонимов, характеризующих человека по внешнему виду, отобранных из «Словаря антонимов русского языка» М. Р. Львова [4]. Семантическая классификация антонимов-прилагательных, характеризующих человека по внешнему виду, позволила выделить 12 групп:

1) антонимы, характеризующие лицо человека (16 пар), находящиеся в бинарных оппозициях «красивые черты лица – некрасивые черты лица», «полное лицо – худое лицо» и др.;

2) антонимы, характеризующие общий вид человека (11 пар), находящиеся в бинарных оппозициях «веселый вид – хмурый вид», «здоровый вид – болезненный вид» и др.;

3) антонимы, характеризующие взгляд человека (11 пар), находящиеся в бинарных оппозициях «веселый взгляд – невеселый взгляд» и др.;

4) антонимы, характеризующие то, как одет человек (11 пар), находящиеся в бинарных оппозициях «грязная одежда – чистая одежда», «свободная одежда – тесная одежда» и др.;

5) антонимы, характеризующие фигуру человека (10 пар), находящиеся в бинарных оппозициях «полный человек – худой человек» и др.;

6) антонимы, характеризующие физическое состояние человека (10 пар), находящиеся в бинарных оппозициях «здоровый человек – болезненный человек», «крепкий человек – слабый человек»;

7) антонимы, характеризующие рост человека (9 пар);

8) антонимы, характеризующие возраст человека (6 пар);

9) антонимы, характеризующие голос человека (3 пары);

10) антонимы, характеризующие улыбку и смех человека (3 пары);

11) антонимы, характеризующие глаза человека (1 пара);

12) антонимы, характеризующие волосы человека (1 пара).

По лексико-грамматической классификации все рассматриваемые в работе антонимы, характеризующие внешность человека, являются качественными именами прилагательными, по структурно-логической классификации являются однокоренными и соразмерными с приставками *не-* и *без-* и разнокоренными и соразмерными, по семантической классификации являются контрарными градуальными, образующими ряды, выражают дополнительность, являясь комплементарными. Прилагательные-антонимы, характеризующие внешность человека, не отличаются стилистическим многообразием: встретилось три пары прилагательных-антонимов, в которых одно прилагательное из пары дано с пометой *разг.* (разговорное).

Материал исследования составили 50 пар антонимических фразеологизмов, характеризующих человека по внешнему виду, отобранных из «Словаря образных выражений русского языка» под редакцией В. Н. Телия [8] и «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Федорова [9].

Семантическая классификация антонимических ФЕ, характеризующих человека по внешнему виду, позволила выделить шесть групп:

- 1) ФЕ, характеризующие телосложение человека (18 пар);
- 2) ФЕ, характеризующие рост человека (16 пар);
- 3) ФЕ, характеризующие внешность человека (6 пар), находящиеся в бинарной оппозиции «красивая внешность – некрасивая внешность»;
- 4) ФЕ, характеризующие человека по одежде (6 пар), находящиеся в бинарной оппозиции «аккуратно, со вкусом одетый – безвкусно, странно одетый»;
- 5) ФЕ, характеризующие лицо человека (3 пары), находящиеся в бинарной оппозиции «здоровое, красивое лицо – нездоровое, некрасивое лицо»;
- 6) ФЕ, характеризующие возраст человека (1 пара).

Семантическая классификация антонимических ФЕ, характеризующих внутренний мир человека, позволила выделить 10 групп:

- 1) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «прямота, искренность – угодничество, притворство, лицемерие» (31 пара);
- 2) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «хорошие интеллектуальные способности – отсутствие интеллектуальных способностей» (27 пар);
- 3) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «уважительная характеристика человека – отрицательная характеристика человека» (16 пар);
- 4) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «свобода действий – подчинение» (15 пар);
- 5) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «опыт – неопытность» (12 пар);
- 6) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «сходство, подобие – разница, отличие» (11 пар);
- 7) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «достаток – нужда» (11 пар);
- 8) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «мягкость, отзывчивость, доброта – злость, злобность» (11 пар);
- 9) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «ум, разум – непонятливость, глупость» (8 пар);
- 10) ФЕ, находящиеся в бинарной оппозиции «забота, ответственность – безответственность» (7 пар).

Таким образом, материал исследования показал, что пар прилагательных-антонимов и антонимических ФЕ, характеризующих внешность человека, в русском языке меньше, чем пар прилагательных-антонимов и антонимических ФЕ, характеризующих внутренний мир человека (92 пары – 50 пар и 121 пара – 149 пар соответственно), что говорит о том, что внутренний мир человека представлен в языке разнообразнее и шире, чем внешность.

Список использованной литературы

1. Андросова, С. А. Структура лингвистической категории «характеристика человека» [Электронный ресурс] / С. А. Андросова, Ю. Г. Синельников // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 27–31. – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2014/01/2014-01-05.pdf>. – Дата доступа: 05.10.2021.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
3. Григорьева, Т. В. Перцептивная оппозиция в русском языке как способ оценочной категоризации действительности [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Григорьева ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2019. – 377 л. – Режим доступа: https://bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/disrab/dissertaciya_grigorevoy_t.v.pdf. – Дата доступа: 21.03.2022.
4. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. – М. : Рус. яз., 1978. – 384 с.
5. Рачковская, А. В. Невербальные компоненты коммуникации и их отображение в естественных языках (типы семиотических отношений) [Электронный ресурс] / А. В. Рачковская // Вестн. БДУ. Сер. 4, Мовазнаўства. – 2003. – № 3. – С. 56–62. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/210117/1/56-62.pdf>. – Дата доступа: 30.09.2021.
6. Рачковская, А. В. Синестетическая метафора как способ представления невербальных компонентов коммуникации во фразеологии [Электронный ресурс] / А. В. Рачковская // Фразеологические единицы в семантико-грамматическом и этнокультурном аспектах. – С. 318–321. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/26207/1/B8.pdf>. – Дата доступа: 30.09.2021.
7. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 2009. – 543 с.
8. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова [и др.] ; под ред. В. Н. Телия. – М. : Отечество, 1995. – 368 с.
9. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеол. единиц / А. И. Федоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

К содержанию

А. С. АЛЕКСАХИНА

Тула, ТГПУ имени Л. Н. Толстого

Научный руководитель – О. Д. Вишнякова, д-р филол. наук, профессор

ГИПЕРТЕКСТ КАК ТИП ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Развитие информационно-коммуникационных технологий повлияло не только на жизнь человека, но и на информационную среду человеческой жизни в частности. Логическое, линейное и изначально стройное восприятие реальности под воздействием интернет-среды становится хаотичным и напоминает лабиринт. В нашу жизнь стремительно входит понятие *гипертекст*.

Термин *гипертекст* был предложен в 1965 г. Т. Нельсоном. Данным термином автор обозначал непоследовательные записи, которые согласуются со структурой мысли. П. И. Сергиенко отмечает, что гипертекст – это особая форма организации письменного текста, структуру которой на уровне смыслового содержания составляют гипотексты. Под гипотекстами автор понимает «минимально значимые единицы, обладающие семантической целостностью, простой текстовой формой и единым неразрывным внутренним содержанием» [1, с. 135].

О. В. Лутовинова отмечает, что в настоящий момент исследование гипертекста развивается в разных направлениях, таких как «гипертекст как объект лингвистического анализа, как новая лингвистическая категория» [2, с. 5] или «гипертекст как способ коммуникации и организации сетевого социального пространства» [2, с. 5]. Автор отмечает, что различные подходы к изучению гипертекста анализируют различные его аспекты, однако трактовка данного понятия схожа во многих исследованиях. Под гипертекстом понимают текст, который имеет специфическую структуру и представляет информацию в виде связанной сети.

Гипертекст по своей сути является информацией, а инструментом ее передачи в электронной среде выступает язык. В основе данного коммуникативного процесса лежит именно естественный человеческий язык, который в ряде случаев может приспособливаться к новым условиям своей реализации. Основными характеристиками гипертекста, которые отличают его от собственно текста, являются фрагментарность, нелинейность, бесконечность, разнородность, интерактивность.

Фрагментарность гипертекста заключается в том, что информация представляется в виде гнезд, структура состоит из звеньев и фрагментов, а начать читать гипертекст можно с любого звена.

Именно фрагментарность является основой нелинейности гипертекста. Если обычный линейный текст читается сверху вниз и слева направо, то гипертекст преодолевает линейную текстовую структуру. Фрагменты гипертекста связаны ассоциациями, и именно они помогают создать трехмерное пространство в гипертексте, которое ложится в основу его нелинейности.

Гипертекст невозможно прочитать целиком, он бесконечен, а границы его субъективны. Отсутствие четких границ гипертекста приводит к его разнородности. Однако при всей его разнородности гипертекст представляет собой целостную структуру, которая выражает единую точку зрения.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что гипертекст – это представление информации как связанной сети гнезд, в которых читатели свободны прокладывать путь нелинейным образом. Он допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя, расширенные работы с нечеткими границами и множественность путей чтения.

Список использованной литературы

1. Сергиенко, П. И. Смысловая связность и цельность гипертекста в англоязычном пространстве / П. И. Сергиенко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультур. коммуникация. – 2009. – № 4. – С. 134–139.
2. Лутовинова, О. В. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу / О. В. Лутовинова // Изв. ВГПУ. – 2009. – № 5. – С. 4–7.

К содержанию

Я. А. АЛЕКСЕЕНКО

Минск, БГУ

Научный руководитель – А. М. Бутырчик, канд. филол. наук, доцент

СПЕЦИФИКА РЕЦЕПЦИИ ПЬЕСЫ У. ШЕКСПИРА «ЗИМНЯЯ СКАЗКА» В РОМАНЕ ДЖ. УИНТЕРСОН «РАЗРЫВ ВО ВРЕМЕНИ»

В 2013 г. издательство «Хогарт Пресс» (*Hogarth Press*) инициировало запуск проекта «The Hogarth Shakespeare project», приуроченного к четырехсотлетней годовщине со смерти У. Шекспира (*William Shakespeare*, 1564–1616). Цель проекта – отдать драматургу дань памяти и пересмотреть роль шекспировского канона в современном литературном процессе. Проект объединяет таких англоязычных писателей, как Г. Джейкобсон (*Howard Jacobson*, род. 1942), Э. Тайлер (*Anne Tyler*,

род. 1941), Т. Шевалье (*Tracy Chevalier*, род. 1962), М. Этвуд (*Margaret Atwood*, род. 1939), Э. Сент-Обин (*Edward St Aubyn*, род. 1960). Примечательно, что первые участники проекта обратились к рецепции не великих трагедий, а проблемных пьес (*problem plays*): «Венецианский купец» (*The Merchant of Venice*, 1596), «Укрощение Строптивой» (*The Taming of the Shrew*, 1590–1592), «Буря» (*The Tempest*, 1610–1611). В каждой из них поднимаются актуальные проблемы: сексизм, расизм, ксенофобия, домашнее насилие и др. Сохраняя детали оригинального сюжета и действующих лиц узнаваемыми, участники проекта поместили их в современный контекст. К рецепции одной из таких пьес, «Зимняя сказка» (*The Winter's Tale*, 1611), обратилась британская писательница Дж. Уинтерсон (*Jeanette Winterson*, род. 1959), предложив новую версию истории в романе «Разрыв во времени» (*The Gap of Time*, 2015). В пьесе присутствуют элементы как комедии (пасторальные мотивы, карнавал, возвращение потерянных детей, в целом счастливый конец), так и классической трагедии (смерть, «реальная» и фикциональная, сумасшествие короля, мотив ревности, вражда друзей). Как отмечает писательница в романе, в «Зимней сказке» У. Шекспир возвращается к сюжету трагедии «Отелло» (*The Tragedy of Othello, The Moor of Venice*, 1604), однако на этот раз оставляет героиню в живых.

Действие кавер-версии шекспировского текста (такое обозначение произведению дала автор, разводя термин с адаптацией и пересказом), переносится из королевств Сицилии и Богемии в сегодняшние Лондон и Париж, а также в город под вымышленным названием Новая Богемия (*New Bohemia*), в котором угадывается южноамериканский Новый Орлеан. Дж. Уинтерсон сократила количество персонажей и перенесла на страницы романа наиболее значимых для сюжета действующих лиц, сохраняя их имена и характеры узнаваемыми: король Леонт превратился в Лео (Leo), владельца хедж-фонда «Сицилия», его жена Гермiona – во французскую певицу Мими (MiMi), в начале романа беременную и счастливую. Их сыну Мамилию соответствует любознательный мечтатель Мило (Milo), который любит проводить время на работе отца. Король Богемии Поликсен становится Ксено (Xeno), другом детства, дизайнером видеоигр нетрадиционной ориентации (так обыгрываются писательницей противоречивая дружба правителей и отсутствие в претексте жены Поликсена), у которого есть сын Зель, в жилах которого течет кровь африканских предков-рабов со стороны матери (Флоризель). Символические имя и роль Пердиты (Утраты) остались неизменными. Кроме того, такие второстепенные фигуры, как жена вельможи Антигона (прототип садовника Тони, сына иммигрантов из Мексики) Паулина (Paulina), Пастух (Shepherd) и его сын (в оригинале Clown) получили в современной версии развитие

и представляют расовые меньшинства, что позволило писательнице затронуть актуальную проблему расизма и расовых стереотипов. Паулина (Pauline) Дж. Уинтерсон – партнерша Лео по бизнесу, незамужняя женщина с разносторонним образованием примерно сорока пяти лет, еврейка. Джазовый музыкант Паст (Shep), потерявший жену, и Кло (Clo), которые находят Пердиту, – афроамериканцы из провинциального городка в Луизиане, следовательно, автор создает образ межрасовой семьи в романе и показывает предвзятое отношение окружающих к такого рода феноменам. Дж. Уинтерсон сохранила гротесковый характер фигуры плута Автолика (Autolycus), превращая его в остроумного еврея, продавца подержанных машин.

Композиция романа «Разрыв во времени» отчасти повторяет строение шекспировской пьесы: он делится на пять частей, однако действий только три, а вместо двух актов представлены антракты (intervals), которые напоминают лирические отступления, касающиеся проблематики и фабулы произведения. Примечательно, что в качестве названий большинства разделов (сцен) автор выбирает цитаты и аллюзии из «Зимней сказки» («I would not prize them without her love», «If this be magic...», «Music Wake Her», «Goads, thorns, nettles, tails of wasps», «Bawdy planet», «My life stands in the level of your dreams», «Strangely to some place», «Kites, ravens, wolves, bears», «Spider in the cup»), а также, например, отсылки к комедии «Виндзорские насмешницы» (*The Merry Wives Of Windsor*, 1602) и трагедии «Гамлет» (*The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*, 1603) – заголовки «Feathers for each wind» и «Ghost's that walk». Дж. Уинтерсон сохраняет основные повороты сюжета (обвинение Гермियोны в неверности, побег Поликсена, рождение Пердиты и ее потеря по вине Леонта, смерть Мамиллия, усыновление девочки пастухом, пасторальная влюбленность Пердиты и Флоризеля), но преподносит их не в хроноло-гическом порядке. Так, например, действие романа начинается с того, как Тони погибает в результате нападения грабителей и Паст находит девочку. Суд над Гермией заменяет насилие со стороны Лео, пережитое беременной Мими. Героиня сталкивается как с психологической, так и с физической травмой, метафорой которой является превращение в статую, что заставляет ее скрыться от мужа на долгие годы. Лео, в отличие от прототипа из пьесы У. Шекспира, не раскаивается и не признает свою вину. Стоит отметить, однако, что его ярость и ревность частично объясняются Эдиповым комплексом и подавленными сексуальными желаниями в соответствии с теорией З. Фрейда. Супруги не воссоединяются в конце: финал, несмотря на возвращение Пердиты и Мими, остается открытым.

Важный элемент рецепции – наличие элементов метатекстуальности в романе. Название произведения восходит к компьютерной игре,

созданной Ксено, персонажами которой становятся Лео, Мими и он сам (это позволяет вписать в современное повествование сказочные составляющие оригинала). В игре связываются виртуальная реальность, шекспировский универсум и художественный мир романа. Медиальным хронотопом избирается Париж XIX в., образ которого навеян творчеством французского поэта Ж. де Нерваля (*Gerard de Nerval*, 1808–1855). В тексте несколько раз упоминается У. Шекспир, герои обсуждают и цитируют отрывки из «Зимней сказки». Актерский дебют Мими – постановка по роману Дж. Уинтерсон «Книга силы» (*The PowerBook*, 2000). Заключение становится размышление писательницы о шекспировской пьесе и ее значимости.

Таким образом, роман Дж. Уинтерсон «Разрыв во времени», кавер-версия пьесы У. Шекспира «Зимняя сказка», является частью проекта, посвященного рецепции творчества драматурга в современной культуре. Писательница сохраняет основные сюжетные линии и персонажей, но сокращает количество последних и нарушает хронологический порядок. Действие переносится в современные Лондон и Париж, а также в вымышленный южноамериканский город Новая Богемия. Композиция романа отчасти повторяет структуру пьесы. В качестве названий разделов используются цитаты и аллюзии из шекспировских пьес. Дж. Уинтерсон углубляет второстепенных персонажей, делая их представителями меньшинств и поднимая проблему расовых стереотипов и дискриминации. Особенностью романа стало наличие элементов метатекстуальности.

Список использованной литературы

1. Winterson, J. *The Gap of Time: The Winter's Tale Retold* / J. Winterson. – London : Random House Publishing Group, 2016. – 288 p.

К содержанию

А. В. АНДРОСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ ПРИТЧИ С. ГЛУЩЕНКО «САД»

Жанр христианской притчи удивителен. Еще с давних времен первых проповедей Христа, о которых мы читаем на страницах Нового Завета, и до наших дней эти лаконичные образно-символические повествования назидательного содержания остаются значимыми и актуальными напутствиями для современного человека, пусть даже и далекого от христианского вероисповедания.

Во все времена мастера художественного слова продолжали слагать тексты, которые не являются простыми ни с точки зрения содержания, ни с точки зрения формы. Притча – это своего рода загадка, отгадку которой читатель должен найти, анализируя свою жизнь. Этим и объясняется то, почему названный жанр так сложен, но несравненно важен для истории и культуры не только литературы, но и человеческой жизни в целом.

Христианская притча «Сад», анализу которой посвящена данная статья, принадлежит перу Сергея Глущенко, писателя и публициста, автора пронзительных произведений в этом жанре (предложения в притче пронумерованы нами для удобства в проведении анализа).

Сад

1 И был там сад. 2 И множество удивительных деревьев в саду. 3 Цветы были на ветвях среди листьев, и плоды были на ветвях среди цветов.

4 Большие плоды были и маленькие, зеленые и спелые. 5 В одно время были на ветвях среди цветов.

6 И каждое утро, и каждый вечер приходил садовник в сад тот, и поливал деревья, и разрыхлял землю, и наполнял корзины свои, и собирал плоды – большие и малые.

7 И спросили у него:

8 – Зачем собираешь плоды? 9 Они могли бы еще подрасти...

10 – По спелости собираю их с ветвей, ведь бывает плод велик, но зелен еще, и оставляю его, а бывает мал, но спел.

11 Так ответил садовник.

12 И добавил: «Пора их пришла...»

Цель статьи – исследовать смыслы, заключенные в лаконичном тексте притчи на основе анализа опорных повторяющихся слов, а также важных образов-символов, с помощью которых автор актуализирует в своем произведении общечеловеческий, мировой контекст.

Художественное пространство задано автором в сильных позициях текста (заглавие, первое предложение) и отражено на уровне лексики, составляющей тематическую группу «сад»: имена существительные – *деревья, цветы, листья, на ветвях, плоды, земля, корзины, спелость*; имена прилагательные – *большие, маленькие, зеленые, спелые, велик, зелен, мал, спел*; глаголы – *поливал, разрыхлял, наполнял (корзины), собирал*.

Садовник изо дня в день ухаживает за садом: *6 И каждое утро, и каждый вечер приходил садовник в сад тот, и поливал деревья, и разрыхлял землю, и наполнял корзины свои, и собирал плоды – большие*

и малые. Краткие формы прилагательных в речи садовника (**10** – *По спелости собираю их с ветвей, ведь бывает плод велик, но зелен еще, и оставляю его, а бывает мал, но спел.*) отсылают читателей к церковнославянской литературе. При анализе псалмов, тропарей, кондаков и других богослужебных текстов отмечается преимущественное использование кратких прилагательных, которые придают текстам красоту, величие и назидательность: *дух прав, дух сокрушен* (Пс. 50); *премудры ловцы* (тропарь Троицы) и др. Именно так автор подсказывает своему читателю декодирование образа *садовника*, а также других символических образов, являющихся ключевыми в данном тексте.

Символ и аллегория для текстов в жанре притчи – источники смыслов, которые требуют от читателя активной интеллектуально-нравственной работы: «*Притчи разумные да не ускользают от тебя...*» (Мф. 11:15) [1, с. 35].

В ключевых лексемах притчи заключены не просто конкретные понятия художественной действительности, но актуализированы символы, наполняющие текст религиозно-философским смыслом. Сквозной нитью сопровождают повествование такие слова, как *сад – садовник – плоды*, что подтверждает стремление автора обратить внимание читателя на эти значимые *образы-символы*. Именно это мы наблюдаем в знакомых нам общекультурных текстах.

Образ *сада (виноградника)* широко представлен в восточнославянской литературе XVII в. Мастера слова эпохи барокко – поэт, богослов и проповедник Симеон Полоцкий, писатель и поэт Сильвестр Медведев, писатель и поэт, иеромонах Карион Истомина и др. – ощущали потребность ответить на вопросы, охватывающие значение Бога, мира и человека [2, с. 519]. Христианские писатели часто обращались к описанию *райского сада* как места встречи с Богом, средоточения духовных и моральных ценностей.

В поэтическом сборнике Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный» мы встречаем образы *плодоносящего, «мысленного», духовного сада* [2, с. 529–531]. *Плодоносящий сад* в сборнике связан с важной темой духовного преображения человека: восхождение к добродетели возможно только в *саду*. «*Мысленный сад*» Симеона Полоцкого – проповеди добра с пронизывающим ее мотивом искоренения зла и пороков. *Духовный сад* в стихах поэта осмысливается как образ души человеческой, а *садовниками* для него служат проповедники и духовники.

Представленные в восточнославянской литературе образы берут свое начало в текстах Евангелия. *Сад (виноградник)* как *Царствие Небесное* толкуется самим Иисусом Христом в Евангелии от Матфея, в тексте притчи о работниках в виноградниках: «Ибо Царство Небесное подобно

хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой...» (Мф. 20:12–16). В притче о злых виноградарях под *садом* понимается *церковь* и *народ иудей*: «Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои» (Мф. 20:33–41). Особое значение приобретает анализируемый образ в притче о неплодной смоковнице в винограднике, описанной в Евангелии от Луки (Лк. 13:6–9). Евангелист не отмечает толкование образа в данном тексте самим Христом, а потому в современной богословии он (образ) получил множественную трактовку: традиционно понимается не только как *церковь*, но и как *мир, земная жизнь*.

Образ *садовника (виноградаря)*, как мы уже отмечали, рассматривая тексты Симеона Полоцкого, может трактоваться как *проповедник* и *духовник*. Однако в ряде раннехристианских рукописей встречается и иное толкование этого образа. К примеру, во Флорентийской рукописи XII–XIII вв. есть рассуждение о том, что Христос явился Марии Магдалине в образе садовника, что тоже неслучайно.

Опираясь на изложенную философом мысль, мы можем перейти к рассмотрению образа *плода*. Частое толкование этого образа – *доброе дело, добродетель*. Нередко в текстах евангельских притчей плоды произрастают из *семени*, которое, в свою очередь, понимается как *Слово Божие*. В притче о сеятелях рассказывается о семенах, брошенных в «каменистые места», «терновник» и «добрую землю». Плоды дало лишь одно семя: «...иное упало на добрую землю и принесло плод» (Мф. 13:1–8). Православные святители в своих богословских трудах понимают этот образ так: *начало истинной, духовной жизни* (епископ Василий Кинешемский, «Беседы на Евангелие от Марка»); *христианское учение* (архиепископ Феофилакт Болгарский).

Следует отметить, что представленные образы в их библейском толковании актуальны и в текстах современных притчей, проповедей, духовных стихах и иных произведениях так называемой светской литературы.

Анализ ключевых лексем как общекультурных символов позволяет нам декодировать их и в тексте анализируемой притчи Сергея Глуценко. Сад в тексте – это наш мир, а плоды – мы сами, т. е. люди. Подобно плодам в саду, каждый из нас набирается сил, цветет и «спеет». И неизменно, с особой любовью, изо дня в день приходит в наш мир Садовник – Бог. Удивительно то, что расшифровка этих символов раскрывает перед читателем и другую смысловую истину, *идею*, которая выражена в тексте: Садовник ожидает нашего «*духовного созревания*».

Ключевые символы помогают нам раскрыть «тайный смысл» повествования – подтекст. Тема духовного поиска, «*созревания*» затрагивается во многих жанрах современной литературы, обращенной к человеку и его душе. Дорога к Богу – особенный путь для каждого человека. Его личный путь. Кто-то приходит к Садовнику – *в церковь* – с раннего детства (**10** *бывает плод... мал, но спел*), других же ожидает долгий, временами тернистый путь, и встреча с Ним затягивается, переносится (**10** *бывает плод велик, но зелен еще*), но рано или поздно случается. Но как садовник жаждет увидеть спелые плоды, так и Бог желает видеть каждого из нас спелым в Своем Саду, наполненном теплом и молитвой.

Конечно, мы не можем утверждать, что представленный в данной статье вариант толкования притчи С. Глущенко «Сад» является единственно верным. Однако глубокий анализ лексической стороны текста позволил нам увидеть трансформацию слов в образы, которые раскрывают общечеловеческий, мировой контекст притчи.

Список использованной литературы

1. Писарук, Г. В. Библейские тексты: взгляд ратора : учеб.- метод. пособие / Г. В. Писарук ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2010. – 69 с.
2. Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова ; Рос. акад. наук ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Яз. славян. культур, 2006. – 896 с.

К содержанию

Ю. А. АФАНАСЬЕВА

Минск, БГУ

Научный руководитель – А. М. Бутырчик, канд. филол. наук, доцент

ИНТЕРМЕДИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВА И МУЗЫКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗОРЫ НИЛ ХЕРСТОН

Модернистский дискурс XX в., определивший новый виток развития литературы в переходную историко-культурную эпоху, характеризуется частотным использованием новаторских экспериментов, затрагивающим как форму, так и содержание культурных артефактов. Сложность художественного произведения, определяемая через интертекстуальное взаимодействие литературных форм как между собой, так и с другими видами искусства, находит отражение в термине *интермедialность*. Он предполагает «организацию текста посредством взаимодействия средств художественной выразительности различных видов искусства и понимается как 1) особый способ организации художественного текста;

2) специфическая методология анализа и отдельного художественного произведения и языка художественной культуры в целом» [1, с. 3]. Понимаемая в качестве специфической формы диалога культур, осуществляемой посредством взаимодействия художественных референций [2, с. 149], интермедиальность способствует повышению уровня семиотичности литературы, ее продуктивности в размытых рамках медиакультуры.

Специфика восприятия окружающей действительности носителями афроамериканской культуры содействует взаимовлиянию музыки и аутентичной литературы на уровне формы и содержания. Песенные ритмы, сопровождавшие поработанных людей во время работы и отдыха, являлись средством противостояния социальной и культурной деперсонализации. Отсутствие базовой грамотности способствовало фиксации информации в памяти и ее устному распространению, что сказывается на поэтике позднейших письменных текстов. Словесное искусство обретает ритмические и стилистические черты специфических музыкальных жанров (госпел, блюз, джаз, свинг и т. д.). Аутентичная проза, транслирующая вписанный в менталитет код «вербальной музыки», выступает в качестве дополнительного источника смыслообразования.

Творчество Зоры Нил Херстон (*Zora Neale Hurston*, 1891–1960), афроамериканской писательницы, фольклориста и антрополога, проявившей себя в рамках культурного периода Гарлемского ренессанса (англ. Harlem Renaissance, 1920–1935), сосредоточено на поисках вернакулярной традиции и отображении потенциала аутентичной культуры средствами литературы. Фольклористка документирует песенное творчество жителей Флориды в этнографическом сборнике афроамериканского фольклора «Мулы и люди» (*Mules and Men*, 1935) и использует накопленный материал в художественных произведениях. Музыкальность ее прозы связана с певучестью афроамериканского вернакуляра, визуально отражаемого на письме. Инкорпорация специфических образов и мотивов в ее творчестве определяется языковым «чутьем» народа к ощущению ритма окружающего мира. Аутентичные музыкальные жанры, совмещающие африканскую и американскую культуры в разных пропорциях, влияют на архитектуру ее текстов, сопрягая ритмичность устной речи и импровизационное начало с актуальной тематикой афроамериканской жизни.

Полиритмичность и фрагментированность композиций, созданных в жанре блюза и джаза, частотность повторений с импровизациями соответствуют структуре полифонических модернистских романов Зоры Нил Херстон, специфике самоидентификации героев, их речи и характера взаимоотношений. Так, в автобиографическом романе «Тыквенное дерево Ионы» (*Jonah's Gourd Vine*, 1934) [3], содержащем джазовые черты, главный герой Джон Бадди Пирсон, афроамериканский проповедник, –

культурный гибрид-трикстер, совмещающий «африканские» (близость к природе, чувство ритма, талант оратора и импровизатора) и «европейские» черты (интерес к индустриальному прогрессу, жизнь в городе). «Джаз» героя отражается в нарративе в виде смешения вернакуляра и стандартного английского языка, вкрапления песенных строк и гибридных проповедей, имеющих особый словесный рисунок. Гармония индивидуального и коллективного в джазе включает жизнь героя в вопросно-ответную структуру коммуникации общества и позже изгоняет того. Ономотопея движения поезда, предмет восхищения героя и причина его смерти, – джаз индустриального опыта «нового Негра», который детерминирует структуру романа. В отличие от аутентичного звучания первого романа, последний, «Серафим на Сувани» (*Seraph on the Suwanee*, 1948) [5], посвященный жизни белой семьи в штате Флорида в середине XX в., демонстрирует продуктивность кросскультурных взаимодействий: дар главной героини Арвей, отраженный в джазовом таланте ее сына-музыканта Кенни, связан с усвоением южноамериканских музыкальных ритмов, сохранением и продвижением их на американской сцене. По мнению писательницы, такая популяризация является потенциальным алгоритмом продвижения и развития афроамериканской культуры [7, p. 101].

Наиболее известные романы Зоры Нил Херстон «Их глаза видели Бога» (*Their Eyes Were Watching God*, 1937) [6] и роман-осмысление библейской истории Исхода «Моисей, человек горы» (*Moses, Man of the Mountain*, 1939) [4] тесно связаны с эстетикой и поэтикой блюза. Полифония голосов героев становится реализацией характерного для жанра приема респонсорной переключки (англ. call-and-response). Характеристики героини первого романа Дженни, Ти Кейка, ее третьего мужа, и Моисея соответствуют образу блюзового певца (обособленность жизни, рефлексивность сознания, жестокость любви, медиация между аудиторией и духовным опытом, дар слова, импровизация). На уровне текста обоим романам присущи повторы нарративных конструкций, сочетание диалектов языка для реализации вокально-инструментального диалога, минорно-мажорная интонация. Путешествие Дженни к самой себе, трижды повторившееся замужество и обретение свободы, как и сорокалетнее скитание избранного народа по пустыне в поисках земли Обетованной, расценивается писательницей как акт импровизации, где внимание акцентируется на процессе повествования/перехода, важного для блюзовой композиции.

Таким образом, интермедальность творчества Зоры Нил Херстон соответствует устремлениям культурной элиты Гарлемского ренессанса к поиску продуктивных литературных стратегий популяризации афроамериканского искусства. Взаимодействие музыки и литературы детерминируют поэтику и тематику ее романов: отмечается сходство характеристики

главных героев с исполнителями музыкальных жанров, ритмические характеристики которых (политональность, фрагментарность, наличие повторов) детерминируют развитие сюжета и форму произведения. Используя элементы аутентичных музыкальных жанров, Зора Нил Херстон по-новому рассматривает опыт жизни народа, актуализируя его ритмический опыт взаимодействия с миром.

Список использованной литературы

1. Каркавина, О. В. Языковая реализация интермедийных отношений в творчестве Тони Моррисон: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. В. Каркавина. – Барнаул, 2011. – 19 с.
2. Тишунина, Н. В. Методология интермедийного анализа в свете междисциплинарных исследований / Н. В. Тишунина // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 18 мая 2001 г. – СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2001. – С. 149–154.
3. Hurston, Z. N. *Jonah's Gourd Vine* / Z. N. Hurston. – New York: HarperCollins, 1990. – 229 p.
4. Hurston, Z. N. *Moses, Man of the Mountain* [Electronic resource] / Z. N. Hurston. – HarperCollins, 2010. – Mode of access: <https://ru.scribd.com/read/163632528/Moses-Man-of-the-Mountain>. – Date of access: 10.05.2022.
5. Hurston, Z. N. *Seraph on the Suwanee* / Z. N. Hurston. – New York: Charles Scribner's Sons, 1948. – 330 p.
6. Hurston, Z. N. *Their Eyes Were Watching God* / Z. N. Hurston. – New York: Virago Press, 1986. – 298 p.
7. Montiel, M. K. *Music and Identity in Twentieth-Century Literature from Our America: Noteworthy Protagonists* / M. K. Montiel. – Palgrave Macmillan, 2014. – 241 p.

К содержанию

Е. А. БАКШАЕВА

Тула, ТГПУ имени Л. Н. Толстого

Научный руководитель – Н. А. Красовская, д-р филол. наук, доцент

ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Мышление порождается языком и выражается в речи. Человек социален – социален и язык. В его организации и в построении речи заложено понимание мира целым народом. На эту тему рассуждал создатель теоретических основ науки о языке, немецкий мыслитель-гуманист Вильгельм фон Гумбольдт в «Избранных трудах по языкознанию»: *«Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другой, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности»* [1].

Проведение специальной военной операции на территории Украины, ЛНР и ДНР также оставило след в системе мыслей человека, а следовательно, и в системе языка. Для исследования рассмотрим лексику интернет-изданий «Газета.ру» РБК и «РИА новости», а также телепрограмм «Время» и «Вести» на Первом канале.

В любом противостоянии есть как минимум две противоположные стороны, два конкурирующих мнения, которые СМИ должны отображать в заметках, обзорах и репортажах. С этим связано возникновение контекстных антонимов. Отправная точка в войне изложений – толкование первопричины конфликта.

Украинский Евромайдан 21 ноября 2013 г. Владимир Путин в своем обращении от 24 февраля этого года именовал *захватом власти*. Слово-сочетание – контекстный антоним к такому наименованию массовых протестов, как *революция достоинства*. В Украине это – официальное название Евромайдана. Для доказательства противоположности выражений проанализируем оценочные и эмотивные семы входящих в них слов. *Революция* (по МАС) – коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к переходу от исторически отжившего общественного строя к более прогрессивному [4]. *Захват* (по МАС) – это действие по глаголу *захватить*. А захватить – взять силой, овладеть [4]. Оба слова имеют оценочную сему «плохо», а эмоциональная их действительность выражается в неодобрении. Но в сочетании с *революцией* стоит *достоинство* (по МАС) – сознание своих человеческих прав, своей моральной ценности и уважения их в себе. Одобряемое и оцениваемое как «хорошо», оно придает словосочетанию характер положительный. В то же время *захват власти* указывает на жестокость, антигуманность действий.

Аналогична и антонимия таких выражений, как *специальная операция по защите*, о начале которой президент России оповестил в том же обращении, и *война* – слово, характерное переводам речи противоположных сторон и записям антиправительственных выступлений. *Операция* (по МАС) – совокупность боевых действий, объединенных одной целью, одним заданием [4]. *Война* (по МАС) – вооруженная борьба между государствами или общественными классами [4]. Идентичная ситуация – одинаковое восприятие понятий, так как они оба связаны с применением силы. Однако *защитить* (по МАС) – оградить от посягательства, нападения, неприязненных или враждебных действий и т. п. [4]. Следовательно, *специальная операция по защите* воспринимается журналистами и их читателями благородным действием. А именно так и будут действия на Украине именоваться во всех последующих материалах рассматриваемых медиаизданий.

Интересно противопоставление слов *уничтожение* и *зачистка*. Их используют как представители силовых ведомств, так и корреспонденты

для обозначения цели спецоперации. *Зачистка* (по Толковому словарю Ефремовой – освобождение, очистка местности от боевиков) имеет семы «хорошо», «одобрение» [2]. Позитивное восприятие дифференциальных сем этого значения и мотивированность прямым толкованием *зачистить* – сделать чистым, сняв часть поверхности, побуждают относиться к слову позитивно. При этом на второй план уходит скрытое в нем предполагаемое применение насилия. Что касается *уничтожить* (по МАС – прекратить существование кого-, чего-л.; истребить), слово содержит оценку «плохо» и «неодобрение». Кроме того, интенсивность его воздействия рассматривается как «очень».

Оппозиционные мнения также формируют два глагола, которыми именуется процесс перехода армии через границу. *Внедрение* и *вторжение* – популярные не столько на телевидении, сколько в текстовых изданиях понятия. *Вторгнуться* – насильственно войти, ворваться. *Внедриться* – проникнув, прочно утвердиться где-либо [4]. На этот раз совпадает архисема «перемещение». Однако второе слово нейтрально и в оценке, и в выражаемых эмоциях, а первое содержит семы «плохо» и «неодобрение». Их коннотации также разнятся. Для *вторгнуться* это «незаконное действие», «нечто разрушительное», а для *внедриться* – «засекретиться», «проявить находчивость, скрытность».

Помимо контекстных антонимов, информационное расслоение побуждает к возникновению ироничных и саркастичных метафор, которые в современных условиях приобретают оттенок политических. Последующий пример – много цитируемая фраза украинского посла в Германии.

Андрей Мельник в ответ на нежелание канцлера ФРГ Олафа Шольца посетить Украину назвал его «*обиженной ливерной колбасой*». Гипотез возникновения такой фразы две. Первая связана с отсылкой к русскому фразеологизму *деловая колбаса* (по «Большому словарю русских поговорок» Т. Г. Никитиной, В. М. Макиенко) – о деловой женщине, не желающей в данный момент развлекаться [3]. Почему именно ливерная? Это исконно-немецкий продукт. Вторая теория имеет объяснение более простое: выражение – перевод немецкой идиомы *Beleidigte Leberwurst*, по-русски звучащей как «*оскорбленная ливерная колбаса*». Точно известно одно: это одночленная метафора-существительное, несущая комичный характер.

«*Сами себе стрелять в ногу*» – эта фраза постпреда России при ЕС Владимира Чижова о «газовых» санкциях в отношении России проникла во многие заголовки текстовых СМИ. Политик заключил ею свою речь о невыгодных ограничениях РФ для самой Европы. Самому выстрелить в ногу – нанести бессмысленный урон, эта схожесть и послужила основанием для скрытого сравнения. Здесь уже представлена двучленная

метафора, с помощью которой достигается слитность впечатления. Функция – воздействие на воображение слушателя или читателя.

В самом первом обращении В. В. Путина касательно спецоперации также присутствовал рассматриваемый двучленный троп. Президент заявил, что на регионах мира, где процветает политика Запада, *«остаются кровавые, незаживающие раны, язвы международного терроризма»*. Перенос понятий осуществлялся на основании субъективного сходства последствий американского влияния с телесными повреждениями и дефектами. Оба явления вредят комфорту и безопасности.

Исследование лексических особенностей языка СМИ в период проведения спецоперации показало, насколько русский язык способен подстраиваться под разные мировосприятия социальных групп. Во времена глобального информационного расслоения и противоречия мнений только внимательность и умение обдумывать прочитанный или услышанный текст помогут выйти из заблуждений.

Список использованной литературы

1. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 364 с.
2. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 1222 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2008. – 784 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – 4 т.

К содержанию

М. В. БЕЛЕНЬКАЯ

Минск, БГУ

Научный руководитель – В. Ф. Толстоухова, канд. пед. наук, доцент

СЛЕНГ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Культура нации наиболее ярко отражается в живом языке. Выдающийся русский филолог Л. В. Щерба утверждал, что языковая жизнь главным образом происходит в разговорном языке отдельных человеческих группировок. Многие лингвисты разделяют его точку зрения и считают, что первичной языковой формой является именно разговорный язык, в то время как язык письменный и другие функциональные формы языка являются вторичными и производными от нее. Лингвистический феномен,

зародившийся в разговорной речи, можно справедливо назвать лингвокультурологическим явлением. Таковым феноменом и является сленг.

Термин «сленг» впервые появился на страницах словарей английского языка в начале XIX в. В то время он обозначал слова, не получившие статус литературных единиц. Данный термин имеет довольно спорную этимологию. Существует множество версий происхождения слова. Исследователи, придерживающиеся одной из них, считают, что сленг имеет англосаксонское происхождение. По другой версии слово *slang* является формой прошедшего времени глагола *sling*. Существует точка зрения о скандинавском происхождении термина *slang* [5, с. 119].

Некоторые ученые используют метафору и описывают сленг как «язык-бродягу, который слоняется в окрестностях литературной речи и постоянно старается пробить себе дорогу в самое изысканное общество» [4, с. 107]. В трактовках понятия *slang* часто встречаются слова и с негативной коннотацией. В подобных случаях можно обнаружить слова «вульгарный», «жаргонный», «неизысканный», «неправильный» и др. Существует и совершенно противоположная последней точка зрения на *slang*. Так, в словаре Вебстера сленгу приписана важная функция, а именно: делать язык живым и ярким. Неоднозначность трактовок свидетельствует о полисемантности этого феномена.

В данном исследовании вслед за О. С. Ахмановой мы будем понимать сленг как «слова, которые часто рассматриваются как нарушение норм стандартного языка. Это очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни» [2, с. 127].

Изучение сленга является непростой задачей. Трудности возникают на этапе поиска материала для исследования в связи с тем, что сленг употребляется в устной речи, а собрать необходимое количество устных текстов гораздо труднее, чем письменных. Однако сленг все больше и больше проникает в повседневную жизнь: его можно услышать с экранов телевизора, в разговорах людей на любую профессиональную тему, им пользуются люди разного возраста и статуса. Поэтому неудивительно, что проблема сленга привлекает внимание исследователей и на данный момент существует много работ, посвященных его изучению.

Например, сленг молодежных субкультур Америки и Англии (Г. Р. Андреева), студенческий сленг в английском и русском языке (И. О. Морозова), сленг программистов (Л. Ю. Королева), военный сленг (Р. А. Сайфутдинов), сленг хакеров и геймеров (П. А. Горшков), сленг подростков (Н. Ю. Титоренко), сленг в дискурсе интернет-технологий (Э. С. Карпов).

Одним из самых популярных методов исследования сленга является опрос носителей языка, поскольку они являются живыми источниками разговорного языка, в котором очень широко используется сленг. Так, в исследовании Г. Р. Андреевой «Лексико-семантические особенности специального сленга» были опрошены американские студенты с целью получения оценки «устаревания» сленга. Информантам был предложен ряд сленгизмов, использовавшийся в 60-х гг. прошлого века, а именно сленг таких распространенных в то время субкультур, как серферы и хиппи. Результаты опроса показали, что сленг серферов, субкультуры, существующей до сих пор, знаком опрошенным в большей мере, чем сленг хиппи [1]. По словам автора исследования Г. Р. Андреевой, это обусловлено нынешней популярностью первой субкультуры и исчезновением второй. Однако стоит принять во внимание тот факт, что исследование было проведено в 2003 г., и считать субкультуру хиппи исчезнувшей в нынешнее время не совсем корректно. В настоящий момент многие субкультуры возрождаются, что активизирует и формирование их собственного языка, и в частности сленга.

В исследовании, посвященном сленгу хакеров и геймеров в компьютерной среде, сленгизмы анализируются с точки зрения тематики, номинации и словообразования. Автор исследования П. А. Горшков проследил тенденцию так называемого языкового обособления группы. Знание компьютерного сленга позволяет носителям этого специального языка понимать друг друга с полуслова. Однако автор отмечает, что явление подобного языкового обособления свойственно практически всем профессиональным группам, а не только программистам. В исследовании также отмечается, что часто можно наблюдать такое явление, как переход сленгизмов в разряд профессионализмов, т. е. образование терминов от сленгизмов. Кроме того, в ходе исследования были выявлены стилистические характеристики данного специального сленга. Сленгизмы, создаваемые и используемые геймерами и хакерами, отличаются разговорной, грубо-фамильярной окраской [6].

Исследовать сленг можно не только с точки зрения социолингвистики. К примеру, О. Н. Мужикова в работе «Концепты цвета в картине мира английского сленга» предлагает рассматривать сленг с точки зрения когнитивной лингвистики. Объектом исследования выступают сленгизмы, использующиеся для цветообозначения.

В ходе выполнения работы автору удалось установить некоторые закономерности, сопровождающие вербализацию и концептуализацию цветообозначающих сленгизмов. Например, была установлена схожесть в структуре концептов разных цветов: так, пять из девяти исследуемых концептов цвета своим ядром имеют понятие *drugs* [7].

В научной работе Э. С. Карповой было установлено, что сленг в жанрах интернет-дискурса актуализирует личность говорящего, маркируя его принадлежность коопределенной социальной и территориальной группе.

Сленг представляет большой интерес для филологов, потому что отражает живые процессы в языке. Незнание значений сленговых единиц может затруднить восприятие и понимание многих текстов устной и письменной речи. Всестороннее изучение сленга способствует устранению препятствий успешной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Андреева, Г. Р. Лексико-семантические особенности специального сленга (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / Г. Р. Андреева. – М., 2004. – 177 л.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
4. Гальперин, И. Р. О термине «сленг» / И. Р. Гальперин // Вопр. языкознания. – 1956. – № 6. – С. 107–114.
5. Гамов, А. Н. Термин «сленг» как предмет этимологического исследования / А. Н. Гамов // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : сб. ст. по материалам XXI Междунар. науч.-практ. конф. «Молодой исследователь: вызовы и перспективы». № 19 (21). – М. : Интернаука, 2016. – С. 16–18.
6. Горшков, П. А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете : автореф. дис. канд. филол. наук / П. А. Горшков ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2006. – 15 с.
7. Мужикова, О. Н. Концепты цвета в мире английского сленга : дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Мужикова. – СПб., 2016. – 204 л.

К содержанию

Д. В. БЛИЗНЮК

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Научный руководитель – А. М. Мезенко, д-р филол. наук, профессор

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОРТЕНСИОНИМОВ БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Внутри населенных пунктов присутствуют объекты, которые имеют собственные названия. Однако садоводческое товарищество не имеет статуса населенного пункта, представляя собой некоммерческую организацию, целью собственников которой являются возделывание земли и садоводство. Под хортенсионимом (от лат. ‘садоводческий’) следует понимать название любого топографического объекта в пределах садовод-

ческого товарищества, в основном названия *улиц, проездов, переулков, тупиков, линий*. Изучение структурных и словообразовательных типов хортенсионимов отдельных регионов является важной частью развития топонимики в целом. Онимы отдельных территорий отличаются друг от друга главным образом соотношением компонентов. За основу в нашей работе взяты хортенсионимы белорусско-российского и белорусско-украинского пограничья.

Для более точного анализа в нашей работе мы разделили хортенсионимы на две группы: в **I группу** мы включили онимы, находящиеся на территории севера, северо-востока Беларуси и севера, северо-запада России, во **II группу** – онимы, находящиеся на юге, юго-востоке Беларуси и севере Украины.

Под структурой географических названий, в том числе и хортенсионимов, мы понимаем их морфемный состав, словообразовательные и морфологические особенности, способность слов изменяться, сочетаться с определенными аффиксами, представлять собой основу для отдельных словообразовательных типов. Хортенсионимы создаются в языке с использованием его фонетических, морфологических, синтаксических особенностей. Следовательно, можно сказать, что структура топонимов отражает общие языковые закономерности, а форманты, участвующие в их образовании, являются типичными для языка структурными элементами (суффиксы *-н-*, *-ск-* и др.).

Существование хортенсионима в языковой системе предполагает его четкую структурированность, такое название включает в свой состав не менее двух элементов: географический апеллатив – номенклатурный термин (далее – НТ), а также имя собственное (далее – ИС). Отношения между компонентами равноценны отношениям внутри синтаксических сочетаний слов. С учетом количества компонентов и вида синтаксической связи между ними хортенсионимы можно классифицировать на **простые** и **сложные**. Для каждого разряда свойственно наличие определенного количества типов, которые можно выделить с учетом характера синтаксической связи между словами, части речи, грамматической формы. **Простые хортенсионимы** представляют собой названия, состоящие из двух компонентов, между которыми существует один вид связи. **Атрибутивный тип** – тип простых хортенсионимов, проприальным элементом которых является прилагательное, а синтаксической связью является согласование. По дополнительному словообразовательному признаку внутри атрибутивного типа выделяем семь моделей: 1) прилаг. с суф. *-н-* + НТ; 2) прилаг. с суф. *-ов(-ев-)* + НТ; 3) прилаг. с суф. *-ск-* + НТ; 4) непроизводное прилаг. + НТ; 5) сложное прилаг. + НТ; 6) конфиксальное прилаг. + НТ; 7) прилаг. с другими суф. + НТ. В нашей

работе будут рассмотрены особенности хортенсионимов белорусского пограничья с учетом их территориальных особенностей.

Анализ **I группы** хортенсионимов показал, что на территории севера, северо-востока Беларуси преобладает атрибутивный тип модели «прилаг. с суф. -н- + НТ» (1), что составляет 49 % (118 ед.) от общего количества хортенсионимов атрибутивного типа: *Пилотный проезд, Раздольная ул., Верхняя ул., Узорный пер., Лиричный проезд, Цветочная ул., Виноградная ул.* Данная модель является также самой продуктивной для онимов севера, северо-запада России (41,8 %; 67 ед.): *Урожайная ул., Весенний пер., Изумрудная ул., Дачная ул., Хвойная ул., Кристальная ул., Союзная ул.*

Модель «прилаг. с суф. -ов- (-ев-) + НТ» (2) находится на втором месте по степени распространенности на территории севера, северо-востока Беларуси (20 %; 49 ед.): *Вишневая ул., Садовая ул., Рябиновая ул., Яблонева ул., Грушевая ул., Межесвий проезд, Ласковый проезд.* Данная модель широко распространена на севере, северо-западе России (20,6 %; 33 ед.): *Ключевая ул., Луговая ул., Садовый проезд, Дубовая ул., Еловая ул., Ольховая ул., Жасминовая ул.*

Общее количество хортенсионимов модели «прилаг. с суф. -ск- + НТ» (3) на территории севера, северо-востока Беларуси достигает 7,9 % (19 ед.): *Улановичский проезд, Ветеранская ул., Шумилинский тупик, Деревенская ул., Ветеранский проезд.* На севере, северо-западе России – 15,6 % (25 ед.): *Хуторская ул., Орловская ул., Киевская ул., Севская ул., Московская ул., Майская ул.*

На долю модели «непроизводное прилаг. + НТ» (4) на территории севера, северо-востока Беларуси приходится 7 % (16 ед.): *Гладкая ул., Гладкий проезд, Простой проезд, Горячая ул., Горячий тупик, Тихая ул.* На севере, северо-западе России данная модель используется в 8,1 % номинаций (13 ед.): *Добрый пер., Новая ул., Веселая ул., Зеленая ул., Желтая ул., Оранжевая ул.*

Модель «сложное прилаг. + НТ» (5) на территории севера, северо-востока Беларуси представлена 1,6 % (4 ед.) названий: *Трудолюбивая ул., Придвинская ул.* На севере, северо-западе России данная модель встречается в 1,2 % (2 ед.): *Железнодорожная ул.*

Модель «конфиксальное прилаг. + НТ» (6) на территории севера, северо-востока Беларуси зафиксирована нами в 3,7 % (9 ед.): *Спокойная ул., Спокойный проезд, Спокойный пер., Приозерная ул., Заречная ул., Придорожная ул.* На севере, северо-западе России хортенсионимы данной модели единичны – 2,5 % (4 ед.): *Подлесная ул., Заречная ул.* При образовании хортенсионимов атрибутивного типа могут использоваться и другие

суффиксы (7). На территории севера, северо-востока Беларуси на долю данной модели приходится 10 % (24 ед.): *Механический тупик, Лужеснянская ул., Авиационная ул., Центральная ул., агрономическая ул.* На севере, северо-западе России данная модель также используется в 10 % (16 ед.): *Соловьинная ул., Светлая ул., Техническая ул., Гремячая ул.*

Таким образом, анализ собранного материала показал преобладание на данной территории хортенсионимов атрибутивного типа с суфф. *-н-* (1), с суфф. *-ов-/-ев-* (2). Хортенсионимы модели 3 (с суфф. *-ск-*) являются менее распространенными, другие модели встречаются спорадически.

Рассмотрение структуры хортенсионимов **II группы** позволило нам прийти к выводу, что на юге, юго-востоке Беларуси преобладает атрибутивный тип модели «прилаг. с суфф. *-н-* + НТ» (1), составляющий 44 % (74 ед.) от общего числа хортенсионимов данного типа: *Лесная ул., Молодежная ул., Совхозная ул., Озерная ул., Звездная ул., Лунная ул., Крайняя ул.* Данная модель является продуктивной для онимов севера Украины (28 %; 35 ед.): *Ягодная ул., Восточная ул., Земляничная ул., Орхидейная ул., Подборная ул., Черничная ул., Карьерный пер.*

Модель «прилаг. с суфф. *-ов- (-ев-) + НТ*» (2) находится на втором месте по степени распространенности на юге, юго-востоке Беларуси (32,7 %; 55 ед.): *Ромашковая ул., Трудовая ул., Боровая ул., Абрикосовая ул., Полевая ул., Луговая ул., Сиреневая ул.* Данная модель является самой продуктивной при образовании хортенсионимов атрибутивного типа на севере Украины (44 % (55 ед.)): *Яблонева ул., Ольховая ул., Сосновая ул., Ожиновая ул., Лучевая ул., Малиновая ул., Березовая ул.*

Модель «прилаг. с суфф. *-ск-* + НТ» (3) на юге, юго-востоке Беларуси представлена 6,5 % (11 ед.) наименований: *Братская ул., Сожская ул., Брестская ул., Гомельская ул., Гродненская ул., Минская ул.* На севере Украины распространенность данной модели составляет 3,2 % (4 ед.): *Антоновская ул., Майская ул.* Модель «непроизводное прилаг. + НТ» (4) на юге, юго-востоке Беларуси встречается в 3,5 % (6 ед.): *Тихая ул., Новая ул.* На севере Украины – 3,2 % (4 ед.): *Зеленая ул.* Нахождение модели «сложное прилаг. + НТ» (5) на юге, юго-востоке Беларуси выявлено в 1,1 % (2 ед.): *Железнодорожная ул., Профсоюзная ул.* На севере Украины данная модель была зафиксирована в 7,3 % (9 ед.): *Синеозерная ул., Восточно-Дальняя ул., Лесо-Степная ул., Лесо-Степной тупик.*

Модель «конфиксальное прилаг. + НТ» (6) на юге, юго-востоке Беларуси отмечена нами в 3,5 % (6 ед.): *Заречная ул., Набережная ул.* На севере Украины данная модель установлена в 5,6 % (7 ед.): *Затишная ул., Межозерная ул., Набережная ул., Смежная ул.*

При образовании хортенсионимов атрибутивного типа могут использоваться и другие суффиксы (7). Таких номинаций на юге, юго-востоке Беларуси 8,3 % (14 ед.): *Центральная ул., Песчаная ул., Химическая ул., Геодезическая ул., Тенистая ул.* На севере Украины данная модель представлена в 7,3 % (9 ед.): *Счастливый пер., Дружественный пер., Журавлиная ул., Наводницкая ул.*

Для именованя объектов в садовых товариществах белорусско-русского и белорусско-украинского пограничья характерно использование **атрибутивного** структурного типа: для I группы хортенсионимов – 67,5 % (399 ед.) от общего числа простых названий, для II группы – 50,5 % (291 ед.), а также **нумеративного** типа: для I группы хортенсионимов – 29 % (171 ед.) от общего числа простых названий, для II группы – 45,1 % (260 ед.).

Сложные хортенсионимы представляют собой названия, состоящие из трех и более слов. Разряд такого вида онимов формируют четыре группы структур: нумеративно-смешанные, генитивно-смешанные и атрибутивно-смешанные.

Для хортенсионимов белорусско-русского и белорусско-украинского пограничья характерно использование нумеративно-атрибутивного структурного типа: для I группы хортенсионимов – 98,8 % (425 ед.) от общего числа сложных названий: *1-я Агрономическая ул., 4-я Трансформаторная ул., 5-я Приветливая ул., 6-й Энергичный проезд, 14-й Раздольный проезд, 2-я Механическая ул.*; для II группы – 94,8 % (130 ед.): *1-я Автомобильная, 2-я Автомобильная, 1-я Центральная, 2-я Центральная, 3-я Центральная.*

Список использованной литературы

1. Ономастика Беларуси. Топонимия : учебник / А. М. Мезенко [и др.] ; под ред. А. М. Мезенко. – Минск : РИВШ, 2018. – 320 с.
2. Мезенко, А. М. Урбанономия Белоруссии / А. М. Мезенко ; под ред. П. П. Шубы. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
3. Мезенко, А. М. Хортенсионим как вид топонима: статус, особенности функционирования / А. М. Мезенко // Учен. зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Филол. науки. – 2014. – № 1 – С. 75–79.

К содержанию

В. І. БОБІЧ

Брэст, Бр ДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

**МОЎНЫЯ АДЗІНКІ ВЁСКІ ОСАЎЦЫ ДРАГІЧЫНСКАГА
РАЁНА З НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЙ СЕМАНТЫКАЙ**

Беларусы, як і іншыя народы, спрадвеку мелі багатую культурна-гістарычную і моўную спадчыну. Аднак гэта спадчына не заўсёды даходзіла да малодшых пакаленняў па пэўных прычынах, адной з якіх з’яўляецца незафіксаванасць у пісьмовых крыніцах. Вяртанне і захаванне многіх гістарычных каштоўнасцей з’яўляецца сёння адной з асноўных задач грамадства.

Да моўных адзінак, што валодаюць нацыянальна-культурнай семантыкай, адносяцца мікратапонімы. Яны належаць да той часткі мовы беларускага народа, якая адрознівае яго ад іншых славянскіх народаў, выяўляе самабытнасць маўлення нацыі.

Мікратапонімы ўяўляюць сабой вялікую каштоўнасць, бо ў іх замацавана памяць народа пра мінулыя гады, пра падзеі, жыццё і быт народа, яго культуру і характар. Кожны мікратапонім пэўнай мясцовасці індывідуальны і непаўторны. Гэта яскрава праяўляецца ў яго паходжанні і семантыцы.

Мікратапонімы змяшчаюць інфармацыю аб прызначэнні мясціны, яе знешніх асаблівасцях, дапамагаюць арыентавацца на мясцовасці. Адметна, што практычна ўсе куточки нашага роднага краю мелі назвы. Гэта сведчыць, што нашы продкі любілі сваю зямлю, ведалі яе да драбніц.

Намі сабраны мікратапонімы вёскі Осаўцы Драгічынскага раёна. Большасць занатаваных моўных адзінак выразна матывуецца, што дазваляе вылучыць тыпы мікратапонімаў у залежнасці ад іх матывавальнай асновы.

I. Мікратапонімы, суадносныя з паняццем «чалавек».

1) Матываваныя антрапонімамі (імя, прозвішча, мянушка):

– *Бабрынскі ліс* – лес; названа гэта месца так таму, што раней там жыў чалавек па прозвішчы Бабрынскі.

– *Валер’янов ліс* – раней каля лесу стаяла хата Валяр’яна.

– *Грыцёв хутор* – на тым месцы жыў дзед Грыць.

– *Канюшэвічова* – поле; раней была зямля пана Канюшэвіча.

– *Міховічов выгон* – выган; назва ўтворана ад прозвішча Міховіч.

– *Павлюковы дірван* – поле; назва паходзіць ад імя ўладальніка Паўлюк.

– *Федзькова* – урочышча; раней быў хутор, на якім жыў кравец Федзька.

– *Хутор Гутóвскога* – раней там жыў род Гутоўскага, які валодаў Асавецкім маёнткам у XIX ст.

– *Юрашэвічы сажалкы* – уласнікам сажалак быў чалавек па прозвішчы Юрашэвіч;

2) матываваныя ўзростам людзей:

– *Дытяча* – гара, на якую зімой дзеці ходзяць катацца на санках;

3) матываваныя назвай міфічнай істоты:

– *Чортовы ворта* – месца паміж двух дрэў, праз якія, кажуць, нельга праходзіць.

– *Чортова дарога* – дарога праз поле, па якой нельга ісці ноччу, таму што можна доўга блукаць.

II. Мікратапонімы, суадносныя з паняццем «ландшафт».

1) Матываваныя гідралагічнымі тэрмінамі:

– *Булото* – месца каля вёскі, дзе раней было балота, якое пасля асушылі.

– *Крыныця* – месца, дзе б’е ключ вады;

2) матываваныя паняццем «расліна»:

– *Бэрэзкі* – поле, на якім раней было шмат бяроз.

– *Дубкі* – частка лесу, дзе расце шмат дубоў.

– *Зэлэныця* – месца, у якім заўсёды расце шмат зялёнак.

– *Ромашкова гора* – гара, на якой расце многа рамонак.

– *Соснывка* – месца недалёка ад вёскі, дзе раней раслі сосны. У час Вялікай Айчыннай вайны немцы загадалі некалькім мужчынам капаць у гэтым месцы вялікую магілу – адну на ўсіх жыхароў вёскі – за тое, што партызаны забілі аднаго немца. Аднак расстрэлу не адбылося, усіх выратаваў вясковы святар Антон Аляхновіч.

– *Чорна бэрэза* – невялікае ўзвышша, на якім расце чорная бяроза;

3) суадносныя з паняццем «рэльеф»:

– *Гора* – поле, якое знаходзіцца на ўзвышшы.

III. Мікратапонімы, звязаныя з лакалізацыяй аб’екта ў прасторы.

1) Суадносныя з назвай-арыенцірам «за + аб’ект»:

– *Загáтце* – месца, якое знаходзіцца «за гаццю».

– *Загúмнэ* – месца за хлявамі, за гумнамі.

– *Залéска* – поле, якое знаходзіцца за лесам;

2) суадносныя з паняццем «пад + аб’ект»:

– *Подліссе* – поле каля лесу.

IV. Мікратапонімы, матываваныя іншым тапонімам.

– *Білыньскэ озэро* – возера, якое знаходзіцца паміж вёскамі Осаўцы і Белін, але размяшчаецца бліжэй да Беліна.

V. Мікратапонімы, матываваныя назвай жывёлы, птушкі.

– *Буснявка* – луг, на якім збіраюцца буслы.

– *Зайцова / Зяча гора* – гара пасярод вялікага сасновага лесу. Назву ёй далі паляўнічыя, таму што там было многа зайцаў.

– *Коршуновэ* – поле, над якім часта лятаюць каршуны.

– *Коршуновэ* – дрэва, на якім сядзяць і хаваюцца каршуны;

VI. Мікратапонімы, матываваныя характарыстыкай аб'екта.

– *Вылыкі ліс* – лес значных памераў.

– *Малы ліс* – меншы па памерах лес.

– *Круг* – месца у канцы вёскі, дзе збіраецца моладзь.

– *Кукурузнэ* – поле, на якім садзілі кукурузу.

– *Остроў Кохання* – лес, што знаходзіцца недалёка ад вёскі; у ім было балота, пасярод якога стаяў вялікі дуб, які з-за старасці ажно разваліўся на дзве часткі, а дзірка паміж гэтымі часткамі нагадвала форму сэрца.

– *Копіці* – поле; раней сенажаць, дзе стаялі стагі сена.

– *Мулявка* – вельмі гразкае месца.

– *Погорілэ* – поле, на якім некалі гарэла сена.

– *Выгон* – месца, куды жыхары выганяюць кароў.

VII. Нематываваныя мікратапонімы.

– *Звоніця* – лес.

– *Фэліца* – частка вёскі.

Як бачым, мікратапонімы выступаюць надзвычай адметнымі матываванымі назвамі. У іх сканцэнтравана разнастайная інфармацыя пра жыццё нашых продкаў, іх дзейнасць, цесна звязаную з зямлёй. Мікратапонімы розныя па часе ўзнікнення і па ступені ўжывання. Асаблівую цікавасць выклікаюць тыя назовы, што выступаюць носьбітамі інфармацыі пра светаўспрыманне народа.

К содержанию

И. Д. БОГУНЬ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ПУНКТУАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Пунктуация представляет собой сложную и богатую систему, и индивидуальность в использовании знаков препинания заключается не в пренебрежении их традиционными правилами, а в их обогащении. Такое «искажение» способствует созданию эффекта неожиданности и новизны, что позволяет автору привлечь и удержать внимание читателя к тексту.

Н. С. Валгина отмечает: «Знаки не только членят текст, но и сами несут смысловую, эмоциональную и модальную информацию» [1]. Основной функцией «авторских» знаков препинания является смысловая актуализация авторского замысла. Пунктуационные средства у М. И. Цветаевой в первую очередь подчинены поэтике текста, подчеркивая множество одновременных эмоций, спор мыслей между собой. Она словно играет с существующими нормами и тем самым создает свой неповторимый стиль письма.

Рассмотрим частоту и особенности употребления тире, восклицательного и вопросительного знаков в поэзии и прозе М. И. Цветаевой на материале Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [3].

Данные по частоте использования М. И. Цветаевой перечисленных знаков препинания в сравнении с корпусом в целом приведены в таблице. Поскольку в НКРЯ невозможен поиск знаков препинания, поиск проводился по опции «слово перед...».

Таблица – Доля слов, находящихся перед экспрессивными знаками препинания

Подкорпус	–	!	?
Поэзия Цветаевой	7,6 %	6,1 %	1,3 %
Проза Цветаевой	6,2 %	1,7 %	1,2 %
Поэзия весь НКРЯ	2,3 %	1,8 %	0,8 %
Проза весь НКРЯ	2,4 %	0,6 %	0,6 %

Как видно из таблицы, М. И. Цветаева использует все три знака чаще, чем в среднем по корпусу. Тире и восклицательный знак она употребляет втрое чаще.

Тире М. И. Цветаева использует не только в случаях, когда это предписывается правилами пунктуации. Довольно часто обнаруживается авторское тире:

– для выражения причинных отношений в бессоюзном сложном предложении (по действующим правилам требуется двоеточие): *«Ее выслала из Ялты полиция – ждали Царя и очищали Ялту от подозрительных личностей, а у Груши оказался подчищенный паспорт»* (Аля (Записи о моей первой дочери)); *Мне белый день чернее ночи, – Ушла любимая с другим!* («Мне белый день чернее ночи...» [Народные песни]);

– для выражения изъяснительных отношений в бессоюзном сложном предложении (авторский знак – тире с запятой; правила требуют двоеточия): *«Видела страшные сны, – летела с нью-йоркских этажей»* («О любви (из дневника)»);

– в сложноподчиненном предложении для выражения сравнительных отношений (вместо запятой): «*Стал гордец гордеца, молодец молодца Молотить – что овес на гумне!..*» («Робин Гуд и маленький Джон»); «*В клеветах своих гнездится – Что наук среди тенёт*» («Этери»);

– в сложноподчиненном предложении для выражения определительных отношений перед союзными словами *кто, что* при отсутствии указательного слова (вместо запятой): «*Много жил – кто в наши жил Дни: все дал, – кто песню дал*» («И не жалость: мало жил...»); «*– Надень – что снял, забудь – что знал...*» («Как распознаю я твой дом...» [Народные песни]);

– в сложноподчиненном предложении для выражения изъяснительных отношений перед союзным словом *что* при отсутствии указательного слова (вместо запятой): «*– Марина, вы думаете, меня Бог простит – что я так многих целовала?*» («Повесть о Сонечке»); «*Хоть бы знать – что говоришь!*» («Этери»);

– в сложноподчиненном предложении для выражения условных и уступительных отношений (обычно ставится запятая): «*Потому что, если она была – то это была моя судьба*» («Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым)»); «*Если б их песок не выпил – Был бы жемчугом поток!*» («Этери»); «*Как ни гнись, раба, под ношей – Клятой быть да битой быть!*» (там же);

– в сложноподчиненном предложении для выражения временных отношений (вместо запятой): «*Ног (ступни) не было, но и копыт не было: человеческие и даже атлетические ноги опирались на лапы, опять-таки львицыно-договы, с крупными, серыми же, серого рога, когтями. Когда он ходил – он стучал*» («Черт»); «*– И было что-то птичье в нас с тобой – Когда – ночь соловьиною тревожа – Мы обмирали – каждый над собой!*» («Июнь. Июль. Часть соловьиной дрожи...»);

– между подлежащим и сказуемым, выраженным формой изъяснительного склонения глагола (знак препинания не нужен): «*Вот-вот дом сорвется, как уже сорвалось – сердце*» (Дневниковые записи 1917–1941); «*Спи, труженица! Отдохни, певица! Ты – оттрудилась. Мой черед потеть...*» («Маме»);

– между подлежащим и сказуемым, выраженным местоимением или прилагательным (по правилам тире не ставится): «*Я не знаю, что такое – презренье*» («Слово о Бальмонте»); «*Настанет день, когда, смеясь и плача, В твои объятия снова кинусь я, И подтвердит мне поцелуй горячий, Что ты – моя!*» («Письмо любви»); тире может быть и перед отрицанием, хотя наличие отрицательной частицы препятствует постановке тире даже перед сказуемым, выраженным существительным «*Свет всюду бел, а мир – не мал!*» («Как распознаю я твой дом...» [Народные песни]);

– между компонентами составного именного сказуемого (тире не нужно): *«Тут же скажу, что я оказалась права, что она потом красавицей – оказалась и даже настолько, что ее в 1927 году, в Париже, труднобольную, из последних ее жил тянули на экран»* («Повесть о Сонечке»); *«Спасибо за то, что ствол Отдав мне, чтоб стать – столом, Остался – живым стволом!»* («Мой письменный верный стол...»);

– для выделения вводных конструкций (вместо запятой): *«Повинуясь какому-то внутреннему голосу, перехожу было на другую сторону, но в последнюю минуту – конечно – остаюсь»* (Дневниковые записи 1917–1941);

– следует отметить тире между сказуемым и прямым дополнением, выделяющее прямой объект, подчеркивающее его значимость: *«Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила – поэта»* («Мой Пушкин»); *«Я воспевала – серебро, Оно меня – посеребрило»* («Когда-то сверстнику (о медь...»)).

Тире может быть употреблено автором также с целью создания более мелодичного текста. Оно образует особый ритм во время чтения. Дж. Смит назвал такой знак «эмфатическое тире»: оно используется не столько как пунктуационный знак, сколько как диакритический значок в нотном тексте, и указывает на то, как стихотворение должно быть исполнено вслух [5]: *«Если ты хочешь абсолюта, иди к Венере – Милосской, Мадонне – Сикстинской, Улыбке – Леонардовской, если ты хочешь дать абсолютом»* (Отрывки из книги «Земные приметы»); *«Грудь – волне досада, стан – стволу – упрек. Милую целуя, я сорвал цветок»* («Милую целуя, я сорвал цветок...» [Бретонские народные песни]).

«В творчестве Цветаевой тире обладает множеством новых функций: это и знак неожиданности, и знак противопоставления, и знак, усиливающий акцент на определенном слове, и знак, который одновременно может выражать абсолютно противоположные чувства (гнев и радость, отчаяние и спокойствие)» [4]. Происходит акцентирование внимания читателя на определенном слове либо словосочетании: *«Сейчас Лиля – или Аля – или я сама – довела себя почти до слез. – Аля! Тебе один год, мне – двадцать один. Ты все время повторяешь: “Лиля, Лиля, Лиля”, даже сейчас, когда я пишу»* («Аля (Записи о моей первой дочери)»); *«С того конца залы – неподвижно как две планеты – на меня шли глаза. Глаза были – здесь. Передо мной стоял – Кузмин. Глаза – и больше ничего. Глаза – и все остальное»* («Нездешний вечер»); *«Лежит пещера – В блеске – белая на красном – Павою...»* («Пещера»).

В стихотворении «В седину – висок...» М. И. Цветаева сама упоминает знак «тире» и «любуется» им.

Как на знак тире –
 Что на тайный знак –
 Брови вздрагивают –
 Заподозришь?

Одним из стихотворений, иллюстрирующих особое отношение М. И. Цветаевой к тире, является «Расстояние». Автор нарочно разрывает самое первое и ключевое слово в произведении данным знаком:

Рас – стояние: версты, мили...
 Нас рас – ставили, рас – садили,
 Чтобы тихо себя вели
 По двум разным концам земли.

Такой прием в сочетании с четырнадцатью глаголами, начинающимися с *рас-*, подчеркивают невозможность дальнейшего воссоединения лирических героев, на их окончательный разрыв.

Отличием восклицательного знака от всех прочих является то, что это знак «чистой эмоции», т. е. он способен передать только эмоциональное состояние без каких-либо других отношений. Данный знак может подчеркивать как положительное отношение говорящего к предмету, так и отрицательное, в том числе любой степени эмоциональности.

Восклицательный знак М. И. Цветаева иногда использует в сочетании с парцелляцией, стремясь передать встревоженное состояние лирической героини, эмоции которой овладевают речью: «*Схватить его! Крепче! Любить и любить его лишь! Рвануть его! Выше! Держать! Не отдать его лишь!*» («Без зова, без слова...»).

Вопросительный знак демонстрирует широкий диапазон функциональных возможностей в тексте, данный знак проявляет себя как полифункциональный и может быть использован для передачи как логической, так и эмоциональной информации. С помощью вопросительного знака также оформляются эмоционально окрашенные повествовательные либо побудительные предложения.

Вопросительный знак М. И. Цветаева часто использует в риторических вопросах: «*Как Сонечка началась? В моей жизни, живая, началась?*» («Повесть о Сонечке»); «– *Как мог ты позабыть число? Как мог ты ошибиться в счете?*» («Все повторяю первый стих...»).

По мнению Е. М. Галкиной-Федорук, «экспрессивность – это те средства речи, которые делают ее выразительной, воздействующей, изобразительной, впечатляющей» [2]. Идиостиль М. И. Цветаевой отличается повышенной экспрессивностью, достигаемой в том числе активным использованием авторского тире, восклицательного и вопросительного знаков.

Список использованной литературы

1. Валгина, Н. С. Русская пунктуация: эмоциональность, модальность / Н. С. Валгина. – М. : МГУ, 1996. – 200 с.
2. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову в день его 60-летия / под общ. ред. проф. А. И. Ефимова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 103–125.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 20.01.2022.
4. Сафронова, И. П. Эстетические функции пунктуации в поэзии Марины Цветаевой (на материале циклов «Стихи к Блоку» и «Стихи к Пушкину»): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. П. Сафронова ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2004. – 23 с.
5. Смит, Дж. Взгляд извне : ст. о рус. поэзии и поэтике / Дж. Смит. – М. : Яз. славян. культуры, 2002. – 178 с.

К содержанию

В. П. ВАНДЗІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Г. А. Верамяюк, старшы выкладчык

ВЯЛІКАЯ ЛІТАРА Ў ВЕРШАХ СВЯТЛАНЫ ВАРОНІК

З самага пачатку чалавецтва шукае спосабы выказвання сваіх думак. Так з'яўляецца мова. Гэта інструмент, які неабходны людзям. Кожны з нас у сваім жыцці бачыў фартэпіяна, мажліва, нават націскаў на бялюткія клавішы і чуў мелодыю. Але націснуць можа кожны, а вось іграць... Так і з мовай. Ёсць людзі, якія валодаюць словам як майстры, ювеліры, у некалькіх радках яны змяшчаюць усе пачуцці і думкі. Яны карыстаюцца рознымі мастацкімі прыёмамі, у тым ліку зусім незвычайнымі для нас. Гэта як ігра на аргане сярод мноства скрыпачоў і піяністаў.

Тэмай нашага даследавання з'явілася вялікая літара як стылістычны прыём у паэтычных творах Святланы Варонік.

Святлана Аркадзьеўна Варонік нарадзілася 12 чэрвеня 1969 г. у вёсцы Кастровічы Слонімскага раёна Гродзенскай вобласці. Скончыла філалагічны факультэт Брэсцкага педагагічнага інстытута імя А. С. Пушкіна. Больш за 25 гадоў звязана з працай на філалагічным факультэце Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна: выкладчык кафедры беларускага літаратуразнаўства, загадчык адукацыйна-асветніцкага цэнтра імя У. А. Калесніка. Аўтар навуковых і навукова-папулярных артыкулаў, самабытная паэтка, вершамі якой можа ганарыцца не толькі Брэстчына. Вершы напісаны ў незвычайным стылі, і наўрад ці можна знайсці

аналагічныя творы ў сучаснай беларускай паэзіі. У 2019 г. у Святланы Аркадзьеўны выйшла новая кніга “Пацеркі даверу”, вершы якой і з’явіліся багатым матэрыялам для нашай працы.

Прапісная, або загалоўная, літара, як вядома, літара, якая павялічана ў памеры ў параўнанні з малымі літарамі. У некаторых выпадках яна мае асобную графему. Звычайна мы ўяўляем сабе напісаныя з такой літары ўласныя назвы, пачаткі вершаваных радкоў ці сказаў, загалоўкі. Між іншым ёсць процілегласць нашаму звычайнаму спосабу напісання, дзе ёсць пунктуацыйныя знакі, якія паказваюць на мяжу паміж сказамі, але няма вялікай літары. Такі стыль афармлення тэкстаў мае назву “лапслок” і выкарыстоўваецца вузкім колам людзей. Тут жа размова пойдзе пра нешта супрацьлеглае: вялікая літара прыцягвае ўвагу чытача да таго слова, якому аўтар надае асаблівы сэнс.

Вершы Святланы Варонік вызначаюцца пачуццёвасцю і выразнасцю. Асаблівасцю яе самабытнага стылю з’яўляецца выкарыстанне вялікай літары ў якасці мастацкага сродку. Яе незвычайныя вершы, на наш погляд, нагадваюць хоку – адзін з асноўных відаў японскай паэзіі.

Мы прааналізавалі шматлікія выпадкі (фактычны матэрыял складае каля 90 моўных адзінак) ужывання вялікай літары ў вершах дадзенага зборніка. Вылучаныя лексемы даюць магчымасць вызначыць некалькі тэматычных груп, якія аб’ядноўваюць лексіку:

- рэлігійную (*Раство Хрыстовае, шлях да Храма, прад Богам, Маці Божая Нястомнай Дапамогі, мой Божы, Вадохрышча, Анёл і інш.*), напрыклад:

*Святое Святло Тваё
светліць мне сэнс,
Маці Божая
Нястомнай Дапамогі... [1, с. 88].*

- філасофскую (*тваё Святло, Незалежнасць, Воля, Каханне, Слова, Цяпло, Бязмежжа, Любасць, Знак, першая Краса і інш.*), напрыклад:

*Ёсць толькі шлях,
Якім вярстуе Любасць...
Над Белым возерам
плыве у свет
санет
пра лета бабіна...
А ўслед,
бы птушкі пеўчыя душы,
ляцяць шчасліва журавы... [1, с. 3].*

• лексіку прасторава-часавай сферы (*гэта нашая Восень, стань Пачаткам (таксама можна аднесці і да філасофскай лексікі), Мяжа Мая, Шлях, Сцяжына, першы Дзень, Дзень Той, Апошні і інш.*), напрыклад:

З долу да курганоў
   Шлях
 І да крыжа
   Сцяжына [1, с. 37].

Паэтка выкарыстоўвае вялікую літару пры ўжыванні не толькі назоўнікаў, але і займеннікаў розных разрадаў, напрыклад:

Мне здаваліся дні ўсе
 з Табою імгненнямі.
 Без Цябе разумею
 Імгнення цану... [1, с. 28];

Гэта нашая Восень
 прывяла нас
 У Свой горад,
 дзе дажджы і травы,
 лісты на асфальце
 помняць сілу нашых слоў.
 Залатое маўчанне [1, с. 70].

Да асобнай групы можна аднесці словы “*Маці*”, “*Мама*”. Вялікая літара напісання гэтых намінацый з’яўляецца не толькі паказчыкам павагі да маці, але і выражэннем глыбока-таёмнай любові да яе:

Прарок не вернецца.
 Вяшчун –
 застаўся ў лесе.
 Ліра ў пыле.
 На дзідах – сіла гругання.
 ...Спаўе залежнасць немаўля.
 Няма Радзімы ў дзіцяці.
 Вяртаннем загалосіць *Маці* [1, с. 36];

Прымружылася слова мне:
 Почайна...
 Лік Божы ў вочы мне
 глядзіць адчайна...

Няўжо, няўжо
і ў гэтай хаце
я не пазнала
ў *Маме*
Маці... [1, с. 55].

Такім чынам, на наш погляд, выкарыстанне вялікай літары ў вершах Святланы Варонік не толькі вылучае асобныя словы ў радках, але і дапамагае выяўленню аўтарскіх інтэнцый і спрыяе больш глыбокаму пранікненню ў мастацкі свет паэткі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Варонік, С. Пацеркі даверу: вершы / С. Варонік. – Мінск: Кнігазбор, 2019. – 112 с.

К содержанию

В. П. ВАНДИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ ПОЭЗИИ

Язык – постоянно меняющаяся структура, стремящаяся соответствовать запросам и требованиям общества. Он становится инструментом, с помощью которого создаются прозаические и стихотворные тексты. С появлением технологий во все сферы нашей жизни проник Интернет – глобальная компьютерная сеть, объединяющая миллиарды пользователей. Не стал исключением и литературный процесс, где появились не только новые имена авторов, но и новые жанры сетевой поэзии.

Многообразие сетевой поэзии вместе со своими особенностями и стало материалом для данного исследования.

Чтобы разобраться, почему понятие «семантический сдвиг» актуализировалось в сетевой поэзии, нужно учитывать один фактор: усваиваемость информации поколением, выросшим с наличием Интернета, отличается от того восприятия действительности, которое существовало несколько поколений назад. Развивающаяся клиповость мышления является основным фактором появления в Сети не только средних, но и малых стихотворных жанров (пирожки, порошки, депрессяшки, филашки, артишоки и т. д.).

Каждый из упомянутых жанров микропоэзии имеет свои уникальные особенности и историю зарождения. Часто она начинается с 2000-х гг. и продолжается вплоть до текущего момента, следовательно, если такие стихи до сих пор существуют, то они по-прежнему привлекают внимание аудитории и являются актуальными если не с точки зрения формы, то с точки зрения содержания, так как их тематическая составляющая может быть очень разнообразной и злободневной.

Разнообразие содержания также обусловлено тем, что язык – многоуровневая система, и на разных уровнях языка существуют разные языковые единицы, которые могут изменяться в ходе процесса речи и не только. Как мы знаем, живым языком является лишь тот язык, словарный состав которого регулярно пополняется новой лексикой, т. е. языковая система такого языка не является закрытой.

Одной из самых распространенных жанровых единиц сетевой поэзии является так называемый «пирожок».

В данной малой стихотворной форме обнаруживается большое разнообразие случаев языковой игры. Это использование фразеологических единиц (*он предложил ей руку с сердцем / теперь он слышит двадцать лет / что он безрукий бессердечный / верни мне молодость козел*), многозначности лексемы (*олег хотел аделаиде / из автомата позвонить / а там цевьё приклад патроны / и новый лазерный прицел*), ссылок на прецедентные тексты (*у сони память как у рыбки / и ежедневно по утрам / наш костя слышал все вас знают / а я так вижу в первый раз*) и др.

Помимо пирожков, существуют порошки. Эта жанровая форма немного моложе той, о которой говорилось выше. Отличительная особенность порошка – резкая, усеченная рифмованная концовка. Такой прием в литературоведении называют пуантом. «Ритмическая модель порошка выглядит так: 9–8–9–2. Основное отличие (помимо усечения последней строки) от пирожков – в наличии рифмы. В порошках рифмуются вторая и четвертая строки. Темы, которые здесь становятся предметом рассмотрения, относятся к области как массовой, так и элитарной культуры» [1, с. 132].

Языковая игра в порошках, как и в пирожках, весьма разнообразна, что еще раз подчеркивает тот факт, что язык является весьма подвижной структурой. В порошках мы снова наблюдаем ссылки на прецедентные источники (библейские тексты), сочетающиеся с многозначностью лексемы (*шумели мы на всю камчатку / тут ной ламехович возник / крича по паре каждой твари / в дневник*); примеры окказионального словообразования, совмещенного с приемом каламбура (*куда пошел ежиха плачет / скотина дико оборзел / а еж все шел и дальше дико / бразел*); языковую

игру, основанную на контекстуальной синонимии (*да ваши бревна и соринки / любой достанет эскулап / сказал вытаскивая сваю / прораб*); использование песенных аллюзий (*забрав всю кассу буратино / с деньгами смылся в голливуд / скажите как его ребята / зовут*); склонение несклоняемых аббревиатур (*я не дышу не потому что / я не могу а просто влом / а / вы тут лезете зачем-то / с ивлом*) и др.

Еще один жанр сетевой поэзии, весьма богатый на случаи языковой игры, – депрессяшки. Депрессяшки, как правило, пишутся хореем, что и является их главным отличием. У депрессяшек нет усеченной концовки: все строки равны по количественно-слоговой составляющей.

Мы снова наблюдаем здесь ссылки на прецедентные тексты, но с альтернативной концовкой: *прекратил герасим / эту кутерьму / утопил хозяйку / накормил му му*; использование актуальной лексики (неологизмы в том числе): *под замком в темнице / взял меня ковид / приходи мой рыцарь / если ты привит*; метафоризация понятия: *наша жизнь не вечность / а короткий срок / за который съедет / бирка с рук до ног*; использование вербализованных мифологических концептов: *положила осень / листья на глаза / в ноябре оплата / переправу за*; использование фразеологических единиц: *в космосе мы были / и вне времени / но со звезд упали / в те же тернии* и др.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что семантический сдвиг в современной сетевой поэзии очень часто является следствием трансформации языковых единиц.

Трансформация языковых единиц – это такое преобразование языковых единиц, при котором цельная структура языковой единицы сохраняется, но при этом изменяется отдельный элемент этой структуры.

Возможность семантического сдвига предоставляет современным авторам огромное поле для творчества, что и используется в интернет-поэзии, которая является вербализованным воплощением языковой игры.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что новые жанры сетевой поэзии являются уникальной составляющей интернет-культуры, которая на данный момент времени может стать еще одной ветвью современного искусства, воздействующей на реципиента непосредственно, прямо, без каких-либо проводников.

Список использованной литературы

1. Петренко, С. Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой / С. Н. Петренко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 7 (92). – С. 129–135.
2. Поэтотрий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://poetory.ru>. – Дата доступа: 19.05.2022.

К содержанию

ВАН ДОХУА

Минск, БГПУ имени Максима Танка

Научный руководитель – Н. В. Соловьева, канд. филол. наук, доцент

КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КАК ФАКТОР ВЫБОРА ЛИЧНОГО ИМЕНИ В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Теории «Инь-Ян» и «Пяти Элементов» представляют собой основы китайского традиционного мировоззрения. Это древние способы познания мира, которые, помимо фэн-шуй, гадания и традиционной китайской медицины, используют в качестве философской основы во многих сферах современной жизни, например при имянаречении.

Особенности именования человека являются важной составляющей китайской культурно-языковой традиции. В современном китайском обществе на выбор имени влияет множество факторов, среди которых называют моду, благозвучие, семейные традиции [1]. Однако космологическому принципу – имянаречению в соответствии с принадлежностью человека к первоначалам «Инь» и «Ян» и к пяти первоэлементам – в этом кругу принадлежит особое место.

В традиционной китайской мысли «Инь-Ян» является культурной концепцией с глубоко проникающими корнями и далеко идущим влиянием: согласно философской традиции, все объекты во Вселенной принадлежат к одной из этих двух противоположных, но в то же время дополняющих друг друга категорий. Обычно «Ян» означает ‘мужской’, ‘сильный’ и ‘странный’, «Инь» означает ‘женский’, ‘мягкий’, ‘слабый’ и ‘ровный’. Все в природе имеет два противоположных свойства одновременно, т. е. «Инь» и «Ян» как единство противоположностей. Формирование, изменение и развитие всех вещей полностью зависят от движения «Инь» и «Ян».

Устройство языка также подчинено этому общему принципу: слоги китайского языка в зависимости от звукового состава также делятся на женские (слоги «Инь») и мужские (слоги «Ян»). Женские слоги – открытые, оканчивающиеся на слогообразующий гласный (*a, o, ai, ei* и т. д.). Мужские – закрытые, заканчивающиеся на носовую финаль (*an, en, ang, ing, ong* и т. д.).

Кроме того, на женские (ровные) и мужские (ломаные) делятся и четыре тона китайского языка. Женскими считаются первый (ровный $\bar{\quad}$) и второй (восходящий $\acute{\quad}$) тоны, мужскими – третий (падающий и восходящий $\check{\quad}$) и четвертый (падающий $\grave{\quad}$) [2, с. 157].

Примером может послужить антропоним *Ван Дапин (Wáng Dàpíng)*. Данное имя обладает собственной сигнификативной семантикой ‘очень

спокойный, умиротворенный' и может считаться гармоничным, так как в нем чередуются не только мужские и женские слоги (закрытый (*ang*) – открытый (*a*) – закрытый (*ing*), т. е. мужской – женский – мужской), но и тоны (восходящий (ˊ) – падающий (ˋ) – восходящий (ˊ), т. е. женский – мужской – женский).

Теория «Пяти элементов» является еще одной философской концепцией, созданной древними китайцами. Эта концепция рассматривает пять субстанций окружающего мира – золото, дерево, воду, огонь и землю – как основу для создания всех вещей во Вселенной и изменения различных природных явлений. Если категории «Инь» и «Ян» находятся в аспекте противоречия и дополнения, то между пятью элементами существуют отношения взаимопорождения и взаимопокорения. Развитие и изменение различных объектов природы являются результатом непрерывного движения и взаимодействия этих пяти субстанций.

«Взаимопорождение» («Сяншэн») пяти элементов подобно матери, рождающей ребенка: возникает чувство взаимной любви, что влечет за собой гладкие и благоприятные отношения. «Взаимопорождение» пяти элементов можно интерпретировать следующим образом: вода порождает дерево: трава и деревья должны орошаться дождем и росой; дерево порождает огонь: огню нужны дрова, чтобы поддерживать горение; огонь порождает землю: земля должна полагаться на солнечный свет и т. д.

Принцип «взаимопорождения» находит воплощение и при именовании ребенка: если имя отца содержит компонент «дерево», тогда имя ребенка должно соотноситься с «огнем»; если имя отца содержит компонент «огонь», тогда имя ребенка должно соотноситься с «землей» и т. д. Примером может послужить имя *Сун Чжу Си*, отца которого зовут *Чжу Сун* ('дерево'), а сына *Чжу Си* ('огонь') зовут *Чжу Цзай* ('земля'). Здесь на примере трех поколений одной семьи прослеживается принцип «взаимопорождения» первоэлементов: «дерево» создает «огонь», а «огонь» создает «землю», что означает непрерывное развитие, передаваемое из поколения в поколение.

В древнем Китае наличие у человека пяти первоэлементов определяли при помощи традиционной китайской медицины, нумерологии, а также на основе наблюдения за внешностью, определяя соотношение субстанций в соответствии со «Свойствами пяти элементов» – древней книгой, в которой говорится, что возникновение, развитие и изменение всех вещей в мире зависит от энергии Ци. В традиционной китайской медицине Ци является основным веществом, составляющим тело человека, и все физиологические функции и патологические изменения являются проявлениями движения и изменения Ци. В случае недостатка или избытка у человека какого-либо из пяти первоэлементов возникала необходимость

определенным образом сбалансировать некоторые из них. Восстановить баланс элементов можно было в том числе и при помощи имени: именование очень важно в глазах китайцев, ведь плохое имя может повлиять на судьбу ребенка.

Обычно используются следующие методы именованья в соответствии с концепцией «Пяти элементов»:

1) метод дополнения формы: на основе анализа содержания пяти элементов нужно определить субстанции, которые необходимо дополнить, и использовать слова, содержащие компоненты ‘золото’, ‘дерево’, ‘вода’, ‘огонь’ и ‘земля’ в структуре иероглифа, чтобы восполнить недостающие категории элементов. Например, анализируя такие факторы, как дата рождения человека, время рождения и т. д., делается вывод о том, что человеку не хватает «воды 水». Для «восполнения» этой субстанции можно использовать иероглифы, содержащие начертания «彡, 水».

2) метод дополнения значения: необходимо использовать прямое или косвенное (скрытое) значение китайских иероглифов, чтобы различать пять элементов, используемых в именах и т. д. В качестве примера можно привести антропоним *Шуяо*: если анализ времени рождения показывает недостаточное проявление у человека стихии огня, в имени желателен компонент со значением ‘огонь’. Помочь в этом случае может элемент имени *Яо*, потому что одним из переносных значений слова *Яо* в соответствии с концепцией «Пяти элементов» является ‘огонь’.

Кроме того, пять первоэлементов символически связаны с числами от 1 до 10: согласно традиционной теории, элемент «дерево» связан с числами 1 и 2 (1 – «дерево Ян», 2 – «дерево Инь»), «огню» подобным образом соответствуют 3 и 4, «земле» – 5 и 6, «металлу» – 7 и 8, «воде» – 9 и 10 [3].

Поскольку начертание имени составлено из штрихов в определенном порядке, антропоним можно представить как математическое отношение. По количеству штрихов в каждом иероглифе имени можно четко и просто установить числовую связь между ними и на этой основе узнать соотношение между «Инь» и «Ян» и пятью субстанциями.

Рассмотрим антропоним *Ло Сюэтин*. Имя *Сюэ* нуждается в помощи «воды», которая не «восполняется» у данного человека с помощью даты рождения. Поскольку с иероглифическим изображением, соответствующим понятию «снег», соотносится первоэлемент «вода», одним из наиболее подходящих сочетаний для *Сюэ*, которое буквально означает ‘благородный и белый’, является слово *Тин*, которое означает элегантность и красоту. Произношению [Luō, xiě, tíng] соответствуют тона (ровный (ˉ) – падающий и восходящий (˘) – восходящий (ˊ)), при этом произношение характеризуется благозвучием и ритмичностью. С графической точки

зрения такое имя также гармонично: иероглиф *Ло* имеет верхнюю и нижнюю структуру с 8 штрихами, иероглиф *Сюэ* имеет верхнюю и нижнюю структуру с 11 штрихами, иероглиф *Тин* имеет левую и правую структуру с 12 штрихами, при этом иероглифы красивы и легко пишутся.

Таким образом, несмотря на многотысячелетнюю историю, космологический фактор в выборе имени человека не только не утратил своей актуальности, но по-прежнему является одним из центральных в китайской культурно-языковой традиции.

Список использованной литературы

1. 陈彦伊、王雪娇. 中国人的姓名与社会文化特征 // 百度文库. (Чен, Яньи. Китайские имена и социальные и культурные особенности) [Электронный ресурс] / Чен Яньи, Ван Сюэцзяо // Библиотека Байду. – Режим доступа: <https://wk.baidu.com/view/5ecb227015791711cc7931b765ce05087732756e>. – Дата доступа: 07.05.2022.
2. 潘文国. 中外命名艺术[本文]潘文国. – 北京:新世界出版社, 2007. – 380. (Пан, Вэнго. Китайское и зарубежное искусство именования / Пан Вэнго. – Пекин: New World Press, 2007. – 380 с.)
3. 张仲景国,白红霞, 剧静宜, 臧文华. 阴阳概念源流梳理 – 《中华中医药杂志》 – 北京:中医杂志社. 2019年9月第34卷第9期. (Происхождение концепции Инь и Ян / Чжан Чжунцзинго [и др.] // Китайс. журн. традиц. китайс. медицины. – 2019. – Т. 34, № 9. – С. 4243–4245.

К содержанию

Е. А. ВЕРЕМЕЙЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. Ю. Яницкая, канд. филол. наук, доцент

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПОРТРЕТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАНИЛОВА И КОРОБОЧКИ

История создания «Мертвых душ» Н. В. Гоголя по-настоящему интересна. Автор хотел отобразить всю русскую душу с присущими ей пороками и добродетелями. В названии поэмы подчеркивается острая социальная проблема, так как в то время таких скупщиков «мертвых душ», как Чичиков, и таких продавцов, как помещики данного произведения, было великое множество. Поэма «Мертвые души» является ключевой в его творчестве. «“Мертвые души” – история болезни, написанная рукой мастера» [1, с. 406]. Именно так высказался А. И. Герцен об этой поэме. Н. В. Гоголь – один из самых загадочных писателей XIX в. Его творчество полно тайн и мистики и является очень интересным для исследования.

Т. Г. Шевченко говорил о Н. В. Гоголе: «Перед Гоголем должно благоговеть, как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самой любовью к людям... Гоголь истинный веститель сердца человеческого...» [3, с. 491]. **Цель** настоящей статьи – рассмотрение лексических средств создания портретной характеристики Манилова и Коробочки (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»).

При портретной характеристике **Манилова** Н. В. Гоголь использует большое количество **заимствованных слов**, которые следует разделить на заимствования из родственных языков (старославянизмы) и заимствования из далеких языков. Старославянизмы: *сладкий, наслаждение, супруг, искусник, чувства, любовь, сердце* и т. д. [здесь и далее цит. по 2]. Заимствования из дальних языков: итальянского: *грация, грациозно, конфетка*; французского: *сюрприз, прожект*; испанского: *сигара*; латинского: *деликатность, шелк*; польского: *чехольчик, рогожа*; древнеиндийского: *сахар*; тюркских: *бисер* и т. д. В ткани произведения органично вплетены **слова**, употребленные **в переносном значении**: устойчивые сочетания: *чистого сердца, лицо принимало самое довольное выражение, именины сердца* и т. д.; метафоры: *глаза делались сладкими* и т. д.; контекстуальные переносы: *доктор засластил немилосердно* и т. д. В тексте также находим **сравнения**: *зажмурил глаза, как кот; подобное той микстуре; глаза сладкие как сахар* и т. д. Достаточно частотны на страницах поэмы **эпитеты**: *милый человек, античными грациями, трогательно-нежным голосом, совершенную любовь, бисерный чехольчик, томный и длинный поцелуй, приятные минуты, учтивый помещик, приятная комнатка* и т. д. **Синонимические ряды** являются важным средством описания портрета Манилова: *приятный и добрый человек; томный и длинный поцелуй; очень обходительный и приятный человек; предпочтеннейший и прелюбезнейший* и т. д. Манилов использует много так называемых **вежливых слов**: *позвольте вам этого не позволить, сделайте милость, не беспокойтесь, пожалуйста, проходите, извольте проходить вы, нет уж, извините, пожалуйста, не затрудняйтесь, прошу покорнейше, удостоили нас своим посещением* и т. д. Это характеризует его как любезного человека. В тексте часто употребляется **слово поцелуй** – прикосновение губами к кому-, чему-л. как выражение приветия, любви, ласки, уважения [4, с. 508]: *томный и длинный поцелуй, продолжительные поцелуи, очень крепко поцеловались* и т. д. Это слово используется для того, чтобы показать, какой Манилов романтический человек. При анализе помещика Манилова можно обратить внимание на **цвета**, которые использует Н. В. Гоголь при описании этого героя. На первый взгляд это ничем не примечательные предметы, но заглянув в символику, можно раскрыть героя с новой стороны. Некоторый цвет употребляется не один и не два раза. Это говорит

нам о том, что степень проявления этого качества в разы больше остальных. Например, *желтые акации*. Желтый цвет способствует легкомысленному отношению к действительности. Манилов действительно кажется легкомысленным, он привык смотреть на все через призму розовых очков, не хочет замечать проблем, поэтому не акцентирует свое внимание на них. Ему даже не пришла мысль о том, что все проблемы можно решить, если приложить хоть малейшие усилия. Н. В. Гоголь часто употребляет определение зеленый при создании портрета Манилова. Например, *зеленым куполом, какой-нибудь зелени, в зеленом сюртуке* и т. д. Зеленый цвет означает жизнь, рост, гармонию и радость жизни. У Манилова именно такая жизнь. Он живет со своей семьей в просторном двухэтажном доме. Предпочитает курить трубку, так как это было модно в то время. У него счастливая семья: жена и два сына. Они с женой очень любят друг друга и, несмотря на восьмилетний брак, смогли сохранить чувства друг к другу. Автор использует серый цвет. Например: *серенькие избы, день светло-серого цвета* и т. д. Серый цвет символизирует спокойность, нейтральность. Манилов запустил свое хозяйство, не знает, сколько душ в его владении. Он не стремится улучшить условия труда. Крестьяне не страдают от своего помещика. Это происходит за счет спокойного нрава Манилова. Это тоже своего рода нейтральность. Н. В. Гоголь наделяет Манилова голубыми глазами. Голубой цвет также символизирует мечтательность.

В речи Манилова прослеживаются такие слова, как *милость, чувства, поцелуй* и т. д. Все объясняется семейным положением Манилова. У него есть жена, и они любят друг друга. Из него будто льются мелодией эти слова и тем самым описывается внутренняя окрыленность. В речи Коробочки много таких слов, как *собака, пес, щенок*. Это характеризует ее как одинокую женщину, которая хочет быть защищенной. Ведь по сюжету у Коробочки нет никого, кроме сестры. *Блины, припека, сметочка, мед, лук, картофель, ягоды* – все это названия продуктов питания. Автор использует их в большом количестве с целью подчеркнуть хозяйственность Коробочки. У Манилова не так подробно описана кухня (*щи, суп, хлеб* и т. д.). Манилов совершенно не занимался своими крестьянами, а Коробочка знала имя каждого с характеристикой. Именно поэтому в ее речи присутствуют антропонимы. В портретной характеристике Настасьи Петровны используются названия денежных единиц (*целковик, полтинник, четвертак*), чтобы подчеркнуть стремление Коробочки к накоплению, ее любовь к деньгам. Манилов использует много вежливых слов, а у Коробочки данная особенность поведения практически отсутствует.

Для создания портрета Настасьи Петровны **Коробочки** Н. В. Гоголь использует разнообразные лексические средства, но преобладают просторечные слова, слова разговорного стиля и устаревшие слова. Например,

просторечно-разговорные слова: *матушка, вишь, лихой, дюжий, ихний-то, торгаш, востроногий, выпучить, на диво, проклятый, ей-богу* и т. д. Коробочка – представитель старого поколения, и к тому же не совсем образованного. Для того, чтобы подчеркнуть это, Н. В. Гоголь вводит большое количество **устаревших слов**, например: *покорнейше, сударь, ахти, окаянный, изволь, целковик, четвертак, салоп* и т. д.

Лексические средства играют важную роль при описании портретов героев Н. В. Гоголя. На примере двух героев, таких как Манилов и Коробочка, можно проследить, что лексические средства подтверждаются в первую очередь гендерными особенностями, социальным статусом и возрастным диапазоном. Так, помещик Манилов, молодой человек, который был весьма мечтательным и старался следовать последней моде, предпочитал использовать слова иноязычного происхождения и тем самым проявлял свое стремление к величию. Коробочка же, наоборот, была пожилая старуха, поэтому в ее речи преобладают слова просторечной, разговорной лексики и устаревшие слова.

Список использованной литературы

1. Герцен, А. И. Избранные сочинения / А. И. Герцен. – М. : Гослитиздат, 1937. – 528 с.
2. Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – М. : Правда, 1984. – 495 с.
3. Епістолярій Тараса Шевченка : у 2 кн. / Ін-т літ. ім. Т. Г. Шевченка НАН України. – Харків : ФОЛІО, 2020. – Кн. 1 : 1839–1857. – 634 с.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1983. – 816 с.

К содержанию

М. А. ГАЛАХ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – З. П. Мельнікава, д-р філал. навук, прафесар

ТВОРЧАСЦЬ В. БЫКАВА Ў АЦЭНКАХ СУЧАСНЫХ ЛІТАРАТУРАЗНАЎЦАЎ

З дня заканчэння Вялікай Айчыннай вайны прайшло 77 гадоў, але яна працягвае адгукацца ў нашых сэрцах пякучым болем. Мы не павінны забываць пра смерць і пакуты мільёнаў людзей, пра жахі вайны. Беларускі народ асабліва драматычна перажыў вайну. Наша зямля амаль чатыры гады знаходзілася пад акупацыяй. Аднак беларусы не скарыліся. Хутка пасля пачатку вайны ў гарадах і вёсках разгарнулася супраціўленне фашызму, арганізаваўся падпольны і партызанскі рух. Сёння дакладна

вядома, што ў час вайны загінуў кожны трэці жыхар Беларусі. Трагедыя не абышла ні адну беларускую сям'ю. І таму тэма Вялікай Айчыннай вайны была і застаецца адной з найважнейшых у беларускай літаратуры.

Да тэмы вайны звяртаюцца пісьменнікі як старэйшага, так і маладзейшых пакаленняў. Асаблівая заслуга ў мастацкім даследаванні вайны як нацыянальнай трагедыі беларускага народа належыць народнаму пісьменніку Васілю Быкаву. Ваенныя гады сталі вырашальнымі ў станаўленні асобы пісьменніка, а таксама ў фарміраванні светапоглядных, ідэйных і маральных перакананняў. Ён юнаком трапіў на вайну. Пасля кароткатэрміновых курсаў афіцэраў-артылерыстаў малады лейтэнант В. Быкаў апынуўся на перадавой. Франтавы вопыт у пасляваенны час стаў падмуркам быкаўскай прозы, усяго мастацка-эстэтычнага свету яго твораў.

Пісьменнікам В. Быкаў стаў не адразу пасля вайны. Толькі ў 1949 г. у друку з'явіліся яго першыя апавяданні на рускай мове – “У той дзень” і “У першым баі”. Але сам пісьменнік лічыў гэтыя апавяданні толькі спробай пярэ.

Пачатак Вялікай Айчыннай вайны – складаная тэма і для сучасных гісторыкаў і пісьменнікаў. І ўсё ж менавіта да паказу гэтага перыяду вайны звярнуўся В. Быкаў у сваім першым значным творы – аповесці “Жураўліны крык” (1959). Акрамя гэтага твора, свет пабачылі яго аповесці, у якіх адбіўся ўласны франтавы вопыт пісьменніка: “Здрада” (1960), “Трэцяя ракета” (1961), “Мёртвым не баліць” (1965) і мн. інш. Пазней з'явіліся аповесці пісьменніка аб партызанскім змаганні ва ўмовах акупацыі і аб складанасці маральнага выбару чалавека.

Яшчэ на пачатку сваёй пісьменніцкай дзейнасці В. Быкаў адмовіўся ад панарамных твораў. Яго любімым жанрам стала невялікая аповесць з малой колькасцю герояў і вельмі сціслай, лакалізаванай у прасторы і часе падзейнасцю. Такая аповесць у крытыцы называецца *быкаўскай*. Вядома, што за сюжэт яго твораў былі ўзяты часцей за ўсё рэальныя падзеі, тое, з чым сутыкнуўся сам пісьменнік, які ў гады вайны быў маладым лейтэнантам-франтавіком.

У канцы 50-х – 60-я гг. проза В. Быкава стала набываць усё большы грамадскі рэзананс, заваёўваць усё шырэйшае кола чытачоў. У беларускай літаратуры былі напісаны многія творы, пазначаныя імкненнем іх аўтараў да праўдзівага адлюстравання подзвігу народа на вайне. Можна сказаць, што В. Быкаў у нейкай ступені паўплываў на творчасць іншых пісьменнікаў таго часу. Даследчыкі адзінадушна адзначалі, што творы В. Быкава прасякнуты пафасам праўды, яны адлюстроўваюць не толькі гераізм народа ў час вайны, але і трагізм чалавечых лёсаў са значна большай глыбінёй і псіхалагізмам, чым некаторыя ранейшыя творы.

Увосень 1943 г. В. Быкаву было прысвоена званне малодшага лейтэнанта. Яму давялося ваяваць на 2-м і 3-м Украінскіх франтах, удзельнічаць у баях за Крывы Рог, Александрынку, Знаменку. Ён мужа змагаўся за свабоду, быў двойчы паранены. У 1944 г. бацькі В. Быкава нават атрымалі паведамленне, што іх сын загінуў у баях з нямецка-фашысцкімі захопнікамі каля Кіраваграда (гэта было засведчана і на абеліску), але пісьменнік выжыў і ваяваў далей.

Калі ў В. Быкава пыталі, ці страшна было на вайне, ён заўсёды гаварыў так: “Вядома баяўся, а, можа, часам і збаяўся. Але страху на вайне шмат, і яны ўсе розныя. Страх перад немцамі – што маглі ўзяць у палон, застрэліць; страх з-за агню, асабліва артылерыйскага або бамбёжак. Калі выбух побач, так, здаецца, цела само, без удзелу розуму, гатова разарвацца на кавалкі ад дзікіх пакут. Але быў жа і страх, які ішоў з-за спіны – ад начальства, усіх тых карных органаў, якіх у вайну было не менш, чым у мірны час” [6].

Да асобы пісьменніка В. Быкава і яго твораў звярталіся многія даследчыкі. Сярод іх – С. Андраюк, І. Афанасьеў, Д. Бугаёў, В. Каваленка, В. Локун, З. Мельнікава, А. Мельнікаў, А. Сульянаў, М. Тычына і мн. інш.

Грунтоўнай і каштоўнай з’яўляецца праца Д. Бугаёва “Васіль Быкаў: Нарысы жыцця і творчасці”. Аўтар дасканала прааналізаваў, высока ацэньваў творы пісьменніка і слухна пісаў: “Васіль Быкаў прыйшоў у літаратуру, адчуваючы сябе абавязаным расказаць пра тое, як нялёгка давалася перамога, якія гераічныя намаганні мільёнаў людзей спатрэбіліся для таго, каб здабыць яе ў агні зацятых бітваў. І само гэтае адчуванне, якое вызначае ўнутраны пафас усіх ваенных твораў пісьменніка...” [2, с. 26]. У той час, калі працаваў над сваімі творамі В. Быкаў, многія пісалі пра вайну, але ж самі не былі на полі ваенных дзеянняў і не бачылі ўсёй іх праўды. Сам В. Быкаў гаварыў: “...вялікую праўду аб мінулай вайне суджана выказаць толькі яе ўдзельнікам або сведкам. Іншым гэта ня дадзена. Іншыя могуць стварыць нават геніяльныя творы, але гэта ўжо будзе з поваду вайны, а не яе горкай і крывавай праўдай” [6].

Яшчэ адной цікавай працай аб творчасці В. Быкава стала кніга І. Афанасьева “Кто восходит на Голгофу”. Навуковец даследаваў антываенную ідэянасць у творчасці В. Быкава. Прааналізаваўшы аповесці “Знак бяды”, “Кар’ер” і інш., І. Афанасьеў адзначае філасофізм пісьменніка-мысляра: “У Быкава самакаштоўнасць жыцця абумоўлівае новы статус не толькі асобы, але і свету, залежнага ад асобаснай незаменнасці, унікальнасці, – своеасаблівую экзістэнцыйнасць быкаўскай прозы: супрацьстаянне асобы і свету” [1, с. 157].

У 2011 г. выйшла кніга “Васіль Быкаў: вядомы і невядомы”. У гэтай кнізе было змешчана літаратуразнаўчае эсэ В. Локун, у якім даследчыца

аналізуе творчасць В. Быкава ў кантэксце сусветнай літаратуры і асэнсоўвае канцэпцыю вайны і чалавека ў творчасці пісьменніка. Пісьменніца слухна заўважае: “Вайна дэфармавала традыцыйныя маральныя каштоўнасці. Гэта канстатавала ўся ваенная проза. В. Быкаў таксама адзначыць, што шматлікія каштоўнасці, што былі распаўсюджаны да вайны, сталі непатрэбнымі. Вайна замест іх прапанавала іншыя. Іх трэба было зразумець сваёй галавой. <...> Пачуццё абавязку салдата – галоўнае пачуццё салдата на вайне. Такім пачуццём жылі салдаты В. Быкава” [4, с. 40].

Крытык В. Буран у кнізе “Васіль Быкаў: нарыс творчасці” прааналізаваў многія творы славуэтага пісьменніка, дасканалы асэнсаваў іх герояў, аўтарскія задумы, мастацкія адметнасці. Даследчык справядліва пісаў пра веліч духу быкаўскіх герояў, пра цяжкасці і супярэчнасці ўспрымання бязлітаснай праўды пра вайну ў савецкім грамадстве. В. Буран адзначаў трапны выбар пісьменнікам сваёй тэмы: “В. Быкаў з самага пачатку шчасліва натрапіў на залатаносную жылу сваёй творчасці, якая хавалася ў глыбінях яго жыццёвага вопыту і якая звязвала гэтую творчасць з плённымі традыцыямі айчынай ваеннай прозы. Гэта адкрыла яму шлях да поспеху” [3, с. 30].

Грунтоўнасцю з ліку даследаванняў апошняга часу з’яўляецца і кніга прафесара германа-славянскай кафедры Універсітэта Ватэрлоа (Канада) З. Гімпелевіч “Васіль Быков: Книги и судьба”. У прадмове пісьменніца пісала: “Несколько лет назад вышла моя книга о Василе Быкове на английском языке. Не в переводе с белорусского или с русского, а написанная по-английски для англоязычного читателя. Взяться за нее побудило несколько мотивов. Первый и основной – моя любовь к замечательному писателю, творчество которого занимает большое место в моем сознании и – что гораздо важнее – в мировой литературе, не говоря уже о белорусской. Второе – чувство признательности к этому человеку. Не каждому дано родиться творцом, не каждому удастся воплотить то, что в него заложено, не каждый способен столь мужественно бороться за свое слово, за то, чтобы донести его до читателя” [5, с. 5]. Даследчыца пранікліва, аб’ектыўна прааналізавала жыццёвы вопыт і творчасць беларускага пісьменніка. Гэта кніга атрымала вялікую колькасць станоўчых водгукаў.

Даследаванне творчасці В. Быкава ніколі не спынялася, бо яго творы не трацілі і не страцяць у будучыні актуальнасці. Спадчына нашага славуэтага пісьменніка вывучаецца ў школах і ВНУ, і новыя пакаленні моладзі імкнучца спасцігаць яго мудрыя і мужныя творы-запаветы.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Афанасьев, И. Кто восходит на Голгофу? Антивоенная идея в творчестве Василя Быкова / И. Афанасьев. – Минск : Маст. літ., 1993. – 160 с.

2. Бугаёў, Д. Васіль Быкаў: Нарыс жыцця і творчасці: для сярэд. і ст. шк. узросту / Д. Бугаёў. – Мінск: Нар. асвета, 1987. – 207 с.

3. Буран, В. Васіль Быкаў: нарыс творчасці / В. Буран. – Мінск: Маст. літ., 1976. – 222 с.

4. Васіль Быкаў: Вядомы і невядомы: літаратуразн. эсэ, успаміны / уклад. М. Н. Мінзера. – Мінск: Літ. і мастацтва, 2011. – 176 с.

5. Гимпелевич, З. Василь Быков: Книги и судьба / З. Гимпелевич. – М.: Новое лит. обозрение, 2011. – 400 с.

6. Адзіная рэальная каштоўнасць у чалавека на свеце – яго жыццё... Васіль Быкаў пра вайну [Электронны рэсурс] // Беларуская літаратура. – Рэжым доступу: <http://s13.ru/archives/bykau-1>. – Дата доступу: 16.11.2021.

К содержанию

П. В. ГИБКИЙ

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – А. Н. Гордей, д-р филол. наук, профессор

МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗНАКОВ АЛФАВИТА СИНТАКСИСА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛУСУФФИКСОВ 过 (GUÒ) И 了 (LE))

Актуальность данного исследования обусловлена важностью исследования китайской грамматики, необходимостью исследования временных отношений в китайском языке.

Что касается практической значимости работы, «популярность китайского языка и его востребованность на рынке переводческих услуг в русскоязычных странах и во всем мире растет» [2, с. 66], что говорит о необходимости в более глубоком изучении грамматики данного языка.

В китайском языке «отсутствует морфология, если под морфологией понимать словоизменение» [5, с. 20], «нет общепринятой классификации категорий глагола» [3, с. 67] и морфологических показателей времени. Китайский глагол (ёген в нашей терминологии) [6], благодаря наличию или отсутствию суффикса 了 (le), содержит дополнительную информацию о характере процесса с точки зрения его завершенности и протяженности» [5, с. 39]. Мы считаем, что полусуффиксы 过 (guò) и 了 (le) «...принадлежат не языку, а метаязыку» [4, с. 20], является языковым явлением, служащим для описания значения других языковых явлений (ёгенов). Следовательно, значение полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le) является металингвистическим. Несмотря на отсутствие морфологии, в китайском, как и в других языках, существуют обозначения временных отношений. Под эффектом временных отношений понимается их процедуральное представление [6].

Мы считаем, что комбинация полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le) является процедуральным синтаксическим средством создания эффекта прошедшего времени, временного промежутка, возникающего между двумя завершёнными процессами в прошлом. Чтобы охарактеризовать создание эффекта прошедшего времени в китайском языке путем комбинации полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le), использованы следующие термины: «темпоральная конъюнкция “и затем” (один процесс предшествует другому)» и «темпоральная конъюнкция “и одновременно” (один процесс начался раньше другого, но в какой-то момент оба стали одновременными) [5, с. 49].

На предмет возникновения данного эффекта было проверено 7400 фрагментов текстов корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры [7], 44 166 фрагментов текстов словаря БКРС [1], выявлено 197 случаев создания эффекта прошедшего времени. Ниже представлены наиболее яркие примеры.

1. В примере *天天都路过, 看过!* (‘Каждый день проходил, смотрел’) [7] первый процесс в прошлом (‘проходил’) происходил одновременно со вторым (‘смотрел’), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и одновременно». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 过 (guò).

2. В примере *这个女人吃过苦、应过战, 而且证明了她的英勇。* (‘Эта женщина была испытана, бросила вызов и показала свою доблесть’) [1] первый процесс в прошлом (‘была испытана’) предшествует второму (‘бросила вызов’) и третьему (‘показала свою доблесть’), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le).

3. В примере *我杀掉的精灵和火蜥蜴成员比你吃过的鸡还多。我觉得我已经厌倦了* (‘Я убил больше эльфов и Саламандр, чем ты сожрал цыплят. Мне (это) надоело’) [1] первый процесс в прошлом (‘убил’) предшествует второму (‘сожрал цыплят’) и третьему (‘надоело’), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le).

4. В примере *我甚至还看到了有条纹的马... 在丛林里奋斗了将近八个月之后, 我们必须撤退。漂亮小猫只吃过这么一场败仗* (‘Я видал даже полосатую лошадь... Мы восемь месяцев дрались с джунглями, прежде чем отступить. Невозможно победить, когда врага не найти. Это был единственный раз, когда Сладкая Ветреница потерпела поражение’) [1] первый процесс в прошлом (‘видал’) предшествует второму (‘дрались с джунглями’) и третьему (‘потерпела поражение’), что указывает на

темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le).

5. В примере 这个男人吃过苦、应过战，而且证明了他的英勇 (‘Этот муж был испытан, бросил вызов и показал свою доблесть’) [1] первый процесс в прошлом (‘был испытан’) предшествует второму (‘бросил вызов’) и третьему (‘показал свою доблесть’), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le).

6. В примере 没关系，妹妹她没有吃过。我...其实我也没有吃过 (‘Ничего. Сестренка такого еще никогда не пробовала. Если подумать, подобного не пробовал и я’) [1] первый процесс в прошлом (‘не пробовала’) предшествует второму (‘не пробовал’), что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем». Эффект прошедшего времени создан комбинацией полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le).

Таким образом, в результате исследования был сделан следующий вывод относительно металингвистического значения полусуффиксов 过 (guò) и 了 (le): комбинация данных полусуффиксов является процедуральным синтаксическим средством создания эффекта прошедшего времени в китайском языке.

Список использованной литературы

1. БКРС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/>. – Дата доступа: 23.01.2022.
2. Гибкий, П. В. Лексические и грамматические трансформации как способы сохранения семантической эквивалентности при переводе сайтов с русского языка на китайский [Электронный ресурс] / П. В. Гибкий, Н. В. Супрунчук // Вестн. Омского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитар. исслед. – 2022. – № 1 (34). – С. 66–69. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-i-grammaticheskie-transformatsii-kak-sposoby-sohraneniya-semanticheskoy-ekvivalentnosti-pri-perevode-saytov-s-russkogo>. – Дата доступа: 23.01.2022.
3. Гибкий, П. В. Сохранение эквивалентности при передаче значения пассивного залога / П. В. Гибкий, Н. В. Супрунчук // Вестн. Омского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитар. исслед. – 2021. – Вып. № 4 (33). – С. 66–69. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-ekvivalentnosti-pri-peredache-znacheniya-kategorii-passivnogo-zaloga-s-russkogo-yazyka-na-kitayskiy-na-materiale-saytov>. – Дата доступа: 23.01.2022.
4. Гордей, А. Н. Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // II Чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – С. 19–24.
5. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
6. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков [Электронный ресурс]: лекц. курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 эл. опт диск (CD-ROM).

7. ВСС 语料库 [电子版]. – 文档存取方式: <http://bcc.blcu.edu.cn/>. – 文档存取日: 18.01.2022 = ВСС. Лингвистический корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bcc.blcu.edu.cn/>. – Дата доступа: 18.01.2022.

К содержанию

О. В. ГОНЧАРЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Язык – явление динамичное, его наиболее подвижной частью является лексика, которая обновляется и совершенствуется, непрерывно реагируя на изменения в мире, развиваясь вместе с жизнью, поскольку на словарный состав влияют любые явления, которые происходят в жизни носителей языка.

Новые понятия и предметы, которым необходимо дать названия, появляются с развитием человеческого общества в разных сферах деятельности. Так в русском языке появляются новые слова. Для обозначения новых слов в языкознании обычно используют термин «неологизм», под которым понимается «всякое новое слово или выражение, появляющееся в языке» [1, с. 5]. Постепенно неологизмы усваиваются в языке и становятся общеупотребительными, однако не все они сохраняются в памяти.

Среди неологизмов выделяются окказиональные слова, образованные «на случай» и употребленные лишь раз, они называются также индивидуально-авторскими неологизмами. Как правило, такие слова встречаются лишь в определенных (своих) контекстах, где они обычно несут стилистическую нагрузку:

Мучают бездарные люди, опозорив
Облик императора общим сходством с ним.
Чужды люди кесарю: Клавдий так лазорев,
Люди ж озабочены пошлым и земным (В. Полозкова).

Окказионализм *лазорев* образован от узуального прилагательного *лазоревый*, но имеет другую семантику. Стихотворение пропитано сарказмом, поэтому в контексте этого произведения окказионализм *лазорев* является носителем отрицательной экспрессивной оценки.

В ходе анализа современной российской поэзии (стихотворений В. Полозковой и Д. Ревякина) нами были выявлены следующие семантические группы авторских неологизмов.

1. Неологизмы, характеризующие чувства:

– *Повылей* (н. ф. *повылить*) в значении ‘поплачь, и станет легче, успокойся’.

– *Искрень* в значении ‘искренний, честный, откровенный’.

– *Безлюбовье* (*без* + *любовь* + *ь*) – ‘отсутствие любви’. Создано по аналогии со словами *безденежье*, *безволие*, *беззаконие*.

– *Уныль* в значении ‘унылый, грустный, печальный’.

– *Кем-то-любимость* (*кем-то* + *любим(ый)* + *-ость*) в значении ‘чувство, когда тебя кто-то любит, когда ты кому-то нужен, чувство признания твоего таланта’.

2. Неологизмы, называющие лицо:

– *Вожарь* в значении ‘вожак, человек, который ведет за собой’.

– *Забуда* (от *забывать*) в значении ‘человек с плохой памятью, забывчивый’.

– *Снегарь* (от *снег*) – ‘работающий со снегом’.

– *Гожарь* (от *годный*) – ‘годный, хороший’.

3. Неологизмы, характеризующие действие:

– *Апгрейдить* в значении ‘модернизировать, обновлять (программное обеспечение)’. В контексте лирическая героиня просит у Бога изменить ее жизнь к лучшему, помочь начать жизнь с чистого листа.

– *Доумру* (н. ф. *доумереть*) – окказионализм, образованный по аналогии с глаголом *доживу*, но используется как его антоним.

– *Движеньица* (н. ф. *движеньице*) – ‘небольшие движения, полудвижения’. Образовано по аналогии с лексемами *платьице*, *вареньице*, *сестрица*.

4. Неологизмы, характеризующие признак:

– *Умноглазый кот* (*умный* + *глаза*) в значении ‘кот, который все понимает, как человек, грустит вместе с ним’.

– *Днемучень* (н. ф. *дремучий*) – ‘темный, непроходимый’.

– *Капучинный* (*капучино* + *-н(ый)*) – ‘легкие, воздушные, белые, как пенка на капучино’.

– *Облакастый* (*облако* + *-аст(ый)*) в значении ‘не обремененные волнением, заботами и от этого легкие головы’. Образовано по аналогии с лексемами *волосатый*, *косматый*, *рогатый*.

Итак, функция неологизмов в поэзии заключается в том, чтобы подчеркнуть авторскую индивидуальность. Следовательно, проблему употребления неологизмов можно считать весьма актуальной, поскольку в русском языке наблюдается активный процесс обновления лексики.

Многие из обнаруженных семантических групп характеризуются особенными признаками, однако все они отображают общие тенденции развития языка.

Список использованной литературы

1. Розен, Е. В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – М. : Менеджер, 2000. – 189 с.

К содержанию

А. А. ГОНЧАРОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ПРИЕМЫ ИМИТАЦИИ «ЯЗЫКА БУДУЩЕГО» В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА «ОБЛАЧНЫЙ АТЛАС» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод – это сложнейший творческий процесс соединения разных миров, культур, менталитетов, его нельзя свести к замене слов одного языка (языка-источника) на слова другого языка (языка перевода), эквивалентные по значению. Как считает В. Н. Комиссаров, «хотя перевод предназначен для полноправной замены оригинала, его полная тождественность исходному тексту недостижима и можно говорить лишь об эквивалентности, т. е. о какой-то степени близости перевода к оригиналу» [1, с. 116].

Роман «Облачный атлас» Д. Митчелла [3] состоит из нескольких эпизодов, относящихся к разным временам – от позапрошлого века до далекого будущего. В эпизодах, относящихся к будущему («An Orison of Sonmi~451» и «Sloosha's crossin' an' ev'rythin' after»), автор активно использует окказионализмы, и далеко не всегда для наименования фантастических новых реалий. Основная функция индивидуально-авторских неологизмов Д. Митчелла – имитация языка будущего на основе замеченных автором языковых тенденций: свойственной всем языкам тенденции к языковой экономии, тенденции к генерализации названий торговых марок (*ford* – автомобиль; компьютеры стали *sony*; часы, даже настенные, именуются *rolex*; любая обувь называется *nikes* и т. п.), тенденции к появлению все большего числа сложений в английском языке.

Нами было выявлено 110 словообразовательных окказионализмов, и чаще всего используется сложение основ (таких слов 56). Суффиксальным способом образованы 20 слов, 8 из которых – дериваты от существительных с суффиксом *-ed*. Сложением с суффиксацией образовано

8 окказионализмов, приставочным способом – 4 (3 из них с приставкой *in-*), конфиксальных производных 7. Аббревиация использована в трех случаях, 9 раз используется прием усечения.

Тенденция к языковой экономии в романе отражается не столько в появлении усечений, сколько в обилии фонетических и графических окказионализмов. Начальный гласный в словах, начинающихся на *ex*, отсекается регулярно – таких примеров 23: *Xultation* вместо *exultation*, *xiters* вместо *exiters*, *xhorted* вместо *exhorted*, аналогично *xactly*, *xpression*, *xtra*, *xperience*, *xercise*, *xpedience*, *xecs*, *xpect*, *xamine*, *xplain* и др. Еще один прием фонетического искажения – упрощение сочетания *ing*: *standin* (вместо *standing*). Вместо сочетания *ph* используется буква *f* (*decifered* вместо *deciphered*, *sycofant* вместо *sycophant*), выбрасывается сочетание *gh* (*thru* вместо *through*, *nite* вместо *night*, *lit* вместо *light*, *brite* вместо *bright*, *flashlite* вместо *flashlight*), см. также выше о слове *dijied*.

Есть более сложные случаи искажения. Так, в словах *facescaper*, *facescaping* вторая часть напоминает *scalpel* ‘скальпель’, *scalping* ‘скальпирование’, *scraping* ‘выскабливание’. А *remmed*, по-видимому, является искаженным *trembled*: *Drool glued his chin to his sony, his eyelids remmed, and a gurgle was trapped in his throat* – Слюна, стекая по подбородку, склеивала его с выключенным сони, веки подрагивали, а в глотке метался булькающий звук.

В эпизодах, относящихся к самому далекому будущему (глава «Sloosha’s crossin’ an’ ev’rythin’ after»), усечения встречаются постоянно. Например, *anx* от *anxious*: *In war, Meronym taught me, first you anx ’bout your boots, only second you anx ’bout grinds ’n’ all* – На войне, наставляла м’я Мероним, в первую очередь надо побеспокоиться о своих башимаках, а о еде и всем прочем – лишь во вторую. Язык персонажей далекого будущего наводнен искаженными словами – в основном со стяжением гласных (на их месте ставится апостроф): *mem’ry* вместо *memory*, *hist’ry* вместо *history* и др.

Многие стяжения в главе «Sloosha’s crossin’ an’ ev’rythin’ after» системны:

– в служебных словах и наречиях отбрасывается конечный согласный: *an’*, *o’*, *jus’*; *and* и *than* сокращаются до одного звука [n]: *crossed more times’n* *I’m mem’ryin’*; *cowardier’n* *me*; *a common mem’ry o’ faces’n’kin’n’age’n’all*;

– выпадают звуки [ə] (*’fraid of*, *mem’ryin’*, *off’rin’*, *prop’ly*, *dis’peared*, *’gainst*, *school’ry*, *’bove*, *t’gether*, *s’vive*, *unnat’ral*, *shimm’rin’*) и [i] безударное (*’nuff*, *b’hind*, *’cept*, *’spesh’ly*, *b’fore*, *sharp’nin’*); вместе с [ə] в отдельных случаях выпадает и согласный: *ne’ssary* вместо *necessary*, *dis’spectful* вместо *disrespectful*;

– вместо [ŋ] на конце слов произносится [n], поэтому вместо конечной буквы ставится апостроф: *bart'rin'* вместо *bartering*, аналогично *crossin'*, *sayin'*, *furyin'*, *trekking'*, *off'rin'* и др.;

– в легко опознаваемых словах отпадает первый слог: если в главе о Сонми-451 в словах с латинской приставкой *ex* усекался только первый гласный, здесь отпадает вся приставка ('*cept* вместо *except*, '*scuse* вместо *excuse*, '*zample* вместо *example*), отбрасываются также приставки *in-* ('*sist* вместо *insist*, '*tention* вместо *intention*), *en-* ('*barrassment* вместо *embarrassment*), *con-* ('*fess* вместо *confess*), *dis-* ('*sturb* вместо *disturb*), усекаются и другие слоги ('*morrow* вместо *tomorrow*, '*ready* вместо *already*).

Поскольку такие усечения носят системный характер, они должны быть отнесены к фонетико-графическому уровню.

Не все усечения, использованные Д. Митчеллом в эпизодах самого далекого будущего, являются окказионализмами: наименования родственников *bro*, *sis*, *pa*, *cuz* встречаются в английском разговорном языке или жаргонах, как и *yaу* вместо *yes*, *naу* вместо *no* и др. Некоторые нелитературные слова относятся к диалектизмам.

Для создания образа будущего мира Д. Митчелл использует целый ряд семантических окказионализмов (49) и окказиональных устойчивых сочетаний (20). Семантические окказионализмы выполняют также функцию описания общества будущего, заметно отличающегося от современных обществ. Для этого используются слова и словосочетания, называющие различные институты общества (*Juche*, *Unanimity*), его лидеров (*Beloved Chairman*), структуру (*Consumer Zone*), законы (*Enrichment Statutes*, *Homeland Laws*), правила поведения (*curfew*) и др. Важнейшую роль играет противопоставление в этом обществе людей, появившихся естественным путем, и клонов-рабов, подчеркнутое 12 семантическими окказионализмами (*pure-blooded*, *consumer*, *fabricant*, *Orientation*, *Soap* и др.). Бездуховность нового рабовладельческого общества подчеркивается использованием религиозной лексики в окказиональных значениях (*Ascension*, *Catechisms*, *Psalm*, *Soul* и др.).

Для обличения бесчеловечного нового общества Д. Митчелл использует как семантические окказионализмы несколько варваризмов и экзотизмов, в частности расистско-евгенический термин из идеологии немецких национал-социалистов *untermensch* 'недочеловек' и название национал-коммунистической идеологии современной Северной Кореи *Juche*, в русском переводе как экзотизм можно рассматривать лишь слово *Чучхе*.

Автор перевода Г. Яропольский [2] для перевода окказионализмов в ряде случаев использует аналогичные неологизмы. Так, *twelvestarred* переводится таким же сложно-суффиксальным прилагательным *двенадцатизвездочная*; аналогично *facescaping* и *facescaper* переданы словом

лицеправ. Приставочному образованию *unascended* соответствует префиксальное же *невознесенный*; выглядящее как аббревиатура усечение *AdV* ‘рекламный ролик’ переведено словом *РекЛ*, тоже выглядящим как аббревиатура; созданное по конкретному образцу слово *corporocracy* заменено аналогичным *корпократия* и под.

Однако способ образования переводческих неологизмов не всегда совпадает с авторским (совпадений всего 16 из 146 словообразовательных, фонетических и графических окказионализмов оригинала). Например, сложное слово *disastermen* переведено суффиксальным образованием *катастрофник*. Два сложения переданы сложно-суффиксальными образованиями: *maskgrafter* – *маскорезы*, *tenthday* – *десятидневка*. Суффиксальное образование *pylonic* переведено сложно-суффиксальным *столбообразный*. Одна окказиональная композита просто транслитерирована: *Popsongs* – *Попсонги*. Тот же прием использован при передаче суффиксальных образований *hygiener* (*гигиенер*), *amnesiads* (*амнезиды*), *stimulin* (*стимулин*), *disneyarium* (*диснейариум*) и образованного по конкретному образцу существительного *kalodoxalyn* (*калодоксалин*).

Доля семантических окказионализмов, переведенных аналогичными лексическими единицами, гораздо больше, чем для словообразовательных, фонетических и графических индивидуально-авторских неологизмов: 39 из 49 одиночных слов и 15 из 20 словосочетаний.

Г. Яропольский использует и прием компенсации, хотя и нечасто: четыре суффиксальных окказионализма перевода соответствуют общеупотребительным словам оригинала, еще в одном случае переводчик добавляет окказионализм, чтобы компенсировать нейтральный перевод графического окказионализма.

Таким образом, переводчик романа «Облачный атлас» при передаче окказионализмов стремился достичь лексической эквивалентности путем использования транслитерации, калькирования, экспликации (описательного перевода), компенсации и функциональных замен. Далекое не все индивидуально-авторские неологизмы Д. Митчелла переведены окказионализмами, однако это частично объясняется разницей языков: для английского языка сложение является гораздо более продуктивным способом. Русские словообразовательные основы обычно гораздо длиннее английских, к тому же необходимы соединительные морфемы, и соответствующие сложения в русском языке оказались бы громоздкими.

Однако избегание фонетических и графических окказионализмов делает язык перевода более обычным для читателя, чем футуристический язык оригинального текста. Используя эти средства, можно было бы достичь большей эквивалентности.

Список использованной литературы

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
2. Митчелл, Д. Облачный атлас : роман / Д. Митчелл ; пер. Г. Яропольского. – М. : Азбука, 2018. – 704 с.
3. Mitchell, D. Cloud atlas [Electronic resource] / D. Mitchell. – Mode of access: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=104020>. – Date of access: 17.12.2021.

К содержанию

В. ГОПТА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИИ, В РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Фразеология расширяет и обогащает средства выражения и возможности языка, особенно в экспрессивной, эмоциональной сфере. Овладение языком, как родным, так и иностранным, невозможно без знания его фразеологии. Ядро славянской фразеологии древнее, народное и, помимо языковых значений, отражает образ жизни, мышления, мировоззрение и творческие способности носителей национального языка, социальные, культурные и общественные отношения.

Фразеологизмы – это не примета какого-либо определенного временного периода. Они возникли вместе с языком и существуют на протяжении всей его истории. О фразеологизмах как особых лексических единицах было известно еще в XVIII в. Их включали в различные языковые словари, издавались отдельные сборники идиом, крылатых выражений, содержащие их толкование.

Знания по русской фразеологии позволяют глубже понять историю и характер народа. В предисловии ко второму изданию книги В. И. Даля «Пословицы русского народа» М. Шолохов метко сказал о народном характере фразеологизмов: «Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах. Из бездны времен дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков» [1].

По времени появления в языке фразеологизмы делятся на три группы: общеславянские, восточнославянские и собственно русские.

Общеславянские фразеологические единицы были образованы еще в праславянском языке (V–VI вв.). Соответствующие выражения можно найти в большинстве славянских языков. Например, русск. *кровь стынет в жилах* и словацк. *mrzne ti krv žilách*. Оба примера выражают отрицательную эмоцию человека – страх.

В славянской фразеологии присутствуют некоторые фразеологизмы, образность которых основана на религиозной символике или библейских сюжетах и образах. В процессе общественного развития они утратили свою прямую связь с религиозными понятиями и остались живыми в языке в основном в шутливом или насмешливом смысле (например, русск. *бояться, как черт ладана* и словацк. *bát sa niekoho/niečoho ako čert svätenej vody* ('бояться кого-либо, чего-либо, как черт святой воды')).

В дополнение к ядру, которое несет на себе печать крестьянского, деревенского образа жизни большинства предков современных славян, общеславянская фразеология содержит единицы, усвоенные в результате развития образования (к ним относятся, например, кальки с латинского языка или упомянутые фразеологизмы библейского происхождения), а также общения или сосуществования с другими народами, особенно с теми, которые входят в славянскую группу.

Так, и в русской, и в словацкой фразеологии можно найти одинаковые или схожие фразеологизмы. Например, русский фразеологизм *волосы дыбом* и словацкий *vlasu dupkom* выражают отрицательную эмоцию – страх. В обоих языках для выражения страха используется часть человеческого тела – волосы, которые от страха поднимаются вверх.

Также в словацкой и русской фразеологии для выражения страха упоминаются глаза. Например, русск. *у страха глаза велики* и словацк. *strach má veľké oči*.

В русской лингвокультуре также существует восприятие страха как пограничного состояния между жизнью и смертью: *ни жив, ни мертв от страха*. В словацкой лингвокультуре синонимом такого фразеологизма является единица *smrt' ho preskočila* ('смерть прошла мимо него'). В обоих случаях слово *смерть* используется как причина возникновения отрицательной эмоции страха или испуга.

В то же время даже в родственных языках существуют различия в значении фразеологизмов и их компонентов. Например, в русской и словацкой фразеологии для выражения эмоций используется животное – свинья. Однако в русской лингвокультуре фразеологизм *подложить свинью* обозначает 'тайком устроить кому-либо неприятности, огорчить', а словацкий фразеологизм *mať sa ako prasa v žite* ('жить как свинья во ржи') имеет только положительные значения – жить хорошо, счастливо и радостно.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что многие фразеологизмы русского и словацкого языков, выражающие базовые эмоции (страх, радость и др.), включают схожие или идентичные единицы. Причина этого явления заключается в том, что они относятся к одной языковой группе. Тем не менее в ряде фразеологизмов наблюдаются семантические различия, что объясняется лингвокультурной спецификой каждого народа.

Список использованной литературы

1. Шолохов, М. А. Сокровищница народной мудрости. Предисловие к сборнику пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем [Электронный ресурс] / М. А. Шолохов // Совет. Россия. – 1957. – 2 июня. – № 129. – Режим доступа: <http://sholohov.-lit-info.ru/sholohov/articles/sokrovishchnica-narodnoj-mudrosti.htm>. – Дата доступа: 15.05.2022.

К содержанию

Л. А. ГРЫГАРУК

Брэст, БрДТУ

Навуковы кіраўнік – Л. У. Ветрава, выкладчык-стажор

МІФАЛАГІЧНЫЯ ЎЯЎЛЕННІ ПРА ЗНЕСНІ ВЫГЛЯД РУСАЛКІ

Вобразна-сімвалічныя элементы міфапаэтычных мадэляў свету з’яўляюцца адным з найважнейшых крыніц мастацтва. Вобразы міфалагічных істотаў служылі крыніцай натхнення для мастакоў і літаратараў сусветнай культуры. Паўстаюць яны на старонках твораў беларускіх пісьменнікаў. Багата міфалагічных вобразаў створана і “перастворана” паэтамі XIX ст. Адамам Міцкевічам і Янам Чачотам, а таксама Максімам Багдановічам. Мы сустракаемся з міфалагічнымі вобразамі і ў сучаснай беларускай літаратуры. У многіх аўтараў прысутнічаюць сумна-задумны лясун, стары белабароды вадзянік, доўгавалосая русалка і г. д. Звернемся больш падрабязна да апісання выгляду русалкі.

Матэрыялы Палескага архіва Інстытута славяназнаўства і балканістыкі Расійскай акадэміі навук (далей – ПА) дазваляюць вылучыць чатыры асноўныя тыпы апісанняў знешнасці русалак: а) “страшныя, немаладыя, выродлівыя”, б) “прыгожыя маладыя дзяўчаты”, в) “паўжанчына-паўрыба”, г) нейтральны тып (у абліччы дзіцяці або жанчыны з распушчанымі валасамі).

Першы тып уключае наступныя характарыстыкі: калматыя, растрапаныя; зарослыя поўсцю; старыя, голыя, з адвіслымі грудзьмі (часам

перакінутымі за плечы): “Людзі, як жанчыны, валасы доўгія растрапаня. У лесе жывуць, на магилках, на кладбишчах. Голыя, касматы-раскосманы”; “Як маўпа, жанчына, страшная такая. Грудзьмі можа задушыць”; “Доўгія валасы ў яе, грудзі вялікія, як каменне”; “Русаўкі ходзяць у Петровку па житу... кудлатая, як ведзьма”; “Русалкі з жалезнымі цыцкамі, паймаюць і застрыкочуць... голыя, касматыя”; “Валаса растрапаня і сама дужая, жалезна – жалезнячка, нічым яе не разабьеш. Гэта тая самая русалка, ведзьма” [1, с. 94].

Другі тып знешняга выгляду русалкі дае апісанне маладых прывабных дзяўчат з доўгімі валасамі, у вяночках, голых або ў белым адзенні: “Русалкі па житу ходзяць у білому і били косы, красыві дуже”; “Маладыя дзяўчыны з доўгімі валасамі, голыя, прыгожыя”; “Русалкі як дзяўчыны... вышлі з вады, у вяночках, позапلياتаны, у белым платейку”; “Вельмі маленькія, невялікага росту, ёсць прыгожыя, як царэўна”; “Молоды дівчата ў билих платнях, у вінке на галовах, стужкі ззаде”; “Маўкі – то русалкі, прыгожыя, вянок на галаве, па жыці бродяць” [1, с. 95]. Часам прывабная знешнасць апісваецца выключна праз убор русалкі: “добра апранутыя, у вянках дзеўкі”; “дівчата у велені, у кітайках, у білых платнях”.

У большасці апісанняў даюцца лаканічныя характарыстыкі: доўгія валасы, у вянках, у белым. Прывабны тып русалак больш паслядоўна лакалізуецца ў Заходнім Палессі з далёкім распаўсюджваннем на тэрыторыю Украіны. Да яго прымыкае катэгорыя русалак, адлюстраваных у выглядзе паўжанчыны-паўрыбы. Гэта самыя рэдкія апісанні знешнасці ў складзе нашых матэрыялаў (з 90 сведчанняў – 8 выпадкаў): “Русалка ў ваде жыве, як рыба. Деўка, а хвост, як у рыбы, распущенная каса”; “Котра людина втопиться на Русальний тыждень, зграі русалкаю. Русалка палова як людына, а палова як рыба. Выходыць з воды, идзе ў жыто” [1, с. 95].

Нарэшце, варта адзначыць варыянты апісанняў нейтральнага характару, у якіх фіксуецца ўвага на доўгіх валасах, вянках, белай адзежы: “Косы распустяны, маладая, нестарая, апранутая нібы ў ніжняй одежы”; “Апранутыя воны былі ў белай сукенцы, з доўгімі валасамі, якія закрывалі вочы”; “Прама дзяўчына, валасы распущаныя, гала, косы доўгія” [1, с. 95].

Некаторыя дэталі такіх нейтральных апісанняў дазваляюць адзначаць прыцягненне больш да першага тыпу (“страшных” русалак), чым да другога: “Русалка валасатая, з зачыненымі вачамі і ў белай адзежы”; “Дзяўчыны ходзяць у белым ва ўсім, косы распущаць доўгія, асобы не выдаць, рукі лядоўні, сама доўгая, высокая”; “Лес шуміць-грукоча, шум идзе – русалкі ходзяць, высокія, як дрэвы, вянки, кашулі (на іх)” [1, с. 95].

Ёсць таксама сведчанні, што русалкі з'яўляліся ў абліччы маленькіх дзяцей, якія ідуць праз жыта, па дарозе, дзяўчынак у вянках.

Такім чынам, дадзеныя ПА сведчаць у карысць большай папулярнасці тыпу “страшнай” русалкі. Прыходзіцца прызнаць, што гэтыя высновы супярэчаць агульнапрынятаму меркаванню аб прывабным выглядзе русалак, у літаратурнай традыцыі, і ў фальклорна-этнаграфічных працах, энцыклапедыях і слоўніках. Сапраўды, вялікая частка апісанняў русалак, вядомых па крыніцах XIX – пачатку XX ст., нічым не напамінае прыведзеныя вышэй палескія запісы. У прыватнасці, аднастайныя паэтычныя апісанні ўкраінскіх і беларускіх русалак у складанках П. П. Чубінскага, Н. Маркавіча, У. Гнацюка і іншых збіральных, якія адзначылі наступны набор стэрэатыпных характарыстык: “бледныя”, “цудоўныя сабой”, “вечна юныя прыгажунні”, “цудоўныя”, “чарадзейная постаць”, “чароўнае аблічча”, “далікатнае цела”, “хвалістыя валасы”, “вясёлыя, гуллівыя хахатушкі”, “жывуць у пышных крышталевых палацах на дне азёр”, “аглашаюць наваколлі цудоўнымі гукамі” і інш [1, с. 96].

Засноўваючыся на дадзеных такога тыпу, вучоныя прызнавалі, што ва ўкраінскіх і беларускіх павер’ях русалкі уяўляюцца хутчэй прыгожымі, чым страшнымі, як пачвары, хоць ужо ў той час было нямала сведчанняў процілеглага характару, якія былі вядомыя беларускаму і ўкраінскаму народам. Аднак у большай ступені такі тып русалак быў вядомы па крыніцах беларускай традыцыі: “У балотах жывуць старыя пачварныя русалкі”; “Русалка, кажуть, жанчына... сама голая, страшная, валасы доўгія ў яе, тянуца” [1, с. 96].

Па назіраннях Д. К. Зяленіна, паўднёваруская традыцыя адлюстроўвае русалак прыгажунямі, а паўночнаруская – пачварнымі старухамі. Іншыя навукоўцы лічылі выяву “вясёлых, дураслівых стварэнняў” найболей старажытнай і першабытнай, а злых і помслівых істот з рысамі “выродлівага паскуддзя” – найпазнейшымі вераваннямі.

Між тым у Палескім архіве адлюстроўваецца не вельмі прывабны выгляд русалкі, вяды ў паўднёварускай зоне: “голыя, з растрапанымі валасамі... садзяцца на барану і заганяюць каня”, “аголеныя, асобы сінія, бледныя, валасы распушчаныя”, “голыя жанчыны з вялікімі грудзьмі, жывуць у лесе” [1, с. 96].

Як бачым, усе адхіленні ад стэрэатыпу “прыгажуні” збірацелі мінулага стагоддзя схільныя былі разглядаць як скажэнне зыходнай нормы. Разам з тым ёсць падставы меркаваць, што гэтая норма склалася не без вядомага ўплыву творчасці паэтаў-рамантыкаў.

Вельмі пераканаўча прааналізаваны працэс фарміравання паэтычна засвоенай выявы русалкі, які пранік ў мастацкую культуру. На думку даследчыкаў, гэтая выява, якая выйшла далёка за межы міфалагічных

вераванняў, стала для сучаснага чалавека выявай-стандартам, трывала ўвайшла ў масавае мастацтва і бытавыя паданні. Відаць, менавіта такім стандартам кіраваліся збіральнікі фальклору, якія выбіралі для запісу найбольш звыклых і вядомых рысы аблічча русалкі (а ў фальклорнай традыцыі – разам са сведчаннімі процілеглага тыпу – існавалі і павер’і аб прывабным абліччы русалак). У выніку апаэтызаваны вобраз-стандарт у значнай ступені захіліў сабой аб’ектыўнае вывучэнне сапраўды фальклорных супярэчлівых сведчанняў, звязаных з гэтым міфалагічным персанажам.

Список использованной литературы

1. Виноградова, Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции / Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / под. ред. Н. И. Толстого. – М.: Наука, 1986. – С. 88–133.

К содержанию

А. А. ГУСАКОВА

Минск, БГУ

Научный руководитель – А. В. Квачек, канд. филол. наук, доцент

ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД СКАЗОК Ш. ПЕРРО: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР

Нами проанализированы моральные наставления и заповеди, присутствующие явно и скрыто в текстах сказок сборника «Histoires au Contes du Temps Passé» Шарля Перро. Проведенный анализ французских пословиц в сказках Перро может поместить наше исследование одновременно в область лингвокультурологии, контрастивной семантики и фольклористики. Были изучены пословицы по темам, что дало возможность установить семантические группы и систематизировать моральные ценности, обнаруженные в сказках, по двум функциям, а именно:

1. Нравственные ценности, устанавливающие отношения человека с самим собой. К ним относятся *le courage* ‘мужество’, *la suspicion* ‘подозрительность’, *la rancœur* ‘обидчивость’, *la plainte* ‘недовольство’, *la fierté* ‘гордость’, *l’astuce* ‘хитрость’, *l’amabilité* ‘доброта’, *l’imprudence* ‘безрассудство’, *la sagesse* ‘мудрость’, *la conscience* ‘совесть’, *la patience* ‘терпение’, *la grâce* ‘милосердие’, *l’honnêteté* ‘честность’, *la grossièreté* ‘грубость’, *la jalousie* ‘ревность’, *la désespérance* ‘отчаяние’, *l’anxiété* ‘тревога’.

2. Моральные ценности, объясняющие отношения человека с другими в социальной жизни и формирующиеся во время общения с другими в повседневной жизни. К нравственным ценностям, объясняющим отношения между людьми в социальной жизни в сборнике сказок Перро, относятся: *l'affection* 'любовь', *la serviabilité* 'помощь', *le respect* 'уважение', *la demande pardon* 'просьба о прощении', *le remerciement* 'благодарность', *le blâme* 'порицание', *la politesse* 'вежливость', *le mensonge* 'ложь', *la moquerie* 'насмешка', *l'obeissance* 'послушание', *tenir parole* 'соблюдение своего слова', *l'indulgence* 'снисходительность', *manquer à sa promesse* 'нарушение обещания', *jouir de la beauté de la nature* 'наслаждение красотой природы'.

На основании анализа лексики, фразеологии и лингвокультурного потенциала сказок Ш. Перро можно классифицировать формы нравственных ценностей и их функции на положительные и отрицательные. Таким образом, положительную моральную ценность можно использовать в качестве руководства в общественной жизни, а отрицательную моральную ценность применять для назидания.

Мы проиллюстрировали нашу методiku лингвокультурологического исследования на примере фразеологических единиц (в том числе пословиц) в сказках Ш. Перро. Через структуру языка, существующую в национально окрашенных устойчивых выражениях, мы исследуем данные культурного опыта языковой общности. Пословицы – идеальное поле для наблюдения в языке, так как они составляют «ядро» культуры и истории страны, являются источником определенных точек зрения, существующих в словах, формируют языковую картину мира.

Пословица является устным традиционным жанром и передается из поколения в поколение. С помощью пословиц этнос раскрывает себя и свою лингвокультуру. Пословицы часто отражают философию, концепцию жизни, идеологию людей, а также их мысли. Она передает способы мышления, понимания и жизни, объединяет и укрепляет социальные убеждения и обычаи общества. Своеобразие пословицы, ее двойной статус, как культурологический, так и языковой, ее формальная неизменность вызвали интерес к всемирно известным памятникам французского языка, которые способствовали ее сохранению.

Нашей главной целью, инициировавшей это исследование пословиц в сказках Шарля Перро, было желание показать, что нравственные уроки, кристаллизующиеся в сказочных сюжетах, в большинстве случаев зависят от народных поговорок и пословиц.

Довольно трудно было установить полный перечень пословиц, которые послужили основой «Сказок», и системно их проанализировать. Но благодаря некоторым пословицам мы смогли проникнуть в логику

французской мысли, в основы галльского менталитета, понять свойственные этой стране культурные универсалии. Каждая скрыто процитированная и обнаруженная нами пословица обновляет и обогащает смысл сказки, что позволяет лучше понять культуру и базовые ценности французского народа, адаптировать перевод к восприятию в новых условиях. Каждая идентифицированная пословица вносит свой вклад в социокультурный контекст сказок Перро.

Исследование французских пословиц помогло выявить глубинные семантические и лингвокультурологические параметры, закрепленные в пословицах и отраженные в сказках. Это исследование проясняет связь между внешне разнородными явлениями – хрестоматийными литературными текстами и пословичными высказываниями, так как позволяет измерить степень присутствия пословиц в сказках.

Таким образом, мы рассматриваем пословицу как источник изучения менталитета, зафиксированного в определенных словах и обнаруженного в выдающихся памятниках литературного творчества.

Список использованной литературы

1. Perrault, Ch. Les Contes de Perrault / Ch. Perrault. – P. : Editions Carrefour, 1995.

К содержанию

Е. А. ДУБОВИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Н. Грицук, старший преподаватель

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ КАК ЖАНР ЛИРИКИ

Во второй половине XX в. широкое признание самых разных групп любителей поэзии получили произведения синкретического искусства, соединившие слово и музыку, – авторские песни. Речь идет о творчестве Б. Окуджавы, В. Высоцкого, А. Галича, Ю. Кима. Как любая подлинная поэзия, стихи этих авторов воспринимаются и вне сценического исполнения как явления литературные, хотя подчас и обладают рядом особенностей, обусловленных ограничениями, которые накладывает на них мелодический ряд, а также попытками эти ограничения преодолеть. Само возникновение бардовской песни весьма знаменательно для культуры второй половины XX в.: отчасти оно было порождено теми же процессами демократизации поэзии, что и «эстрадная поэзия» конца 50–60-х гг., отчасти – гораздо большей «мобильностью» и невозможностью остановить распространение в условиях тотального контроля государства над печатной продукцией поэзии «звучащей» – звучащей под гитару у костра или

на «прокуренных кухнях», с лент магнитофонов или «костей» рентгеновских снимков. Продолав долгий эволюционный путь, поэзия словно бы замкнула гигантский круг, вновь обретя свою нераздельность с мелодией, с голосом автора или исполнителя, как это было во времена ее зарождения [2, с. 12].

Так что же такое «авторская песня»? Авторская песня (бардовская песня) – поэтическое направление, возникшее в конце 1950-х гг. В древности бардами называли поэтов и певцов, сегодня барды – это поэты, которые сами пишут и исполняют свои песни (обычно в сопровождении гитары). Бардовская песня возникла, опираясь на фольклорные традиции, походные и студенческие песни. Пик ее популярности пришелся на 1970–1980-е гг. Впитав в себя свободолобивый дух эпохи 1960-х гг., бардовская песня проповедовала патриотизм, любовь к природе, святость дружеских уз и презрение к мещанскому уюту. Лирический герой авторской песни – человек, легкий на подъем, любитель путешествий, романтик по натуре. Вечер у костра, рюкзак, палатка, гитара – нехитрые атрибуты, которые окружают его в жизни. И важнее всего чистые и светлые человеческие отношения, в которых нет места мелочной зависти и стяжательству, а лучшая поддержка в жизни – бескорыстно и самоотверженно протянутая по первому зову рука друга.

Бардовские песни могут быть различных жанров: гимны, элегии, шуточные зарисовки и др. Условно они делятся на два типа: одни требуют непосредственно авторского исполнения и в отрыве от него утрачивают свой шарм, другие же широко исполняются в любой компании, при этом их тексты с течением времени приобретают те или иные варианты. К числу поэтов-бардов относятся Б. Ш. Окуджава, Ю. Визбор, В. С. Высоцкий, А. А. Галич [1, с. 134–135]. Авторская песня – «оказиональный жанр». Автор вправе «придумывать» новые слова, подбирать такие языковые средства, чтобы сделать свое произведение ярким, запоминающимся.

Безусловно, что жанр песни ведущий в творчестве Б. Окуджавы и В. Высоцкого. Но часто слово «песня» дается уже в самом названии произведений разной тематики, либо это может быть «песенка» (ироничный, шуточный характер), либо определение жанра может быть вообще не названо, но подразумевается.

Рассмотрим, как поэты определяли жанр своих произведений. Определение жанра «песня» дал В. С. Высоцкий, например, таким своим произведениям, как «Песня о земле», «Песня о звездах», «Песня о госпитале», «Песня про Уголовный кодекс», «Песня студентов-археологов», «Песня о нейтральной полосе», «Песня о сентиментальном боксере», «Песня космических негодяев», «Песня о друге», «Песня о вещем Олеге» и др. К жанру «песня» отнес Б. Окуджава следующие свои произведения: «Грузинская песня», «Дорожная песня», «Песня о московском муравье» и др.

«Песенкой» В. С. Высоцкий именовал следующие произведения: «Песенка про йогов», «Песенка о переселении душ», «Песенка про прыгуна в высоту», «Песенка про мангустов», «Песенка о слухах» и др. У Б. Окуджавы также находим этот жанр: «Песенка», «Главная песенка», «Песенка о пехоте», «Песенка об открытой двери», «Песенка о солдатских сапогах», «Песенка об Арбате» и др.

Подразумевается слово *песня* в названиях произведений В. С. Высоцкого «Моя цыганская» и Б. Окуджавы «Пиратская лирическая».

Интересны такие определения жанра у В. С. Высоцкого, как «Песня-сказка о нечисти», «Песня-сказка про джинна».

Авторская песня стала общественным движением 50–90-х гг. XX в., существует она и сегодня. Но пиком развития стали именно годы «оттепели», когда в противовес официальной советской песне чуть ли не вся страна слушала и пела песни «неофициальные», соответствующие духу времени, духу романтики, воздуху свободы, песни, обычно простые по мелодии и глубокие по смыслу, заложенному в стихотворный текст.

Список использованной литературы

1. Литература и язык : энциклопедия. – М. : Росмэн-Пресс, 2006. – 584 с.
2. Русская поэзия второй половины XX века. – М. : Дрофа, 2005. – 238 с.

К содержанию

Е. А. ДУБОВИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Н. Грицук, старший преподаватель

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Творческая деятельность Булата Окуджавы многообразна. Но наибольшую известность ему уже на раннем этапе принесли, как он сам их называл, «скромные городские песенки», которые в его собственном исполнении, под аккомпанемент гитары нашли пути к сердцам многочисленных слушателей, вызвав к жизни ряд других столь же самобытных явлений авторской песни (Н. Матвеева, А. Галич, В. Высоцкий, позднее В. Долина и др.) [2, с. 281]. В его стихах и песнях столь важное место занимают опыт и впечатления, образы и мотивы, обусловленные войной. Сами названия стихов говорят об этом: «Первый день на передовой», «Песенка о солдатских сапогах», «До свидания, мальчишки», «Песенка о пехоте», «Не верь войне, мальчишка», «Из фронтового дневника» и др. В них раскрывается духовный мир человека, прошедшего испытание

огнем и сохранившего в душе веру, надежду и любовь ко всему живому на земле [1, с. 272–273].

Песни Окуджавы, посвященные военной тематике, лишены официальной пафосности, удивительно лиричны и человечны («Песенка о солдатских сапогах», 1957; «До свидания, мальчики», 1958), открыты пониманию простого солдата, «ни в чем не виноватого» («Песенка солдата») [3, с. 217].

Но тематический и образный диапазон песен Окуджавы никак не исчерпывается войной. В его лирике утверждается красота и поэзия обычной будничной жизни. В ней хорошо ощутима земная основа, жизненная почва, на которой вырастает чувство-переживание, и вместе с тем – романтическая окрыленность в восприятии и творческом воссоздании самых обыденных явлений [3, с. 45]. В поэтическом мире Окуджавы важнейшее место занимает тема и образ родины, родного дома и дороги, мотив движения и связанной с ним надежды, нравственно-философское осмысление жизни, самых основ бытия, и – уже как форма воплощения всего этого – музыкальное и живописное начало. Все это вместе и образует живую, целостную, движущуюся художественную систему. В этой связи надо, пожалуй, особо сказать о том, что можно назвать темой «малой родины», «страны детства», связанной с Москвой и Арбатом, которому у него посвящено столько стихов и песен разных лет («На арбатском дворе...», «Арбатские напевы», «Арбатский романс», «Арбатское вдохновение», цикл «Музыка арбатского двора») [1, с. 273–274].

Арбат в культуре «шестидесятников» значил многое: в отличие от официального центра, Красной площади и Кремля, он был неофициальным ядром столицы, ее неформальным центром, где, как полагали, бурлила подлинная, живая жизнь со всеми ее хлопотами, развлечениями и тревогами. Окуджава всячески подчеркивает подлинность Арбата, вводя в описание всю топографию этого уголка столицы – названия переулков, тупичков, соседних улиц и площадей. Но прежде всего подлинность Арбата проступает в его бытовой обыкновенности, даже неказистости. Арбатский двор «был создан по законам вечной прозы», – напоминает поэт, арбатские пешеходы – «люди невеликие», а его ребята аттестуются как «худосочные дети Арбата».

Но именно такой Арбат, опрошенный, повседневный, неофициальный, стал у Окуджавы этическим центром мира. Сюда он обращает взоры художников: *«живописцы, окуните ваши кисти // в суету дворов арбатских и в зарю»*. Потому что этот мир интересен. Он театрально ярок и пестр. Здесь существует свой, нестандартный социум, в котором одинаково равны такие кумиры, как «комсомольская богиня», «две косички, строгий взгляд», и прибалтненый Ленка Королев. В этом социуме правят

не казенные правила, а неписанные нравственные нормы, которые сложились в тесноте арбатских коммуналок, в дворовом соседстве, – это отношения душевной открытости и сердечной отзывчивости. Это здесь, «если другу станет худо и вообще не повезет», найдется тот, кто «протянет ему... свою верную руку, – и спасет». Это здесь чудак-портной будет перешивать мой старый пиджак с немислимым рвением, добиваясь того, «чтобы я выглядел счастливым // В том пиджаке, пока живу». Это только здесь может родиться призыв: «Не запирайте вашу дверь, // пусть будет дверь открыта»... Здесь-то и утверждается дух братства в качестве главного этического мерила социума, оно объединяет людей не на идеологической почве, а на той почве, что под ногами, – на почве земной, дворовой, уличной, роднит их не по классовой близости, а по соседству на одной лестничной клетке, духовно сближает через дыхание, слышимое буквально через стенку. Поэтому арбатский дворик, «тот двор с человеческой душой», становится тем теплым домашним очагом, который укрепляет человека и согревает его сердце: «Сильнее я с ним и добрее. // Что нужно еще? Ничего. // Я руки озябшие грею // о теплые камни его» («Арбатский дворик»). Арбатское братство, или как стали говорить – «арбатство», занимает в иерархии духовных ориентиров Окуджавы самое высокое место: «Ах, Арбат, мой Арбат, ты – моя религия», «Ах, Арбат, мой Арбат, ты – мое отечество...» («Песенка об Арбате») [2, с. 133–134].

Лирический герой Окуджавы не может жить без любви, дружбы, гостеприимства («Грузинская песня», 1967), поэту удалось создать образ целомудренного романтика. Для его поэтики характерно олицетворение отвлеченных понятий – любви, надежды, разлуки, судьбы – и их попарного сопоставления («Две вечных подруги (странницы, дороги) – любовь и разлука» («Дорожная песня», 1982) – и нарастающей градации этих образов, что связано с русской песенной и романсовой традицией. Сюда же можно отнести и любовь к повторам («По Смоленской дороге – леса, леса, леса. // По Смоленской дороге – столбы, столбы, столбы» («По Смоленской дороге», 1960), рефренам, метафорически выражающим основную мысль песни («Не убирайте ладони со лба» – «Песенка о Моцарте», 1969). Основная сила художественного воздействия песен Окуджавы в их интонациях, предельно разнообразных, но всегда искренних, совмещающих в себе элементы разговорной и возвышенно-поэтической речи. Поэт питает особое пристрастие к галантному XVIII в. и героическому началу XIX в., которые он идеализирует, населяя исключительно «красавцами», «талантами», «поэтами» («Батальное полотно», 1973). Такие же идеальные герои Окуджавы – люди искусства, поражающие его своей удивительной способностью, к примеру: «...звуки извлекать из какой-то деревяшки...» («Музыкант», 1983) [3, с. 217–218].

Поэзия Окуджавы 1970–1980-х гг. ориентирована на архаику. Он создает разнообразные стилизации в романтическом ключе, а также картинные, похожие на гобелены, зарисовки сцен старинной жизни («Батальное полотно», «Песенка о дальней дороге»). Даже свои излюбленные песенки поэт нередко стилизует на старинный лад. Некоторые из них так прямо и называются – «Старинная студенческая песня», «Старинная солдатская песня». А в других узнаются черты старинного романса («Дорожная песня», «Еще один романс»), этот аристократический жанр Окуджава стал предпочитать «самодеятельному» городскому романсу» [2, с. 138].

Список использованной литературы

1. Зайцев, В. А. История русской литературы второй половины XX века : учеб. пособие / В. А. Зайцев, А. П. Герасименко. – М. : Академия, 2008. – 448 с.
2. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Академия, 2003. – Т. 1 : 1953–1968. – 413 с.
3. Русская поэзия второй половины XX века. – М. : Дрофа, 2005. – 238 с.

К содержанию

Е. С. ДУГИНА

Тула, ТГПУ имени Л. Н. Толстого

Научный руководитель – Е. А. Кораблева, канд. филол. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В современном мире нельзя с точностью оценить вклад переводной художественной литературы в культуру той или иной страны. Каждый народ может предоставить обширный список писателей, поэтов, которые повлияли на духовное развитие не только своих соотечественников, но и представителей других наций. Немаловажную роль в процессе диалога культур играет деятельность переводчиков, благодаря которым художественная литература определенной страны становится всемирным достоянием.

В процессе работы переводчики периодически сталкиваются с таким явлением, как реалии. Согласно наиболее полному определению, которое предоставили болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин в научной работе «Непереводимое в переводе», реалии – «это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи

носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу “на общем основании”, требуя особого подхода» [3, с. 59].

Исследование Г. Д. Томахина позволяет сделать следующие выводы об особенностях употребления реалий:

1. Реалия национально обусловлена, из чего следует, что она существует лишь в одном обществе и отсутствует в другом: *drugstore* – ‘аптека-закусочная’.

2. Реалия может существовать в пределах двух обществ, но в одном из них наделяется дополнительным значением: *clover leaf* – в американском ‘клеверный лист’ или ‘автодорожное пересечение с развязкой, похожей на клеверный лист’, рус. – ‘клеверный лист’.

3. В разных обществах разные реалии имеют одинаковые функции: *sponge* – амер. ‘губка’, рус. – ‘мочалка’.

4. Реалии могут отличаться по оттенкам значения: *cuckoo’s call* – в американском фольклоре крик кукушки предсказывает, через сколько девушка выйдет замуж, а в русском – сколько осталось жить [2, с. 6].

Как известно, переводчики применяют различные способы передачи реалий, а именно, транслитерацию, калькирование, перевод с помощью аналога, описательный перевод, лексико-семантические замены (генерализацию, конкретизацию, модуляцию) [1, с. 9] и др.

Рассмотрим существующие методы перевода реалий на основе двух произведений: романа Стивена Кинга «11/22/63» в переводе на русский язык Виктора Вебера, и повести Аркадия и Бориса Стругацких «Понедельник начинается в субботу» в переводе на английский язык Леонида Ренена. Согласно проведенному анализу в материале исследования наиболее распространены следующие методы перевода реалий:

1) транслитерация: *ВЛКСМ* – ‘VLKSM’, *Mustang* – ‘Мустанг’;

2) описание: *скатерть-самобранка* – ‘self-serving tablecloth’, «*Запорожец*» – ‘car manufactured in the Ukraine’;

3) родо-видовая замена: «*Москвич*» – ‘car’, *Меч-кладенец* – ‘Enchanted Sword’;

4) функциональный аналог: *домовик* – ‘brownie’;

5) транскрипция: *JFK* – ‘Джей-Эф-Кей’, *Christy* – ‘Кристи’.

Менее употребительны прием калькирования и перевод неологизмов.

На выбор вышеупомянутых приемов влияют несколько определяющих факторов, например, характер текста, целевая аудитория перевода, значимость реалии в контексте, выбор в зависимости от ПЯ и ИЯ.

Очевидно, что на перевод реалий в романе Стивена Кинга и повести Аркадия и Бориса Стругацких большое влияние оказали особенности

целевой аудитории. При переводе реалий в данных произведениях большой акцент делается на «среднего» читателя, переводчики учитывают «знакомость» реалий для реципиентов, что оказывает огромное влияние на выбор средств, в большинстве случаев выбор между транскрипцией и собственно переводом. Анализ материала исследования позволяет сделать вывод, что Леонид Ренен и Виктор Вебер по большей части используют те методы, которые бы позволили и сохранить хотя бы частичную колоритность и пояснить читателям смысл реалий, в том числе с помощью комментариев или ссылок.

Список использованной литературы

1. Чепель, Н. П. Прагматические аспекты перевода исторических реалий с русского языка на английский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. П. Чепель ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2005. – 24 с.
2. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1988. – 239 с.
3. Флорин, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Флорин, С. П. Влахов. – М. : Р. Валент, 2006. – 448 с.

К содержанию

А. Н. ЖАНДАРОВА

Саратов, СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Научный руководитель – О. Ю. Крючкова, д-р филол. наук, профессор

ТРАДИЦИИ ПИВОВАРЕНИЯ НА ВОЛОГОДЧИНЕ В ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Наше исследование базируется на изучении пищевой традиции Вологодчины, репрезентированной в живой диалектной речи наименованиями пищи и кухонной утвари. Материалом исследования послужили данные Саратовского диалектологического корпуса текстов (населенные пункты: с. Мегра (далее – Мег.) (1976–2014 гг.); деревни Тотемского района (далее – Тот.) (2015, 2017, 2018 гг.).

Русский Север по праву называют колыбелью, заповедником русской культуры, «хранителем “генофонда” национальной культурной традиции» [4]. Самобытность Русского Севера сохранялась в условиях разложения традиционной культуры России (рубеж XIX–XX вв.), на наш взгляд, сохраняется и сегодня – в условиях всеобщей глобализации.

Тема питания относится к одной из базовых тем диалектного дискурса. Наименования пищи и кухонной утвари репрезентируют специфику пищевой традиции как повседневной жизни, так и праздничной. Праздники

как церковного, так и светского характера традиционно сопровождалась и сопровождаются особыми обычаями, а также блюдами и напитками. Трапеза «является средством выхода из круга обыденности за счет специфического приготовления, особого выноса и ритуального вкушения праздничных блюд» [1, с. 129].

К традиционным ритуальным блюдам и напиткам, маркирующим культуру праздника в народной жизни, относятся *каши*, всевозможная *выпечка*, *пиво*.

Лексика, тематически связанная с пивоварением и традициями употребления пива на Русском Севере, неоднократно становилась объектом изучения диалектологов (например, К. В. Осиповой) [2; 3]. В рамках настоящего исследования рассматривается представленность и степень сохранности данной лексики в живой диалектной речи на современном этапе развития лексической системы изучаемых говоров.

В анализируемом материале тема пивоварения специально не задавалась диалектологами, она сопровождает беседу о праздниках вообще. Система уточняющих вопросов использовалась диалектологами уже в процессе беседы. Записи речи сельских жителей Вологодчины свидетельствуют о том, что общие фрагменты ритуальной картины мира, связанные с варкой пива, в сознании диалектоносителей сохраняются.

Наименования хмельного напитка, представленные в речи информантов, можно разделить на три группы: 1) общие, нейтральные наименования – *пиво*, 2) наименования, указывающие на место изготовления пива, – *пиво домашнее*, *пиво деревенское* (ср.: *пиво-то деревенское / ой девочки до чего вкусно было / ага* (Тот., 2015)), 3) наименования, содержащие в значении оценочный компонент, – *пивцо*, *пивко*, *пивишко* (*пиво варили / раньше водки в деревне денежек-то нет / пиво называли солод варили сначала / на солоду пивко-то вкусное / не что щас брага!* (Цар., Тот. р-н, 2017); *а пивишко сварят* (Мег., 2009)).

Рассказывая о процессе пивоварения, диалектоносители употребляют слова *варить*, *сварить*, *наварить*, *заваривать* пиво (ср.: *такие праздники заваривали пиво домашнее* (Мег., 2012)), процесс брожения обозначается глаголом *ходить*, процесс употребления пива выражается глаголами *пить*, *пивать*, *выпивать*, *пивнуть*, *угощать* (ср.: *я пива не пивала вам честно говорю / но вот туда де / то курсы закончила да выпила / дак там в ресторане приносили / пиво пивнула / не мое не хочу я* (Тот., 2015)).

Среди основных продуктов, используемых для приготовления пива, называют *песок* ('сахар'), *сахар*, *дрожжи*, *воду*, *кипяток*, *хмель* (*вот кипяток / сахар да дрожжи все* (Мег., 2012)), *хмель* использовали редко

(ср.: ну вода / ну вот / **хмелю тогда не рóстили** / это **редко** у кого (Мег., 2014); у кого была **хмель** да **кладывали** а не было дак... (Мег., 2014)).

Пиво различалось по крепости, которая зависела от времени брожения напитка. Некоторые информанты вспоминают, что варили «какое-то суслое», которым угощали даже маленьких детей, ср.: *наварят этого / пива / да вот пивом угощают да **какое-то суслое** еще варили / суслое это **вкусное** такое / **сладкое-пресладкое** / это детям маленьким давали / а вот пиво / пили* (Мег., 2009). Вообще варка сусла являлась первым этапом пивоварения.

Пиво варили как дома, так и на улице. Утварь, в которой варили пиво, отличалась большими размерами. Чаще всего на улице пиво варили в специальных чанах, котлах. В речи диалектоносителей встречаются наименования *ведро, бак, посудина*, ср.: *дома значит устраивают / приглашат там знакомых / которые хорошие / приятелей / удружит кто с кем / вот этоц... / наварят этоц **бак** / друзей песку / и этого / ну вода / ну вот / хмелю тогда не **ро'стили** / это редко у кого / ну вот / этот бак наварить и приглашают гостей* (Мег., 2014); *как праздник подходит и **пиво ведро вот так заварим** / пива эдакого и вот это пилось* (Мег., 2012).

В традиционной культуре статус участников пивоварения и угощения пивом гостей был регламентирован. Существовал ряд номинаций, именующий человека, которому доверили угощать пивом гостей во время трапезы (ср.: *пивонос, наливник*) [2]. В наших контекстах подобные наименования отсутствуют, указывается лишь на то, что пиво могла варить каждая семья, во главе процесса стоял кто-то из старших, ср.: – *А кто-то у вас был, определенные жители раньше, которые пиво варили? – Да каждая семья варила // – А кто у вас его варил? – А у нас варили мама либо папа либо завариват...* (Мег., 2012).

Диалектоносители неоднократно подчеркивают: пиво и другие алкогольные напитки употреблялись только по праздникам, в повседневной жизни употребление алкоголя не приветствовалось, ср.: – *А вот пиво пили // – Пряма вот сами варили? – Ну / когда праздник / вот на праздник / только на праздник а там уж / рабочая* (Мег., 2009).

Традиции пивоварения в том виде, в каком они издавна существовали на Севере повсеместно, ушли в прошлое. Однако встречаются контексты, в которых информанты рассказывают о сохранности традиционной культуры празднования значимых праздников в некоторых деревнях, ср.: *А не знай / вот нынче у нас праздновали Троицу / ну Троицу вот знаешь вот и прошлый год праздновали / это праздник Вожбольского поселения / у нас есть Вожбол / тако место / вот / и ну нын... **прошлый-то год там деревнями собирались / накрывали столы / там кто***

чего напекет пирогов / там кто приготовит какое блюдо / то ли пиво наварят вот они ну там / и даже съезжаются из города дети приезжают / усаживаются все за стол / разговоры разговаривают / поют / пляшут / свои вот эти частушки / песни / вот (Вар., Тот. р-н., 2015).

Таким образом, лексика, связанная с темой пивоварения, актуализируется в речи диалектоносителей в рассказах-воспоминаниях о прошлой жизни. В сознании диалектоносителей старшего поколения сохраняются представления о традиционном процессе пивоварения, однако многие воспоминания носят фрагментарный характер.

Список использованной литературы

1. Банкова, Т. Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективация в языке / Т. Б. Банкова // Сиб. филол. журн. – 2008. – № 4. – С. 128–138.
2. Осипова, К. В. Традиции употребления пива на русском севере: этнолингвистический аспект / К. В. Осипова // Славян. альм. – 2017. – № 3–4. – С. 463–478.
3. Осипова, К. В. Лексика пивоварения на русском севере: этнолингвистический аспект / К. В. Осипова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2017. – № 48. – С. 57–73.
4. Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века). – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 296 с.

К содержанию

А. С. ЗИМИНА

Минск, БГУ

Научный руководитель – А. В. Квачек, канд. филол. наук, доцент

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РАЗГОВОРНОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологические единицы являются важным лингвистическим наследием любого языка. Несмотря на то, что в гуманитарных науках изучению фразеологии посвящены работы многих исследователей, на данный момент эта тема остается все еще актуальной из-за обширности ее изучения в различных аспектах языкознания. Поэтому мы сконцентрировали данное исследование в рамках лингвокультурологического и этимологического аспектов. В данной работе будет проанализировано восемь французских фразеологических единиц с различными компонентами для выявления этнокультурной специфики французского народа.

Фразеология понимается французскими лингвистами как один из разделов языкознания, в котором сосредоточено внимание на изучение устойчивых фраз и их значений. История французской фразеологии начинается еще со времен старофранцузского языка, где широко применялось

употребление пословиц и поговорок. Термин «фразеология» относится к началу XX в. Он был введен Ш. Балли только в 1905 г. Его труды оказали большое влияние на распространение этого понятия в лингвистике. При этом сам лингвист не выделял ее еще как отдельную науку. А. Г. Назарян описывает вклад ученого в развитие французской фразеологии так: «за весь период после выхода трудов Ш. Балли, вплоть до наших дней, во французском языкознании не появилось ни одной сколько-нибудь значительной работы, посвященной исследованию теоретических основ фразеологии, хотя французский язык дает широкие возможности и содержит богатейший материал для такого исследования» [1, с. 8]. Исходя из этого, можно заявить, что Ш. Балли и его изобретение термина «фразеология» положило начало более углубленным изучениям места устойчивых выражений в области языкознания.

Устойчивые выражения также могут являться маркерами языковой личности, будь то один конкретный человек или же целый народ. В последнем же случае они способны отражать в себе национальную культуру. Говоря про фразеологический состав языка, В. Н. Телия подмечает, что это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [2, с. 82], так как фразеологизмы навязывают своим пользователям особую концепцию видения мира. Исходя из мнений исследователей, этические идеалы и принципы французов, которые представляют из себя национально-культурную базу языковой личности, находятся глубоко во всех психических явлениях за рамками сознания. В языковом сознании, которое обеспечивает многочисленные приспособления языковой деятельности, фразеология предстает в виде одной из основ, отображающих менталитет.

Национальный характер французов хорошо отображается в высказываниях о других народах в качестве этнического юмора. При этом за комизмом зачастую скрывается определенная неприязнь к людям конкретной национальности, выработанная несколько веков назад на фоне исторических и культурных событий. Возьмем несколько примеров:

Bâtir des châteaux en Espagne – строить воздушные замки (‘строить замки в Испании’);

Parler un Suisse – говорить со стеной (‘говорить со швейцарцем’);

Saoul comme un Polonais – сильно напиться (‘напиться как поляк’);

Filer à l'anglaise – уйти не прощаясь (‘уйти по-английски’);

C'est du chinois – бессмыслица, непонятное (‘это на китайском’).

Исходя из данной выборки выражений, можно выделить то, что французы считают свою нацию превосходящей в сравнении с другими. Они отражают стереотипное видение людей из разных точек мира французами, концентрируя внимание в основном на их отрицательные качества

и привычки. Чужой быт, язык и образ жизни непонятен французам, поэтому в основном такие аспекты высмеиваются.

Важными элементами национальной культуры предстают также и суеверия и приметы, сформировавшиеся еще в давние времена. За счет особенностей проживаемой территории, климатических условий и образа жизни, в каждой нации образовались свои ритуальные знаки. Как и любой другой народ, французы имеют собственные поговорки и мудрости, связанные с возможным будущим. Тем не менее, благодаря контактам с другими народами, часть выражений схожа и с привычными для нас приметами. Рассмотрим и проанализируем несколько французских поверий:

Araignée du matin, chagrin, araignée du midi, souci, araignée du soir, espoir – паук утром – к горю, паук днем – к тревоге, паук вечером – к надежде (‘утренний паук – горе, полуденный паук – беспокойство, вечерний паук – надежда’). Примета имеет связь с погодой, так как если вы встретите паука за плетением паутины утром, то, значит, роса не выпала, а это к дождю, следовательно отсюда и печаль. Встретить плетущего паука днем означает, что может быть буря, однако если он занят этим вечером, тогда будет хорошая погода.

Mettre le pain à l'envers – положить хлеб горбушкой вниз (‘положить хлеб вверх дном’). Данное выражение пришло от одного исторического факта, где пекари оставляли хлеб вверх дном для палача в день публичной казни, чтобы другие жители его не трогали. В какое бы время ни проводилась казнь, у палача всегда был свой хлеб.

Toucher du bois – постучать по дереву (‘прикасаюсь к дереву’). Этим выражением француз отгоняет от себя возможную неудачу с помощью прикосновения к дереву. Истоки толкования этого суеверия приходят из средних веков, когда распространялось христианство. Верующие связывали символ дерева с крестом, на котором распяли Иисуса Христа.

Из данных французских суеверий можно составить мнение, что большинство из них сформировались во времена Средневековья. Это не удивительно с учетом того факта, что еще несколько веков назад вера занимала большое место в жизни человека. Отражение быта Средневековья также укоренилось в приметах. Несмотря на то, что времена уже давно поменялись, многие французы продолжают соблюдать эти традиции и верят в их последствия.

Анализ фразеологических единиц позволяет показать картину мира языковой личности француза, разнообразие ее культурного опыта на протяжении существования самой нации, ее отличие от языковых личностей других народов. Делая вывод из данного исследования, можно определить такие качества французской языковой личности, как патриотизм, индивидуальность, религиозность, соблюдение традиций своего народа. Активное

употребление французами устойчивых выражений в повседневной жизни говорит о высоком культурном образовании этой нации и заинтересованности в собственной истории.

Список использованной литературы

1. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка : учебник / А. Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 288 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.

К содержанию

П. Ю. ЗИНОВЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ КАНАЛАХ МЕССЕНДЖЕРОВ

В информационную эпоху средства массовой коммуникации (особенно мессенджеры и социальные сети) становятся не просто каналом человеческого общения, но и главной виртуальной площадкой для реализации инвективного дискурса. Специфика интернет-коммуникации (возможная анонимность, отсутствие непосредственного контакта между коммуникантами, раскрепощенность, нарушение устоявшихся норм общения, жаргонизация и инвективизация речи) существенно обостряет в том числе и социально-политическую ситуацию. В этой связи выявление и оценка агрессивного контента, отбор и систематизация языковых средств, используемых для выражения речевой агрессии, становится насущной задачей для специалистов, проводящих исследования в области юрислингвистики. Целью настоящей работы является анализ и систематизация языковых средств, использование которых порождает агрессию при осуществлении коммуникации в Интернете.

Изучением характера функционирования языковых средств, выражающих агрессию, занимаются многие ученые, в частности В. Ю. Апресян, И. А. Стернин, А. М. Плотникова, О. Н. Матвеева, А. Н. Баранов, М. А. Осадчий, Е. И. Галяшина, К. И. Бринев, Б. Я. Шарифуллин и др. Однако, несмотря на наличие многочисленных научных работ, данная область лингвистики привлекает внимание исследователей разного уровня и квалификации.

Материалом для исследования специфики проявления вербальной агрессии пользователей сети Интернет послужили русскоязычные тексты, размещенные на каналах интернет-мессенджеров.

По жанру интернет-комментарий (сетевой комментарий) представляет собой короткое сообщение, входящее в общественную (групповую) коммуникацию и выражающее мнение об исходном сетевом материале (первичном, опорном тексте). В структурно-семантическом отношении сетевые комментарии характеризуются небольшим объемом и формальной завершенностью. Однако в семантическом отношении целесообразно рассматривать комментарии в совокупности с исходным текстом, образующим с ними единое коммуникативное, структурно-семантическое пространство: в рамках одного дискурсивного поля исходный текст задает смысловое направление и представляет информацию о предмете речи, а сообщения пользователей-комментаторов, как правило, выражают их отношение к информации, имеющейся в исходном тексте [6].

Лексико-семантический уровень речевой агрессии представлен чаще всего инвективной лексикой (инвективами). В широком смысле под инвективной понимается любое высказывание, имеющее коммуникативную целеустановку унижить, оскорбить кого-либо. Инвективный характер имеют те лексические единицы языка, которые, собственно, и существуют для того, чтобы «обзывать», т. е. выражать отрицательную оценку адресата, свое к нему презрение, неуважение и т. п., негативную экспрессию [2]. В словаре лингвистических терминов Т. В. Матвеевой приведено следующее определение: «Инвективная лексика – средство создания инвективы, а именно слова и выражения с резкой адресной отрицательной оценкой» [3]. По определению Л. Ю. Иванова, инвективная лексика представляет собой «слова и словосочетания, используемые как средства выражения резко отрицательной оценки, средства хулы и поношения лиц, предметов и явлений действительности» [5].

Наиболее обширная классификация инвективной лексики разработана специалистами Гильдии экспертов-лингвистов по информационным и документационным спорам (ГЛЭДИС) [5, с. 329–330]. Таковыми являются, например, слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность, приобретающие инвективную экспрессию при употреблении в переносном значении (*вор, бандит, проститутка*); слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого (*предатель, холуй*); названия некоторых профессий, употребляемых в переносном значении (*палач, мясник*); зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства

человека (*свинья, петух, обезьяна*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т. п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию (*негодяй, мерзавец, хам*); глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (*запугивать, отбирать, избивать, украсть, убить, издеваться, надсмехаться*) и др.

Большую часть инвективной лексики составляют пейоративы – слова, словосочетания, устойчивые обороты, оценочные высказывания, содержащие негативную характеристику личности, личных качеств, поведения адресата [2].

В анализируемых текстах постов и комментариев к ним была выявлена негативная оценка лиц, выраженная посредством следующих семантических типов слов, относящихся к пейоративам:

– номинации лица, не мотивированные какими-либо его качествами: *мразь, тварь, гадина, сволочь, чмошник*;

– номинации лица по его интеллектуальным качествам: *придурок, дебил, идиот, недоразвитый, недоумок*;

– номинации лица по особенностям внешности: *урод, хлюпик, свинорыло, дрыщ, мордovorot*;

– номинации лица по профессиональной принадлежности: *мент, чинуша*;

– номинации лица, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *предатель, ворюга, проститутка, шлюха, мошенница, аферист*;

– номинации лица по принадлежности к сексуальным меньшинствам: *гей, педик*.

Речевая агрессия может быть выражена посредством метафорических номинаций:

– зооморфные метафоры: *свинья, хряк, кабан, псина, вошь*;

– наименования результатов физиологических отпавлений и отходов жизнедеятельности: *дерьмо, сопля*;

– наименования сторонников Гитлера, работников полиции фашистской Германии и т. п.: *фашист, полицай, каратель, гестаповец*;

– наименования существ, олицетворяющих злое начало по религиозным представлениям: *упырь, дьявол, черт, нечисть*;

– прецедентные имена (известные литературные персонажи, исторические личности, чьи имена стали нарицательными): *маленький Наполеон, потомок Шарикова*.

Обобщая результаты анализа и систематизации лексических средств, при помощи которых выражается речевая агрессия в текстах постов и комментариев к ним, отметим, что указанное речевое поведение

зачастую направлено на негативную оценку лица по личным качествам с целью унижить, оскорбить, т. е. понизить социальный статус адресата оценки. Для этого используются разнообразные лексические средства, в частности пейоративы и метафорические номинации.

Список использованной литературы

1. Галяшина, Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза : учебник / Е. И. Галяшина, О. Ю. Антонов, В. О. Кузнецов. – М. : Проспект, 2022. – 424 с.
2. Иванов, Л. Ю. Инвективная лексика / Л. Ю. Иванов // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 209–210.
3. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.
4. Судебная лингвистика : монография / О. Н. Матвеева [и др.]. – Барнаул : Концепт, 2015. – 310 с.
5. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под. ред. проф. М. В. Горбаневского. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Галерея, 2002. – 424 с.
6. Щипицина, Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария / Л. Ю. Щипицина // Вестн. Башкир. ун-та. – 2015. – Т. 20. – С. 528–532.

К содержанию

П. Ю. ЗИНОВЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

РОЛЬ ЭКСПРЕССИВОВ В АГРЕССИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ КАНАЛОВ МЕССЕНДЖЕРОВ)

В настоящее время статус речевой агрессии как лингвистического явления считается неопределенным. Е. Н. Басовская приводит двоякое толкование термина «агрессия». При узком понимании в качестве агрессивного исследователь рассматривает речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление, насмешка, угроза, злопожелание; при широком понимании – все виды наступательного, доминирующего поведения [2]. Под речевой агрессией в общем смысле понимают «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [6]. Б. Я. Шарифуллин приводит юрислингвистически ориентированное определение речевой (языковой, вербальной) агрессии, ссылаясь на «Материалы к энциклопедическому словарю “Культура русской речи”»

О. Н. Быковой: «Форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [3, с. 96]. В. Ю. Апресян в работе «Имплицитная агрессия в языке» в качестве языковой агрессии рассматривает «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [1].

Е. И. Шейгал различает следующие виды агрессии: 1) эксплетивная – наиболее прямая, резкая, импульсивно-эмоциональная форма вербальной агрессии (бранные инвективы, речевые акты угрозы, экспрессивные волитивы, вердикты, категоричные требования и призывы); 2) манипулятивная – более рационально-осознанная форма вербальной агрессии, как правило основанная на идеологических трансформациях исходного смысла (инвективные ярлыки, средства диффамации, запрет на речь); 3) имплицитная агрессия, связанная с завуалированным выражением соответствующего иллокутивного намерения (косвенные речевые акты, не прямые предикации, иронические инвективы) [7, с. 254]. Очевидно, что в первом виде агрессии экспрессивные средства языка применяются наиболее активно, они являются главной отличительной чертой эксплетивной агрессии.

Материалом для исследования экспрессивных средств вербальной агрессии пользователей сети Интернет послужили русскоязычные тексты, размещенные на каналах интернет-мессенджеров.

По жанру интернет-комментарий (сетевой комментарий) представляет собой короткое сообщение, входящее в общественную (групповую) коммуникацию и выражающее мнение об исходном сетевом материале (первичном, опорном тексте). В структурно-семантическом отношении сетевые комментарии характеризуются небольшим объемом и формальной завершенностью. Однако в семантическом отношении целесообразно рассматривать комментарии в совокупности с исходным текстом, образующим с ними единое коммуникативное, структурно-семантическое пространство: в рамках одного дискурсивного поля исходный текст задает смысловое направление и представляет информацию о предмете речи, а сообщения пользователей-комментаторов, как правило, выражают их отношение к информации, имеющейся в исходном тексте [8].

В ходе анализа способов проявления речевой агрессии было установлено, что комментаторы часто используют экспрессивные речевые средства, при помощи которых выражается эмоциональное отношение к лицу – предмету речи. «Это слова-характеристики, которые выражают эмоциональное отношение к человеку, явлению, факту» [5]:

– экспрессивно-оценочные производные существительные, образованные при помощи эмоционально-оценочных суффиксов с уменьшительно-уничижительным значением (диминутивы): *лошарик, петушок*;

– экспрессивно-оценочные производные существительные, образованные при помощи суффиксов с увеличительно-уничижительным значением (аугментативы): *маньячидло, швалюга, тварина*;

– экспрессивно-оценочные номинации, образованные путем окказионального словообразования: *прикорытник, ущербы*;

– негативно-оценочные прилагательные: *безграмотный, ущербный, мерзкий, отмороженный, бестолковый, безмозглый, недалекий*.

Другими частотными средствами речевой агрессии выступает обценная лексика, характеризующаяся лексемами-обценизмами и их производными, лексемами-дисфемизмами. Как считает известный писатель М. Веллер, «большинство языков содержит табуированные выражения. Их применение – акт экспрессии. Нарушить табу – это сильное действие, соответствующее сильным ощущениям. Именно запрещенностью, неформальностью мата определяется его высокая энергетичность и многозначность, многофункциональность: выражение крайней степени и порицания, и одобрения, выражение неформальности отношений (хотя бы в конкретном случае) между говорящим и слушающим, возможность замены им любого слова в контексте (эдакий «лингвистический джокер»), самоутверждение через взлом табу, юмористический эффект от включения запретного стилистического пласта и т. д.» [4, с. 130–131].

Еще одно экспрессивное средство – фразеологизмы: *одна извилина и та кривая, мозги на место не встали, готов родную мать продать*. Дополнительную экспрессию придает трансформация фразеологических единиц, в частности добавление компонентов: *морда просит кирпича и навоза*.

Таким образом, в результате анализа агрессивного дискурса на материале русскоязычных текстов, размещенных на каналах указанных интернет-мессенджеров, установлено, что для выражения речевой агрессии зачастую используются экспрессивные средства языка. Уничижающие характеристики лица – предмета речи выражаются посредством таких экспрессивных речевых средств, как диминутивы, аугментативы, окказионализмы, негативно-оценочные прилагательные, фразеологизмы, а также посредством обценной лексики и лексем-дисфемизмов, использование которых в любой сфере общения недопустимо.

Список использованной литературы

1. Апресян, В. Ю. Имплицитная агрессия в языке [Электронный ресурс] / В. Ю. Апресян // Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям: сб. ст. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Аpresian.html>. – Дата доступа: 31.01.2021.

2. Басовская, Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. – Новосибирск : НГУ, 2004. – Вып. 7. – С. 257–263.

3. Быкова, О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации / Краснояр. гос. ун-т ; под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск ; Ачинск, 1999. – Вып. 1 (8). – С. 96–99.

4. Веллер, М. Кассандра / М. Веллер. – СПб. : Фолио, 2002. – 398 с.

5. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову в день его 60-летия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 103–125.

6. Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 562–564.

7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.

8. Щипицина, Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария / Л. Ю. Щипицина // Вестн. Башкир. ун-та. – 2015. – Т. 20. – С. 528–532.

К содержанию

Д. М. КАМЕНЕВ

Ижевск, УдГУ

Научный руководитель – Л. Ф. Килина, канд. филол. наук, доцент

ПОЛЬСКОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *wrażliwy* И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ И НКРЯ)

Проблема выбора семантического эквивалента была и остается одной из центральных проблем в переводоведении. С 60-х гг. прошлого века, с развитием компьютерных технологий и возникновением такого понятия, как «корпусная лингвистика», появилась возможность более четко осмыслить рассматриваемое понятие. Это осмысление связано с созданием и интенсивным пополнением Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), а также корпусов ряда других языков, которые дают возможность провести параллельный анализ контекстных единиц из разных языковых семей, что в свою очередь дает лингвистам богатый материал для дальнейшего сопоставления и изучения.

В связи со сказанным можно говорить об актуальности данной работы, основная цель которой – выявление вариантов перевода польского прилагательного *wrażliwy* на русский язык. Научная новизна исследования заключается в применении материалов параллельного подкорпуса НКРЯ,

а также в том, что ранее варианты перевода прилагательного *wrażliwy* не рассматривались. Объект изучения – явление эквивалентности (вариативности) в переводе с близкородственных языков, предмет – особенности семантики польской лексемы *wrażliwy* и соответствующих ей в русском языке вариантов перевода. Исследование проводилось на материале художественных текстов, представленных в польско-русском параллельном подкорпусе НКРЯ.

При проведении лингвистического анализа мы использовали два вида лексикографических источников: толковые словари и переводные. В толковых словарях нам важно было выяснить значение польского слова *wrażliwy* и его главного русского эквивалента – прилагательного *чувствительный*, а также определить, что является главным в толковании слова: внутреннее качество человека или внешнее воздействие на него. На материале «Wielkiego Słownika Języka Polskiego» было установлено, что в польском языке *wrażliwy* – это характеристика человека, который реагирует на раздражители и имеет склонность сильно переживать (на уровне психики) [4], а «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова указывает на способность воспринимать внешние (физические) раздражения, значение же внутреннего качества указывается только в трех дефинициях: ‘способный живо чувствовать, воспринимать; впечатлительный’ [1, с. 1485]. Из этого следует, что для польского языка характерно восприятие мира через внутренние ощущения, а в аспекте русского языка характерно восприятие мира через реакции. Эти параметры также учитывались при анализе контекстов.

Выше уже упоминалось, что центральным эквивалентом было выбрано прилагательное *чувствительный*, однако «Uniwersalny słownik języka polskiego» предлагает также вариант *впечатлительный* [5, с. 533], а М. Ф. Розвадовская в своем переводческом словаре указывает и эквиваленты *восприимчивый*, *чуткий* [3, с. 698].

Практическая сторона данной работы заключается в контекстном анализе выбранных переводчиками эквивалентов на материале параллельного польско-русского подкорпуса НКРЯ. Было рассмотрено 32 контекста из художественной литературы: 22 из них переведены с польского языка на русский и 10 с русского языка на польский. В 22 контекстах переводов с польского языка на русский были обнаружены варианты *впечатлительный* (6), *чувствительный* (3), *восприимчивый* (2), *чуткий* (2), а также встретились эквиваленты *сентиментальный*, *искусный*, *заботливый*, *наблюдательный*, *безразличный*, *льстивый*, *трусливый*. Все они характеризуют человека и его внутренние качества. Стоит отметить, что два варианта перевода исследуемого прилагательного из книги Станислава Лема (*чувствительный* и один вариант переведен формой глагола *реагировать*)

семантически относятся к внешнему воздействию: «Wylotowe zawory okazały się *wrażliwe* na korodujące działanie trującej atmosfery» – «Выходные клапаны оказались очень *чувствительными* к корродирующему действию ядовитой атмосферы», «Oczywiście, fotokomórka, *wrażliwa* na zapadający zmierzch» – «Очевидно, фотоэлементы *отреагировали* на наступающие сумерки» (S. Lem. Solaris, 1961. Перевод: Д. Брускин, 1973) [2]. Это внешнее воздействие оказывается предметом на предмет. Можно сделать вывод о том, что чувствительность, связанная с реакцией, более характерна в переводах при описании неживых объектов, элементов природы.

В ходе изучения 10 контекстов переводов с русского языка было обнаружено три контекста с вариантом *восприимчивый*, а также варианты *чувствительный*, *льстивый*, *нежный*, *отзывчивый*, *чуткий*. В переводе книги В. Набокова *wrażliwy* встречается как эквивалент прилагательного *милостивый* (в обращении *милостивые государыни*): «Милостивые государыни, чуткие госпожи присяжные, я даже не был ее первым любовником!» – «*Wrażliwe panie sędziny, nie byłem nawet jej pierwszym kochankiem*» (В. В. Набоков. Лолита, 1967. Перевод: М. Кłobukowski, 1997) [2]. Здесь также обнаруживаем *wrażliwy* как эквивалент прилагательного *чувствительный*, которое употребляется, чтобы передать реакцию на тактильный контакт (т. е. на внешнее раздражение): «После чего я смял в комочек бумажную салфеточку, которой вытирал кончики пальцев – они у меня весьма *чувствительные* – и, ловко метнув его в приготовленный для этого ресептакль, выплыл в холл» – «*Po czym zręcznie trafiłem chusteczką papierową, w którą wytarłem *wrażliwe* opuszki palców, do przygotowanego na ten cel naczynia, i ruszyłem w stronę hallu*» (В. В. Набоков. Лолита, 1967. Перевод: М. Кłobukowski, 1997) [2].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в переводе прилагательного *wrażliwy* с польского языка на русский в некоторых ситуациях переводчики используют варианты, которые не представлены в переводческих словарях (например, *безразличный*, *наблюдательный*, *льстивый*, *искусный* и ряд других), что никак не влияет на качество перевода и не искажает смысл переводимого текста. В переводах с русского языка на польский переводчики также используют ряд вариантов, которые не указаны в переводческих словарях (например, *нежный*, *отзывчивый*), однако большая часть вариантов соотносится с примерами употреблений в переводческих словарях, например *впечатлительный* и *чувствительный*.

Мы обнаружили несколько вариантов перевода, которые имеют значение, связанное с реакцией на внешнее воздействие, однако большинство переводчиков опиралось все же на идею о внутреннем качестве человека. Вероятно, это связано с тем, что для анализа были выбраны контексты

из художественной литературы, для которой характеристика героя с точки зрения его внутреннего мира становится ведущей.

Список использованной литературы

1. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Норинт, 1998. – 1535 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new>. – Дата доступа: 10.05.2022.
3. Розвадовская, М. Ф. Польско-русский словарь : ок. 50 000 слов и выражений / М. Ф. Розвадовская. – 5-е изд. – М. : ГИС, 1958. – 816 с.
4. Wielki Słownik Języka Polskiego [Zasób elektroniczny]. – Reżym dostępu: <https://wsjp.pl>. – Data dostępu: 25.03.2022.
5. Chwatow, S. Uniwersalny słownik polsko-rosyjski, rosyjsko-polski / S. Chwatow, R. Hajczuk. – Warszawa : Rea, 2005. – 560 s.

К содержанию

КАН ЖОШИ

Минск, БГУ

Научный руководитель – А. М. Калюта, канд. филол. наук, доцент

МИФИЧЕСКИЙ ДРАКОН В РЕАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Идиомы – свойственные определенному языку устойчивые словосочетания, характерными чертами которых является высокая степень обобщенности значения и эмоционально-экспрессивное наполнение. В таких фразеологизмах ярко проявляется национальный менталитет, национальный дух и традиции. Можно сказать, что знание такой фразеологии крайне важно для понимания культуры и языка нации, в том числе китайской.

Китайские фразеологизмы – важнейшая характерная составляющая китайской традиционной культуры. Отличаясь от пословиц и поговорок, китайский фразеологизм обычно состоит из четырех иероглифов и имеет конкретное значение. Он применяется как единое целое в предложении, его можно использовать как подлежащее, дополнение, определение и т. д. Некоторые фразеологизмы сами по себе являются предложениями. Большинство фразеологизмов сохранились с древних времен и представляет собой повествование или намек.

Дракон – древнейший символ китайской нации, зафиксированный во фразеологии в большом количестве. Сопоставление значений дракона в фразеологизмах разных языков способствует пониманию существующих различий в языковой картине мира. Мы изучили лингвокультурологическое представление о драконе в китайской фразеологии в свете проводимого нами ассоциативного исследования китайских зоонимов.

В книгу «中华成语故事» («Китайские идиомы и рассказы») включены 82 широко используемых и представительных фразеологизма. Среди них всего 8 фразеологизмов, связанных с драконом:

笔走龙蛇 ‘взмах кисти – словно извивание дракона и змей’;

画龙点睛 ‘нарисовав дракона, пририсовать ему зрачки’;

叶公好龙 ‘Е-гун любит драконов’;

虎踞龙盘 ‘в этом месте дракон свивался в клубок, тигр приседал на корточки’;

望子成龙 ‘надеяться на то, что сын станет драконом’;

来龙去脉 ‘описывает человека или предмет, история которого известна в подробностях от начала до конца’;

龙争虎斗 ‘борьба между драконом и тигром’;

龙飞凤舞 ‘почерк исключительно красив, как взлет дракона и пляска феникса’ [2, с. 241].

Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Хуай Су (怀素), живший во времена династии Тан, был известным каллиграфом и достиг огромных высот в каллиграфии. Когда великий поэт Ли Бай (李白) увидел его каллиграфию, он признал его непревзойденным и написал стихотворение «草书歌行 («Напев о скорописи»)», выразив восхищение его выдающейся каллиграфией. В стихотворении есть ставшая знаменитой фраза: «怳怳如闻神鬼惊, 时时只见龙蛇走». Это значит, что «люди, которые смотрели, как вы пишете, были удивлены, как будто увидели Бога. Я видел летающих драконов и гигантских питонов, блуждающих по моим глазам». Отсюда и берет начало этот фразеологизм. Используя этот фразеологизм, можно описать чью-то каллиграфию свободно, мощно и величественно [2, с. 20]. В этом фразеологизме образ дракона выглядит внушительно. У него есть и синоним *龙飞凤舞*, который значит, что почерк исключительно красив, как взлет дракона и пляска феникса [3].

Чжан Сэньюй был известным художником династии Лян. Однажды император приказал ему нарисовать дракона на стене храма Анле в Цзиньлинге. Через некоторое время на стене появились два реалистичных дракона, но император обнаружил, что у них нет глаз, и спросил у Чжан Сэньюя о причине. Тот ответил: «Если нарисовать глаза, драконы улетят». Никто не поверил, и император приказал ему дорисовать глаза. Чжан Сэньюю пришлось открыть глаз у одного из драконов. В одно мгновение вспыхнула молния и загредел гром, а дракон действительно улетел [2, с. 82]. Соответствующий фразеологизм обозначает, что нужно кратко указать основную тему в ключевых местах, чтобы сделать содержание

ярким. Изучая источник этого фразеологизма, можно обнаружить, что дракон был очень важным тотемом в древнем Китае [4].

Фразеологизм 望子成龙 значит ‘надеяться на то, что дети добьются успеха в жизни’. В этом фразеологизме дракон символизирует человека необычайного таланта. Кроме этого, есть еще фразеологизмы 龙驹凤雏 и 龙蟠凤逸, в которых существует схожий образ дракон [1].

Проведенный анализ показал, дракон в китайской культуре является символом духовности и благоприятности, а также представляет верховную имперскую власть. Он представлен в китайской фразеологии как высшее существо, почитаемое китайским народом.

В других языках тоже есть фразеологизмы с компонентом *дракон*. Но в сравнении с китайскими их количество невелико. В русском языке находим *драконовские законы* и *посеять зубы дракона (посеять кости дракона)*, хотя связь первого с мифическим драконом весьма условна.

Одного из самых первых афинских законодателей звали Дракон, или точнее Драконт. Именно он впервые собрал и записал действовавшие в Афинском государстве старые законы. Эти законы отличались своей необычайной суровостью: даже за кражу плодов человека приговаривали к смертной казни. Выражение *драконовские законы* обозначает самые безжалостные и суровые меры пресечения. Это соответствует представлению о драконе как о символе зла в русском сознании.

Фразеологизм *посеять зубы дракона (посеять кости дракона)* также поддерживает негативное представление о драконе в русской культуре. Как и многие другие, этот фразеологизм пришел из древнегреческой мифологии, в частности из мифа о герое Кадме в связи с похищением Европы Зевсом. Оракул сказал ему пойти за коровой, которая встретится ему во время выхода из храма и приведет его к дракону. Убив дракона, герой разбросал его зубы и засеял поле. Из зубов выросли воины и бросились на Кадма. По совету Афины, он швырнул камень, и они перебили друг друга. На основе этого мифа и возник фразеологизм, который чаще всего употребляют в значении ‘посеять вражду, раздор и смуту’.

В английском языке также находим фразеологизм с компонентом *дракон: here be dragons* (‘здесь есть дракон’). Он часто использовался в XVIII в., особенно на картах для предупреждения людям не ходить в отмеченные отдаленные и опасные места, где, как считается, обитают монстры.

Итак, рассмотрение фразеологии показало, что между драконом в китайской культуре и западным представлением о драконе есть большая разница. Дракон занимает очень большое место в китайском мировоззрении. Это существо на протяжении всей истории Китая было и остается

священным. А дракон в представлениях европейцев существует как воплощение зла, жестокости и жадности.

Список использованной литературы

1. Никифоров, В. П. Образ дракона в языковой картине мира китайцев (на материале фразеологических единиц) / В. П. Никифоров, У. В. Хоречко // Молодой ученый. – 2015. – № 11 (91). – С. 1827–1830.
2. Сунь Чжичжэн. Китайские идиомы / пер. с кит. А. С. Жмас. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Шанс, 2019. – 279 с.
3. Zhonga.ru [Электронный ресурс] : кит. онлайн-слов. – Режим доступа: www.zhonga.ru. – Дата доступа: 13.04.2021.
4. 唐·张彦远. 历代名画记·张僧繇. – М : 唐大中年间 (公元 847 年~859 年) .

К содержанию

А. А. КАРПИЕВИЧ

Минск, БГУ

Научный руководитель – А. М. Бутырчик, канд. филол. наук, доцент

ТВОРЧЕСТВО ЧИНУА АЧЕБЕ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Выпустив в 1958 г. роман «И пришло разрушение» («Things Fall Apart») Чинуа Ачебе (Chinua Achebe, 1930–2013) закладывает основу для формирования такой области литературоведения, как постколониальные исследования (postcolonial studies). Академическое изучение африканской и нигерийской литературы начинается, как только произведения набирают популярность среди читателей и литературоведов, что может свидетельствовать о востребованности авторов из бывших колоний и актуальности описываемых проблем. Постколониальные писатели артикулируют латентную необходимость угнетенных быть услышанными, поэтому неудивительно, что помимо западных исследований возникает африканская школа анализа текстов, зачастую формируемая самими авторами. Так, Ч. Ачебе в 1962 г. становится главным редактором серии книг «Heinemann African Writers Series», в которой на протяжении 50 лет издаются значимые африканские произведения. Например, Ч. Ачебе способствует изданию такого канонического текста африканской литературы, как «Не плачь дитя» («Weep Not Child», 1964) кенийского писателя Нгуги ва Тхионго («Ngũgĩ wa Thiongo», 1938). В многочисленных эссе Ч. Ачебе открывает читателям неизвестных авторов и пересматривает каноны изображения Африки в европейских романах. В сборнике эссе «Надежды и преграды» («Hopes and Impediments», 1988) писатель представляет Кристофера Окигбо

(Christopher Okigbo, 1932–1967), Кофи Авунора (Kofi Awoonor, 1935–2013) и Амоса Тутуолу (Amos Tutuola, 1920–1997) [3].

В западном литературоведении Ч. Ачебе рассматривается как один из самых влиятельных авторов за всю историю африканской литературы, его неоднократно называют ее основателем [5, p. 113]. Дебютный роман «И пришло разрушение» переведен на 57 языков и продан в количестве более чем 20 миллионов копий. До сих пор по творчеству Ч. Ачебе в англоязычных странах защищаются кандидатские диссертации, пишутся публикации, а новое поколение нигерийских авторов безоговорочно признает его влияние. В 1978 г. литературовед Бернт Линдфорс («Bernt Lindfors», 1938) составляет каталог работ Ч. Ачебе, или посвященных ему. На момент написания Б. Линдфорс перечисляет 9 биографий и справочных материалов по творчеству писателя, 19 интервью, 160 критических публикаций, 8 дипломов и 14 диссертаций [4].

Можно утверждать, что африканская литература, и произведения Ч. Ачебе в частности, не исследована в русскоязычном литературоведении. Три главных романа писателя, составляющие «Африканскую трилогию»: «И пришло разрушение», «Покоя больше нет» («No Longer at Ease», 1960) и «Стрела Бога» («Arrow of God», 1964), переведены на русский язык, однако здесь необходимо установить дату каждого перевода. Дебютный роман переведен спустя сравнительно небольшой промежуток времени Н. Дынник-Будаевой и Э. Раузиной и опубликован издательством «Художественная литература» в 1964 г. Схожая судьба и у третьего романа «Стрела Бога»: переведен В. Ворониным и издан в 1979 г. (через 15 лет после оригинала) совместно с романом «Человек из народа» («A Man of the People», 1966) в московском издательстве «Прогресс». На русском языке романа «Покоя больше нет» пришлось ждать более полувека: в 2013 г. вся трилогия собрана в один том издательства «Книговек», где впервые опубликован перевод Ю. Иванова. Для современных читателей найти печатный вариант романов затруднительно, что негативно коррелирует с аналогичной ситуацией с оригиналами, которые часто переиздаются и имеется множество версий; доступны электронные варианты.

В литературоведении первые шаги по анализу творчества Ч. Ачебе предпринимает африканист Михаил Вольпе (1951), который пишет беллетризованные биографии «Два портрета на фоне Африки. Чинуа Ачебе. Нгуги Ва Тхионго» (2003). Отступая от принципов академизма, М. Вольпе первостепенной задачей ставит популяризацию африканских романов: он сопоставляет биографию и собственный анализ произведений с размышлениями об авторах и их жизненном пути [1]. Что касается монографий и диссертаций, в которых тем или иным образом отмечается роль Ч. Ачебе, можно отметить следующую последовательность. Первой

работой является монография В. Н. Вавилова «Проза Нигерии» (1973), далее тема развивается в его труде «Англоязычная проза Тропической Африки» (1988). Роль Ч. Ачебе для нигерийской литературы рассматривается в монографии И. Д. Никифорова «Африканский роман. Генезис и проблемы типологии» (1977), диссертациях Е. Б. Туевой «Характер отражения исторического прошлого в творчестве писателей стран Африки англоязычного региона (Гана, Нигерия, Кения)» (1985), А. В. Коптеловой «Развитие нигерийского романа, 70–90-е гг. XX века» (1998), Т. М. Гавристовой «Африканские интеллектуалы в западном обществе» (2003). Ч. Ачебе упоминается в более чем десятке диссертаций и монографий – это не очень большое число, учитывая отсутствие в доступных для поиска списках белорусских авторов.

Такие интернет-ресурсы, как Cyberleninka, E-Library и Academia, в совокупности предлагают около 250 публикаций, в которых можно найти имя Ч. Ачебе – разумеется, существуют пересечения, поэтому итоговый список сокращается на треть. Среди современных литературоведов можно отметить З. В. Мокрушину, чья статья «Фортепьяно и барабаны: нигерийские литераторы о неокOLONиализме» (2016) является одной из самых доступных и репрезентативных по теме современной африканской прозы [2]. В исследованиях Н. Ю. Ильиной и А. Р. Шевченко творчество Ч. Ачебе рассматривается как предтеча стиля Чимаманды Нгози Адичи (*Chimamanda Ngozi Adichie, 1977*), которая является автором эссе, послужившего вводной статьей для издания «Африканской трилогии» 2013 г. Существует интересный прецедент: в Гродненском государственном медицинском университете несколько лет назад проведена конференция, результаты которой доступны на ресурсе E-library. Судя по именам, в сборнике с итоговыми материалами есть публикации африканских студентов: Окойе Виктори, Габриэлз Пис, Адедиран Халерб Ифеолу – посвящены они нигерийской литературе и культуре («Ярмарочная литература Нигерии», «Особенности культуры Нигерии», «Чинуа нобелевский лауреат земли африканской»). Публикации короткие (одна страница) и излагают доступную для всех в Интернете информацию – можно сказать, что на этом заканчиваются белорусские исследования роли Ч. Ачебе для нигерийской литературы.

Таким образом, из вышесказанного следует, что произведения Ч. Ачебе не исследованы в русскоязычном литературоведении. Писатель является классиком африканской литературы, поэтому посвященные разбору его романов доклады, публикации и монографии на английском языке появляются ежегодно. Актуальность романов Ч. Ачебе для белорусского читателя заключается в универсальности исследуемых тем, открытости для интерпретации дидактических сюжетов. При анализе его романов

выявляються структуры, применимы для зависимо́й от друго́й культурно́й тради́ции літэра́туры: постко́лониальна́й і постсо́ветско́й.

Спісок іспользаванна́й літэра́туры

1. Вольпе, М. Л. Два портрета на фоне Африки. Чинуа Ачебе. Нгути Ва Тхионго / М. Л. Вольпе. – М. : Зебра Е, 2003. – 480 с.
2. Мокрушина, З. В. «Фортепьяно и барабаны»: нигерийские литераторы о неокOLONIALIзме / З. В. Мокрушина // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13, Востоковедение. Африканистика. – 2016. – Вып. 2. – С. 30–40.
3. Achebe, Ch. Hopes and Impediments: Selected Essays, 1965–1987 / Ch. Achebe. – New York : Anchor Books, 1990. – 190 p.
4. Lindfors, B. A checklist of works by and about Chinua Achebe / B. Lindfors // Obsidian (1975–1982), 4. – 1978. – № 1. – P. 103–117.
5. Ohaeto, E. Chinua Achebe: A Biography / E. Ohaeto. – Indiana : Indiana University Press, 1997. – 326 p.

К са́мержанію

Я. У. КАСЫНЮК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

КАНЦЭПЦЫЯ МІНУЛАГА Ё РАННЯЙ ТВОРЧАСЦІ ВОЛЬГІ ПАТАВАЙ

Гісторыя – вельмі важная і цікавая галіна чалавечых ведаў, бо менавіта яна дапамагае нам адчуць непарыўную сувязь з мінулымі пакаленнямі, абгрунтаваць сённяшнія падзеі, а таксама не дапускаць, каб памылкі мінулага трапілі ў будучыню. Але ж звычайны чалавек можа прааналізаваць гісторыю толькі свайго жыцця, што датычыцца гісторыі ўсёй краіны, то гэтым займаюцца людзі з пэўным складам думак, ведаў, гіпотэз. Сярэднестатыстычны чалавек не заўсёды можа паглыбіцца ў нейкія гістарычныя падзеі праз навуковыя матэрыялы. На дапамогу прыходзяць мастакі слова, якія інтэрпрэтуюць гістарычныя падзеі для сучаснага чытача.

Да паказу мінулага звярталіся і звяртаюцца многія пісьменнікі, як замежныя, так і айчыныя. Асабліваю цікавасць у нас выклікала беларуская пісьменніца, перакладчыца, грамадскі дзеяч Вольга Міхайлаўна Іпатава, якая прысвяціла сваю творчасць гістарычнай тэме. Аповесць “Прадслава” – першая спроба пісьменніцы ў асэнсаванні гістарычнай тэматыкі. Гэта рамантычная інтэрпрэтацыя “Жыцця” Еўфрасіні Полацкай. На аснове старажытнага твора В. Іпатава напісала мастацкую аповесць, але ў цэнтры ўвагі, як заўважыла літаратуразнаўца І. Дамарад, “не святая

Еўфрасіння, а Еўфрасіння-жанчына, зямная, зразумелая” [1, с. 11]. В. Іпатава сапраўды рамантызуе вобраз сваёй гераіні, засяроджваецца на яе інтымных пачуццях, паказвае, што ў душы Еўфрасінні Полацкай суіснавалі хрысціянства і паганства. Будучы адданай хрысціянкай, яна не выракалася паганскай веры ў магічную сілу прыроды.

У аповесці “За морам Хвалынскім” В. Іпатава намалявала жыццё даўняй Полаччыны ў IX–X стст. Пісьменніца засяродзіла ўвагу на побыце князя Брачыслава Ізяславіча, яго дружынніка, на жыцці простых людзей. Падарожжа Алексы ў чужыя краіны дало мажлівасць аўтару паказаць тагачасныя ўсходнія гарады, такія як Джургеня, Бухара, Бакунэ, Харэзм, Мека і інш., выявіць культуру, звычаі іх насельнікаў. Пазней гэтая тэндэнцыя, якая робіць гістарычную прозу адметнай сярод іншых твораў, будзе працягнута пісьменніцай у рамане “Залатая жрыца Ашвінаў”.

У аповесці “Чорная княгіня” аўтар паказала той час, калі вялікая дзяржава Рэч Паспалітая знаходзілася на стыку праваслаўя, каталіцызму і рэфармацыі. В. Іпатава ўвялала ў твор імёны многіх гістарычных асоб Сярэднявечча: кароль Сігізмунд II Аўгуст, каралева Бона Сфорца (маці Жыгімонта II Аўгуста), Барбара Радзівіл (вядомая як “Чорная дама”), гуманіст-асветнік Васіль Цяпінскі, філосаф Францыск Скарына, Мікола Гусоўскі (прысвяціў паэму “Песня пра зубра” каралеве Боне Сфорцы), эрцгерцаг Максіміліян I Іосіф Вітэльсбах, паны Касцялецкія, маскоўскі і ўладзіміраўскі князь Дзмітрый Данскі, дзяржаўны дзеяч Павел Ян Сапега, венгерскі магнат Іван Заполія, гуманіст Сымон Будны, архітэктар Ян Бернардоні і інш.

Аповесць “Чорная княгіня” напісана ў форме “мемуараў” пакаёўкі знакамітай Гальшкі Астрожскай (Лізаветы Астрожскай, Альжбеты Астрожскай) – княгіні, прадстаўніцы знакамітага роду Астрожскіх.

У творах В. Іпатавай пераважае гістарычны пачатак. Яна вельмі дакладна падае розныя гістарычныя даты і падзеі, абапіраючыся на дакладны гістарычны матэрыял: летапісы, жыцці. У гэтым нам давялося пераканацца, аналізуючы аповесці В. Іпатавай ранняга перыяду. У сваіх творах пісьменніца змагла паказаць розныя гістарычныя эпохі. Перад чытачамі паўстае старажытная Полаччына IX–XII стст., старажытны Нясвіж XVI–XVII стст., а таксама старажытныя ўсходнія гарады Бухара, Мека і інш. Ствараючы вобраз эпохі, В. Іпатава шмат увагі аддала адлюстраванню асаблівасцей побыту жыхароў розных краін свету, паказу светаадчування людзей розных эпох.

Безумоўна, пісьменніца пры стварэнні герояў, абставін і падзей выкарыстоўвала аўтарскі вымысел. Але своеасаблівае аўтарскае бачанне сваіх “літаратурных сусветаў” надае яе творах асаблівую займальнасць, лёгкасць пры чытанні і разуменні твора, нават калі ўжыта апісанне

незнаёмых для чытача рэлігій і побыту мясцовых жыхароў. Дакладныя гістарычныя даты і падзеі таксама падаюцца В. Іпатавай даволі лёгкімі для разумення і выклікаюць цікавасць да гістарычных асоб, якія “вяршылі гісторыю”.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Дамарад, І. Князёўнаю полацкаю пачаты... / І. Дамарад // Роднае слова. – 2004. – № 8. – С. 8–11.

К содержанию

К. А. КАЧЫНА

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

КАНЦЭПТ ЯК АБ’ЕКТ ЛІТАРАТУРАЗНАЎЧЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

Канцэпт як асноўная адзінка кагнітыўнай дзейнасці з канца ХХ ст. стаў аб’ектам пільнай увагі розных навуковых дысцыплін. Гэты тэрмін выкарыстоўваецца ў многіх гуманітарных навук: у філасофіі, лінгвістыцы, псіхалогіі, культуралогіі, літаратуразнаўстве. Лінгвістыка запазычыла гэты тэрмін з логікі і філасофіі, дзе ён трактуецца як сінонім тэрміна *паняцце*.

Слова *канцэпт* прыйшло ў рускую мову з перакладной навуковай літаратуры па філасофіі ў пачатку ХХ ст. У навуковы дыскурс гэта паняцце было ўведзена С. А. Аскольдавым у 1928 г. Самы істотны бок канцэптаў як пазнавальных сродкаў С. А. Аскольдаў-Аляксееў бачыць у функцыі намесніцтва. Навукоўца адзначаў, што “канцэпт ёсць разумовае ўтварэнне, якое замяшчае нам у працэсе думкі нявызначанае мноства прадметаў аднаго і таго ж роду” [1, с. 31] і што некаторыя канцэпты пазнання – гэта, па сутнасці, схематычныя прадстаўленні, г. зн. прадстаўленні, пазбаўленыя тых ці іншых канкрэтных дэталей. Напрыклад, “чалавек, які ідзе па вуліцы”, бачыцца або ўяўляецца без яснага адрознівання росту, асобы і нават полу.

У адрозненне ад С. А. Аскольдава, Д. С. Ліхачоў меркаваў, што “канцэпт існуе не для самога слова, а для кожнага асноўнага (слоўнікавага) значэння слова асобна” [4, с. 150]. Якое са слоўнікавых значэнняў слова замяшчае сабой канцэпт, высвятляецца з кантэксту або сітуацыі ў цэлым. Д. С. Ліхачоў падкрэсліваў, што “канцэпт не непасрэдна ўзнікае са значэння слова, а з’яўляецца вынікам сутыкнення слоўнікавага значэння з асабістым і народным вопытам чалавека” [4, с. 151].

І. В. Бурдзін і Н. У. Авакумава ў працы “Паняцце «канцэпт» у літаратуразнаўстве” размяжоўваюць паняцці *мастацкі канцэпт*, *мастацкі вобраз*, *архетып*. Пры гэтым даследчыкі лічаць паняцце *архетып*, якое знаходзіцца ў пастаяннай сувязі з гісторыяй, значна шырэйшым, чым *канцэпт* (бо мастацкі канцэпт рэканструюецца на матэрыяле канкрэтных твораў), а паняцце *канцэпт* шырэйшым, чым *вобраз* (яны знаходзяцца ў цеснай сувязі паміж сабой, пры гэтым канцэпт з’яўляецца гіперонімам, бо здольны фіксаваць у сабе вобраз).

Задача літаратуразнаўцаў заключаецца ў даследаванні творчасці пісьменніка як мастацкага цэлага, што можа быць дасягнута пры шматаспектным вывучэнні слова мастака. Беларуская літаратуразнаўца Л. У. Іконнікава лічыць, што канцэптасферу творчасці пісьменніка ўтварае сукупнасць узаемазвязаных канцэптаў, якія складаюцца з комплексу сэнсаў і індывідуальных значэнняў, у якіх адлюстроўваецца сістэма поглядаў, уяўленняў і асацыяцый мастака. “Канцэпт – паняцце, якое інтэгруе лінгвістычны і літаратуразнаўчы аспекты аналізу і дазваляе ад даследавання паэтыкі выходзіць да вывучэння асаблівасцей мастацкага свету і яго канстантных асноў” [3].

Беларуская даследчыца Е. А. Лявонава, разглядаючы мастацкую сістэму Алеся Разанава, звяртае ўвагу на канцэпты, праз якія праяўляюцца філасофская насычанасць і сканцэнтраваная духоўнасць. Па меркаванні даследчыкаў, канцэпты, як катэгорыі шматмерныя і шматзначныя, знаходзяць мастацкую рэалізацыю ў двух асноўных плоскасных зрэзах: 1) вертыкальным, або дыхронным (канцэпт нясе ў сабе першасныя – *рэальныя* – прыкметы вобраза і другасныя – *базавыя, архетыповыя*); 2) гарызантальным або сінхронным (мастацкія вобразы набываюць прыкметы канкрэтна-гістарычныя, канкрэтна-нацыянальныя і суб’ектыўныя). Е. А. Лявонава таксама разглядае сацыяльны канцэпт, бо мастацкае цэлае ёсць жыццёвы вопыт у спалучэнні з талентам.

Такім чынам, тэрмін *канцэпт* у навуцы не новы. Яго даследаваннем займаліся такія рускія вучоныя, як С. А. Аскольдаў, Д. С. Ліхачоў, І. В. Бурдзін і Н. У. Авакумава, Ю. С. Сцяпанаў. Актыўна вывучэннем канцэптаў заняліся ў канцы ХХ ст. З беларускіх навукоўцаў да вывучэння мастацкіх канцэптаў далучыліся Л. У. Іконнікава і Е. А. Лявонава. Але, нягледзячы на гэта, універсальныя дэфініцыі тэрмінаў *канцэпт* і *мастацкі канцэпт* да гэтага часу не вызначаны. Ускладняюць дадзены працэс шматлікасць, разнастайнасць падыходаў да вывучэння канцэптаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Электронный ресурс] / С. А. Аскольдов. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004970449_1142. – Дата доступа: 28.09.2021.

2. Іконнікава, Л. У. Канцэпт горад у творчасці Г. Марчука [Электронны рэсурс] / Л. У. Іконнікава // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2012. – № 3. – С. 95–99. – Рэжым доступу: https://csl.bas-net.by/xfile/v_gum/2012/3/ln65h2.pdf. – Дата доступу: 03.11.2021.

3. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русскаго языка [Электронны рэсурс] / Д. С. Лихачёв. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/koncept.pdf. – Дата доступа: 22.01.2022.

К содержанию

А. А. КОРЕНЧИКОВА

Тула, ТГПУ имени Л. Н. Толстого

Научный руководитель – И. В. Игнатова, канд. филол. наук, доцент

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭЛИС УОКЕР «ЦВЕТ ПУРПУРНЫЙ»)

Эпистолярный жанр уходит корнями в античные времена. Первоначально он не имел ничего общего с художественной прозой и ограничивался только простым обменом важной информацией.

Сегодня эпистолярный жанр (от греч. *epistole* ‘письмо, послание’) – это текст, имеющий форму письма, открытки, телеграммы, посылаемый адресату для сообщения определенных сведений [2]. Эпистолярный жанр развился из бытовой переписки, в свою очередь превратив обмен корреспонденцией в повествовательный прием, «корреспондентов» – в персонажей, и подчинив «письмо» основным законам художественной условности.

Принято считать, что наиболее яркой чертой писем является их направленность на конкретного читателя. В содержании письма могут затрагиваться разные вопросы, а поскольку адресатом может быть не только один человек, но и группа лиц, то темы варьируются от обсуждения каких-то личных вопросов до затрагивания общественных и государственных проблем.

Произведение в эпистолярном жанре – это цикл писем одного или нескольких героев. Отличием произведений, написанных в эпистолярном жанре, от записок и дневников является ориентация на адресата.

Написание произведений в эпистолярном стиле предполагает нарративный способ повествования, т. е. от первого лица. Романы пишутся в монологической форме, от лица главного героя. На протяжении всей книги автор рассказывает о себе и событиях, которые имеют место в его жизни. Несложно понять, какой характер и какое мировоззрение имеет

повествователь. Повествование автора субъективно. Таким образом, мы видим и воспринимаем других героев так, как это делает сам писатель.

Так, произведение Элис Уокер «Цвет пурпурный» выдержано в эпистолярном стиле. Роман был написан в 1982 г. Это произведение рассказывает нам о нелегкой судьбе афроамериканских женщин в Америке в 1900-х гг. Повествование ведется от первого лица главной героини – Сили. В этой книге мы узнаем интересные факты о жизни в афроамериканском обществе, об Америке тех дней, становимся свидетелями жестокого обращения с чернокожими женщинами, бытовавшего в те времена, а также проникаем в психологию женщин, фактически проживая их жизнь и пропуская через себя все трудности и лишения, выпавшие на их долю. Более того, в романе мы встречаем афроамериканский вариант английского языка и знакомимся с грамматическими особенностями этого языка.

Язык романа представляет из себя диалект или, если избегать этого слова, афроамериканский вариант английского языка [1]. Язык, на котором говорят афроамериканцы, своеобразен. Если не считать произношение и интонацию данного варианта английского, то он обладает определенными чертами языка, которые также можно увидеть в анализируемом нами произведении:

- пропуск глаголов-связок («He sad. He weak», «She under my daddy thumb», «All the girls big and strong like me» [6]) – «Он уставший и расстроенный», «Папаша ее тоже к ногтю прижал», «Все девки сильные как и я» [5];

- двойное отрицание («I ain't never struck a living thing, I say», «But he don't say nothing» [6]) – «Я в жизни никого не ударила, говорю», «Но он молчит» [5];

- формы слов с усеченным окончанием («ma'am», «But she say again, sorta end of argument like, Hey, fine with me» [6]) – «мэм», «Она опять говорит, чтобы покончить с разговором. Да пожалста, не слышиш что ли?» [5];

- частичное отсутствие вспомогательных глаголов в вопросительных предложениях («How come daddy ain't coming?», «How you know?» [6]) – «А чево папа не едет?», «Откуда ты знаеш?» [5];

- отсутствие окончания -s в глаголах третьего лица настоящего времени единственного числа. В афроамериканском английском языке часто опускаются условия лица или числа при использовании глаголов в третьем лице настоящего времени в единственном числе, что приводит к потере окончания -s («He keep working, doing every thing with Swain», «The first week, nobody come» [6]) – «Знай себе молотком стучит, и Свен тут же», «В первую неделю никого» [5];

- отсутствие окончания ' или 's в притяжательном падеже («I tell her what one of Sofia sister tell me and Mr. _____» [6]) – «И я рассказала ей, чево нам с Мистером __ Софиина сестра рассказала» [5];

- специфическое употребление местоимений («Do she miss 'em», «Best part about having the babies was feeding 'em», «The polices come, start slinging the children off the mayor, bang they heads together» [6]) – «Не скучает ли за ими», «Прибежали полицейские, стали детей хватать. Головами их друг о друга стукать» [5].

Такие грамматические особенности могут быть как свидетельством низкого образования или социального класса, так и примером типичного английского, используемого черным населением США. Автор использовал такую грамматику намеренно, с целью создания реальной атмосферы жизни чернокожего населения.

При переводе данного романа на русский язык автором М. Завьяловой использовался такой прием, как грамматическая трансформация. Это изменение структуры предложения. Поскольку в русском языке отсутствуют такие грамматические категории английского языка, как, например, артикль или герундий, возникает необходимость в заменах синтаксического или морфологического порядка – перестановка, замена, добавление, опущение. Более того, М. Завьялова оставляет за собой право членить сложные и нагроможденные предложения, чтобы облегчить понимание текста читателем. Помимо грамматической трансформации, переводчик использует такой прием, как синтаксическое уподобление (дословный перевод). Это способ перевода, во время которого синтаксическая структура оригинала изменяется в такую же структуру переводимого языка. При сравнении англоязычного и русскоязычного вариантов романа мы можем заметить, что переводчик при работе с произведением не исправляет ошибки главных героев, а старается подобрать им эквиваленты в русском языке. Однако, обычно, использование синтаксического уподобления приводит к определенным изменениями структурных компонентов. Например, во время перевода с английского языка на русский возможно опущение артиклей, глаголов-связок, иных служебных элементов, происходит изменение морфологических форм и определенных лексических единиц [3].

Таким образом, перевод художественного текста – трудоемкий процесс, включающий в себя не только знание двух языков и профессиональное использование переводческих приемов. Необходимо чувствовать и понимать культуру другой страны, ее менталитет, моральные ценности и этические нормы.

Список использованной литературы

1. Завьялова, М. От переводчика / М. Завьялова // Цвет пурпурный / Э. Уокер. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 23–25.
2. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Флинта, 2003. – 696 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Уокер, Э. Цвет пурпурный / Э. Уокер. – М. : РОССПЭН, 2004. – 398 с.
5. Walker, A. The color purple [Electronic resource] / A. Walker. – Penguin books, 1982. – 304 p. // The Internet Archive : digital library of Internet sites and other cultural artifacts in digital form, 2021. – Mode of access: https://archive.org/stream/the-color-purple-alice-walker/the-color-purple-alice-walker_djvu.txt. – Date of access: 12.05.2022.

К содержанию

Е. В. КОСЫНЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КОНЦЕПТА «СУДЬБА» В УСТНЫХ РАССКАЗАХ ЖЕНЩИН БРЕСТЧИНЫ

В языкознании XXI в. установилась новая научная парадигма, в которой возрастает роль антропоцентрического, в том числе когнитивного и культурологического подходов к изучению языка. В языковых явлениях находит свое отражение народное мировосприятие, своеобразие которого формируется жизненным, историческим опытом. Единица сознания, представленная совокупностью знаний и впечатлений о некотором фрагменте мира, называется концептом и получает выражение в языке. К значимым, универсальным для человека концептам (*время, пространство, правда, свобода, память* и др.) принадлежит и концепт «Судьба». Изучение его языковой репрезентации позволяет обратить внимание как на общекультурное поле этого концепта, так и на его индивидуально-личностное выражение.

Остановим внимание на реализации концепта «Судьба» именно в сфере индивидуально-личностного бытия. Материалом исследования стали тексты девяти устных женских рассказов, записанных студентами БрГУ имени А. С. Пушкина в процессе диалектологических экспедиций в период с 2020 г. по настоящее время. Привлекались также материалы сборника «Мастацтва беларусаў» [1]. Информантами являются как городские, так и сельские жители Брестчины, различающиеся по социальному статусу и образованию и выступающие представителями разных типов

речевой культуры. Часть из них – носители диалектов, так называемых «палеских гаворак», другие разговаривают на литературном языке. Совокупность названных факторов позволяет выяснить достаточно полную картину вербально-семантической репрезентации изучаемого нами концепта.

Вслед за Ю. С. Степановым мы определяем концепт как единицу сознания, которая репрезентируется языковыми средствами и являет собой «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово [2, с. 43]. В языке восточных славян концепт «судьба» получил свое имя, которое изначально обозначало «суд, судилище, судбище и расправу» [3, с. 356]. Слово *судьба* является дериватом от лексемы *судить*, которая в свою очередь производна от слова *суд*, что значит ‘договор’. Репрезентантами названного концепта могут выступать также лексемы *доля, участь, часть, удел, жребий*, бел. *доля, лёс*.

На фразеологическом уровне концепт «судьба» тоже находит многообразное воплощение, изучение которого позволяет расширить представления об этом образе, очертить возможный круг сущностей, близких, с точки зрения рядового носителя языка, судьбе или, возможно, являющихся ее воплощением. Это, во-первых, Бог и случай: *по божьей воле* (устар.), *волею божиею* (устар.) – ‘то же, что по воле судьбы (судеб)’; *волею судьбы (судеб)*; *по воле судьбы (судеб)* (разг.) – ‘в зависимости от сложившихся обстоятельств’; *по воле случая, волею случая* (разг.) – ‘по воле судьбы (судеб)’. Во-вторых, обязательный атрибут «судьбы» – наказание, *Божья кара*, которая ассоциируется с физическим воздействием (обычно удар: *десница рока / божья (карающая) десница* (устар., высок.) – ‘наказание, кара свыше’; *удар судьбы* (кн.) – ‘внезапное горе, неожиданная тяжелая беда, выпавшая на чью-либо долю. Кроме того, «судьба» может быть представлена как «фортуна» – благая судьба (*фортуна улыбнулась*) – и «фатум» – враждебная сила. Наконец, в паремиологии «судьба» обычно предстает как часть того счастья и несчастья, которое посылается свыше: *Каждому свой жребий; Хорошо тому пить, чья доля (счастье) не спит; Счастье слепо (фортуна слепа); Дуракам везет* и др.

На синтаксическом уровне анализируемый концепт репрезентируется структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты), а также свободными словосочетаниями, текстами и совокупностями текстов.

Рассмотрим основные средства репрезентации концепта «судьба» в устных историях женщин Брестчины. Кстати, сам образ судьбы, выступая у многих народов как антропоморфный, обычно ассоциируется с женщиной: Парки в Древней Греции, Мойры в Древнем Риме, Орисницы в Болгарии, Суденицы у всех восточных славян, Судинушка в русских

плачах и т. д. [4]. В женской интерпретации концепт «судьба» отражается наиболее ярко. Не случайно существует выражение *«женская доля»*. Слово *доля* входит в число репрезентантов анализируемого концепта, потому что понятие судьбы в фольклоре связано с мотивом дележа общего блага на части и наделения каждого своей «долей».

Поскольку функционирование концепта «судьба» мы будем рассматривать на примерах женских историй о случаях из своей и чужой жизни, то лексемы *судьба* и *доля* будем считать взаимозаменяемыми. В рассмотренных нами историях женщин Брестчины концепт «судьба» = «доля» репрезентируется различными способами. Прежде всего это лексические единицы (лексема *судьба*, а также образованные от нее слова с таким же значением, синонимичные слова и контекстуальное их окружение: *доля, судьба-злодейка, судьба, сужжаны, добрэ, плохо, разжыцца, золото, суженый-ряженный*. Отмечены, кроме того, устойчивые сочетания (*Суд Божий, Бог даў, воля Божья*).

Анализ дистрибуции лексемы *судьба* и ее синонима *доля* показывает, что эти лексемы в женских историях используются, как правило, в объектных словосочетаниях (*іскаць долю, долю найдзёш, нашол долю, судьбою предназначенный*). Фиксируются также определительные словосочетания (*твая доля, пра маю долю*). Возможны конструкции, содержащие описательное выражение судьбы: *добрэ жылі, будзеш хазяінам з канём*.

Наиболее распространенным способом представления образа судьбы являются предложения: *Бог запісвае судзьбу шчэ во чрэве мацеры; У Бога на нас свои планы; Вын шчэ не родзіцца, а ёго судзьба вся ўготовлена ў Бога; Бог бы тое, каз, не мінаваў, і ніхто не абышоў і не ўпыніў; Судьба там мне предсказала; У меня вот судьба такая; Бог предопределяет что-то, Бог решает; И все, что происходит в моей жизни я уверена, что это судьба; Судьба как часть Бога; Доля яму гаворыць*.

В записанных нами историях в представлении судьбы объективируются различные смыслы, которые неодинаково доминируют в разных историях. Наиболее выраженный – «судьба-предопределение», когда человек повлиять на действительность не может, а принимает ее как Божественную данность: *У Бога на меня свои планы* (М. Т., 1986 г. р., Пинск); *Бог запісвае судзьбу шчэ во чрэве мацеры; судзьба вся ўготовлена ў Бога* (М. Ф., 1948 г. р., Лунинецкий р-н); *Судьба и воля Божья – это как бы синонимы; Судьба ... часть Бога; Бог-то ... знает, кому и что; Бог предопределяет; Бог решает* (Е. С., 2001 г. р., Малоритский р-н); *Бог ёй судзьбу судзіў; як Бог бы тое, каз, не мінаваў, і ніхто не абышоў і не ўпыніў* (Ф. К., 1931 г. р., Лунинецкий р-н).

Еще один смысл, который выражается в женских историях, – «судьба-реализация». В этом случае судьба в представлении носителей

народной культуры зависит от определенных обстоятельств: случая, поведения человека и его личностных качеств. Судьбу может даровать Бог, но реализация – за человеком. При этом судьбу можно изменить либо как-то повлиять на нее: *Ну а дзе ж мая доля? – гаворыць. – Нада іскаць долю, ну а дзе? Пайду я іскаць долю* (В. М., 1931 г. р. Лунинецкий р-н); *Був у мужыка сын. І вын вэльмо чытав... І вычытав, шо ёго в таке врэм'я і в такі дзень гром заб'е... – Да цебэ і гром не забів! А вын да кажэ: – Не. Мні гром сказаў так, шо ты сьмелы, смэрці нэ побояўса, я тобі прощаю, будзеш жыць.* (М. Ф., 1948 г. р., Лунинецкий р-н).

Наконец, мы выделили трактовку «судьба-предсказание». Грядущее можно предугадать либо увидеть во сне: *Суженый-ряженный... судьбою... предназначенный. И... пройдем встретимся ли... на этой кладочке, ну, значит, на мостике, это... И ты знаешь, зайка, приснился. Такой черный какой-то, туда-сюда. И пиджак в клетку. Потом уже, когда я с дедом, ну, это тоже было, наверно, до года, ну в общем как-то это, а потом смотрю – у него пиджак такой есть, у деда Володи. Я говорю: «Подожди, говорю, это твой пиджак?» Он говорит: «Мой». Я говорю: «А я, – говорю, помню, – говорю. Это вот, он мне, говорю, во сне приснилось...» (С. Б., 1956 г. р., г. Брест); *Когда-то в детстве мы гадали на Рождество, и мне приснился сон о большом мальчике... Уже потом в нем я узнала своего будущего мужа* (М. Т., 1986 г. р., г. Пинск).*

В процессе выполненного анализа выяснилось, что информанты старшего поколения, а также проживающие в деревнях обожают судьбу, верят в ее «волю», в «предназначение судьбы». Информанты, родившиеся на рубеже XX–XXI вв., получившие образование, живущие в городах, к судьбе относятся скептически. Проявления глубинных верований, которые были заложены в результате культурно-исторических факторов, в их рассказах можно заметить лишь в некоторых случаях.

Можно заключить, что концепт «судьба» с точки зрения женщины варьируется в своем значении в зависимости от времени, в котором она живет, ее веры и менталитета. В наше время женщины редко верят в предопределенность судьбы и «женскую долю», пытаются следовать своим желаниям и ставить определенные цели вне зависимости от внешних обстоятельств. Однако такая позиция не отменяет наличия концепта «доля» в их историях. Лингвистическому исследованию следует подвергать все номинативное поле концепта, ассоциаты. Такой комплексный подход позволяет рассматривать концепт «судьба» как совокупность понятийных, образных и ценностных смыслов, охватывающих все знания рассказчиц о судьбе, и приводит к интересным заключениям о том, как формируются и развиваются знания о мире, как эволюционирует в наше

время содержание и языковая объективация универсальных культурных концептов, в частности концепта «судьба».

Список использованной литературы

1. Традиційная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4. Брэсцкае Палессе. Кн. 2. / А. М. Боганева [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2009. – 863 с.
2. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2004. – 992 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : РИПОЛ классик, 2006. – Т. 4 : Р – Я. – 672 с.
4. Касьянова, Т. П. Образ ведьмы в славянской мифологической картине мира / Т. П. Касьянова // Актуальные проблемы лингвистики. – Уфа : РУНМЦ МО РБ, 2002. – С. 127–131.

К содержанию

Д. С. КОТ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СРАВНЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ЯХИНОЙ

Для характеристики идиостиля того или иного автора необходимо проанализировать языковые особенности, выявить наиболее частотные слова и выражения, рассмотрев их в контексте не только конкретного произведения, но и всего творчества автора.

Гузель Яхина является популярным современным автором, романы которой обратили на себя внимание читателей и критиков. Особенности ее произведений уже начали активно изучаться лингвистами и литературоведами. Многие исследователи относят Г. Яхину к числу писателей-билингвов и обращают внимание на слияние русской и татарской культур в ее творчестве.

Сравнения Г. Яхиной характеризуются яркостью, идейной и эстетической наполненностью, выполняют описательную, эмоционально-оценочную функцию. Учитывая частотность употребления в тексте, сравнения являются одним из основных маркеров идиостиля автора.

При анализе сравнений на примере романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» мы использовали метод семантического анализа. В сравнениях тема и образ рассматриваются как некие целые семантические блоки, ядром значения которых является ядро значения опорного слова.

По семантике сравнения бывают **стертыми** и **оригинальными**. Сравнения могут регулярно воспроизводиться в речи и в результате

частого использования и повторения они становятся стертыми: *черный, как сажа; рубит, как топором; вцепился как клещ; пыхтеть, как паровоз; холодная, как камень; черная, как смола; лежит, как мертвый; злые, как черти; ползать, как таракан; усталая, словно дрова рубила* и др.

В оригинальных сравнениях особенно ярко отражается присущее только автору восприятие действительности, поэтому такие сравнения в значительной мере определяют особенности индивидуального стиля писателя: *двери хлопают резко, как удары пастушьего кнута; в комнату врывается Груня: шумно и неумолимо, как летящий по рельсам паровоз; длинный, как кишка, коридор; закутываясь в чей-то тулуп, как в кокон; канаты вскинута к небу, как руки в молитве; живот погрузнел, словно свинцом набух; пронзительно-спокойно и светло, будто вернулся в лоно матери; заорал тот громко, как ишак на воскресном базаре* и др.

Семантическое деление сравнений также может осуществляться путем выявления общих лексических компонентов. В зависимости от того, какой денотативный признак положен в основу сравнения, все сравнения в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» можно распределить на следующие тематические группы: цвет, природа (представители флоры и фауны, природные явления), предметы быта, пища, мифологические понятия.

Эталоном сравнения может выступать сам человек, предмет, животное, растение, явление природы и т. д., так или иначе связанные с жизнедеятельностью человека, его жизненным опытом, позволяющие увидеть их характерные свойства, качества, особенности поведения и соотнести их со свойствами, качествами, состояниями, поведением других людей, свойствами других предметов, состояниями окружающей человека природы и т. д. [1, с. 69].

Сравнения Г. Яхиной с лексическим компонентом цвета, придают тексту выразительность и, в некоторых случаях, нагнетают атмосферу: *черные ели с похожими на копыта острыми вершинами; небо огромной серой ватой провисло меж острых вершин елей; ...брызги падают с пальцев в черную, как смола, воду; Зулейха видит плоские белые глазницы, подернутые голубоватой, как кожа свежееочищенной рыбыны, пеленой...; ... облака белы и летучи, как яблоневый цвет.*

Сравнения с лексическими компонентами цвета описывают предметы, персонажей или события в произведении. С их помощью текст обретает выразительность и яркость, создаются необычные сопоставления предметов.

Сравнения с лексическим компонентом, выражающим природные явления, представителей фауны и флоры, являются в произведении Г. Яхиной наиболее многочисленной группой. Это объясняется тем, что

человек ассоциируется с окружающей средой – животными, птицами, растениями и другими явлениями природы: *Муртаза одной рукой поднимает, как барана; ...губы раздулись и выпятились, как у верблюда...; Зулейха плыла в нем, как рыба, как волна... и др.*

Семантический тип «Предметы быта» представлен названиями технических устройств, построек, предметов одежды и др.: *его челюсти работают быстро и сильно, как жернова на мельнице; ...и рубит обоими венниками, как топором...; слезы подступают к горлу, веревкой свивают глотку; скользит по его затылку, как гребень и др.*

Было найдено также несколько сравнений, составляющих тематические группы «Пища» и «Мифологические понятия»: *...мелкий и круглый, как картофелина...; губы – брусничкой, щеки – яблоками; медленно поднимается в глубоком вдохе, как дрожжевое тесто на печи; белки у него мутные, как овсяная затируха...; ...Игнатов берет его осторожно, как гада...; он трудился как черт; дышит глубоко и грозно, как дракон; ...крылатым демоном носился по вагонам.* Эти две группы сравнений имеют наименьшую частотность употребления в тексте.

Таким образом, сравнения в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» часто используются с целью усиления его образности, создания более ярких, выразительных образов, выделения каких-либо существенных признаков изображаемых предметов, явлений или персонажей. Благодаря использованию сравнений, Г. Яхина красочно отображает свое видение мира, свои чувства, свое отношение к событиям и персонажам произведения.

Список использованной литературы

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

К содержанию

В. А. КРАЎЧУК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАЯ ТЭМА Ў “СПОВЕДЗІ” Л. ГЕНІЮШ

Заходнебеларуская тэма заняла істотнае месца ў творчасці Л. Геніюш, адной з таленавітых беларускіх пісьменніц ХХ ст. Нарадзілася яна 9 жніўня 1910 г. у маёнтку Жлобаўцы на Ваўкавышчыне, паходзіла са збяднелага шляхецкага роду Міклашэвічаў.

Галоўным творам Л. Геніюш стала яе “Споведзь”. Яна пісалася ўсім яе крыжовым лёсам, сумленнем, самабытнай духоўнасцю. У гэтым творы

ёсць словы, якія невыпадкова часта паўтараюцца аўтаркай: “Я была набожнай з пялюшак, як з пялюшак ужо была вернай дачкою свае Беларусі” [1].

Першы раздзел “Сповідзі” называецца “Жлобаўцы”. Асаблівай пранікнёнай любоўю да малой радзімы авеяны зачын твора: “Благаславенны родны дом, гдзе бацькі і ўся дарагая сям’я. Благаславенны маленькі кусочак роднай, бацькавай зямлі на вялізнай планеце, які называўся Жлобаўцы...” [1]. З вялікім шкадаваннем згадала пісьменніца драматычны лёс мясціны, дзе яна нарадзілася: “Сяньня яго няма, таго нашага фальварачка, і нават яго назовы. Там калгас з нейкай ультрасавецкай назовай, дом перавезены ў Ваўкавыск, разам з гумном, а там, гдзе была наша сяліба, стаіць толькі даўгі мураваны хлеў і некалькі дрэў, якіх яшчэ не пасьпелі выкарчаваць на апал сяляне” [1].

Ёсць у творы апісанне сямейнікаў пісьменніцы. Пра сяцёр Л. Геніюш даведаемся: “Ксеня невялікая, але з вялікімі цёмна-сінімі вачыма, чорнавалосая й зграбная, жыве сваімі законамі. Ніна, вельмі прыгожая бландынка з зялёнымі вачыма, вельмі любіць танец” [1]. Пра наймалодшую сястру Людмілу, Люсеньку, як яе яшчэ называлі, гаворыцца, што была яна “раскошным дзіцем, прыгожым, ласкавым і вельмі разумным. Была яна любоўю ўсей сям’і” [1]. Апавядала аўтарка і пра сваіх братоў: “Расьціслаў высокі, але яшчэ ня мэтэр дзевяцьдзесят пяць, да якіх дарос у сталым веку. Мілы, наймілейшы мой брат, Гэркулес з душою, як лютня. Здавалася яму, што пакінуць Жлобаўцы – гэта здрадзіць сваёй сям’і... Аркадзі, вечна вясёлы, стройны й з твару падобны на маму. Вельмі бурным, гордым, смелым такім юнаком быў наймалодшы з хлопцаў Аляксей. Браты былі дружныя, любілі коней і мелі свае хлапцоўскія забавы” [1].

Згадваючы вясковае дзяцінства ў родных Жлобаўцах, Л. Геніюш пісала: “А зямля да нас гаварыла. Яна разумела нас, акружала духам мінуласці ўсяго нашага народу й вялікай любоўю дрэваў, палёў. Ланы жыта хваляваліся проста пад вокнамі, і каласы шапацелі ад ветру. Нам было добра на веснім сонейку, на дажджы й на ветры, весела крочылі мы ў кажухах сваіх зімою, і коні насілі нас у куліку па дарогах, на якія ласкава сьвяціў месяц” [1]. Успаміны пісьменніцы сведчаць, што родная зямля, авеяная “духам мінуласці” [1] і родныя краявіды з маленства фарміравалі яе светапогляд і свядомасць: “нарадзілася такой, ад пялюшак ужо прасякнутай усім, што наша, з болем і прагай змаганьня за волю й нашу зямлю для нас” [1].

Паводле “Сповідзі”, яшчэ ў юнацтве будучая пісьменніца Л. Геніюш, выяўляючы абвостранае пачуццё нацыянальнай свядомасці, настойвала, што муж яе “мусяў быць Беларус. Такіх не было, толькі

сяляне, усё роўна муж мой будзе Беларус! А сватоў было шмат, даходзіла да трагедыяў, часам да сьмеху. Часам людзі мяне ледзь толькі бачылі, а ўжо прасілі мае рукі. Гэта было дзіўна, несамавіта” [1].

Аўтарка “Сповідзі” сведчыла, што ўвогуле ў Заходняй Беларусі пары яе юнацтва “нацыянальная сведамасць пранікала паволі, цяжка. Хлопцы, актывісты “Грамады” (Беларуская сялянска-рабочая грамада (БСРГ), рэвалюцыйна-дэмакратычная арганізацыя ў Заходняй Беларусі (1925–1927), альбо не вярнуліся зусім, альбо засталіся без здароўя, пабітыя, падбітыя дэфэнзывай, не жыхары ўжо на гэтай зямлі” [1]. Так ацэньвала пісьменніца лёс ўдзельнікаў нацыянальна-вызваленчага руху і выяўляла нацыянальны ўціск польскай улады ў адносінах да заходніх беларусаў.

Рвала сэрца Л. Геніюш нацыянальная і сацыяльная несправядлівасць, што прымушала задумацца, чаму “родзіцца жа аднолькава малое стварэнне, з усімі правамі на жыццё, і чаму жа так розная доля?” [1]. Ёсць у творы аўтарская ацэнка палякаў і тых, хто быў у іх на службе, а таксама іх адносіны да мясцовага насельніцтва: “А палякі й людзі ў іх на службе былі як сьляпыя, як жа яны знушчаліся над народамі проста ўвачавідкі! Душылі падаткамі. ганьбілі мову, нават не прызнавалі нашай народнасці, быццам ідэі дэмакратыі й вольнасці людзям зусім не кранулі іх сэрцаў і розумаў, у існаванні якіх я сумнявалася нават... Побач з беларускай галечай высокія зарплаты найніжэйшых ураднікаў і страх іх з нашага існавання” [1]. Палітыка дэнацыяналізацыі закранула асобу самой Л. Геніюш. Яна згадвала, як “сумна падышоў раз мой тата да мяне – на пошце ў Воўпе яму парадзілі, каб дачка кінула выпісваць беларускі друк, а выпісвала я толькі правыя выданні, бо там было нешта з таго, што я так пакахала ў сваім народзе” [1].

Згадвала пісьменніца, як трапіў у яе рукі зборнік вершаў заходне-беларускага пісьменніка Міхася Васілька, які “яе не зацікавіў асабліва. Змест народнай паэзіі, песьні, абычаяў быў шмат глыбейшы, цікавейшы, часам неказана чароўны” [1]. Не зусім станоўча ацэньвала Л. Геніюш тагачасную заходнебеларускую інтэлегенцыю (па яе вызначэнні, “паўінтэлегенцыю”), узвышала сялянства: “Выдатна, у вачох маіх, аддзяляліся нашыя сяляне ад тых паўінтэлігентаў, у асяродзьдзі якіх мне давялося жыць. Сапраўды разумных людзей я тады яшчэ не сустрэла” [1].

Аўтарка “Сповідзі” канстатавала, што “цяжка было знайсці адпаведную працу пры Польшчы, асабліва калі бацькі больш-менш забяспечаныя, на вышэйшую адукацыю не было матэрыяльных магчымасцяў, заставалася працаваць на зямлі й чакаць мужа” [1]. Пісьменніца засведчыла, што праца на зямлі была асноўным заняткам заходніх беларусаў: “зямля была для нас усім: калыскай, хлебам, песняй, любоўю,

магілай. Чым больш зямлі, тым болей надзейнае заўтра, ніякае надзеі больш на ратунак” [1]. Згадваецца ў творы і пра тое, што некаторыя з мясцовых жыхароў ішлі на службу да паноў ці да яўрэяў альбо ад’язджалі на цяжкія працы ў чужыну.

На малой радзіме ў 1935 г. Л. Геніюш выйшла замуж. Прышлося ёй доўга адбівацца ад шматлікіх жаніхоў, сярод якіх былі і маладыя бацюшкі, і суседзі-вяскоўцы, і багатыя панічы. Мужам яе стаў Янка Геніюш з Зельвы, які на той час вучыўся на лекара ў Празе.

Янка падкупіў дзяўчыну сваёй паважлівасцю да яе, інтэлігентнасцю і беларускасцю. Апошняя якасць для Л. Геніюш была ці не самай галоўнай. Вельмі сумна было Ларысе пакідаць бацькоўскую сялібу, улюблены прастор палёў, якія ўздавалі, цяжкае жыццё, нялёгкую працу ў полі на вялікай гаспадарцы, тапалёвы гай каля хаты і лес, які сама садзіла. Давялося пакінуць “тую вёску, якая мне столькі падказала з мінулага, замурзаную крыху мо, але з душою, бы тая раса, якую я так разумела. Песні я пайшлі сьледам за мною. І я пакідала сваю сям’ю й той пяточок зямлі на вялікай планэце, мае Жлобаўцы, гдзе я ніколі не сумавала й ня трэба мне было ніякага таварыства, калі было поле, наш дом і лес. Сумна мне будзе бяз таты, ён вельмі разумны, нейк усё бачыць, быццам адчувае наперад, толькі жаль мне, што Жлобаўцаў не разбудоўвае, не засаджвае болей садамі й лесам, жывецца там нейк з дня на дзень...” [1].

Такім чынам, пры асэнсаванні Л. Геніюш заходнебеларускай тэмы ў аўтабіяграфічнай кнізе “Споведзь” у поле зроку пісьменніцы трапілі такія аспекты заходнебеларускай рэчаіснасці, як цяжкае, бяспраўнае жыццё насельніцтва, нацыянальная і сацыяльная несправядлівасць, пагардлівыя адносіны палякаў да беларускага народа, ганьба беларускай мовы, непрызнанне беларусаў як нацыі. З асаблівай любоўю да малой радзімы і настальгіяй па ёй напісаны раздзел “Жлобаўцы”, з якога кніга пачынаецца.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Геніюш, Л. Споведзь [Электронны рэсурс] / Л. Геніюш ; падрыхт. тэксту, прадм., камент. М. Чарняўскага. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 271 с. – Рэжым доступу: http://pawet.net/library/history/bel_history/_memoirs/013/Геніюш_Ларыса._Споведзь.html. – Дата доступу: 25.02.2022.

К зместу

А. С. КУЗІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

ЭПІТЭТ ЯК СРОДАК СТВАРЭННЯ ВОБРАЗА Я. КУПАЛЫ Ў РАМАНЕ-ЭСЭ А. ЛОЙКІ “ЯК АГОНЬ, ЯК ВАДА...”

Эпітэт – вобразнае азначэнне, якое характарызуе прадмет, чалавека, жыццёвую з’яву, вылучае і дае мастацкае акрэсленне істотнай рысы ці прыметы якога-небудзь прадмета, з’явы, ацэньвае гэты прадмет ці з’яву, выклікае пэўныя эмацыянальныя адносіны да іх. Эпітэты, як і сінонімы і фразеалагізмы, выражаюць нацыянальную спецыфіку мовы і адносяцца да залатога моўнага скарбу [1, с. 3], а пісьменнікі па-майстэрску ўжываюць іх у сваіх творах.

Эпітэт з’яўляецца адным з асноўных сродкаў стварэння вобразнасці ў рамане-эсе Алега Лойкі “Як агонь, як вада...” Мастацкія азначэнні дапамагаюць пісьменніку дакладна і ўсебакова ахарактарызаваць тую ці іншую жыццёвую з’яву, прадмет, чалавека, робяць вобразы яркімі і запамінальнымі, выклікаюць пэўныя эмацыянальныя адносіны да іх. Асабліва цікавымі з’яўляюцца эпітэты, выкарыстаныя пісьменнікам для стварэння вобраза галоўнага героя – Янкі Купалы. Іх можна падзяліць на тры асобныя групы: ацэначна-характарыстычныя, эмацыянальныя, або псіхалагічныя, эпітэты і эпітэты-каларонімы.

Найбольшую па колькасці групу складаюць ацэначна-характарыстычныя эпітэты, выражаныя простымі і складанымі прыметнікамі. Яны вельмі трапна характарызуюць народнага песняра і разам з тым перадаюць аўтаравы адносіны да свайго персанажа: *Гэтага – антыімперыялістычнага – Купалу мы ведаем вельмі мала, Купалу, сэрца якога шчымяла – балела «за тыя мільёны ахвар, што палеглі за вашы дзяржаўныя фальшывыя фетышы», паны-імперыялісты* [2, с. 245]; *Фешэнебельны рэстаран «Шуман» не мог стаць прытулкам безганарнага супрацоўніка «Нашай нівы»* [2, с. 95]; *Гэты юнак яму спадабаўся, – больш таго, улюблёнымі вачыма глядзеў на яго паэт, бачачы ў ім будучага беларускага Бялінскага, проста цешачыся яго тэмпераментам, жыццялюбствам, высокай паставай, гаварлівасцю* [2, с. 109]; *Шчырасць, адкрытасць Купалы-паэта была бязмежная* [2, с. 307]; *Для цябе, паэце, голас беднага Янкі толькі салаўіны* [2, с. 254]; *Сэрца Купалы разумнейшае, яно – сэрца паэта і скажонасці прыняць не можа* [2, с. 308]; *І сам ён здаваўся Усеваладу Макаравічу некалькі ва ўсім наёршаным, калючым нават* [2, с. 346]; *Народ палюбіў яго за талент і за працу, за адкрытае сэрца* [2, с. 393]; *Майстра ў іх (вершах) выяўляўся неймаверны* [2, с. 398];

Купала – паслядоўны [2, с. 246]; *Нахільны-прыхільны, хоць Ясю ўжо было дваццаць чатыры гады, Ясь яшчэ да нікога не быў* [2, с. 45]; *Свабодалюбны, сонцалюбны* Купала ў лірычным першым акапаўскім леце быў увесь у яднанні з сонцам [2, с. 149].

Для апісання знешняга выгляду галоўнага героя, а разам з тым і яго ўнутраных перажыванняў А. Лойка карыстаецца не толькі ацэначна-характарыстычнымі, але і эмацыянальнымі, або псіхалагічнымі, эпітэтамі, якія найперш перадаюць душэўны стан Купалы праз яго знешні выгляд – праз вочы, позірк, рухі. Напрыклад, ужываюцца такія прыметнікі: *смутныя вочы, сумныя вочы, сум у вачах глыбокі-глыбокі, нічым не развейны; памаўклівая ўсмешка; вочы нерухомыя*; а таксама дзеепрыметнікі: *разбітае сэрца паэта; заклапочанае сэрца Купалы; грудзі скамянелыя, анямелыя; чалавек, вырваны з каранем; засмучанае, загубленае сэрца*. Знаходзім таксама нешматлікія прыклады эмацыянальных, або псіхалагічных эпітэтаў, выражаных прыслоўямі, часам у спалучэнні з прыметнікамі або дзеепрыметнікамі: *змрочна пасміхаецца Купала; запаволена роздумныя рухі; глыбока засмучоны, знураны позірк*. Апошнія два эпітэты з’яўляюцца злітнымі.

Ствараючы вобраз класіка беларускай літаратуры, Алег Лойка часам выкарыстоўвае **каларонімы**. Ужыванне каларонімаў назіраецца толькі два разы: *Ён ніяк не можа спалучыць такіх з чыста-сінім адлівам бялкоў вачэй і бледнасці, мяккасці вырысаў юначага твару з тым, што толькі што прачытаў* [2, с. 20]; *Але Купала назаўтра і напаслязаўтра пасля пахавання Усевалада Ігнатоўскага яшчэ не ведае, што ён будзе песняром культу, што ён увогуле абвернецца ў блакітнага паэта, бесканфліктнага, ілюстрацыйнага* [2, с. 350].

Двойчы ўжывае пісьменнік эпітэты, якія маюць канструкцыю дапасаванага да назоўніка простага прыдатка: *хлопчык-абдуванчык, Купала-волат*. Апошні з іх з’яўляецца гіпербалічным.

Пісьменнік, дзякуючы выкарыстанню эпітэтаў і іншых мастацкіх сродкаў, адлюстроўвае асноўныя этапы творчасці Купалы, дае ўласную ацэнку яго творам, паказвае вялікі талент класіка, называючы яго слова *шчырым, паэтычным, а няро – вогненным*.

Пры апісанні творчасці Янкі Купалы і яе асноўных этапаў пісьменнік выкарыстоўвае простыя адносныя і якасныя прыметнікі: *пушкінская асалода пісаць; творчае лета; безгалосыя гады; неймаверная публіцыстычная актыўнасць; першае – “лірычнае”, другое – “камедыяграфічнае”, трэцяе – можна сказаць, “эпічнае, драматычнае”* (пра лета); *пятнаццаць самых-самых светлых, самых-самых драматычных яго гадоў; жудасны 1918 год*.

Аўтар выкарыстоўвае ў рамане эпітэты для характарыстыкі мастацкіх твораў Янкі Купалы. Напрыклад, п'есу “Тутэйшыя” Алег Лойка называе *самым балючым творам, найвастрэйшай камедыяй*. А верш “Беларускія сыны” пісьменнік характарызуе як *самы гнеўны, з'едлівы, прасякнуты нянавісцю*. Формы найвышэйшай простаі і складанай ступені параўнання выкарыстоўваюцца для завастрэння ўвагі на гэтых мастацкіх творах, паказу аўтаравых адносін да іх. Многія Купалавы творы аўтар называе *горкімі, мужыцкімі, непрасветлымі, поўнымі адчаю, марнымі, згубнымі, нядольнымі, жорсткімі*. Гэтыя прыметнікі, як правіла, маюць негатыўную экспрэсіўную афарбоўку ў тэксце. Ім супрацьпастаўляюцца нешматлікія эпітэты, для якіх характэрны больш пазітыўныя адценні: *твор быў дзівосны, як чары; высокі, велічальны зачын; святочна радасныя вершы; верш баявы, адрасаваны грамадзе*.

У рамане-эсэ неаднаразова можна сустрэць эпітэты з кампанентам сонца: *Але ўсё ж і да ўцёкаў з Мінска ад акупантаў крышачку часу ў Купалы было, каб адчуць сябе дома, адчуць у цалкам новых абставінах, і напісаць свой першы сонечны верш новага часу* [2, с. 230]; *Толькі ж якім гэта рамантыкам рабілі яго ўсе гэтыя святочна радасныя, сонечна сталінскія вершы, вершы аб ішчаслівым народзе ў... хапунскім 23-м годзе?* [2, с. 449]. Апошні з эпітэтаў пабудаваны на аснове антыфразіса (іроніі).

З дапамогай эпітэтаў, выражаных прыслоўямі, аўтар указвае на стыль пісьма Янкі Купалы: *піша квяціста, размашыста*. А радкі яго ранніх твораў называе *заклінанымі*.

Прааналізаваўшы эпітэты, выкарыстаныя Алегам Лойкам для стварэння вобраза Янкі Купалы ў рамане-эсэ “Як агонь, як вада...”, можна зрабіць вывад, што самымі ўжывальнымі з'яўляюцца ацэнна-характарыстычныя эпітэты (каля 76 прыкладаў). Эмацыянальныя, або псіхалагічныя, эпітэты прадстаўлены 11 словаўжываннямі, якія выкарыстоўваюцца для перадачы ўнутранага стану Купалы, яго пачуццяў. Каларонімы для характарыстыкі вобраза Купалы і яго творчасці выкарыстоўваюцца аўтарам толькі двойчы.

З дапамогай эпітэтаў пісьменнік па-новаму адкрывае перад чытачамі вобраз класіка беларускай літаратуры. Эпітэты дапамагаюць перадаць унутраны стан галоўнага героя, яго характар і асаблівасці знешнасці, дэманструюць асноўныя этапы і асаблівасці творчага шляху песняра.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гаўрош, Н. В. Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы / Н. В. Гаўрош. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 603 с.
2. Лойка, А. Выбраныя творы : у 2 т. / А. Лойка. – Мінск : Маст. літ., 1992. – Т. 1 : Як агонь, як вада... : раман-эсэ пра Янку Купалу. – 461 с.

К содержанию

К. С. КУЛИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СМЫСЛОВОГО ЯДРА ТЕКСТА С ПОМОЩЬЮ СОЧЕТАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ РЕГИСТРОВ

Коммуникативный регистр – понятие, которое соединяет язык и текст. Лингвисты Г. А. Золотова и ее ученики Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова определяют коммуникативный регистр как «понятие, абстрагированное от множества предикативных единиц или их объединений, употребленных в разнородных по общественно-коммуникативному назначению контекстах» [1, с. 393].

Г. А. Золотова предложила различать в текстах пять регистров: репродуктивный (прямая констатация наблюдаемого), информативный (сообщение информации: знаний и мнений), обобщающий (формулировки общечеловеческих истин), волеизъявительный (выражение воли говорящего) и реактивный (эмоциональная реакция на чужое слово, речевую ситуацию) [1, с. 33].

Цель нашего исследования текста – проанализировать, какие коммуникативные регистры выделяются в тексте миниатюры «Отраженье в воде» русского писателя, драматурга, эссеиста-публициста, поэта, общественного и политического деятеля А. Солженицына, и выяснить, какой регистр является определяющим для презентации основной мысли и идеи автора.

Исследуемый текст – это одна из миниатюр цикла «Крѳхотки» А. Солженицына. Текст небольшого объема, состоит из пяти предложений, оформленных тремя абзацами. Предложения в тексте пронумерованы нами для удобства в проведении анализа.

Отраженье в воде

1 В поверхности быстрого потока не различить отражений ни близких, ни далеких: даже если не мутен он, даже если свободен от пены – в постоянной струйчатой ряби, в неугомонной смене воды отраженья неверны, неотчетливы, непонятны.

2 Лишь когда поток через реки и реки доходит до спокойного широкого устья, или в заводи остановившейся, или в озерке, где вода не продрогнет, – лишь там мы видим в зеркальной глади и каждый листик прибрежного дерева, и каждое перышко тонкого облака, и налитую голубую глубь неба.

3 Так и ты, так и я. 4 Если до сих пор все никак не увидим, все никак не отразим бессмертную чеканную истину, – не потому ли, значит, что еще движемся куда-то? 5 Еще живем?..

В тексте есть заглавие – «Отражение в воде», но нельзя сказать, что оно полностью раскрывает тему анализируемого текста, так как речь идет не столько об отражении окружающего мира в воде реки, сколько о нашей жизни, которая и подразумевается под потоком воды.

Содержательно-фактуальная информация выражена темой текста – отражение (предметов в водной глади, истины в человеческом сердце). Содержательно-концептуальная информация (основная мысль и идея текста) отражена в последних предложениях текста: *5 Если до сих пор все никак не увидим, все никак не отразим бессмертную чеканную истину, – не потому ли, значит, что еще движемся куда-то? 6 Еще живем?..* Тем самым автор хочет обратить внимание на то, что наша жизнь – течение, поток в *1 неугомонной смене воды*. Мы не всегда можем остановить этот поток, чтобы рассмотреть происходящее, уловить главный, особенный момент так же, как и не можем разобрать отражения деревьев, облаков, неба в быстром потоке воды. И только однажды, достигнув *2 спокойного широкого устья реки*, мы сможем отразить *4 бессмертную чеканную истину* – обречем умиротворение, которое так долго искали. Содержательно-подтекстовая информация – постичь истину в житейской суете невозможно.

В анализируемом тексте присутствуют различные коммуникативные регистры. Данная текстовая категория определяется типом репрезентируемой в тексте информации, грамматически и функционально.

Иллюстративный (репродуктивный) регистр заметен в предложениях *1–5*, так как здесь представлен процесс отображения, фиксации реально наблюдаемых автором текста явлений, событий, фактов внешнего макромира и своего внутреннего микромира в совпадении их с моментом речи. Автор воспроизводит в речи непосредственно наблюдаемое: *2 мы видим, 4 не увидим, 5 живем*, используя глаголы 2 л. мн. ч. В этих предложениях описывается отражение, причем описательный фрагмент «свернут»: в пр. *1–2* общий вид описываемого и вывод отсутствуют, но есть описание деталей. Эта часть текста характеризуется обилием прилагательных (*отражений 1 близких, 1 далеких; 1 поток мутен, свободен от пены, 1 отраженья неотчетливы, 2 устья спокойного, широкого, 2 в зеркальной глади* и т. д.); глаголов несовершенного вида (*2 доходит, 2 видим*), обозначающих постоянство и незавершенность действий.

Автор сообщает читателю факты и свойства предметов окружающего мира, но эти знания получены не путем прямого наблюдения, а в результате опыта и мыслительных операций, они содержат оценку этих

фактов и свойств, а также мнение говорящего о них: *1 отраженья неверны, непонятны* (субъективная оценка автора); *2 лишь когда, 2 лишь там, 4 все никак не увидим, 4 все никак не отразим* (ограничительные и усилительные частицы), *2 каждое перышко, 2 каждый листик* (усилительное значение определительного местоимения), *2 в озерке* (уменьшительно-ласкательные суффиксы); *3 Так и я, так и ты; 4 не потому ли, значит, что еще движемся*. Все это отражает оценку и мнение автора, поэтому уместно говорить об информативном регистре речи.

Обобщающий же регистр проявляется в том, что автор обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом. В тексте «Отраженье в воде» есть цепь суждений и умозаключений (*1 В поверхности быстрого потока не различить отражений ни близких, ни далеких...*) во имя утверждения, обоснования главной мысли, выступающей как тезис; *4 Если до сих пор все никак не увидим, все никак не отразим бессмертную чеканную истину, – не потому ли, значит, что еще движемся куда-то? 5 Еще живем?..* (данные предложения обладают автосемантией, так как являются относительно независимыми). В качестве доказательств приводятся, помимо суждений, различные факты и явления, находящиеся в причинно-следственных отношениях (пр. **1, 2**). Рассуждение индуктивного типа, так как можно выделить доказательства (1–2 абзацы) и тезис (основную мысль) в пр. **5, 6**, вывод отсутствует. Характеризуется текст-рассуждение наличием подчинительных союзов (*2 где, 4 что*); местоимениями не личного разряда (*2 каждый*); частицами со значением ограничения и усиления (*2 лишь, 4 все никак*); сложными предложениями (**1, 2, 5**); вводными словами (*4 значит*).

Волеизъявительный регистр, сущность которого выражается в побуждении к действию других участников коммуникации, а также реактивный, отражающий реакцию говорящего на происходящее и на саму коммуникативную ситуацию, отсутствуют.

Таким образом, в миниатюре А. Солженицына «Отраженье в воде» сочетаются различные коммуникативные регистры, однако наше лингвистическое исследование показало, что ведущим регистром, проявляющим смысловое ядро текста, является обобщающий, а в него с этой же целью органично «вплетены» иллюстративный и информативный регистры. Это делает миниатюру А. Солженицына «Отраженье в воде» объемной по содержанию, оригинальной и самобытной по форме.

Список использованной литературы

1. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – 2-е изд. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2004. – 544 с.

К содержанию

Д. А. КУРАТНИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Ворон, канд. филол. наук, доцент

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТАЛЬ В ИГРОВОЙ
ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ РОМАНА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»
В. НАБОКОВА**

В. В. Набоков – русский и американский писатель, поэт, переводчик и энтомолог. Наряду с великими классиками русской литературы и мастерами психологизма (М. Ю. Лермонтовым, И. С. Тургеневым, Н. Г. Чернышевским, Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым) является писателем-психологом, нашедшим и воплотившим в своих художественных произведениях удивительные нюансы человеческого сознательно-го и бессознательно-го существования.

Психологизм в литературе (от греч. *psyche* ‘душа’ и *logos* ‘понятие, слово’) – это способ изображения духовной жизни человека в художественном произведении: воссоздание внутренней жизни персонажа и анализ свойств его личности, смена душевных состояний. Иными словами, под психологизмом понимается исследование духовной жизни героев в ее глубинных противоречиях, которые становятся структурой персонажа.

В труде А. Б. Есина «Психологизм русской классической литературы» мы находим понятие психологизма как в широком, так и в узком толковании. В широком смысле психологизм охватывает всеобщее свойство искусства, которое, в свою очередь, постигает социальные явления через явления психологические. При создании характера персонажа в него закладывается какая-либо социальная определенность, что и делает героя особенным и индивидуальным. Однако в литературоведении наиболее прочно закрепилось понятие психологизма в узком смысле этого слова. Оно включает в себя глубокое и детальное отображение внутреннего мира героя. И чтобы передать всю живость чувств своих персонажей, «писатели-психологи» используют свои приемы психологизма, который может быть явным – открытым (прямое воспроизведение внутренней речи персонажа или образов) и неявным – скрытым, т. е. в виде «подтекста», например раскрытие психологии личности путем мимики или жестам [2, с. 4–5].

Психологический анализ и самоанализ – одни из приемов психологического изображения. Их суть заключается в том, чтобы сложные душевные состояния раскладывать на составляющие и тем самым объяснить их природу для читателя. Важной составляющей психологической прозы В. Набокова является художественная деталь.

Художественная деталь (от фр. *detail* ‘часть, подробность, мелочь’) – это значимый элемент художественного образа, выразительная подробность в произведении, которая включает в себя идейно-эмоциональную и смысловую нагрузку. В исследовании О. В. Донцовой в статье «Психологизм в образе и деталях в произведениях В. Набокова» упоминается, что писатель подходит к формированию детали отталкиваясь от принципа доминанты последней в образе того или иного персонажа [1]. Сам В. Набоков также считал деталь важнейшей частью художественного пространства произведения.

При рассмотрении психологических деталей предоставляется возможность проследить за тем, как одна и та же деталь принимает на себя различные функции. В одном случае психологическая деталь носит вспомогательный характер, когда перед исследователями стоит задача изучить некоторые элементы психологического изображения, и в такой ситуации их разбором можно пренебречь. В другом случае психологическое изображение приобретает относительную самостоятельность и без него становится затруднительно уловить смысл содержания произведения. Отсюда и появляется особое художественное качество – психологизм, который представляет собой изображение художественными средствами внутреннего мира героя: его размышлений, желаний и эмоциональных потрясений.

Роман «Защита Лужина» является одним из известных произведений В. Набокова. В основу сюжета легла история о мальчике-шахматисте, который до последних секунд своей жизни не мог представить окружающий мир без сложных черно-белых комбинаций. В. Набоков большое внимание уделяет описанию внешности Лужина, через которое мы видим и его внутреннее состояние души: «...тяжелые веки были воспалены... он был так бледен, что всегда казался плохо выбритым...» [3, с. 90]. Однако при изучении психической индивидуальности характера Лужина и внешних условий, определенное сочетание которых приводит главного героя к гибели, обратим внимание на шахматный мир. Общество шахмат в данном произведении только предполагает наследственную и внутреннюю двойственность любого творчества. Из этого мы можем предполагать, что равно в такой же степени, как и особенный психический тип личности Лужина (склонность к одиночеству, детская слабость) оборачивает черно-белый мир в порабащивающий, так и шахматы (обширнее само творчество) содержат в собственной базе разлагающий сознание яд. Отсюда мы можем диагностировать лужинское «заболевание»: «Все мысли его за последнее время были шахматного порядка, но он еще держался...» [3, с. 173]. В отсутствии осмысления внутреннего дуализма шахмат виденье социальной катастрофы гроссмейстера станет очевидным либо в узком понимании в сопоставлении с гением, либо в широком – как действие на героя

иссушающего, подчиняющего натуру творчества, в гиперреальности которого оказывается Лужин.

Шахматы одновременно становятся сквозной деталью психологического романа «Защита Лужина» и едва ли не персонажем произведения, чьи черно-белые фигуры приобретают человеческие черты и могут являться пешками: «Лужин, с тех самых пор как стали приходить гости, появлявшиеся теперь каждый вечер в различных комбинациях, и борьба с ними, стремление проникнуть через их гущу к невесте, немедленно приобрело шахматный оттенок» [3, с. 91].

Существеннейшей чертой характера Лужина, которая обусловила снижение его тяготения к жизни вплоть до размеров шахматной доски, является и его неумение ценить реальность, жизнь, равнодушие к окружению, в котором он жил. Можно сказать, что в его сердце поселилась даже злость на общество, в котором он никак не мог найти себя, в результате чего он создает собственное интровертное пространство – шахматную гиперреальность, в которой он чувствует себя спокойнее. Именно поэтому представление о себе формируется у героя в шахматах: «Единственное, что он знал достоверно, это то, что спокон века играет в шахматы, – и в темноте памяти, как в двух зеркалах, отражающих свечу, была только суживающаяся, светлая перспектива: Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, только поменьше, и потом еще меньше, и так далее, бесконечное количество раз» [3, с. 95].

Великолепие набоковской детали нередко вводит дополнительную смысловую ноту, в дальнейшем устанавливая весь ход событий. Это может быть природная деталь: «Аллея была пятнистая от солнца, и эти пятна принимали, если прищуриться, вид ровных и светлых квадратов» [3, с. 39]. В этом эпизоде мы убеждаемся, что и мир в произведении будто состоит из шахмат.

Проявление внутренней напряженности Лужина раскрывает эпизод одной из ночей, где звучит монолог героя: в «...ночные часы, часы бессонницы в темной, запертой комнате, были единственные, когда можно спокойно думать и не бояться пропустить новый ход в чудовищной комбинации» [3, с. 169]. Перед нами предстает человек со своими страхами: «...он особенно остро почувствовал свое бессилие перед этой медленной, изощренной атакой...» [3, с. 169]. Ему ранее казалось, что он знает всю шахматную жизнь наперед, но, почти столкнувшись лицом к лицу с Турати в турнире, вновь ощущает ту детскую тревогу снова не дать отпор, потерять контроль над своей иллюзионной жизнью, в которой он считает себя Богом: «...и больше всего его томила невозможность придумать разумную защиту, ибо цель противника была еще скрыта» [3, с. 163]. Автор

с каждым эпизодом наращивает ощущение тревоги и надвигающейся угрозы сломать последнюю границу гиперреальности Лужина, за которой жизни для героя нет.

Последнюю, незавершенную шахматную партию играет уже безумный Лужин, Лужин, чье сознание переселилось в шахматный мир: «...погрузился в новые вычисления, придумывая и уже смутно предчувствуя гармонию нужных ходов, ослепительную защиту» [3, с. 68]. Но защита Лужина не происходит, и это вгоняет героя в панику. Именно в этот миг он понимает, что совершенно сходит с ума. Даже в ванной, где персонаж отчаянно ищет «выход из игры», он продолжает видеть намеки на его шахматную жизнь: «...висел рисунок карандашом: куб, отбрасывающий тень» [3, с. 183]. Лужин окончательно осознал свое положение заложника от той игровой реальности, которая вышла из-под контроля его сознания и подменила мир действительный, что и привело героя к трагедии.

Таким образом, деталь играет исключительно важную роль для создания и понимания сюжета, стиля и поэтики произведений В. Набокова.

Список использованной литературы

1. Донцова, О. В. Психологизм в образе и деталях в произведениях В. Набокова / О. В. Донцова // Наук. зап. Харків. нац. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. – 2011. – Вип. 4 (2). – С. 50–56. – Режим доступа: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nz1_2011_4\(2\)_9](http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nz1_2011_4(2)_9). – Дата доступа: 22.04.2022.
2. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы : кн. для учителя / А. Б. Есин. – М. : Просвещение, 1988. – 176 с.
3. Набоков, В. В. Защита Лужина. Подвиг. Соглядатай : романы, рассказы / В. В. Набоков. – М. : АСТ, 2004. – 541 с.

К содержанию

Д. А. КУРАТНИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. А. Веремеюк, старший преподаватель

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА «МУЗЫКА»

Владимир Владимирович Набоков – одна из самых ярких и оригинальных фигур в литературе XX ст. Влияние В. Набокова наблюдается в поэтике многих русских и иностранных писателей XX–XXI вв. Языку набоковской прозы всегда было чуждо однообразие. Доминанты поэтики писателя-билингва (он писал и на русском, и на английском языках) характеризуют игровую манеру его творчества, что позволило литературным

критикам говорить о своеобразном и неповторимом его стиле. Сам же В. Набоков отмечал: «Мой стиль – это все, что у меня есть».

Русский советский писатель А. Битов в статье «Ясность бессмертия» подчеркивает: «Ткань набоковской прозы – из одних декольте и вырезов, музыка ее – пауза, живопись ее – просвет, дух ее – послесмертие».

Проза В. Набокова характеризуется глубоким психологизмом, который нередко представлен точными детальными нюансами. Художественная деталь придает особое значение обычным, на первый взгляд, свойствам предметов, характерам героев, раскрывая их внутренний мир. Художественная деталь (от фр. *detail* ‘часть, подробность, мелочь’) обычно рассматривается как значимый элемент художественного образа, выразительная подробность в произведении, которая несет идейно-эмоциональную и смысловую нагрузку.

Следует отметить, что до сегодняшнего дня ни в стилистике, ни в литературоведении однозначной классификации художественной детали пока еще не сложилось. По мнению советского литературоведа и публициста Е. Добина, художественная деталь может рассматриваться 1) как **деталь-символ** и 2) как **деталь-подробность**.

Деталь-символ единична, она стремится выделить главное среди массы. Часто передает авторское мироощущение и отношение к изображаемому. Под **детальными-подробностями** понимаются такие детали, которые действуют в массе и описывают предмет со всех мыслимых сторон.

В рассказе «Музыка», который был написан В. Набоковым в начале 1932 г., повествуется об истории любви, по сути несчастной, несостоявшейся, главного героя Виктора Ивановича и его бывшей супруги, которую он до сих пор любит и невзначай встречается на одном из музыкальных вечеров. В черновом варианте рассказ назывался «Ограда», и это неслучайно: «...музыка окружила их **оградой** и как бы стала для них **темницей**, где были оба они обречены сидеть пленниками, пока пианист не перестанет созидать и поддерживать холодные звуковые своды» [3, с. 537]. Главный герой чувствует себя неуютно, а нахлынувшая ностальгия по летним вечерам с любимой только усиливает напряжение. Когда же подходит к концу выступление пианиста Вольфа, диаметрально противоположным становится его отношение к музыке: «музыка, вначале казавшаяся **тесной тюрьмой**... была в действительности невероятным счастьем, волшебной стеклянной выпуклостью, обогнувшей и заключившей его и ее, давшей ему возможность дышать с нею одним воздухом, – а теперь все разбилось, рассыпалось, – она уже исчезает за дверью, Вольф уже закрыл рояль, – и невозможно восстановить **прекрасный плен**» [3, с. 539]. И перед нами предстает совершенно другой герой, который теперь отдал бы все, чтобы

вновь повторить встречу с любимой. Интересно отметить, что и в другом произведении В. Набокова – романе «Защита Лужина» – шахматная игра, которая отделяет обезумившего шахматиста от реальной жизни, тоже является «оградой». Таким образом, мы видим, что существительное *ограда* в переносном значении выступает в качестве **детали-символа** и является характерной чертой идиостиля писателя.

Среди деталей-подробностей можно выделить **портретные, бытовые и пейзажные**.

1. **Портретная деталь** помогает писателю подчеркнуть индивидуальность того или иного героя. Литературовед Л. Юркина выделяет статический и динамический портрет. Статический портрет включает в себя внешность персонажа, описывая цвет его глаз или волос, рост или телосложение. Так, в тексте главный герой называет свою бывшую возлюбленную «*маленькой, тонкой женщиной*» [3, с. 538], обращает внимание на «*глаза, глядящие в сторону, бледную щеку, черный завиток*» [3, с. 537], и перед нами возникает нежный женственный образ. Динамический портрет содержит невербальную и вербальную характеристику персонажа, особенности его походки, речевую манеру (характер, интонацию). С первых строк рассказа мы видим, что главный герой чем-то обеспокоен, встревожен, закрыт для общества: «*Уже ступая на цыпочках, Виктор Иванович отворил дверь...*» [3, с. 535], «*Он ответил скромными жестами... осторожно сел, осторожно скрестил руки*» [3, с. 535]. После встречи взглядом со своей возлюбленной он вспоминает, что «*...шел, на цыпочках, большими, беззвучными шагами...*» [3, с. 536]. Таким образом, статический портрет бывшей супруги (автор даже не дает ей имени) и динамический портрет Виктора Ивановича представляют собой контраст: маленькая женщина и большие шаги, по-видимому, большого мужчины.

2. **Бытовая деталь** выполняет обычно характерологическую функцию, которая может быть продемонстрирована в интерьере, одежде, гастрономических предпочтениях или привычках героя. Например, Виктор Иванович, когда начинает скучать на музыкальном вечере, чтобы скрыть свое беспокойство, «*...медленно доставая портсигар, отвернулся и стал разглядывать остальных гостей*» [3, с. 535].

3. **Пейзажная деталь** помогает автору также раскрыть внутреннее состояние персонажей. В небольшом по объему рассказе мы наблюдаем все поры года и узнаем их не по развернутому описанию, а именно по той или иной, на первый взгляд незначительной, детали. Музыкальный вечер, где состоялась неожиданная встреча бывших супругов, состоялся зимой: «*передняя была завалена зимними пальто обоего пола...*» [3, с. 535].

Видимо, В. Набоков в унисон настроению героя выбирает это время. История же любви начинается летом: *«Он влюбился в нее без памяти в душный обморочный вечер на веранде теннисного клуба, – а через месяц, в ночь после свадьбы, шел сильный дождь, заглушавший шум моря... и утром листья в саду блистали...»* [3, с. 537]. Выразительные эпитеты помогают передать чувства молодой супружеской пары. Разрыв отношений с любимой женщиной происходит весной: *«Весною она странно помертвела; говорила, почти не разжимая рта»* [3, с. 538]. Супруга Виктора Ивановича, почувствовав пустоту и совершенную чуждость их душ, решается на разрыв и уходит к другому мужчине. Боль несостоявшегося счастья передается читателю, становится еще более очерченной, ощутимой. С этой болью остается главный герой: *«На ветру дрожал студень медуз, выброшенных на гальку»* [3, с. 538]. Оказывается, что медузы очень чутко реагируют на изменение погоды, и в сентябрьские дни они массово прибывают к берегу. Виктор Иванович вспоминает, что его бывшая жена *«по вечерам... варила какао»* [3, с. 538]. Кстати, и данный напиток считается также осенним. Круг времени замкнулся, однако его любовь не умерла. Он вновь и вновь готов был быть пленником в «ограде» своего невольного плена, где призрачным счастье мелькнул силуэт его бывшей жены: *«Я с ней не простился. ...Живи, живи. Живи, как сейчас живешь... взгляни на меня, я тебя умоляю, – взгляни же, взгляни, – я тебе все прощу...»* [3, с. 539].

Таким образом, проанализировав рассказ В. Набокова «Музыка», отметим особую роль художественной детали в тексте, когда вроде бы незначительные предметы, вещи или явления помогают автору не только мастерски создавать необходимую атмосферу, но и раскрывать тончайшие психологические черты героев.

Список использованной литературы

1. Колбина, В. А. Идиостиль Владимира Владимировича Набокова – уникальной личности, виртуозного мастера слова, двуязычного писателя [Электронный ресурс] / В. А. Колбина // Урок.рф. – Режим доступа: https://урок.рф/library/idiostil_vladimira_vladimirovicha_nabokova_unika_093109.html. – Дата доступа: 18.05.2022.

2. Саченко, Б. И. Истребление тиранов : избр. проза / Б. И. Саченко. – Минск : Маст. лит., 1989. – 640 с.

К содержанию

Е. А. ЛЕОНЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

**ПОЛНОГЛАСНЫЕ И НЕПОЛНОГЛАСНЫЕ МОРФЕМЫ
В ИДИОСТИЛЕ А. С. ПУШКИНА (КОРПУСНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ)**

В истории русского литературного языка проблема старославянизмов играет ключевую роль. Старославянский язык послужил одним из источников формирования русского литературного языка, и каждый период развития последнего характеризуется прежде всего отношением к старославянскому наследию.

Одним из заметных фонетических признаков старославянизмов является неполногласие, т. е. сочетания *-ра-*, *-ла-*, восходящие к праславянским сочетаниям **tolt*, **tort*. В русском языке им соответствуют полногласные сочетания *-оро-*, *-оло* (*брада – борода, врата – ворота, молодой – молодой, злато – золото* и т. д.). По отношению к русским вариантам они могут быть сгруппированы, по мнению Г. О. Винокура, в три следующих разряда: I. «Славянизмы, русский вариант которых сейчас неупотребителен»: *храбрый – хоробрый*; II. «Славянизмы, русские варианты которых также употребительны в современном языке, причем церковнославянский и русский варианты соответствующих слов различаются своими значениями»: *страна – сторона*; III. «Славянизмы, не встречающиеся в настоящее время в общем употреблении, ... в то время как русский вариант соответствующих слов принадлежит сейчас к общему употреблению»: *глад – голод*» [1, с. 449].

В допушкинское время существовало строгое противопоставление стилей, но А. С. Пушкин решительно отвергает фиксацию того или иного слова в одном стиле. У него старославянизмы – это уже не «самодовлеющая и единственная категория “высокого” в языке» [3, с. 344]. «Он мастерски применяет их как средство создания исторического колорита (в «Песни о вещем Олеге», «Моей родословной», «Борисе Годунове» и др.), как средство творческого воссоздания стиля антологического (см. «Подражания древним»), «библейского» («Пророк», «Странник»... и т. п.), одического стиля XVIII в. (ср. описание боя в «Полтаве») и т. п.» [3, с. 344]. Соединяя славянизмы и русизмы, А. С. Пушкин создавал благоприятные условия для «вхождения наиболее семантически важных славянизмов в общий словарный состав русского языка» [3, с. 345]. Однако избирательное отношение к старославянизмам формировалось у поэта постепенно.

Сравним, используя Национальный корпус русского языка [2], частоту употребления слов с полногласными и неполногласными сочетаниями в ранних произведениях А. С. Пушкина (до 1822 г.) и в творчестве зрелого поэта. Количество старославянизмов приведено в таблице 1.

Таблица 1 – Слова с неполногласием в произведениях А. С. Пушкина

Слово	До 1822 г.	После 1822 г.	Соотношение	Слово	До 1822 г.	После 1822 г.	Соотношение
длань	138,5	23,5	5,88	брадатый	41,5	23,5	1,76
младость	456,9	109,9	4,16	врата	55,4	39,2	1,41
влас	221,5	54,9	4,03	глава	872,3	628,0	1,39
гладный	27,7	7,8	3,53	град	249,2	180,5	1,38
драгой	27,7	7,8	3,53	здравый	69,2	54,9	1,26
злато	221,5	86,3	2,57	здравие	41,5	62,8	0,66
брег	761,5	321,8	2,37	глад	13,8	31,4	0,44
глас	692,3	298,3	2,32	пред	470,8	1915,4	0,25
хладный	830,7	361,1	2,30	чреда	13,8	78,5	0,18
хлад	193,8	86,3	2,24	чрез	138,5	0,0	–
младой	1301,5	628,0	2,07	брада	27,7	0,0	–
краткий	124,6	62,8	1,98				

Поскольку объем подкорпуса до 1822 г. составляет 72 225 слов, а после 1822 г. – 127 389 слов, мы приводим не абсолютное количество, а долю слов на миллион словоупотреблений (ipm).

А. С. Пушкин реже стал употреблять старославянизмы *длань* (в 5,88 раза), *младость* (в 4,16 раза), *влас* (в 4,03 раза), *гладный* и *драгой* (в 3,53 раза), *злато* (в 2,57 раза), *брег* (в 2,37 раза), *глас* и *хладный* (в 2,3 раза), *хлад* (в 2,24 раза), *младой* (в 2,07 раза), *краткий* (в 1,98 раза), *брадатый* (в 1,76 раза), *врата*, *глава* и *град* (в 1,4 раза), *здравый* (в 1,26 раза). Особенно заметна разница в использовании слов *чрез* (в раннем периоде 138,5 ipm) и *брада* (27,7 ipm), которые в творчестве зрелого поэта больше не встречаются. Таким образом, у 19 из 23 исследуемых старославянизмов после 1822 г. частотность заметно снизилась.

Чаще стали использоваться четыре старославянизма: *здравие* (соотношение частотности в ранний период к частотности в поздний 0,66), *глад* (более чем вдвое – 0,44), *пред* (вчетверо – 0,25), *чреда* (более чем в пять раз – 0,18).

Рассмотрим частотность использования А. С. Пушкиным полногласных аналогов исследуемых старославянизмов (таблица 2).

Таблица 2 – Количество слов с полногласием в ранних и поздних произведениях А. С. Пушкина

Слово	До 1822 г.	После 1822 г.	Соотношение	Слово	До 1822 г.	После 1822 г.	Соотношение
борода	346,1	47,1	7,35	дорогой	498,4	565,2	0,88
волос	180,0	31,4	5,73	золото	83,1	102,0	0,81
молодость	83,1	31,4	2,65	голос	456,9	659,4	0,69
череда	110,8	54,9	2,02	здоровье	69,2	109,9	0,63
бородатый	13,8	7,8	1,76	ворота	96,9	164,8	0,59
берег	830,7	604,4	1,37	перед	567,7	1012,6	0,56
здоровый	180,0	141,3	1,27	город	235,4	423,9	0,56
голова	913,8	737,9	1,24	короткий	27,7	62,8	0,44
холод	83,1	70,6	1,18	ладонь	0,0	39,2	0,00
молодой	1343,0	1271,7	1,06	голодный	0,0	94,2	0,00
холодный	360,0	392,5	0,92	голод	0,0	47,1	0,00
через	152,3	172,7	0,88				

Из таблицы видно, что 10 из 23 слов с полногласием стали употребляться реже: *борода* (в 7,35 раза), *волос* (в 5,73 раза), *молодость* (в 2,65 раза), *череда* (в 2,02 раза), *бородатый* (в 1,76 раза); несколько снизилась частотность слов *берег* (в 1,37 раза), *здоровый* (в 1,27 раза), *голова* (в 1,24 раза), *холод* (в 1,18 раза), почти не изменилась частота использования прилагательного *молодой* (в 1,06 раза).

Напротив, три слова с восточнославянскими рефлексамии сочетаний **tolt*, **tort* вообще не встретились до 1822 г., но довольно употребительны позже: *ладонь* (39,2 ipm), *голодный* (94,2 ipm) и *голод* (47,1 ipm). Остальные 10 слов с полногласием стали использоваться чаще: существенно чаще стали слова *короткий* (соотношение 0,44), *перед* и *город* (соотношение 0,56), примерно на 40 % чаще стали встречаться *здоровье* (0,63) и *ворота* (0,59), примерно на треть – существительное *голос* (0,69). Менее существенно изменилась частотность слов *холодный* (0,92), *дорогой* и *через* (0,88), *золото* (0,81).

Частота использования слова связана не только с конкуренцией полногласных или неполногласных вариантов, но и с представленностью в произведениях А. С. Пушкина самого понятия, которое называют оба варианта. Так, в поздний период стали использоваться чаще оба слова в двух парах *лад – голод*, *перед – пред*. Напротив, реже стали встречаться оба слова в десяти парах: *борода – брада*, *волос – волос*, *молодость – младость*, *череда – чреда*, *бородатый – брадатый*, *берег – брег*, *здоровый – здравый*, *голова – глава*, *холод – хлад*, *молодой – младой*.

Стали реже употребляться старославянские варианты и чаще русские в 11 парах: *холодный – холодный*, *через – чрез*, *дорогой – драгой*, *золото –*

златой, голос – глас, здоровье – здравие, ворота – врата, город – град, короткий – краткий, ладонь – длань, голодный – гладный.

Напротив, стали чаще употребляться старославянские варианты и реже русские только в двух парах: *чередa – чреда, здоровый – здравый.*

Таким образом, наше исследование убедительно показывает, что со временем А. С. Пушкин относился к использованию старославянизмов все более избирательно, в его ранних произведениях это стилистическое средство встречается гораздо чаще.

Список использованной литературы

1. Винокур, Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур ; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 443–459.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new>. – Дата доступа: 10.05.2022.

3. Сорокин, Ю. С. Значение Пушкина в развитии русского литературного языка / Ю. С. Сорокин // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. 6 : Литература 1820–1830-х годов. – 1953. – С. 329–368.

К содержанию

А. С. ЛИНКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА МОСКВЫ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНый ШАТЕР»

В тексте как феномене словесного искусства (оно является сложно-организованной динамической системой, погруженной в стихию национального языка и текучих культурно-исторических смыслов [1, с. 152–159]) действительность представлена в виде образов. Так, в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» [3] заметное место занимает образ Москвы, в создании которого участвуют разные языковые единицы, включая имена собственные (ИС). Последние и стали объектом нашего исследования.

Онимы в литературном произведении отнюдь не случайны, они играют роль ориентиров во времени и пространстве; отражают художественный мир определенной социальной группы в определенную эпоху [2, с. 30]. Ономастикон романа Л. Улицкой представлен более чем 400 ИС – урбанонимами, антропонимами, идеонимами, прагматонимами, – денотаты которых относятся к разным сферам жизни столицы СССР

(в период от похорон И. Сталина до смерти И. Бродского в 1996 г.), неоднородного, в т. ч. по политическим взглядам, населения Москвы.

Мы остановимся на одном сегменте урбанонимии Москвы – на ИС ее пространства (вслед за Т. В. Шмелевой внутригородские номинации разделяем на: 1) ИС пространства; 2) ИС сооружений; 3) ИС социальных институций [4, с. 101]). В нашей выборке отмечены ИС нескольких разрядов, именующие территориальные (хоронимы) и линейные городские объекты.

Хоронимы в романе «Зеленый шатер» называют: а) исторические местности, районы города: «...через Собачью площадку выходили к последней квартире Скрябина» (до 1962 г. здесь была площадь); «...они [Миха, Илья] попали на открытие фестиваля в Лужниках...»; «Район “Сокола” был не жирный, старого жилья оставалось немного...»; «С детства жил в Замоскворечье...»; «А про Сашу с Ником, про клятву на Воробьевых горах они еще не знали, даже начитанный Саня Герцена еще не открывал. Да и гнилые эти места – Хитровка, Гончары, Котельники – столетиями считались самыми вонючими в городе и не созданы были для романтических клятв»; «...Виктор Юльевич попрощался с ребятами, и они пошли по домам, в разные стороны Китай-города» и др.; б) парки: «За день до отъезда всей компанией пошли в Парк культуры...»; «...раскинулся огромный Тимирязевский парк с древними липовыми и еловыми аллеями...» и др.; в) кладбища: «Года не прошло с отъезда Ильи, как умер Афанасий Михайлович. Похоронили на Ваганьковском кладбище...»; «Одной только матери, чудом избежавшей лагерей, спятившей от страха, удалось лечь в гроб на Востряковском кладбище».

Среди ИС линейных объектов массовостью отличаются годонимы, т. е. названия: а) улиц: «...пересекали Малую Молчановку возле домика Лермонтова...»; «С компанией мальчишек он проходил по улице Горького...» и др.; б) переулков: «...почти дословно пересказал ребятам все удивительные истории, услышанные от учителя по дороге от школы к Кривоколенному переулку»; «...свернули в первый попавшийся двор в Трубниковском переулке»; «...шли через Богословский переулок к Трехпрудному, к дому, где жила когда-то Марина Цветаева...»; «Он решил пробиваться через Крапивенский переулок» и др.; в) бульваров: «Они... остановились в самом начале Тверского бульвара»; «Он прекрасно видел, что пройти обычной дорогой от Трубной площади вверх по Рождественскому бульвару, пересечь Сретенку и выйти к Чистопрудному бульвару невозможно» (цитата отсылает к одной из страшных страниц истории Москвы – к многочисленным давкам (с тысячами погибших) во время похорон Сталина в 1953 г.) и др.; г) проездов: «Застрелился знаменитый поэт в другом месте, в Лубянской проезде, где была его рабочая комната»; «...ей выдали взамен отобранной дачи трехкомнатную квартиру

неподалеку, в Красностуденческом проезде»; д) набережных: «Знаменитая кровать... снова откочевала в антикварный магазин на Смоленскую набережную».

ИС линейных объектов также представлены агоронимами, т. е. наименованиями: а) рынков: «А купить в Москве можно все возле букинистического на Кузнецком, у Первопечатника есть толкучка, а еще лучше на Птичке...» (так в народе назывался Птичий рынок); б) площадей: «К Колонному залу можно было пройти со стороны Пушкинской площади...»; «...повел ее к самому страшному месту – на площадь Дзержинского, где посреди стоял столбом кровожадный рыцарь революции» (роман посвящен зарождению в советском обществе инакомыслия, поколению шестидесятников-диссидентов; отсюда и такая категорично отрицательная оценка основателя и руководителя ВЧК); «Теперь Маша заторопилась на телеграф отправить перевод и пойти на Красную площадь и, если повезет, в Мавзолей...» и др. Последнее ИС принадлежит особому месту в Москве, ее «сердцу»; символу не только столицы, но всей Страны Советов: здесь находятся ее самые главные здания, культурно-исторические памятники; сюда стремятся попасть и москвичи, и гости города: «Ничего не поменялось за три года, только народу, показалось Маше, поприбавилось. Как-то вдруг, без предупреждения, открылась Красная площадь. Сразу подумала о подружках с Угольного, Кате и Ленке, – им хоть бы глазком глянуть на такую красоту». Но приходили на площадь и с другими целями, например, чтобы выразить несогласие из-за ввода в 1968 г. советских войск в Чехословакию: «Через сутки по “Голосу Америки” передали информацию о митинге на Красной площади – про пятиминутное стояние и про великолепную семерку!.. Это был материал Миши!»

Урбанонимикон романа иллюстрирует сосуществование наименований, созданных в разное время, по разным семантическим моделям. Целый ряд онимов (они мотивируются фамилиями политических деятелей КПСС, СССР; ИС «вписавшихся» в официальную идеологию советских и/или российских представителей науки, культуры и т. д.; названиями, в т. ч. советизмами, важных для государственного строя понятий, реалий) подчеркивает тоталитарную выверенность всех сторон жизни СССР: «Потом он подвел их к обшарпанному дому на первом от улицы Кирова повороте...»; «Как только им всем дадут новую квартиру, так и помрет [«дядя Юра-краники»], к досаде и огорчению жильцов высотки на площади Восстания...» (названа в память о событиях революций 1905 и 1917 гг.); «...все пассажиры прибыли на Комсомольскую площадь»; «Железный человек под псевдоготическим козырьком... пережил переименование переулка из Гусятникова в Большевицкий и не ведал, что ему еще

предстояло...» и др. При этом Л. Улицкая вводит в текст неофициальные ИС (рисуя уходящую из-под контроля власти жизнь; возвращая(сь) в лучшие времена): «...Старушки-подружки почти все, кроме, может быть, Анны Александровны, которая жила на Покровке, были здешние...» (в 1940–1992 гг. – ул. Чернышевского: «...многие видели, как он с бабушкой... следовал по улице Чернышевского, бывшей и будущей Покровке»); «Короткий пробег через Михин двор, мимо углового дома... на Маросейку» (в 1954–1990 гг. – ул. Богдана Хмельницкого); «...оттуда, с Мясницкой, выезжает карета» (в 1935–1990 гг. – ул. Кирова); «Сын Сергея Петровича жил на Большой Никитской» (в 1920–1993 гг. – ул. Герцена) и др.

Итак, урбанонимикон романа «Зеленый шатер» участвует в репрезентации Москвы не как абстракции, а как конкретного города, позволяет вполне реально представить его внутреннее пространство. Также ИС территориальных и линейных объектов несут важную лингво- и социокультурную информацию, делая образ Москвы многогранным, живым.

Список использованной литературы

1. Ковалева, М. Р. Система «Словесное искусство» / М. Р. Ковалева // VII Карповские научные чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. – Минск : БГУ, 2013 – Вып. 7, ч. 2. – С. 111–116.
2. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
3. Улицкая, Л. Е. Зеленый шатер : роман / Л. Е. Улицкая. – М. : Эксмо, 2011. – 638 с.
4. Шмелева, Т. В. Ономастика : учеб. пособие / Т. В. Шмелева. – Славянск-на-Кубани : КубГУ, 2013. – 161 с.

К содержанию

В. С. ЛЫСЕНКО

Ярославль, ЯГПУ имени К. Д. Ушинского

Научный руководитель – Ж. К. Гапонова, канд. филол. наук, доцент

ЯЗЫК ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Задумывались ли вы когда-нибудь о названиях заведений общественного питания? Каким образом они отражают менталитет народа, как в них проявляется культура? Чем названия заведений могут быть полезны при погружении иностранцев в русскую культуру, в историю народа?

Изучение языкового пространства города с точки зрения соотношения имен собственных и культуры является актуальным, так как находится в русле новейших лингвокультурологических исследований, связанных с проблемами языковой картины мира человека, с вопросами о русских взаимоотношениях человека и мира и их отражении в языке. В данной работе нас будет интересовать лингводидактический потенциал наименований заведений.

Различные названия городской среды помогают при обучении иностранцев. Иностранные туристы при помощи наименований городских кафе, ресторанов, магазинов, торговых центров могут многое узнать об истории русского народа, о его культурных, национальных особенностях, о личностях, известных во всей стране, благодаря чему складывается положительное отношение к России. Знание и понимание культуры народа, язык которого усваивается, способствует формированию положительного отношения к другой нации или стране.

Большинство имеющихся на настоящий момент исследований в области эргонимии выполнены на языковом материале крупных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга и др. Однако эргонимы и их особенности при обучении русскому языку как иностранному в провинциальных городах, в частности в городе Ярославле, на данный момент исследованы недостаточно, что и обусловило актуальность исследования.

Материалом для исследования послужили названия кафе, баров, ресторанов, расположенных в г. Ярославле. Всего проанализировано 30 языковых единиц. Приведем примеры наиболее актуальных и интересных наименований, способных наилучшим образом погрузить иностранцев в культуру России.

В Ярославле, как, наверно, и в любом другом городе, есть множество названий, связанных с национальной русской кухней. Например, «Овсянка», «Центральная пельменная», «Честный стейк», «Хлеб», «Мед», «Пивовар», «Русский чай». Благодаря таким названиям можно не только отразить особенности данного заведения и основные блюда, подаваемые там (что часто не всегда бывает правдивым: в клубе «Мед», который в дневное время работает как обычный ресторан, никакого меда в меню нет), но и познакомить иностранцев с историей национальных блюд, особенностями их подачи именно в России, дать понять, почему они так любимы всеми русскими. Так, современную русскую кухню не представить без такого традиционного блюда, как пельмени, которые вошли в жизнь русского народа давно и прочно. Или, например, считается, что любовь русских к спиртным напиткам, и в частности к пиву, стала одним из решающих факторов выбора Владимиром в 986 г. христианства государственной религией. Представление иностранцев о русском народе как

о беспросветных пьяницах – это не более чем миф, но все же обычно русские праздники не обходятся без алкоголя. Мне кажется, интересно узнать было бы иностранцам и о традициях подачи русского чая (самовар или заварочный чайник), о лакомствах, которые подаются при чаепитии (блины, варенье, мед, сдобные изделия и др.)

Отсюда же можно и выйти на уровень паремиологических единиц (пословиц), ведь именно в этих коротких и выразительных высказываниях запечатлены ценностные аспекты русского народа. Например, «Каша – кормилица наша» или «Хлеб всему голова».

Другой тип названий заведений общественного питания связан с именами и фамилиями личностей, значимых для культуры и истории России. К таковым относятся, например, «Иоанн Васильевич», благодаря которому можно погрузить иностранцев в историю России. Обучающимся должно быть интересно узнать о такой противоречивой личности, как Иван Грозный, углубиться в историю, узнать о жизни князей, бояр, крепостных. В ресторане русской кухни «Иоанн Васильевич» официанты одеты в русские народные костюмы, дизайн и атмосфера заведения также погружают гостей во времена XVI в.

Такие названия, как «Буратино» (повесть-сказка А. Толстого), «Манилов» (поэма Н. Гоголя), помогают выйти на уровень изучения русской литературы – как сказок, так и классических произведений. Сказки, как правило, отражают душу русского человека. Также благодаря тому, что в сказках небольшое количество героев, маленький объем и ярко выраженная мысль, иностранцам, изучающим русский язык, можно давать сказки или их фрагменты для прочтения, чтобы отработать знание лексики, понимание смысла предложений и текста в целом. Все мы знаем, откуда берется фамилия Манилов – Гоголь «Мертвые души». Такое название ресторана познакомит обучающихся с великим русским писателем и его знаменитым во всей России произведением, которое изучается в школе. Конечно, прочитать такое произведение самостоятельно иностранцы смогут уже на продвинутом уровне знания русского языка и культуры. На начальных этапах обучения такое произведение им покажется очень сложным и непонятным. Но, прочитав поэму, обучающиеся лучше проникнутся в душу русского человека.

Важное значение занимают и заведения, названия которых отражают свою расположенность, географию города, что позволяет познакомить обучающихся с особенностями местности, на которой расположен город, с парками, скверами, бульварами. Такие названия могут углубить знания обучающихся об истории именно города Ярославля и его особенностях: «Которосль», «Волга», «Бульвар».

Есть и другие интересные названия заведений общественного питания, например: «Лапша на ушах», «Сказка», «Рога и копыта», «Борода бар», «Якорь» и др. Тема городского пространства также активно может быть использована в освоении иностранными учащимися фразеологии русского языка («Лапша на ушах»). Данные названия – отражение ценностей и взглядов культуры народа прошлых веков и современности.

Отдельного внимания заслуживает меню многих заведений. Меню ресторана «Якорь» изобилует такими названиями, как «Сало под водочку», «Уха пиратская», «Селедочка “Удачный улов”». Так, иностранцы могут повторить уменьшительно-ласкательные суффиксы, узнав при этом, что такое водочка и селедочка. В меню есть и другие национальные блюда: солянка, борщ, щи, блинчики, винегрет, которые будут актуальны для иностранцев при знакомстве с русской культурой.

Названия кафе, баров и ресторанов позволяют развивать у обучающихся лингвокультурологические компетенции, активизировать познавательные процессы. Зная реалии современного города, иностранцы будут чувствовать себя в городской среде более свободно и уверенно. Благодаря различным названиям заведений, различных блюд из меню, ингредиентов, благодаря погружению в историю, литературу, искусство, культуру России иностранные обучающиеся будут обогащать свой словарный запас.

Конечно, работа с большинством из данных названий предполагает уже средний уровень владения иностранцами русским языком, так как будет использоваться лексика, порой мало употребляемая в повседневной жизни. Погружение в языковую среду города преследует прежде всего лингвокультурологическую цель – культурное развитие обучающихся, более глубокое понимание жизни русского народа, его менталитета.

Список использованной литературы

1. Верещагин, Е. М. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : учеб. пособие для студентов филол. специальностей и преподавателей рус. яз. и лит. иностранцам / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; Науч.-метод. центр рус. яз. при Моск. гос. ун-те им. М. В. Ломоносова, Группа страноведения. – М. : Наука, 1973. – 232 с.

2. Глушкова, Т. С. Лингводидактический потенциал концепта «Город» в обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] / Т. С. Глушкова // Гуманитар. исслед. – 2020. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskiy-potentsial-kontsept-a-gorod-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostran-pomu>. – Дата доступа: 28.11.2021.

3. Гутнов, А. Э. Город как объект системного исследования / А. Э. Гутнов // Системные исследования : ежегодник. – М. : Наука, 1977. – С. 212–236.

К содержанию

ЛЮ СЮЭХАНЬ

Минск, БГПУ имени Максима Танка

Научный руководитель – Н. В. Соловьева, канд. филол. наук, доцент

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ФОРМ ПРИВЕТСТВИЯ В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Приветствия являются важной частью речевого этикета и лексической системы языка. История Китая и развитие китайского общества с древнейших времен и до наших дней нашли отражение в эволюции языка приветствий. Можно сказать, что трансформация вербальных и невербальных форм приветствий происходила в соответствии с развитием китайской общественной жизни: приветствия в разные исторические эпохи изменялись вместе с особенностями социальной жизни людей.

В первобытнообщинную эпоху (1600 г. до н. э.), когда древние китайцы встречали друг друга, они спрашивали: 无它乎? («у та ху»), что означает ‘нет ли змеи?’. В то время люди не имели домов, а жили в пещерах или в лесах, где иногда подвергались нападению ядовитых змей. Люди их очень боялись, поэтому, придя в незнакомое место, сначала узнавали, есть ли там змеи. В конце концов, фраза «у та ху» стала ежедневным приветствием для древних китайцев. После появления жилищ главной проблемой для человека стали болезни, поэтому более распространенным стало приветствие 无恙乎? («у ян ху») – ‘Вы ведь не больны?’.

Два приветствия – «у та ху» и «у ян ху» – являются отражением беспокойства древнего человека по поводу окружающей среды. Стихийные бедствия, нашествия диких животных, племенные сражения и т. д., угрожающие повседневной жизни людей, приносили болезни и боль. Отсутствие болезни и боли было самой главной потребностью древних людей, поэтому они встречали друг друга такими приветственными формулами. Кроме того, рассматриваемые приветствия отражают не только жизненные потребности древних предков, но и взаимную заботу людей друг о друге.

По мере улучшения условий обитания менялась и социальная жизнь, что привело к соответствующему изменению формы и содержания приветствий. В эпоху феодализма этикет постепенно формализовался и стал частью феодальных ритуалов, где доминировала конфуцианская школа. Этикетные нормы, сформированные в эпоху феодализма, не утратили актуальности и в современном китайском обществе. Так, в настоящее время этическая теория «Три послушания и четыре добродетели», которая лежала в основе воспитания девушек в древнем Китае [1], представляет собой не просто систему правил поведения, а является важной частью социального порядка.

В эпоху земледелия (начало XIX в.) уровень производительности труда в обществе вырос, а социальная среда, в которой жили люди, значительно улучшилась, но этого было недостаточно для удовлетворения потребностей растущего населения. Орудия труда все еще оставались примитивными, что привело к дефициту продовольствия и сельскохозяйственной продукции. Людям не хватало еды, что сделало проблему продовольствия одной из главных проблем общества. В истории Китая было много периодов голода, когда большинство людей питались два раза в день, а в некоторых более бедных районах – только один раз в день.

В связи с этим появилось новое приветствие 吃了吗 (‘Вы уже поели?’). В это время основной потребностью крестьян-земледельцев было решение проблемы еды и одежды. Люди усердно работали только для того, чтобы полноценно поесть. Выражение *Вы уже поели?* в рассматриваемую эпоху отражает, с одной стороны, страдания и настоятельное желание избавиться от голода, с другой стороны – заботу и теплые отношения между людьми.

После создания Нового Китая (1911) производительность труда оставалась низкой, а уровень экономического развития невысоким. Питание по-прежнему было наиболее острой проблемой для большей части китайцев, поэтому выражение 吃了吗? (‘Вы уже поели?’) широко использовалось в качестве ежедневного приветствия. Это свидетельствует о том, что решение проблемы еды и одежды и в эту эпоху оставалось основной необходимостью для человека, а также отражает китайскую идею о том, что «люди принимают пищу, как небо».

В 1980-х гг., с углублением реформ и увеличением открытости китайского общества, возросло количество слов и речевых формул, используемых для приветствия, а ценности и образ мышления людей претерпели большие изменения, наиболее заметным из которых является повышенное внимание к ведению бизнеса. Такие приветственные формулы, как 下海了吗 (‘Ты ходил в море?’), 在哪里发财啊 (‘Где ты разбогател?’) и 最近生意怎么样啊 (‘Как твой бизнес в эти дни?’), изначально появляются именно в сфере деловой коммуникации.

В это время, с углублением взаимодействия между Китаем и Западом, в кругу языковых формул приветствия также появились такие, как:

1. 您好! («нинь хао!»: ‘Здравствуй!’) – официальное приветствие, в основном используется по отношению к лицам, которые старше вас по должности или возрасту.

2. 你好! («ни хао!»: ‘Привет!’, ‘Здравствуй!’) – стилистически нейтральное, уместное в любой обстановке и при различном характере отношений между общающимися. Оно выражает близкие, непринужденные отношения и широко распространено среди молодежи.

3. 早上好! («цзао шан хао»: ‘Доброе утро!’); 中午好! («чжун у хао»: ‘Добрый день!’); 下午好! («ся у хао»: ‘Добрый вечер!’) – употребляется в зависимости от времени суток. Очень уместно, если вы видите человека первый раз за день.

Наряду с речевыми формулами в культурно-языковой истории Китая изменялись и невербальные формы приветствий. Самая древняя форма невербального приветствия возникла во времена династии Шан (1600–1046 гг. до н. э.) – церемония поклона, представляющая собой наклон корпуса для приветствия. При поклоне нужно опустить голову, избегать взгляда человека, которого приветствуете, и проявлять к нему уважение, а не враждебность.

Другая невербальная форма приветствия, которая возникла во времена династии Чжоу (1046–256 гг. до н. э.) – сложение ладоней, при котором прямая левая ладонь накладывается на правую. В древние времена это был ритуал, с помощью которого мужчины знакомились друг с другом. Он использовался для демонстрации дружбы и уважения к другому человеку.

Еще один древнейший жест приветствия, получивший распространение в Китае – коленопреклонение. Этот жест, возникший в первобытную эпоху, широко использовался и в рабовладельческих и феодальных обществах. Переломным в истории этого древнейшего приветственного жеста стал 1905 г., когда Сунь Ятсен организовал в Японии Союзную лигу, разработал кодекс «рукопожатия при встрече товарищей» и лично обучал членов Лиги, как выполнять рукопожатие [1]. Сунь считал, что ритуал коленопреклонения, который был популярен в Китае на протяжении тысяч лет, был символом феодальной иерархии и ритуальной системы, и что эти ритуалы должны быть уничтожены, чтобы свергнуть маньчжурское феодальное правление. Это было частью миссии Синьхайской революции – заменить ритуал коленопреклонения новым стилем рукопожатия, воплощающим концепцию равенства.

В настоящее время наиболее распространенными невербальными формами приветствия в Китае являются: 1) махание руками со словом «хай» (‘привет’); этот вид приветствия используется в неформальных ситуациях и очень популярен среди молодежи; 2) кивок и улыбка; 3) похлопывание по плечу; этот жест используется в основном среди знакомых.

Таким образом, эволюция языка приветствий обусловлена особенностями развития и преемственностью китайской истории и культуры: в ней нашли отражение угрозы для выживания, которые представляли для древних людей ядовитые змеи и звери пещерной эпохи, трудности, вызванные суровыми климатическими условиями, слава конфуцианской

«ритуальной» культуры. Постновокитайские приветствия являются продуктом конкретной политической и экономической ситуации. В XXI в., в связи с появлением технологий и широким распространением Интернета, среди молодежи стали более популярными новые приветствия, отразившие ее стремление к новым и непохожим идеям. Мы считаем, что по мере изменения истории и развития общества появится еще много новых приветствий.

Список использованной литературы

1. Taylor, R. L. Illustrated Encyclopedia of Confucianism : N-Z [Electronic resource] / R. L. Taylor, H. Choy. – New York : Rosen Publishing Group, 2005. – Mode of access: https://books.google.by/books?id=dmCZmnFByeEC&pg=PA443&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false. – Date of access: 06.05.2022.

2. 握手礼节 (礼仪漫谈) // 人民网. – 2012 年 10 月 20 日 (Этикет рукопожатия (разговор по этикету) [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. – 2012. – 20 окт. – Режим доступа: <http://www.people.com.cn/BIG5/24hour/n/2012/1020/c25408-19327411.html>. – Дата доступа: 06.05.2022.

К содержанию

В. В. МАЗУРУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Ворон, канд. филол. наук, доцент

МОТИВ ЛЮБВИ В ПОЭЗИИ С. А. ЕСЕНИНА

«Мотив – микрочастица текста, минимальная конструктивная и смысловая единица, обретающая повышенную семантическую значимость за счет многократных повторений в тексте (или текстах)» [3]. Лирические мотивы имеют такую характерную черту, как повторяемость, которая создает особое смысловое акцентирование в тексте. По определению Б. Гаспарова, «мотив – это смысловое пятно» [1, с. 25], коррелирующее с идеей произведения и мировоззрением автора. Поэтому лирических мотивах актуализируются не процессы действий, а значимость их для осознания события.

В литературе до сих пор нет общепринятого определения понятия «мотив», так как он имеет большую вариативность художественных воплощений. К примеру, мотив может быть сюжетом, персонажем, деталью и т. п. Однако все исследователи согласны с тем, что мотив – это устойчивая, узнаваемая и повторяющаяся единица.

Для лирической поэзии характерны прежде всего словесные мотивы, поэтому они тесно связаны с тематикой. Лирический мотив способен перетекать из одного текста в другое художественное произведение.

В творчестве С. Есенина тема любви занимает одно из главных мест. Поэт писал о красе русского народа и природы, создавал картины о крестьянском быте. Поэт демонстрирует эмоциональную, народно-песенную манеру изложения. Для него любовь может стать необычным счастьем, а может оказаться величайшим в мире горем.

Лирический герой С. А. Есенина – страстная натура, жаждущая полноты жизни, полноты чувств, не приемлющая полутонов. Уже в раннем творчестве проявилась яркая темпераментность поэта:

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет
(«Выткнулся на озере алый цвет зари...», 1910 г.).

Характерная особенность лирической манеры С. Есенина – созвучие любовного переживания с дыханием природным, чувства лирического героя передаются через пейзажные картины, поэтому пейзаж в стихах приобретает подтекстовый тон, психологическое содержание, совершенно особенное звучание.

Впечатляющие по реализации глубины поэтического чувства стихотворения в творчестве С. Есенина посвящены А. Я. Миклашевской. Это произведения из цикла «Любовь хулигана» («Пускай ты выпита другим...», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Вечер черные брови насопил...» и др.). Являясь поэтом тонкого душевного строя, С. А. Есенин передает яркую палитру влюбленности, страсти, грусти и разочарования, осмысление быстротечности жизни и человеческих чувств, сложности любовного переживания, претерпевающего трансформацию с течением времени. Поэт делится самыми мучительными переживаниями.

Первые поэтические опыты С. Есенина тесно связаны с использованием фольклорных мотивов. Именно в стране «березового ситца» рождается первая влюбленность поэта. По общему смыслу стихи, которые относятся к началу десятилетия, сходны с настроением народной песни, стилизованы под нее, полны деревенской мелодии. В стихотворении «Зеленая прячется...» девушка предстает в образе тонкой и благородной березки, что «загляделась в пруд». Она рассказывает, как «ночью звездной» «за голые колени... обнимал» ее пастух и «слезы лил», прощаясь «до новых журавлей». Образы ранних стихов наивно-прекрасны и искренне-сентиментальны благодаря органичной связи с природной символикой.

Родные просторы – неизменный источник вдохновения С. Есенина. Маркером есенинского стиля стал образ березы – поэтическое воплощение

чего-то трогательного, родного, ценного. В концепции мира С. Есенина – будь это ветка или деревце, глядящее в окно, семейное убранство или даже зверь – каждая деталь природы соотносима с темой любви к родине.

В цикле «Москва кабацкая» тема любви претерпевает существенную трансформацию: теперь это не торжество сердца, а его погибель, приносящая муку и страдание. Это любовь-зараза, любовь-чума, неотвратимо преследующая лирического героя. Автор создает демонический образ возлюбленной:

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.
Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

(«Пой же, пой. На проклятой гитаре», 1922 [2, с. 130]).

В кабацком цикле чувственность С. Есенина приобретает новые оттенки. Если в ранней лирике он купался в любви, превознося ее, то уже в более зрелой лирике он разочарован, не доверяет любви. Соответственно в произведениях появились мотивы грусти, тоски по утраченной чистоте чувств, по утерянному идеалу светлой любви.

Поэт осуждал женское лукавство, пустоту и легкодоступность, неспособность к искренним чувствам, что и разрушило положительно-прекрасный идеал С. Есенина. Мотив утраты веры в настоящую, чистую и верную любовь является частью «кабацких» стихов о любви. Но благодаря этому тяжелому опыту появился новый мотив в его лирике («Листья падают, листья падают...»):

Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.
Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне –
Не кому-нибудь –
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Тема Родины и тема любви создают удивительное созвучие и ностальгический тон поздних стихов С. Есенина в целом. В Московский период и в последние годы жизни поэта он описывал в основном любовь несчастную, обреченную на разлуку («Я помню, любимая, помню...», «Письмо к женщине».) Разгульная, скандальная жизнь никак не может совмещаться с искренней любовью, о чем С. Есенин неоднократно упоминает. Поэтому лирический герой поэта готов отречься от шального образа жизни во имя любви:

В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.
(«Заметался пожар голубой...»).

«Глаз златокарий омут» возлюбленной заставляет поверить в возможность воскрешения мечты поэта об идеале. В стихе звучит мотив надежды на спасительное душевное оздоровление лирического героя, уставшего от предательства и измен («и чтоб прошлое не любя, ты уйти не смогла к другому»).

Художественный мир С. Есенина эмоционален и чувственен, поэтому тема любви занимает центральное место в произведениях лирика. Поэт создает нравственно-эстетический идеал в образе возлюбленной, тонкой, чистой натуры. Образ возлюбленной неразрывно связан с красотой природы, проецируя любовь поэта к Родине. Мотив чистой любви ранней лирики сменяется мотивом любви-муки в «кабацком» цикле стихов С. Есенина, который сопровождается настроениями грусти и разочарования.

Список использованной литературы

1. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы / Б. М. Гаспаров. – М. : Наука, 1994. – 304 с.
2. Есенин, С. Лирика / С. Есенин. – Минск : Харвест, 2001. – 480 с.
3. Хомякова, О. Р. Мотив (свойства, функции, типология) [Электронный ресурс] / О. Р. Хомякова // XI Танкаўскія чытанні : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал.: В. Д. Старычонок [і інш.] ; адк. рэд. В. Д. Старычонок. – Мінск : БДПУ, 2018. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/38529>. – Дата доступа: 23.03.2022.

К содержанию

К. Л. МАРКЕВІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ ЗМЕСТ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ У ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЕ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

На сучасным этапе развіцця навукі пра мову «даследаванне ўстойлівых адзінак немагчыма без вывучэння іх нацыянальна-культурнай спецыфікі, без разгляду ролі фразеалагізмаў і прыказак у рэпрэзентацыі культуры народа. Вялікую ролю ў трансляцыі культурна-нацыянальнай самасвядомасці народа і яго ідэнтыфікацыі адыгрывае фразеалагічны і парэміялагічны склад мовы, так як у вобразным змесце яго адзінак увасоблена культурна-нацыянальнае разуменне свету» [6, с. 231].

Фразеалагізмы – гэта яркія сродкі мовы, самыя спецыфічныя моўныя адзінкі, здольныя канцэнтравана выражаць светаадчуванне яе носьбітаў. Фразеалагічныя выразы, адлюстроўваючы ў сваёй семантыцы працяглы працэс развіцця культуры народа, фіксуюць і перадаюць ад пакалення да пакалення культурныя ўстаноўкі і стэрэатыпы, эталоны і архітыпы. Яны своеасаблівыя мікрасветы, якія ўтрымліваюць у сабе і маральны закон, і здаровы сэнс, выказаныя ў лаканічнай форме. Гэта душа кожнай нацыянальнай мовы, у якой выяўляюцца асаблівасці народа.

Фразеалагічны склад мовы – люстэрка, у якім лінгвакультурная супольнасць ідэнтыфікуе сваю нацыянальную самасвядомасць. Менавіта фразеалагізмы як бы навязваюць носьбітам мовы асаблівае бачанне свету, сітуацыі. А. М. Бабкін сцвярджаў, што «ідыяматыка – гэта святая святых нацыянальнай мовы, у якой непаўторным чынам аб'ядноўваюцца дух і своеасаблівасць нацыі» [1, с. 7].

Прадуктыўнасць жывёльнай вобразнасці і сімволікі ў фразеалогіі бярэ пачатак са старажытных часоў. Назіранні чалавека за іншымі жывымі істотамі адкрылі новы пласт моўных адзінак, якія істотна ўзбагацілі беларускую мову. Устойлівыя адзінкі, што з'явіліся ў выніку назірання за паводзінамі, звычкамі і знешнімі асаблівасцямі жывёл, птушак, насякомых і рыб, склалі адметную групу, якая вылучаецца сярод іншых надзвычайнай вобразнасцю, што вынікае з самых простых з'яў рэальнага жыцця. Напрыклад, фразеалагізм *як мыш <над венакам (над мятлой)>* мае значэнне 'вельмі ціха, бясшумна ці спалохана' [5, с. 75] і з'яўляецца вынікам назірання за паводзінамі жывёлы ў звычайных бытавых абставінах. Фразема адлюстроўвае таксама падабенства ў паводзінах чалавека з жывёлай: *Ісакію адразу ж далі карчажку віна і схавалі за ядвабнай шырмаю ў дальнім куце адпачывальні, загадалі, каб сядзеў там, як мыш, чакаў свайго часу* [3, с. 25].

Свабоднае словаспалучэнне **чарвяк точыць** фіксуе даволі непрыемную сітуацыю, у якой чарвяк выступае як шкодная істота, што псуе садавіну або агародніну. Пры фразеалагізацыі словазлучэнне набыло ўстойлівае значэнне ‘хто-н. моцна непакоіцца, сумняваецца ў чым-н.’ [5, с. 84], якое абапіраецца на вобразную аснову адзінкі – крыніцу непрыемных адчуванняў: *Кожнага, вядома, свой чарвяк точыць, але навошта ж з-за гнілога дрэва, з-за ідала сябе караць? Адзіная дарога ўсім ідалам – у агонь* [3, с. 33].

Фразеалагізм **віць гняздо** мае вельмі празрыстую матывацыю, якая перадае паводзіны, звычай птушак. Фразема паказвае, што ў жыцці птушак і людзей ёсць падабенства. Як птушкі робяць утульнае гняздо для сваёй сям’і, так і чалавек будзе дом, стварае там спрыяльную атмасферу для родных: *Дзяніс не меў дзяцей, не ўдалося ў свой час звіць сямейнае гняздо, ужо думаў век дажываць у самоце, ды ўбачыў аднойчы русагаловага бледнага хлопчыка, што спаў у траве за гарадскім валам* [3, с. 39].

Метафарызацыя свабодных словазлучэнняў, што звязаны з назіраннямі за прыродай, можа адбывацца на аснове як знешняга падабенства якасцей жывёл і чалавека, так і агульнасці іх унутраных уласцівасцей, паводзін, звычак. Напрыклад, словазлучэнне **асінае гняздо** першапачаткова абазначала месца, дзе жывуць насякомыя, якія могуць нашкодзіць чалавеку, а пры набыцці ўстойлівасці выраз атрымаў значэнне ‘прыстанішча, зборышча небяспечных, шкодных людзей’ [4, с. 315]. Кожны ведае пра небяспеку, якая чакае яго, калі ён зачэпіць асінае гняздо. Такімі ж небяспечнымі з’яўляюцца і людзі, што робяць шкодныя ўчынкі. Матывацыя названай фраземы мае ўнутраны характар, паколькі грунтуецца на глыбокіх назіраннях за насякомымі і людзьмі, а таксама на аналізе іх паводзін, у якіх выяўляецца агульнасць. У кантэксце Л. Дайнекі выкарыстоўваецца дзеяслоўная фразема **віць асінае гняздо**, што выяўляе значэнне ‘ствараць прыстанішча, зборышча небяспечных, шкодных людзей’: – *Асінае гняздо хочуць віць у Полацку! – усклікнуў Жыраслаў і аж рукою стукнуў па рукаці мяча* [2, с. 123].

Што датычыцца фразеалагізмаў, што ўзніклі на аснове падабенства па знешніх прыкметах, то ў якасці прыкладу можа быць разгледжаны ўстойлівы выраз **кату на пяту**, які мае іранічную стылістычную афарбоўку і значэнне ‘вельмі малы, невысокі, нізкарослы’ [4, с. 565]. Працэс фразеаўтварэння матывуецца знешнім выглядам і памерам лап жывёліны: – *Ганарысты, – сказаў верхавы. – Носа крукам не дастанеш. Кат на пяту, а горды* [2, с. 83].

Ад знешніх фізічных якасцей неабходна адрозніваць фізічныя адчуванні, для перадачы якіх таксама створаны вобразныя назвы. Напрыклад, фразеалагізм **мурашкі бегаюць** указвае на пачуццё моцнага страху,

хвалювання, ад якога на скуры адчуваюцца дрыжкі. Утварэнне ўстойлівага выразу заснавана на фізічным адчуванні дрыжыкаў, якія нагадваюць перамяшчэнне вялікай колькасці мурашак. У аўтарскім ужыванні названы фразеалагізм зазнаў значнае структурнае пашырэнне за кошт уключэння новых кампанентаў: *Аж валасы ў слухачоў дыбам устаюць! Аж казытлівыя мурашкі пад кашуляю бегаюць. А дзед гаворыць і гаворыць, зрэдку кашляючы ў сухі кулак, нібы сам ён відок усіх гэтых жахаў і дзівосаў* [2, с. 103].

Як ужо было адзначана, фразеалагізмы, якія маюць жывёльнае паходжанне, паказваюць на блізкасць людзей і жывёл, на пэўнае падабенства іх паводзін у той ці іншай сітуацыі. Як правіла, вылучаная аснова для метафарычнага пераносу свабоднай сінтаксічнай адзінкі вельмі выразная. Аднак часам бывае і так, што выявіць прымету пераносу вельмі няпроста. Гэта сувязь можа быць унутранай, невыразнай, а то і асацыятыўнай. Напрыклад, устойлівы выраз *лебядзіная песня* бярэ пачатак з павер'я, у якім гаворыцца, што лебедзь спявае толькі адзін раз у жыцці – перад смерцю. Гэта з'ява сведчыць, што нават такая маўклівая птушка хоць адзін раз у жыцці паказвае сябе з лепшага боку. Сам фразеалагізм мае значэнне 'самае апошняе, звычайна найбольш значнае, праяўленне таленту, здольнасцей, дзейнасці' [4, с. 54]: *Вячка сціснуў баявую сякеру, захліснутую скураной пятлёй на руцэ. Пачыналася лебядзіная песня Вячкі* [2, с. 284].

Большасць фразем жывёльнага паходжання мае размоўны характар, вылучаецца надзвычайным каларытам унутранай формы. Для прыкладу, устойлівы выраз *шалёная муха ўкусіла*, што перадае нервовасць, гарачлівасць чалавека, якія бываюць і пры моцным укусе мухі: – *Шалёная муха ўкусіла*, – сказаў першы, і воі ціхенька засмяліся. *Якаў тым часам усё вышэй залазіў на дрэва* [2, с. 164].

Фразеалагізм *падразаць (падсякаць) крылы* бярэ пачатак з жыцця птушак. Усім добра вядома, што галоўнай часткай цела, якая дапамагае перамяшчацца, з'яўляюцца крылы, без якіх жыццё для птушкі ператвараецца ў выпрабаванне. Устойлівы выраз у дачыненні да людзей выяўляе значэнне 'перашкаджаць каму-н. шырока разгарнуць сваю дзейнасць, праявіць свае сілы, здольнасці' [5, с. 124]: *Веча! Зноў – веча. Як бяльмо яно на княжым воку. Рукі князю вяжа, волі ягонай крылы падсякае* [2, с. 126].

Такім чынам, разуменне нацыянальна-культурнай спецыфікі фразеалагізмаў цесна звязана з працэсам асэнсавання чалавекам свету і адлюстраваннем гэтага ўспрымання і ацэнкі ў мове. У сувязі з гэтым устойлівыя выразы прама або апасродкавана нясуць у сабе культурную інфармацыю аб свеце, соцыуме. Яны – свайго роду «скарбніца мудрасці» народа, якая захоўвае і перадае яго менталітэт, яго культуру ад пакалення да пакалення.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Бабкин, А. М. Русская фразеология: ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Л. : Наука, 1970. – 254 с.
2. Дайнека, Л. М. Меч князя Вячкі : раман / Л. М. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 1991. – 315 с.
3. Дайнека, Л. След ваўкалака : раман / Л. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 2001. – 348 с.
4. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн імя П. Броўкі, 1993. – Т. 1 : А–Л. – 590 с.
5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн імя П. Броўкі, 1993. – Т. 2 : М–Я. – 607 с.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.

К зместу

Д. С. МАРТЭН

Брест, БрГУ імя А. С. Пушкіна

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. філал. нав., доцент

ТЕМАТИЧЕСКИЙ МОТИВ «ТЕМА/ИДЕЯ» В КИНОНОМИНАЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТУДИИ «БЕЛАРУСЬФИЛЬМ»)

В настоящее время одной из наиболее распространенных отраслей творчества является кинематограф. Вполне закономерно, что названия кинопроизведений (в ономастике их принято называть «фильмонимами») в кругу номинативных единиц современного русского языка отличаются массовостью, продуктивностью.

Под номинацией понимают создание языковых единиц, основной функцией которых является обозначение какой-либо реалии. При этом присвоение имени диктует изучение связи языка и внеязыковой действительности. Немаловажным в данном вопросе является понятие «мотивировка», т. е. отражение в названии мотивов номинации. Мотив номинации, мотивема, **тематический мотив** – это «совокупность факторов, действующих в номинативной ситуации, влияющих на создание определенной номинации, побуждающих субъекта сделать тот или иной выбор» [1, с. 11]. Изучаемые нами имена собственные документальных (*д/ф*) и художественных (*х/ф*) фильмов, выпущенных национальной киностудией «Беларусьфильм» (более 300) [2–5], демонстрируют многообразие тематических мотивов: «пространство, место», «время», «герой», «деталь», «тема/идея». В данном исследовании мы обратились к примерам вербализации последнего тематического мотива (62 единицы).

Имена собственные, отражая тему произведения, ставят в заглавную позицию жизненное явление, ставшее предметом художественного рассмотрения: *х/ф «Мудромер»* (по одноименной пьесе Н. Матуковского) – история об уникальном приборе, который определяет уровень человеческого интеллекта: с помощью *мудромера* в кинотексте поднимаются такие социальные проблемы, как лень, подхалимство, бюрократия, равнодушие; *д/ф «Первая книга»* – повествование о жизнедеятельности просветителя Франциска Скорины, напечатавшего *первые книги* на старобелорусском языке; *х/ф «Печь»* – рассказ о приключениях четырех мужиков, собравшихся отремонтировать старую, сгоревшую *печь*; и др.

Большинство подобных фильмонимов представляет собой номинативы в прямом значении, непосредственно указывающие на то, о чем будет говориться в произведении: *х/ф «Семейные обстоятельства»* – история о непростых отношениях *в семье*: главный герой Сережа живет с мамой, которая рассказывала ему выдуманные истории о героической гибели отца, но на самом деле тот жив, просто безразличен к родному сыну и только откупается от него деньгами; *х/ф «Воскресные прогулки»* – рассказ о девочке из Интерната, попавшей туда после распада семьи; благодаря долгим встречам с отцом *по воскресеньям* ребенок смог смириться с разводом родителей и простить мать; *х/ф «Свадебная ночь»*; *х/ф «Три веселые смены»* и др.

Фильмонимы, отсылающие к теме произведения, нередко синкретичны, пересекаются с другими номинативными типами, например, с именами собственными, объективирующими тематические мотивы: а) «герой» (*х/ф «Киндер-Вилейское привидение»*) – повествование о духе, который поселился в доме главного героя (последний называет его *Киндер-Вилейским привидением*) и не дает ему реализовать свои мечты; *х/ф «Соседи»* – забавные истории из жизни *соседей*, жителей одной белорусской деревушки; и др.); б) «деталь» (*х/ф «Кортик»*) – рассказ о приключениях школьников и командира Красной Армии, которые всеми силами пытаются спрятать *кортик* от бывшего белогвардейца, а ныне главаря банды; *х/ф «Огненный стрелок»* и др.); в) «время» (*д/ф «В июне 41-го»*; *х/ф «В августе 44-го»*) – оба произведения посвящены событиям Великой Отечественной войны; и др.); г) «место»: *д/ф «Места памяти. Ивь»*; *х/ф «Внимание! В городе волшебник!»* – история о *волшебнике*, который превращает плохих людей в кукол, а за хорошие поступки они снова становятся людьми; и др.).

Фильмонимы, репрезентирующие идею кинотекста, могут отличаться метафоричностью (*х/ф «Бег от смерти»*) – история о парне, который, совершив убийство, скрывается от правоохранительных органов, но в этом *беге* (в том числе от собственной *смерти*) совершает еще больше

преступлений; *х/ф «Живая мишень»* – рассказ о полковнике Колобове, который становится *мишенью*, от него пытается избавиться мафия; и др.); оценочностью (*х/ф «Тихий центр»* – события разворачиваются именно в таком районе Минска, куда после шумной Москвы возвращается главный герой; *х/ф «Прошлогодня кадрили»* – история о двух друзьях-практикантах, которые приехали в деревню и познакомились с местной девушкой, которая танцует *кадриль* (ребята решили узнать, кто быстрее завоюет ее сердце, но, когда обман раскрывается, один из друзей успевает влюбиться по-настоящему); спустя *год* героиня решила навестить его, но было уже поздно; и др.); символичностью (*х/ф «Осенние сны»* – повествование о брошенных пенсионерах (*осень* символизирует угасание, увядание, подведение итогов, а *сны* трех одиноких стариков дают надежду, что о них вспомнят, позаботятся родные дети; *х/ф «Деревья на асфальте»* – рассказ о пенсионерке Анне Тимофеевне, которая по просьбе сына (обеспокоенного ее здоровьем) переезжает в город из родной деревни; для героини *деревья на асфальте* олицетворяют жизнь в городе и тоску по родине; и др.).

Для выражения идеи кинотекста, по данным нашей выборки, удачно подходят фразеологизмы, цитаты, другие устойчивые единицы: *х/ф «Кто смеется последним»* (по одноименной комедии Кондрата Крапивы) – рассказ о подхалимах и проходимцах, которые в конце фильма будут разоблачены и останутся ни с чем (в основе названия – выражение «хорошо смеется тот, кто смеется последним», утверждающее, что не надо радоваться досрочно, думать, что всех смог перехитрить: время все расставит по своим местам); *х/ф «Мое дело телячье»* («необходимость мириться с некими обстоятельствами»); *х/ф «Сын за отца»* – история об отношениях сына и отца, об их взаимопомощи и поддержке в самые трудные моменты жизни (фильмомим отсылает к известной цитате И. В. Сталина «Сын за отца не отвечает», но акценты расставляет совсем по-иному); *х/ф «Точка отсчета»* («начало отсчета чего-либо»); *х/ф «Личные счета»* («взаимные недопонимания») и др.

Таким образом, фильмимы, вербализующие тематический мотив «тема/идея», указывают на предмет повествования (обычно восходят к лексемам в первичной функции) или на основную мысль кинотекста (названия нередко отличаются образностью, прецедентностью), т. е. для реализации подобного намерения имядатели используют гетерогенные языковые единицы, апеллируют к фоновым знаниям (своим и адресата имени собственного).

В целом проанализированные нами фильмимы, хотя и не требуют особых номинативных усилий, ориентированы на интересы, запросы, вкусы потенциального зрителя, вполне успешно привлекают его внимание.

Список использованной литературы

1. Горяев, С. О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. О. Горяев ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2000. – 20 с.
2. Кинопоиск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru>. – Дата доступа: 28.04.2022.
3. Кино-Театр.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/>. – Дата доступа: 30.04.2022.
4. Республиканское унитарное предприятие «Национальная киностудия “Беларусьфильм”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarusfilm.by>. – Дата доступа: 20.04.2022.
5. Фильмы киностудии «Беларусьфильм» [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/106398>. – Дата доступа: 15.04.2022.

К содержанию

К. С. МАСЛАЎ

Брэст, БрДТУ

Навуковы кіраўнік – З. М. Заіка, канд. філал. навук, дацэнт

СТЫЛІСТЫЧНАЯ ФУНКЦЫЯ ЧУЖОГА МАЎЛЕННЯ

Значнае месца ў сістэме вобразна-выяўленчых сродкаў пісьменніка, што спрыяюць раскрыццю ідэйнага зместу твора, займаюць сінтаксічна-стылістычныя асаблівасці, сярод якіх вылучаецца выкарыстанне чужога маўлення. І. Мележ выкарыстоўвае ў “Палескай хроніцы” ўсе віды чужога маўлення (простую мову, ускосную мову, няўласна-простую мову, дыялог, маналог). Пры аналізе стылістычных функцый чужога маўлення намі звярталася ўвага на выкарыстанне яго ў адпаведнасці з ідэйнай накіраванасцю твора.

Для таго, каб пераканаўча, ярка і эмацыянальна перадаць думку, апісаць тую ці іншую падзею, намаляваць той ці іншы вобраз, І. Мележ уключае ў свой твор выказванні іншых асоб. Простая мова прыводзіцца ад імя той асобы, якой яна належыць, з поўным захаваннем не толькі зместу, але і лексічных, марфалагічных і сінтаксічных асаблівасцей выказвання. Таму пісьменнік выкарыстоўвае простую мову як дзейсны сродак характарыстыкі персанажаў: *Калі выйшлі на вуліцу і сталі ладавацца на возе, Чарнушка сказаў задаволена: “Ну от, будзе ў цябе кохта! Не сорам будзе перад людзьмі паказацца! Хоць Глушак, хоць Бог сам!”* [2, с. 34]; *Але калі думаў пра бойку з Дзятлікам, цешыўся: “прыйдзе пара – паенчыш, удод жаўтароты!”* [2, с. 348].

Пісьменнік не абмяжоўваецца толькі перадачай у дыялогах і мана-логах герояў агульных лексіка-граматычных асаблівасцей палескай гаворкі тыпу *було, мабуць, ето, ужэ, кеб* і інш., ён імкнецца пры дапамозе адпаведных сродкаў даць індывідуальную сацыяльна-псіхалагічную характарыстыку персанажу. Так, напрыклад, Андрэй Руды любіць паказаць сваю дасведчанасць у розных пытаннях, сваю адукаванасць; яго рэплікі насычаны кніжнай, газетнай лексікай:

Са шчаслівым вазвращэннем, Міканор Дамацевіч! Рады ўсе вас, та-скаць, бачыць зноў на нашай куранёўскай почве; Андрэй Руды пацвердзіў: “Істарычаскі хвакт. Інхванцерыі генерал Жылінскі. Лічны друг цара”; “Толькі асушы – і сей, – падтрымаў Андрэй Руды. – Асабліва любяць эту землю авес, каноплі, усякая цехнічаская культура”; “Чалавек – сушчасство. Так сказаць, ён і мошка, і ён валадар, цар прыроды!..” [2, с. 256].

Спецыфічнымі рысамі вызначаецца мова Ігната, старога Чарнушкі і многіх іншых персанажаў. Першы меў звычку ўстаўляць у мову слова *нібыто*, за што атрымаў мянушку Нібыто-Ігнат. Другі любіў прымаўку *грэц яго*. Па гэтых асаблівых моўных прыкметах чытач пазнае іх рэплікі ў агульным хоры галасоў без дапамогі аўтара: – *І за бацьку і за матку адзін – ето праўда, грэц яго! – А от – нібыто – і не бядуе! Нібыто – і гора мало! – Не паказуе! У сярэдзіне, следавацельно, хавае!..* [2, с. 133].

Па спецыфічных моўных адзнаках чытач пазнае, што першая рэпліка належыць Чарнушку, другая – Ігнату, трэцяя – Андрэю Рудому.

Тое ж самае ў наступным прыкладзе: – *Нібыто ўжэ і зіма, – зазначыў Хадосьчын бацька. – Зіма! Толькі гразі лішняй, грэц яго, нарбіць!.. – Па прэдказанню – таяць не павінно – дайшло да Міканора і Васіля ўжо з вуліцы* [2, с. 133].

У “Палескай хроніцы” пісьменнік праз дыялогі дасягнуў найвышэйшага майстэрства індывідуалізацыі мовы герояў. Яго дыялогі – гэта не толькі размова, але часта – эмацыянальны, напружаны слоўны паядынак асоб. Чытач адчувае, што гавораць людзі з розным характарам, тэмпераментам, сацыяльнай прыналежнасцю, настроем. Гэта дасягаецца рознымі моўнымі сродкамі. Тут і дыялектызмы ў мове мясцовых жыхароў, і адметнае словаўжыванне, і эмацыянальная лексіка ў рэпліках герояў.

Простая мова выкарыстоўваецца ў творах Мележа як кампазіцыйны, архітэктанічны прыём, як сродак развіцця сюжэта мастацкага твора. Простая мова – гэта, акрамя ўсяго іншага, закончанае кампазіцыйнае і структурнае цэлае. Часта простаі мовай заканчваецца раздзел ці наадварот пачынаецца новы. Напрыклад: *І Васіль, паказваючы, што гаварыць больш не хоча, падаўся з вядром да хлява. “Не па-суседску, бач! А ты са мной – па-суседску?.. Думае – як чаравікі ды шапку ваенную*

надзеў, дак і абзываць усякім словам вольна яму! Думае – калі чалавек з арышту прыйшоў, то і пляваць на яго можна!..” [2, с. 130].

Простая мова – своеасаблівая сінтаксічная канструкцыя, якая выступае асноўным элементам кампазіцыйна-стылістычнай структуры мастацкага тэксту. Для яе характэрныя свае прыметы, асаблівасці, якія неабходна ўсебакова даследаваць. Адною з іх з’яўляецца ўзаемасувязь і ўзаемазалежнасць слоў аўтара і самой прастай мовы. Разам яны ўяўляюць складаную сінтаксічную канструкцыю. Словы аўтара не толькі ўводзяць выказванні ўдзельнікаў у кантэкст размовы, але і могуць інфармаваць слухача (чытача) пра вонкавы выгляд суразмоўцаў, іх жэсты, міміку, інтанацыю, дзеянні, пра абставіны, пра якіх адбываецца гутарка, і г. д. У склад слоў аўтара звычайна ўваходзяць дзейнік, выказнік, даданыя члены сказа. Аднак асноўную семантыка-стылістычную нагрузку нясе, як правіла, выказнік, які і ўводзіць рэпліку ў кантэкст. “Дзеясловы, якія ўводзяць простую мову, – адзначае У. Кудохаў, – па сваім лексічным значэнні належаць да лексіка-семантычнага разраду дзеясловаў, што звязаныя паміж сабою абазначэннем акта гаварэння ці мыслення” [1, с. 18]. Гэтыя дзеясловы ў лінгвістыцы называюць дзеясловамі маўлення і думкі.

Функцыю дзеясловаў маўлення ў словах аўтара выконваюць і дзеясловы са значэннем унутранага стану і пачуцця, што перадаюць душэўны стан персанажаў, перажыванні, з якімі звязаныя выказванні ўдзельнікаў размовы. Для гэтай групы дзеясловаў характэрная сэнсавая завершанасць з перавагаю ацэнкі мадальнай афарбоўкі прастай мовы, што ўводзяцца імі: *абурацца, закіпець, рвацца, не вытрымаць, выпаліць, зазлаваць, здзівіцца, ускіпець* і інш.

Своеасаблівую групу складаюць дзеясловы ўспрымання, якія выкарыстоўваюцца ў тым выпадку, калі аб’ектам успрымання выступае чужая мова, якую аўтар ці нейкая іншая асоба чуе, чытае або ўспрымае якім-небудзь іншым шляхам. Успрыманне на слых перадаецца дзеясловамі ўспрымання чуць, чуцца і інш.: *...Васіль як бы чуў дзедава павучанне, якое яшчэ больш гарачыла, падбівала на смеласць: “Не папускайся! Няхай знаюць, што і ў цябе зубы е!”* [2, с. 330]; *“пісьмо ад былога твайго суседа па ложку і аддзялённага, а цяпер курсанта Івана Мароза”, – не прачытаў, а пачуў, здаецца, ён вясёлы голас свайго таварыша* [2, с. 191].

Часта як сінонімы да дзеясловаў маўлення ў словах аўтара пісьменнік ужывае фразеалагізмы, якія вызначаюцца сваёй багатай экспрэсіўна-эмацыйнай выразнасцю. Дзякуючы ім аўтар пазбягае аднастайнасці, дапамагае чытачу лепш зразумець асобу, мову якой уводзіць пэўны фразеалагізм, перадае сваё стаўленне да героя: *“Чорт” абвяў, апусціў абрэз, неахвотна адступіўся. Злосна, праз зубы працадзіў:*

“Шчасце тваё. Памаліся богу, авечка!..” [2, с. 122]; *Бацька абыякава навёў позіркам: “А, рэчка... Прыпяць...”* [2, с. 262].

Сустрадаюцца і выпадкі, калі разам з простаю мовай І. Мележ выкарыстоўвае прыём парцэляцыі, г. зн. простая мова і словы аўтара аддзяляюцца кропкай у асобныя сказы. Напрыклад: *“От і канец мой надыходзіць... Смерць мая...”* *Падумала – і не адчула ні страху, ні жалю, усё было абыякавым, пустым* [2, с. 366]. Гэты прыём аўтар выкарыстоўвае для своеасаблівага экспрэсіўнага падкрэслівання значэння тых ці іншых слоў.

Як можна было заўважыць, адметнасцю простаю мовы ў мележаўскіх творах з’яўляюцца пропускі слоў у сказе: *“Кеб ты... Кеб табе.. немач!”* – *кіпела ў ім няўтольная злосць* [2, с. 21]; *“Няхай паспрабуе... Я яму не Дзятлік!..”* – *абнадзейваў сябе Яўхім, рыхтуючыся адбівацца ад усяго* [2, с. 246].

Такім чынам, простая мова ў творах Івана Мележа з’яўляецца цікавым і дзейсным сродкам стварэння мастацкага вобраза і раскрыцця ідэйнага зместу ўсяго твора. Магчымасць выбару пэўнага сінтаксічнага спосабу перадачы чужаслоўя дазваляе дасягнуць належнай суадпаведнасці яго пэўнаму тыпу маўлення. Вар’іраванне простаю, ускоснай, няўласна-простаю мовы, а таксама ўключэнне дыялогаў і маналогаў з’яўляецца значным элементам “Палескай хронікі” Івана Мележа.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Кулагин, А. Ф. Конструкции с прямой речью и сложное предложение / А. Ф. Кулагин // Рус. яз. в шк. – 1973. – № 1. – С. 23–25.
2. Мележ, І. Збор твораў : у 10 т. / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 10 т.

К самержанию

К. С. МАСЛАЎ

Брэст, БрДТУ

Навуковы кіраўнік – З. М. Заіка, канд. філал. навук, дацэнт

СУБ’ЕКТЫЎНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ДЫЯЛОГУ І МАНАЛОГУ Ў “ПАЛЕСКАЙ ХРОНІЦЫ” І. МЕЛЕЖА

Раманы “Палескай хронікі” уяўляюць сабой арганічнае паяднанне рэальных фактаў і падзей, жыццёвага вопыту, духоўнага свету пісьменніка і інш. І. Мележ перш за ўсё імкнуўся ўславіць вобраз чалавека працы, адлюстраваць гісторыю палескай вёскі, гісторыю беларускага народа ў складаны, пераломны перыяд.

Важнейшымі структурнымі кампанентамі тэксту з’яўляюцца маналог і дыялог. Пад маналагам (ад грэч. *monos* – ‘адзін’ і *logos* – ‘слова,

маўленне’) разумеецца функцыянальная разнавіднасць маўлення, звернутага да самога сябе (унутраны маналог) або да іншых асоб. Звычайна гэта маўленне ад 2-й асобы, не звязанае (у адрозненне ад дыялогу) з маўленнем суразмоўцы ні ў змястоўных ні у структурных адносінах [2].

Паводле класіфікацыі, зробленай В. У. Вінаградавым, умоўна можна вылучыць чатыры функцыянальна-жанравыя тыпы маналогаў: 1) унушальны (агітацыйны, прамоўніцкі); 2) лірычны; 3) драматургічны; 4) паведамляльны (інфармацыйны, апавядальны). Некаторыя даследчыкі далучаюць сюды яшчэ такія тыпы, як маналог-споведзь, маналог-разважанне, маналог-самахарактарыстыку і інш [1, с. 27].

З пункту гледжання моўнай структуры маналог характарызуецца такімі адметнымі рысамі, як наяўнасць у ім звароткаў, выклічнікаў, займеннікаў і дзеясловаў 2-й асобы. У маналогам розных тыпаў свабодна і шырока выкарыстоўваецца размоўная, экспрэсіўна-афарбаваная лексіка. У параўнанні з дыялагічным маўленнем, маналог вызначаецца асаблівай сінтаксічнай упарадкаванасцю, раўнавагай і сіметрыяй розных адзінак. У маналогу мы сустракаем часта такія моўна-выяўленчыя сродкі сінтаксісу, як паўтор, анафара і эпіфара, градацыя, кампазіцыйны стык, пытальныя і клічныя сказы.

Асобная разнавіднасць маналогу – гэта ўнутраны маналог, мэта якога – выказаць, імітаваць працэс эмацыянальна-разважальнай дзейнасці чалавека. Для такога маналогу вельмі тыповая перарывістасць маўлення, няскончаныя фразы, не звязаныя знешне паміж сабою сінтаксічныя пабудовы. Як мы ўжо адзначалі вышэй, такія ўнутраныя маналогі вельмі блізкія па сваёй структуры з няўласна-простай моваю. Прывядзем прыклад унутранага маналогу Ганны Чарнушкі, у якім выказаны перажыванні гераіні пасля смерці дачкі: *Зноў рушыліся згадкі, але ўжо не ціха, не паволі, а імкліва, неспакойна. Ад успамінаў ужо балела – чым далей, тым больш. Заныла, запякла думка: можна было б дачушку ўратаваць! Магла б Верачка не ў труне ляжаць, пад валожкай зямлёй, а жыць, жыць! Страгчы нож-камі, смяяцца, радавацца, расці, дужэць! Магла б – калі б не глушакоўскія прагнавітасць, ненажэрнасць праклятая! Калі б не свая віна: што слухалася іх, сядзела – тады, як трэба было хутчэй бегчы па ратунак! Не ўратавала, дала загубіць маленькую! Згубіла, можна сказаць, сама!*

“Бог – даў, бог – узяў”, – успомніла свёкравы словы. Сэрца заліла нянавісць: загубілі малую, ды і вінаватых няма! На бога ківаюць, нібы трэба яму гэта згуба!.. Ні сэрцаў, ні літасці, ні сораму! З-за нейкай жмені сена чалавечка, дачушку давялі да згубы, ды і хоць бы падумалі, грэх узялі на сябе!..

“Бог – даў, бог – узяў!”

Божса мой, калі ты ёсць, калі ты бачыў усё, – няўжо ты не адгукнешся неяк, даруеш ім? Няўжо даволі адной малітвы старога, каб ты забыўся на ўсё?.. Не, не можа быць, што ім так абыдзеца! Не можа быць, праўда [3, т. 6, с. 46].

Дыялог, палілог – гэта функцыянальныя разнавіднасці маўлення, якія рэалізуюцца ў выніку непасрэдных зносін паміж суб'ядзікамі і складаюцца з паслядоўнага чаргавання стымулюючых і рэагуючых рэплік [2]. Дыялог характарызуецца наступнымі моўнымі асаблівасцямі:

а) вялікай колькасцю пытальных і адказных сказаў сярод стымулюючых рэплік:

Ён быў так прыгнечаны прыходам бандытаў і іх пагрозамі, што адразу, як толькі Шабета пачаў допыт, папрасіў:

– Б-братко! Пусці мяне... Я нічога не знаю...

– Як не знаеш? Прыходзілі яны да цябе?

– Прыходзілі...

– Колькі іх?

– Утраіх булі на дварэ... – адказала за Грыбка жонка.

– Былі між іх знаёмыя?.. Апазналі вы каго-небудзь?

– Не! [3, с. 55]

б) наяўнасцю паўтораў і перапытаў у рэагуючых рэпліках, сінтаксічнай няпоўнасцю апошніх, якая кампенсуецца за кошт папярэдняга выказвання:

– А што там рабіць нам?

– Ну, што рабіць!.. Тое, што і другія! Ну, морсу вын'ем!.. Сушыць нешта ў горле! [3, с. 274].

У дыялогах твораў Івана Мележа можна выдзеліць некалькі тыпаў паўтораў:

1. Уласна паўторы, г. зн. паўторы, не ўскладненыя дадатковымі элементамі. Тут вылучаюцца такія структурныя віды:

а) паўтор у выглядзе пытання, на якое той, хто гаворыць, звычайна адказвае сам:

Ганна пачырванела, але не ўтрывала, няўпэўнена запыталася:

– Якія... ліхчыкі?

– Якія?! Канешне, адкуль вам знаць! Ліфчык – ета от тут такія, як лепей сказаць... такія кошыкі з краму, на пасках... [3, с. 286].

б) паўтор з клічнай інтанацыяй; далей, як правіла, ідзе тлумачэнне:

– Хворае? То трэба даць лыжку.

– Даць! Надаешся кожнаму! А што на кірмаш павязем, хлеба купіць! [3, с. 126].

в) дваіны паўтор, у большасці выпадкаў – з клічнай інтанацыяй:

– Дай жаніх які! Багацей першы!

– Багацей, багацей! А што ён чужы, не знае, сколькі ў мяне капіталу! [3, с. 237].

2. Паўторы з часціцамі (простымі, складанымі, састаўнымі): *як, як гэта, ды ўжо ж, навошта, ды куды, а што і інш.:* – *Ды што яна! Згодна!* [3, с. 234].

3. Паўторы з адмаўленнем, якое выступае абавязковым элементам структуры рэплікі. У большасці гэта паўторы з адмоўнай часціцай, што вымаўляюцца як сцвярджэнне або вокліч; другая рэпліка (паўтор) нярэдка выступае першым кампанентам супраціўнай канструкцыі:

– *Цесно табе, пагано табе пры матцы ды бацьку было?*

– *Не цесно і не пагано, мамо. А толькі... Не хочу я туды, мамо!* [3, с. 29].

Такім чынам, асэнсаванне моўнага матэрыялу паказала, што паўтор – спецыфічны від моўнай сувязі рэплік дыялогаў у творах Івана Мележа. Паўторы заўсёды маюць экспрэсіўную афарбоўку, пры іх дапамозе перадаецца рэакцыя на сказанае суразмоўнікам.

Дыялагічнае маўленне – першасная, натуральная форма моўных зносін. У дыялогу, як наогул у вуснай форме маўлення, лепшаму разуменню дапамагаюць розныя нямоўныя элементы: жэсты, міміка, разнастайныя рухі, сама асоба суб'яседніка; часам маюць значэнне нават агульнасць жыццёвага вопыту і інтарэсаў. Усё гэта зніжае ў даным выпадку ролю слова як носбіта значэння, робіць непатрэбнай мабілізацыю слоўнага матэрыялу. Асабліва ярка гэта праяўляецца ў бытавым або прафесійным маўленні. Супярэчнасці паміж словам і прадметам думкі тут быць не можа, што тлумачыцца наяўнасцю пэўных абставін або блізкасцю ўнутранай мовы людзей, якім уласцівы ў дадзены момант аднолькавыя перажыванні. Вось чаму для перадачы пэўнай думкі дастаткова бывае аднаго слова.

Яшчэ здалёк пачула Ганна шорганне крокаў. Хтосьці ішоў да прыгумення. Ён ці не ён? Калі пройдзе па сцежцы, значыцца не Васіль, зверне сюды – ён. Насцярожана чакала. Чалавек звярнуў да яе, наблізіўся; стала відна ў змроку цёмная постаць.

– *Ты?! – прашаптала яна.*

– *Я.*

– *Запазніўся.*

– *Прыехаў позна.*

Стаялі, маўчалі, але самі поўніліся пачуццём, чаканнем [3, с. 34].

Адной з важнейшых праблем мастацкага дыялогу з'яўляецца праблема яго ўзаемасувязі з рэальным, бытавым дыялогам. Аб складанасці пераводу жыццёвай, бытавой мовы ў кантэкст мастацкага твора гаварыў В. У. Вінаградаў: “Мова мастацкіх твораў складаецца з розных тыпаў

маналогу і дыялогу, з змяшэння разнастайных форм вуснай і пісьмовай мовы. Нават у межах сацыяльна-моўных адпаведнасцей быту яна ўбірае ў сябе гэтыя канструктыўныя тыпы выказванняў не як натуральную дадзенасць бытавой мовы, а падвяргаючы іх дэфармацыі ў плане вядомых кампазіцыйных намаганняў, транспартуючы іх у кантэкст літаратуры” [1, с. 59].

У “Палескай хроніцы” пісьменнік праз дыялогі дасягнуў найвышэйшага майстэрства індывідуалізацыі мовы герояў. Яго дыялогі – гэта не толькі размова, але часта эмацыянальны, напружаны слоўны паядынак асоб. Чытач адчувае, што гавораць людзі з розным характарам, тэмпераментам, сацыяльнай прыналежнасцю, настроем. Гэта дасягаецца рознымі моўнымі сродкамі. Тут і дыялектызмы ў мове мясцовых жыхароў, і адметнае словаўжыванне, і эмацыянальная лексіка ў рэпліках герояў.

Сапраўды, чытаючы творы мастакоў слова і захапляючыся натуральнасцю, трапнасцю і жыццёвасцю простае мовы іх герояў, мы ў той жа час разумеем, што гэта не механічна перанесеныя ў тканіну мастацкага твора падслуханыя ў жыцці бытавыя дыялогі і маналогі, а створаныя і эстэтычна перапрацаваныя ў адпаведнасці з мастацкай задумай моўныя формы. Эстэтычна абгрунтаваныя маналогі і дыялогі дапамагаюць стварэнню яркіх, паўнакроўных мастацкіх вобразаў як у плане індывідуальнай моўнай характарыстыкі, так і ў плане раскрыцця светапогляду, унутранага псіхалагічнага стану.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Виноградов, В. В. О художественной прозе / В. В. Виноградов. – М. : Просвещение, 1963. – 147 с.
2. Дзятко, Д. В. Сучасная беларуская літаратурная мова / Д. В. Дзятко. – 2-е выд. – Мінск : Выш. шк., 2020. – С. 499–505.
3. Мележ, І. Збор твораў : у 10 т. / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1981. – Т. 6. – 684 с.

К зместу

У. В. МАТЮТО

Гродно, ГрГУ імя Янкі Купалы

Научный руководитель – А. А. Булгакова, канд. філал. нав., доцент

ГАБИТАРНЫЙ ИМИДЖ ВРАЧА В БЕЛОРУССКОЙ ПРЕССЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «СБ. БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ»)

СМІ вліяюць на імідж арганізацый, палітыкаў, прадстаўніц шэрагу-бізнесу, розных сацыяльных груп і нават дзяржаў. Фарміруючы імідж, медыя ствараюць образ суб’екта, вліяюць на адносіны да яго. Праца

по созданию имиджа ведется целенаправленно различными средствами по каждому из каналов восприятия. Оценка имиджа происходит при использовании опыта, ценностных ориентаций, общепринятых норм и принципов. Задача нашего исследования заключается в изучении вербального и невербального габитарного медиаобраза врача как одного из компонентов его имиджа в белорусской прессе на материалах ведущего республиканского печатного издания «СБ. Беларусь сегодня». Эмпирическим материалом послужили публикации за 10 месяцев – с 01.06.2020 по 15.04.2022 (всего более 50 материалов и более 100 контекстов), а также фотоматериалы за 16 месяцев – с 01.01.2021 по 23.04.2022 (всего более 90 единиц).

А. М. Костючков выделяет два основных подхода к определению имиджа. Первый основывается на утверждении о том, что «имидж рассматривается как целенаправленно сформированный образ», второй – на представлении об имидже как «любом образе, сформированном как целенаправленно, так и стихийно» [1, с. 68]. В своей работе под имиджем мы будем понимать целенаправленно формулируемый и транслируемый в медиапространстве образ, влияющий на общественное сознание и выступающий своего рода социальным образцом для подражания. Так как медицина является одной из важнейших сфер, влияющих на качество жизни общества, считаем изучение ее имиджа в целом и имиджа медицинского работника в частности особенно актуальным.

В целом говоря о внешнем образе врача на страницах печати отметим, что вербальный габитарный образ строится на таких категориях, как возраст (чаще всего героями публикаций становятся молодые врачи и пожилые опытные медсестры, при этом гендерно маркирована только категория младшего персонала – среди врачей – героев публикаций примерно равное количество женщин и мужчин). Акцентируя молодость врачей, журналисты подчеркивают их профессионализм: «всего 29, но она уже три года руководит пульмонологическим отделением; Вот видите, молодая – а от Бога!» (о ней – Президент); «А три года назад ее, 28-летнего специалиста, назначили заведующей Кобринской районной поликлиникой» (25.09.2021); Президент о враче: «И все-таки хорошо, когда тебе 26 и ты занимаешься любимым делом» (19.06.2021).

На наш взгляд, акцент на возрасте делается с целью подчеркнуть контраст между молодостью докторов и огромной ответственностью, которая на них лежит, их профессионализмом и трудолюбием.

Что касается внешности, то всего несколько раз было акцентировано внимание читателя на внешних характеристиках врача: «обаятельный врач Лариса Алешкевич» (21.06.2021), «эффектная внешность, белозубая улыбка, уважение к персоналу и любовь к пациентам» (о молодом специалисте

Ларисе Ботвич) (16.06.2021); «хирург из Миор Иван Михайлович Горбачев. Худощавый, с бездонными глазами, в белоснежном колпаке, он больше 20 лет назад приходил ко мне в палату на обход» (18.06.2021). Описание внешности, как и, например, интерьера кабинета как детали образа («свежие цветы в кабинете и приподнятое настроение», «на столе – идеальный порядок»), характерно для художественно-публицистических жанров (очерка, эссе), но редко встречается в информационных текстах.

Проанализировав *невербальный визуальный образ* врача, который строится на таких категориях, как мимика, поза, пол, одежда, место, где была сделана фотография, люди и предметы, окружающие врача, мы заметили следующее.

На снимке мы видим улыбку врача (если фотография постановочная и взгляд направлен в объектив) (09.01.2021, 14.01.2021, 22.04.2021), либо нейтральное, серьезное лицо (если доктор не позирует, а занят выполнением своей работы – этим подчеркивается серьезность деятельности и повышенная ответственность врача – публикации от 24.04.2021, 15.05.2021, 28.09.2021 и др.).

Обычно внешней отличительной приметой врача на фотографиях выступает белый халат (стереотипный образ) (12.01.2021, 25.11.2021) либо антиковидный костюм (10.01.2022, 26.07.2021). В единичных случаях встречались изображения врачей, одетых в костюм работника скорой помощи (12.03.2022) или хирургический костюм (05.10.2021), а также представляющие доктора в обычной, повседневной одежде, не определяющей принадлежность человека к данной профессии (04.03.2021).

Если брать во внимание гендерную маркировку медицинского работника, то практически всегда младшим медицинским персоналом являются женщины (08.04.2021, 12.06.2021). Это может свидетельствовать о наличии гендерного стереотипа относительно медсестер. При этом управляющий персонал и рядовые специалисты в гендерном отношении представлены равномерно.

Местом для снимка чаще всего служит широкий коридор больницы (10.08.2021, 19.06.2021), убранный и ухоженный кабинет врача, как правило оснащенный новой медицинской техникой, что также влияет на имидж белорусской медицины (23.02.2021, 27.07.2021), аккуратная и светлая палата (02.02.2021). В хорошую погоду врачей часто фотографируют на улице рядом с больницей (09.01.2021, 05.10.2021) и машиной скорой помощи (12.03.2022).

Зачастую врач находится в окружении людей, которые вызывают у аудитории только положительные эмоции. Например, рядом с ребенком (практически всегда женского пола) (08.02.2022, 11.03.2021, 02.04.2021), со счастливым пациентом (14.01.2022), с беременной женщиной

(23.11.2021). Иногда медицинских работников можно увидеть в обществе Президента Республики Беларусь (20.06.2021, 13.04.2021), что указывает на высокий статус врачей в глазах правительства. Также мы можем неоднократно наблюдать врача, находящегося рядом с людьми, которые вызывают у нас чувство сострадания, например с детьми, болеющими онкологией (05.01.2021), пенсионерами (02.02.2021, 21.04.2021), пациентами в инвалидных колясках (02.02.2021), детьми-беженцами (мальчик с протезами вместо ног (16.11.2021)). Тем самым подкрепляется образ «врача-героя» и подчеркивается высокая социальная значимость данной профессии.

Чаще всего в проанализированных нами публикациях врач держит в руках шприц (21.10.2021, 10.04.2021, 12.05.2021). На наш взгляд, таким образом медики ненавязчиво призывают аудиторию к вакцинации.

Что касается позы врача, то медики зачастую стоят в естественном, расслабленном положении (19.06.2021, 23.03.2022). Закрытая поза встречается в единичных случаях (15.06.2021). Отметим, что наиболее часто встречаемой позицией является процесс прививания женщин, мужчин и подростков (07.10.2021, 19.02.2021), что свидетельствует о пропаганде в СМИ вакцинации.

Таким образом, рассмотрев вербальный и невербальный габитарный образ медицинского работника, отраженный в публикациях журналистов «СБ. Беларусь сегодня», можно сделать вывод о том, что в целом складывается общий позитивный образ медицинского работника, который формируется за счет поддержки положительных стереотипов, создания выгодных контекстов, отбора позитивных образов для отображения.

Список использованной литературы

1. Костючков, А. М. Политический имидж: понятие, признаки, виды / А. М. Костючков // Вес. БДПУ імя М. Танка. Сер. 2. – 2007. – № 2. – С. 32–38.

К содержанию

Д. В. МАЦЯШ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

ЖАНРОВАЯ РАЗНАСТАЙНАСЦЬ ПАЭЗІІ НІНЫ МАЦЯШ

Даследчыкі лічаць, што відавая і жанравая сістэма лірыкі надзвычай разгалінаваная. Самымі распаўсюджанымі відамі лірыкі, у тым ліку і сучаснай, з'яўляюцца верш і песня, вытокі якіх ляжаць у фальклору.

Еўрапейская літаратурная традыцыя ад антычнасці выпрацавала такія віды і жанры лірычных твораў, як гімн, ода, элегія, эпіграма, эпітафія, эпіталама, раманс, мадрыгал, пасланне, санет, тэрцыны, рандо, рандэль, трыялет, актава і інш. Апошнія шэсць з прыведзеных жанраў лірыкі адносяцца да разраду ўстойлівых, альбо цвёрдых, форм. Пытанне класіфікацыі і сістэматызацыі лірыкі пры такой яе надзвычай моцнай відавочнай і жанравай разнастайнасці застаецца ў жанралогіі адкрытым. Прынята класіфікаваць лірыку па тэматычным прынцеце. У залежнасці ад зместу твораў вылучаюць лірыку грамадзянскую (патрыятычная выступае пры гэтым як адна з яе разнавіднасцей), філасофскую (не зусім тоесякая ёй, але надзвычай блізкая да філасофскай лірыка роздуму, альбо медытатывная, лірыка), інтымную, альбо любоўную, пейзажную і нек. інш. Самымі распаўсюджанымі і характэрнымі відамі і жанрамі ліра-эпасу з'яўляюцца паэма і балада [2].

Знаёмства з паэтычнымі творамі Н. Мацяш выявіла яе жанравастыльовую разнастайнасць. Гэтая паэзія ў большасці прадстаўлена самымі распаўсюджанымі відамі лірыкі – вершамі і песнямі. Сустрэкаюцца таксама эпіграма, гімн, санет, вянок санетаў, балада. Шмат у паэзіі Н. Мацяш вершаў-прысвячэнняў дарагім яе сэрцу людзям: У. Калесніку (“На адыход Уладзіміра Андрэвіча Калесніка”), Я. Янішчыц (“Памяці Жэні Янішчыц”), Ф. Янкоўскаму (“Памяці Фёдара Міхайлавіча Янкоўскага”), Я. Брылю (“Птушкі і гнёзды”) і інш. Як слушна заўважыла В. Ляшук, “у аўтаркі з Бярозаўшчыны шмат вершаў, адрасаваных бацькам. Ёсць вершы-прысвячэнні брату і пляменніку, светлай памяці бабулі. Большасць твораў так званай сваяцкай тэматыкі прысвечана маме” [3, с. 286–287].

Шырока прадстаўлена ў творчасці Н. Мацяш грамадзянская, філасофская, інтымная, пейзажная лірыка. У вершах грамадзянскай накіраванасці выяўлены боль паэткі за складаны лёс Радзімы, прыніжанае роднае слова і занябаную гісторыю. Лірычная гераіня Н. Мацяш, як і сама аўтарка, мае выразную грамадзянскую пазіцыю, адчувае ўласную повязь з Бацькаўшчынай, адказнасць за яе. У многіх творах гэта знаходзіць кранальнае лірычнае ўвасабленне. Так, у вершы “Да сустрэчы!” патрыятычныя рэфлексіі ў гераіні выклікае гусіны вырай над берлінскай вуліцай: *“Адкуль вы, гусі? З Беларусі? / Куды вы, гусі? ў цёплы край?.. / няма адказу, Знай цярусіць / смяжок з нябёсаў, быццам гусі / свой пух страсяюць на «бывай». // Халодны пух ляціць – не тае, / і на плячах не растае. / Так і Айчыну замятае... / Даўно старонка дарагая / нам на цяпло скупая. / Любові ад людзей чакае. / Не ўмеюць людзі грэць яе”* [4, с. 20].

Пейзажная лірыка прадстаўлена ў творчасці Н. Мацяш вершамі “Восень”, “Кастрычніцкае”, “Твой ліст”, “Поле”, “Не заходзь маё сонца”,

эцюдам “Перад першай навальніцай” і мн. інш. Душа лірычнай гераіні сугучна свету прыроды, імкнецца спасцігнуць яго таямніцы. Свае пачуцці-адчуванні запаралельвае гераіня з прыроднымі з’явамі: *“Свет упаў на голле залатое. / Толькі ўчора сонцам ліўся ліст – / А сягоння пад завейны свіст / Снег упаў на голле залатое. І шчыміць разгублена душа, / Нібы не бярозка, а сама я / Так безабаронна адгараю, – / І разгублена шчыміць душа...”* [5, с. 175].

Філасофская лірыка Н. Мацяш – гэта роздум над загадкавай прыродай чалавека, яго духоўнага паклікання і прызначэння, гэта і роздум пра лёс чалавечы, наканаванасць. Па меркаванні У. Калесніка, маналог паэтки “часта выходзіў на афарыстычныя тропы, а змест яго – абагульненне сэнсу жыцця: «Была такой вясёлкаваю птушка – скуль на далоні чорнае пяро?» («Балада мары»). «О, Божа, дай мне сілы не змяняць таго, чаго змяніць не ў сіле я» – гэта з верша «Калі б на небе меўся Бог». Тут пераклічка з гегелеўскім абсалютам розуму і спроба сутыкнуць асветніцкі еўрапеізм з хрысціянскім дэтэрмінізмам: «О, Господи, возжги меня, дай силу исполнить и приказывай, что хочешь». У паэтки руплівы, нават трывожны клопат аб раўнавазе паміж гасіо і intrusio – гармоніі, аснове харашыні: «Белы вір раўнавагі. Ні здрады. Ні звады... Не канчайцеся, вейце, мае снегапады». Пошукі суладнасці і гармоніі ў свеце абвастраюць бачанне, паднімаюць амплітуду трывогі, душа шукае паратунку ў рабоце, якая вяртае раўнавагу душы, але ці зменіць свет – сказаць цяжка: «Твайго палону прагну я, – не пакідай мяне, работа» [1, с. 5].

Асаблівае месца ў творчасці Н. Мацяш займае інтымная, ці любоўная, лірыка, пра што сведчаць вершы “Я Вас люблю”, “Палюбі мяне! Палюбі мяне...”, “Я люблю цябе...” і мн. інш. Ёсць меркаванне, што пачуццё кахання з’яўляецца эмацыянальна-сэнсавым ядром творчасці паэтки. Лірыка кахання Н. Мацяш – спавядальная, кранальная. Уражлівая, далікатная, даверлівая душа лірычнай гераіні напоўнена дабрынёй і пяшчотай да каханага. Яна баіцца пакрыўдзіць, але не баіцца папрасіць прабачэння:

Калі чым насцярожыла – забудзь.
На незалежнасць я не пасягаю.
Мне б толькі твае вочы прысягалі,
А будзь такі, як ёсць. Ты толькі будзь! [4, с. 74].

Лірычную гераіню Н. Мацяш не абмінаюць расчараванні ў каханні, але ў яе хапае “жаноцкай мужнасці”, каб без залішняга драматызму і скаргаў на лёс працягваць спасцігаць свет інтымных пачуццяў. Гераіня верыць у паразуменне душ.

Калі ў сваёй дарозе, часам здрадлівай,
 Згублю з-пад ног збалелых цвёрды грунт,
 Я так хацела б, каб і мне здагадліва
 Агеньчык нечае душы спагадлівай
 Выратавальна ў вочы зазірнуў [4, с. 120].

У 1972 г. Н. Мацяш адважылася асвоіць жанр паэмы, стварыла на аснове пачутых на Букавіне паданняў і вывучаных у Львове архітэктурных матэрыялаў гераічную паэму “Алекса Доўбуш”. Творам змястоўным і багатым па форме аказалася “Паэма жніва”, напісаная пасля смерці маці. “Можна ўспрымаць і разглядаць гэты твор як развітальнае слова і галашэнне дачкі, сучаснай палескай інтэлігенткі па роднай маці-сялянцы. Класічнае галашэнне праглядваецца ва ўступным маналогу – буджэнне нябожчыцы, якая стала ўяўнай удзельніцай абраду свайго пахавання. Родзічы, суседзі і аднавяскоўцы сышліся развітацца навек, памянуць нябожчыцу добрым словам, пакаяцца ў свядомых і міжвольных грахах і памірыцца, ачысціць душы абрадам. Паэтка і сябе бачыць сярод грамады, па праву дачкі яна пачынае абрад развітання, распавядае пра сваю любую маці, выказвае жальбу і скруху” [1, с. 10].

Паэтычная спадчына Н. Мацяш жанрава разнастайная: вершы, песні, эпіграмы, гімны, санеты, вянок санетаў, балады, паэмы. Шырока прадстаўлена ў творчасці паэткі грамадзянская, філасофская, інтымная, пейзажная лірыка.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Калеснік, У. Дар гармоніі / У. Калеснік // Паміж усмешкай і слязой : вершы і паэмы (1962–1992) / Н. Мацяш ; прадм. У. Калесніка. – Мінск : Маст. літ., 1993. – С. 3–16.
2. Літаратурныя роды, віды, жанры [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://smekni.com/a/136544/litaraturnyya-rody-vdy-zhanry>. – Дата доступу: 14.11.2021.
3. Ляшук, В. Я. Літаратурная Берасцейшчына : краязн. нарысы, партр., арт. / В. Я. Ляшук, Г. М. Снітко. – Мінск : Лит. и искусство, 2008. – 320 с.
4. Мацяш, Н. Душою з небам гаварыць : выбр. лірыка / Н. Мацяш. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 462 с.
5. Мацяш, Н. Паміж усмешкай і слязой : вершы і паэмы (1962–1992) / Н. Мацяш ; прадм. У. Калесніка. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 301 с.

К зместу

А. Э. МОИСЕЙЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРАЗДНИК»:
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Современная лингвистика выдвигает в качестве ведущего антропоцентрический принцип исследования. Построенная на таких началах наука о языке включает два круга взаимосвязанных, взаимопересекающихся проблем: как человек влияет на язык и как язык влияет на человека. В частности, когнитивная лингвистика рассматривает язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека, а как важнейший объект исследования определяет концепт – ментальную сущность, которая и отражает культурно-национальное представление о мире [3, с. 4]. Вербализация концепта осуществляется единицами разных языковых уровней (лексическо-фразеологического, грамматического и др.).

Цель нашей работы – исследование словообразовательных средств репрезентации содержания концепта «праздник». Для этого мы проанализировали два крупных, комплексных языковых объединения – словообразовательное поле (СП) ключевого слова *праздник* и его словообразовательное гнездо (СГ). Обращение к последнему (в нем «в наиболее эксплицитном виде представлены векторы концептуализации современного денотата» [6, с. 90]) вполне закономерно при описании СП.

Субстантив *праздник* возглавляет СГ, которое характеризуется небольшой, в другой ступени деривации (СД), глубиной и словообразовательным потенциалом выше среднего – 22 мотивированных (ср.: по данным словаря А. Н. Тихонова, на одно исходное существительное в современном русском языке приходится 7,5 деривата [7, с. 440]). Последние объективируют четыре словообразовательные зоны.

В глагольной зоне на двух СД зафиксировано 11 единиц. На первой СД суффиксальные дериваты (2) имеют СЗ ‘совершать действие, обычно производимое во время того, что названо мотивирующим существительным’ (*праздн-ова-ть* и *празднич-а-ть* ← *праздник*) (здесь и далее все СЗ приведены по [2] и [5]). На второй СД продуктивность глаголов возрастает (9), все они восходят к глаголу *праздновать* и образованы с участием аффиксальных формантов с СЗ: ‘начать действие, названное мотивирующим глаголом’ (*за-праздновать*); ‘действие, названное..., довести до конца или до какого-либо предела’ (*до-праздновать*); ‘окончить длившееся определенное время действие, названное...’ (*от-праздновать*, *с-праздновать*); ‘действие, названное..., совершить

с незначительной интенсивностью, иногда также постепенно’ (*по-праздновать*); ‘способность подвергаться действию, названному...’ (*праздноваться*); ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного...’ (*до-праздноваться*); ‘действие, названное..., совершить в достаточной степени или в избытке; дойти до состояния удовлетворения/пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия’ (*на-праздноваться*); ‘окончить длившееся определенное время действие, названное...; освободиться от этого действия или оказаться не в состоянии его продолжать’ (*от-праздноваться*). Расширенная глагольная зона с многообразием модификационных значений свидетельствуют, на наш взгляд, о восприятии праздника как действия. Для носителей языка важен не столько факт самого праздника, сколько то, как он отмечается.

Субстантивная зона представлена на двух СД шестью дериватами. На первой СД зафиксированы суффиксальные субстантивы (2) со словообразовательными значениями (СЗ) ‘уменьшительность’ (*празднич-ек*) и ‘синоним мотивирующего существительного’ (*праздн-еств-о* ← *праздник*). На второй СД количество дериватов возрастает (4), и они мотивируются прилагательными, глаголами. Форманты (в основном суффиксальные) выражают следующие СЗ соответственно: ‘отвлеченный признак, названный... прилагательным’ (*праздничн-ость* ← *праздничный*); ‘платеж, характеризующийся признаком, названным... прилагательным’ (*праздничн-ые* (сущ.) ← *праздничные* (прил.); субстантивация); ‘отвлеченное действие, названное... глаголом’ (*праздничн-н’ј-е* ← *праздничать, празднова-ниј-е* ← *праздновать*).

Адъективная зона на двух СД включает три деривата. На первой СД отмечены аффиксальные мотивированные слова (2) с СЗ ‘признак, относящийся к тому, что названо... существительным’ (*празднич-н(ый)* ← *праздник*) и ‘непосредственно предшествующий тому, что названо... существительным’ (*пред-празднич-н-ый* ← *праздник*). Вторая СД представлена суффиксальным дериватом с СЗ ‘признак, относящийся к тому, что названо... существительным’ (*празднеств-енн-ый* ← *празднество*).

Наречную зону формируют два деривата на второй СД. Мотивируются они прилагательным *праздничный*; суффиксальный и приставочно-суффиксальный форманты имеют СЗ ‘так, как свойственно тому, что названо... прилагательным’ (*праздничн-о, по-праздничн-ому*).

Словообразовательное поле, характеризуясь изменчивостью, системностью, иерархичностью, отражает совокупность всех деривационных средств – репрезентантов концепта [1, с. 22]. Для установления ядерно-периферийных отношений в СП концепта «праздник» проанализирована

частотность (по данным Национального корпуса русского языка (основной и газетный корпусы) [4]) употребления всех описанных выше дериватов.

Наибольшую частотность употребления имеет исходное слово СП – *праздник* (143 521 вхождение: 38 218 в основном корпусе, 105 303 – в газетном), которое закономерно входит в ядро СП. На столь активное употребление лексемы влияет несколько факторов: это вершина СГ, доминанта синонимического ряда (ср. синонимы *пир, празднество, гуляние, уик-энд* и др.), слово стилистически нейтральное, общеупотребительное и т. п. Ядро составляют также лексемы: *праздничный* (39 445: 9 698 и 29 747), *празднование* (24 962: 2 347 и 22 615), *праздновать* (18 060: 4 813 и 13 247). Околоядерную зону формируют дериваты: *отпраздновать* (6 956: 1 532 и 5 424), *празднество* (3 765: 2 433 и 1 332), *праздноваться* (2 051: 684 и 1 367), *праздничный* (1 519: 362 и 1 157). На периферии СП находятся слова: *праздничек* (255: 200 и 55), *праздничность* (223: 151 и 72), *попраздновать* (103: 58 и 45), *напраздноваться* (25: 6 и 19), *спраздновать* (20: 20 и 0), *праздничать* (16: 15 и 1), *празднично* (14: 14 и 0), *запраздновать* (5: 5 и 0), *допраздновать* (5: 2 и 3), *по-праздничному* (4: 4 и 0), *допраздноваться* (3: 0 и 3), *отпраздноваться* (2: 2 и 0), *праздничанье* (2: 2 и 0), *праздничные* (0).

Таким образом, в русском языке концепт «праздник» вербализуется целым комплексом лексем. Их объединение в сильноразвернутом СГ демонстрирует основные словообразовательные зоны, дериваты в которых либо незначительно изменяют значения исходных слов/основ (модификационные СЗ), либо обозначают иные феномены внеязыковой действительности (мутационные СЗ), либо с тем же лексическим значением приобретают новые (по сравнению с мотивирующей базой) частеречную принадлежность и синтаксические функции (транспозиционные СЗ). В языковом сознании, в коммуникации все эти языковые единицы закреплены неоднородно, регулярность их употребления сильно варьирует, формируя ядро и периферию СП.

Список использованной литературы

1. Вотякова, И. А. Словообразовательное поле в структуре номинативного поля концепта / И. А. Вотякова // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. – 2015. – № 2. – С. 22–26.
2. Лопатин, В. В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – М. : Азбуковник, 2016. – 812 с.
3. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : Тетра Системс, 2004. – 256 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ruscorpora.ru. – Дата доступа: 11.04.2022.
5. Русская грамматика : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980–1982. – Т. 1. – 1982. – 783 с.

6. Савкатова, А. М. Словообразовательное гнездо как репрезентация концепта (на материале словообразовательного гнезда с вершиной «женщина») / А. М. Савкатова // Высш. образование сегодня. – 2010. – № 3. – С. 90–92.

7. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990. – Т. 2. – 886 с.

К содержанию

Д. С. МОХОР

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ОТАНТРОПОНИМНЫЕ НАЗВАНИЯ МАССОВЫХ ТОРЖЕСТВ, МЕРОПРИЯТИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОРТОНИМИИ ПИНЩИНЫ)

Праздник – одна из древнейших форм человеческой культуры. Являясь устойчивым компонентом культурного пространства, он в то же время чрезвычайно восприимчив к происходящим в обществе преобразованиям, к изменениям аксиологических установок, форм означивания ценностей и их репрезентации [4, с. 8]. Жизнь современного социума, человека богата на разнообразные (светские, религиозные, международные, государственные, профессиональные и т. д.) праздники. Ценную информацию о них дают **геортонимы**. Данным термином в ономастике обозначают имя собственное (ИС) любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля [3, с. 48], концерта, конкурса, выставки, кампании (акции, форума и т. п.) [1, с. 22].

Основа номинации, т. е. обозначения какого-либо объекта с помощью языковой единицы, присвоения имени, – это мотивация. Иными словами, в основе ИС лежит определенная **мотивема**, которую понимают как категорию, «обобщающую содержание мотивировочных признаков» [2, с. 48]. Объектом нашего исследования послужил один сегмент геортонимии г. Пинска и Пинского района – 311 ИС массовых торжеств, мероприятий, репрезентирующих мотивемы «место», «время», «объект», «качество», «эмоциональная оценка», «действие», «человек». По данным нашей картотеки, последняя мотивема отличается востребованностью и представлена почти в 39 % ИС.

Для указания на человека номинаторы массового торжества, мероприятия обращаются к гетерогенным **языковым средствам**.

1. Геортонимы мотивируются **антропонимами** (отантропонимными дериватами) – ИС известных личностей, ярких представителей белорусской, русской, мировой культуры: *вечер-посвящение к 140-летию со дня*

рождения Я. Купалы и Я. Коласа «**Купала і Колас, вы нас гадавалі!**»; акция Я. Купалы и Я. Коласа «**Чытаем Коласа і Купалу разам!**»; неделя мероприятий для популяризации творчества Е. Янищиц «**Янішчыцкі лістапад**»; литературный час «Добрая страна **Успенского**»; неделя популяризации творчества А. Блока «**Блоковские** чтения»; информ-досье «**Страна фэнтэзи Джона Толкина**». Антропонимы (почти все они являются национально или даже – в последнем примере – универсально прецедентными) используются для прямого указания на человека, нередко хорошо знакомого адресату геортонима.

2. В анализируемый номинативный тип мы условно отнесли ИС, мотивированное **мифонимом** (именует главного персонажа на праздновании Нового года): *интеллектуально-развлекательная игра «Своя игра, или новогодние тайны Деда Мороза».*

3. В качестве исходных для геортонимов активно используются **нарицательные** существительные – обозначения людей либо их объединений, совокупностей.

Мотивирующие **личные существительные** называют человека по разным параметрам, в частности: а) возрасту: *акция «Поможем собрать **детей** в школу!»; проект «**Детишки** плюс книжки»; книжная выставка ко Дню молодежи «**Книга и молодежь. Век XXI**» и др.; б) гендеру: *книжная выставка «**WOMEN'S NAMES IN AMERICAN HISTORY**»; конкурсно-развлекательная программа для лиц пожилого возраста «А ну-ка, **дамочки!**»; конкурсно-развлекательная программа к 8 Марта «**Классные девчонки**»; детский конкурс красоты «**Мини-мисс**», «**Мини-мистер**» и др.; в) семейным отношениям: *мероприятие ко Дню матери «**Самая важная профессия – мама**»; творческая акция в День матери «**Наши мамули**»; акция «**Славим женщину-мать**»; конкурс в День защиты детей «**Суперпапа**»; тематическая акция к Международному дню защиты детей «**Дочка – мамина радость, сыночек – папина гордость**» и др.; д) роду деятельности (профессиональной, общественной и т. д.), интересам: *челлендж в соцсетях «**Я_пионер_своей_страны**»; посвящение в читатели «А я теперь **читатель**»; митинг ко Дню Защитников Отечества и Вооруженных Сил Республики Беларусь «**Защитникам отечества – слава**»; акция «**Поздравим ветеранов!**»; акция ко Дню Учителя «**Поздравь своего наставника!**»; познавательная спортивная игра «**Экологи информируют**»; литературно-игровая программа «**Книжный сад для дошколят**» и др.; г) качествам, свойствам, оценкам: *спортивный праздник ко Дню защитника отечества «**Богатырь-2022**»; книжная выставка (о знаменитых людях, о самых удивительных явлениях и загадках природы, величайших событиях истории и культуры) «**Сто великих...**» и др.; д) национальности, происхождению: *книжная выставка******

(в рамках Месяца афроамериканской истории в США) *«Известные афроамериканцы»* и др.

Названия совокупностей людей (это существительные и конкретные, и собирательные) в структуре геортонима указывают на общность их: а) самосознания, языка, территории проживания, истории, культуры: *литературный час к Международному дню родного языка «Родная мова – душа народа»* и др.; б) рода деятельности, сферы интересов: *творческий фестиваль «Энергия отряда»*; *информационно-профилактическая акция «COVID-патруль»*; *акция в рамках Дня донора «Сдача крови на безвозмездной основе среди студентов университета»* и др.; в) периода в жизни человека (и, как следствие, схожести взглядов, потребностей): *книжная выставка «Книга и молодежь. Век XXI»*; *антитабачная акция «Некурящее поколение. Мы за жизнь без табачного дыма!»* и др.; в) предков, быта, моральной ответственности: *праздник к Международному дню семьи «Большая дружная семья»* и др.

4. Отмечены ИС, восходящие к **прилагательным, мотивирующая база которых – опять же названия лиц или их совокупностей** (см. выше п. 3): *выставка книг для детей «Фейерверк детских книг»*; *выставка из собраний музея «Галерея партизанской славы»* и др.

5. Отличаются востребованностью геортонимы, восходящие к **местоимениям**: а) личным: *акция в рамках Недели правовых знаний «Закон и Я»*; *книжная выставка «Для вас, мальчишки!»*; *праздник, посвященный Дню пионерской дружбы «Мы – пионеры новой эры!»*; *профилактическое мероприятие «Мы за ЗОЖ»*; *литературная акция-эстафета ко Дню освобождения Пинска от немецко-фашистских захватчиков «Нам жить и помнить»* и др.; б) притяжательным: *праздник в День правовой информации «Мы гордимся своей страной!»*; *книжная выставка ко Дню Независимости Республики Беларусь «Мая зямля, мая Радзіма завецца светла – Беларусь»* и др. Местоимения сокращают дистанцию между номинаторами (организаторами) и целевой аудиторией массового торжества, мероприятия, устанавливают эмоциональный контакт с последней.

Таким образом, геортонимы ярко объективируют значимость человека в празднике, антропоцентризм ИС последнего. Номинации массовых торжеств, мероприятий разновекторно (при помощи широкого круга языковых средств) указывают на человека, на его социальные роли, статусы, на многочисленные связи, отношения с другими людьми.

Список использованной литературы

1. Врублевская, О. В. Названия торжественных мероприятий: прагмалингвистический аспект (на материале русских и немецких номинаций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Врублевская. – Волгоград, 2006. – 48 с.

2. Голев, Н. Д. Заметки об условно-символической номинации в русском языке / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования : сб. науч. тр. / Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т ; редкол.: К. А. Тимофеев [и др.]. – Новосибирск : ННИГУ, 1980. – С. 47–59.

3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Изд. 2-е. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

4. Попова, В. Н. Праздник как социокультурный феномен : учеб. пособие / В. Н. Попова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 84 с.

К содержанию

М. Д. НАУМЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В ЛИРИКЕ В. БРЮСОВА

Проблема функциональной стороны языка в российской лингвистике разработана на достаточно высоком уровне. Данную тематику разрабатывали такие исследователи, как Е. И. Пассов, В. А. Аврорин, А. В. Соколов, А. А. Брудный и другие ученые, среди которых выделяется Р. О. Якобсон. В своей классической статье «Лингвистика и поэтика» он отмечает разработанную К. Бюлером классификацию языковых функций, включающих эмотивную, конативную и референтивную [3]. Однако в этой же статье предлагается мнение, что функций языка на самом деле больше. Кроме трех основных, существуют также факультативные, и среди них можно выделить магическую (заклинательную) функцию [3].

В понимании данного явления языка мы опираемся на трактовку магической функции, представленную в «Словаре лингвистических терминов» под редакцией Т. В. Жеребило, где она понимается как частный случай призывно-побудительной функции языка [2, с. 187].

Данная статья представляет собой анализ способов реализации магической функции языка в стихотворных жанрах художественной литературы на примере творчества В. Брюсова. Также исследуются художественные задачи, выполнения которых позволяет достичь данная функция в анализируемых текстах. Для достижения поставленных целей мы избрали метод контекстуального анализа, благодаря которому можно рассмотреть конкретный текст во всех его экстралингвистических связях.

Валерий Яковлевич Брюсов – русский писатель, критик, переводчик, теоретик и основоположник русского символизма. Его по праву можно считать одним из писателей, особенно увлекавшихся темой сверхъестественного.

Творчество Брюсова проникнуто мистической тайной. Это прежде всего связано со спецификой символистской литературы: в поэзии писателя нет однозначных образов. Кроме того, на характер творчества Брюсова также повлиял и его интерес к различным эзотерическим практикам. В своих дневниках он пишет: *«Сентябрь. Усердно посещаю спиритические среды. Проповедую, поучаю и имею некоторое влияние»*. Писатель настолько сильно увлекается спиритизмом, что начинает навешивать на себя маркеры чародея. Очевидно, что такое сильное увлечение связано с медитативностью, которую подобные практики оказывали на Валерия Яковлевича: *«В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени “рассудочный”, что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень»*.

Характерные особенности символизма и неподдельный интерес писателя к мистическому дают основание для предположения, что поэзия Валерия Брюсова явилась плодотворной почвой для реализации магической функции языка.

Зачастую поэт просто называет в произведениях акт произнесения каких-либо ритуальных текстов при помощи языковых единиц с определенной семантикой. Это можно увидеть, например, в последнем катрене стихотворения «На островах Пасхи»: *«Шепчу я слова заклинаний, / Молю неизвестного бога»* [1].

Однако в текстах Валерия Брюсова не только называются акты реализации магической функции, поэт также прибегает к употреблению данной функции как средства воздействия на читателя. Наиболее ярко это прослеживается в стихотворении «Юному поэту»: *«Юноша бледный со взором горящим, / Ныне даю я тебе три завета: / Первый прими: не живи настоящим, / Только грядущее – область поэта. // Помни второй: никому не сочувствуй, / Сам же себя полюби беспредельно...»* [1].

Призывная функция в данном стихотворении реализуется не только посредством употребления определенной лексики (*Ныне даю я тебе три завета*), но и за счет грамматики: автор активно использует повелительное наклонение (*прими, живи, не сочувствуй, полюби* и т. д.).

«Умершим мир!» – стихотворение, в котором Брюсов использует повтор как способ реализации магической функции языка. Каждый катрен начинается со слов «Умершим мир!», что сообщает призывно-побудительный характер всему произведению: *«Умершим мир! Пусть спят в покое / В немой и черной тишине. / Над нами солнце золотое, / Пред нами волны – все в огне. // Умершим мир! Их память свято / В глубинах сердца сохраним. / Но дали манят, как когда-то, / В свой лиловато-нежный дым...»* [1].

В стихотворении «На журчащей Годавери» можно обнаружить обращение к божеству: *«Лист широкий, лист банана, / На журчащей*

Годавери, / Тихим утром – рано, рано – / Помоги любви и вере! // Орхидеи и мимозы / Унося по сонным волнам, / Осуши надеждой слезы, / Сохрани венок мой полным. // И когда, в дали тумана, / Потеряю я из виду / Лист широкий, лист банана, / Я молиться в поле выйду; // В честь твою, богиня Счастья, / В честь твою, суровый Кама, / Серьги, кольца и запястья / Положу пред входом храма» [1].

Магическая функция языка в данном стихотворении реализуется за счет прямых обращений к высшей силе (*богиня Счастья, суровый Кама*) и повелительного наклонения, используемого для обозначения просьб, адресованных этим самым высшим силам.

Таким образом, магическая функция языка реализуется в лирике Валерия Брюсова посредством употребления лексики с ритуальной семантикой, обращений к высшим силам и активного использования повелительного наклонения. Тем не менее реализация магической функции с целью убеждения в данных произведениях не является основной задачей автора. В текстах Валерия Яковлевича магическая функция взаимодействует с экспрессивной и эстетической, формируя яркую образную систему.

Список использованной литературы

1. Брюсов, В. Я. Все стихи Валерия Брюсова [Электронный ресурс] / В. Я. Брюсов // 45-я параллель: классическая и современная русская поэзия. – Режим доступа: https://45parallel.net/valeriy_bryusov/stihi. – Дата доступа: 15.05.2022.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
3. Яковсон, Р. О. Лингвистика и поэтика [Электронный ресурс] / Р. О. Яковсон // Русский филологический портал. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>. – Дата доступа: 20.12.2021.

К содержанию

М. Д. НАУМЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ В СТИХОТВОРЕНИИ Ю. Н. КУРАНОВА «ДВЕ ПТИЦЫ»

В современной русской филологии исследование проблемы языковых способов выражения речевой экспрессии в художественном тексте можно считать в достаточной степени разработанной. Тем не менее сфера художественной экспрессивности сохраняет исследовательский интерес,

поскольку анализ данной стороны текста может быть применен в отношении любого литературного произведения.

Целью данной работы является анализ способов выражения языковой экспрессии в стихотворении русского советского писателя второй половины XX в. Ю. Н. Куранова – мастера слова, умеющего уместить необъятный образ в небольшую миниатюру и наделяющего этот образ глубинным смыслом. Для достижения поставленной цели мы выбрали метод контекстуального анализа, позволяющего в полной мере исследовать средства речевой экспрессии в контексте определенного стихотворного текста. Экспрессивность мы понимаем как «комплексное понятие, включающее такие компоненты как эмоциональность, интенсивность, образность, оценочность» [1].

1 Я видел: две птицы прощались
среди облаков на лету,
их души над лесом снижались,
теряя простор, высоту.

2 Одна, отвалившись от стаи,
влачила по ветру крыла,
другая, совсем молодая,
чего-то тревожно ждала.

3 Какую-то кроткую милость
взывала печальной судьбе
и, кажется, скорбно молилась,
и вся трепетала в мольбе.

4 А старая мудрая птица,
под сердцем смирившая страх,
готовилась с миром проститься
с молитвою в тусклых глазах.

5 Две птицы, два кротких коленья...

6 И ты, словно там, в небесах
вот-вот припадешь на колени
с молитвою в скорбных глазах [2].

Исследуемый текст представляет собой небольшое поэтическое произведение, состоящее из шести предложений. По жанру это лирическое стихотворение с сюжетными элементами. В нем есть некие события (*4 старая мудрая птица* оторвалась от стаи, а *2 другая, совсем молодая* не хочет ее бросить), но их роль заключена в усилении эмоционального восприятия текста читателем, а потому при углублении в содержание произведения сюжет оказывается лишь фоном для выражения позиции автора,

которая заключена в идее (мудрость в смирении принять то, что посылается свыше), проявляющейся через тему текста, которую можно сформулировать следующим образом: отношения двух птиц в тяжелой ситуации. Экспрессия в данном тексте играет важную смысловую роль, и проявляется средствами разных языковых уровней.

На уровне лексики экспрессивность проявлена с помощью поэтизмов (2 *влачила*, 3 *взывала*, *трепетала*) и аллегории (1 *их души над лесом снижались*, 4 *готовилась с миром проститься* = «умирать»).

Синтаксически экспрессия, казалось бы, никак не выражается: текст спокойной тональности, не содержит восклицательных предложений. Однако данный прием также можно интерпретировать как сильное образное средство. Общее настроение пугающей безнадежности, создаваемое лексикой с определенной семантикой (2 *тревожно*, *печальной*, *скорбно*, 4 *смирившая*, *страх* и т. д.), подкрепляется безмятежным с точки зрения потенциального речевого воспроизведения описанием происходящего: 4 *А старая мудрая птица, под сердцем смирившая страх, готовилась с миром проститься с молитвою в тусклых глазах.*

Ю. Куранов описывает прощание двух птиц с жизнью. Их реакция на скорую гибель различна: 2 *Одна, отвалившись от стаи, влачила по ветру крыла*, и 2 *Другая, совсем молодая, чего-то тревожно ждала*. Важная роль в описательном тексте отведена прилагательным, которые не только уточняют образы, но и усиливают их экспрессивную составляющую: 2 *молодая*, 3 *кроткую*, *печальной*, 5 *старая*, *мудрая*. В тексте много глаголов несовершенного вида: 1 *прощались*, *снижались*, 2 *влачила*, *ждала* и т. д., что указывает на описание вневременного действия, лишённого хронологических рамок. Подобное обобщение расширяет масштаб авторской идеи, что усиливает эмоциональность всего произведения.

Описание как тип речи, избранный автором, проявляет экспрессивную функцию синтаксиса в стихотворении. Описание всегда статично, а в данном тексте отсутствие активного действия позволяет зафиксировать внимание читателя на сильных средствах художественной выразительности, представленных на других уровнях языка.

Композиция стихотворения также является инструментом создания его экспрессивной грани: в тексте есть два образа – две птицы. Именно они задают общий вид в первом предложении (1 *две птицы прощались среди облаков на лету...*), далее описываются детали поведения каждой из птиц (3 *какую-то кроткую милость взывала печальной судьбе* или 4 *готовилась с миром проститься с молитвою в тусклых глазах*), в конце делается вывод, содержащий аллегорический перенос (6 *Ты, словно там, в небесах, вот-вот припадешь на колени с молитвою в скорбных глазах*). Это сравнение усиливает драматизм произведения, что обусловлено попаданием

таких разных образов в одинаково безнадежные обстоятельства. Экспрессивность текста в данном случае повышается за счет содержательного смыслового фона, заключенного в рамки небольшого по объему произведения.

Художественный стиль текста также обеспечивает возможность для яркого выражения речевой экспрессии, потому что подобные произведения всегда особенно и образны, и эмоциональны, и выразительны. Автор преследует цель образно отразить свои философские воззрения в рамках небольшого поэтического произведения. В нем четко определены авторские художественные и философские взгляды: мы беспомощны перед всеобъемлющей силой жизни и смерти, потому что круговорот жизни неудержим и неподвластен ни одному живому существу. Данный текст представляет собой единую аллегория, но встречаются и конкретные тропы: эпитеты (*3 печальной судьбе*), иносказания (*4 с миром проститься = умереть*), метафоры (*5 два кротких коленья*) и др.

Таким образом, анализ стихотворения Ю. Н. Куранова «Две птицы» позволят утверждать, что речевая экспрессия в этом тексте выражается различными способами: автор использует не только языковые средства лексического морфологического и синтаксического уровней, но также особенности типов и стилей речи.

Список использованной литературы

1. Куранов, Ю. Н. Две птицы [Электронный ресурс] / Ю. Н. Куранов // Новый мир. – Режим доступа: <https://nowimir.ru/AUT/021417.htm>. – Дата доступа: 06.04.2022.
2. Рамазанова, Д. А. Экспрессивность в художественном тексте и способы ее выражения [Электронный ресурс] / Д. А. Рамазанова, Х. М. Хасбулатова, З. Г. Курбанова // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/-article/n/ekspressivnost-v-hudozhestvennom-tekste-i-sposoby-ee-vyrazheniya/-viewer>. – Дата доступа: 20.03.2022.

К содержанию

А. В. НОВАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

СМЫСЛОВАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КРАТКИХ ФОРМ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОЭЗИИ Е. А. ЕВТУШЕНКО

Неповторимость поэтического дара Е. А. Евтушенко проявляется в выражении внутреннего мира лирического героя художественными средствами, в глубокой и тонкой передаче чувств и эмоций, мыслей и переживаний. Этому в высокой степени способствуют «качественные

слова», как иногда называют имена прилагательные, – самую живописную часть речи. Поэт придает важное значение точному употреблению прилагательных, видя в этом проявление профессионализма и мастерства.

В своем антивоенном стихотворении-памфлете «Цветы лучше пуль», написанном как отклик на трагические события (расстрел студентов, протестовавших против вторжения американских войск в Камбоджу), произошедшие в Кентском университете в начале 1970-х гг., поэт использует экспрессивные возможности разных лексико-грамматических разрядов и форм имен прилагательных: *Это было **чистейших** надежд выражение, / В миг, когда, **беззащитна**, как совести **тоненький** пульс, / Ты вложила цветок / В **держимордово** дуло **ружейное** / И сказала: «Цветы **лучше** пуль» / ...**Не дарите цветов государству, / Где правда карается. / Государства такого отдарок **циничен, жесток**. / И отдарком была тебе, Аллисон Краузе, / Пуля, / Вытолкнувшая цветок** [7]. Свое эмоциональное переживание, равнодушную оценку событий поэт выражает, используя качественные прилагательные (*пули – леди **ревнивые**; против общего злого врага; О, какая великая будет пурга и др.*), относительные прилагательные (*дуло **ружейное, девятнадцатилетняя Аллисон Краузе, девической нежной щеки***), окказиональное притяжательное прилагательное (***держимордово** дуло*); формы степеней сравнения (***чистейших, лучшие***); краткие формы (***беззащитна, циничен, жесток***); прилагательные-димины (***тоненький** пульс, из клумб **аккуратненьких***).*

Значительным стилистическим потенциалом обладают краткие формы имен прилагательных. Сама их грамматическая природа уже предопределяет более сильную экспрессию в сравнении с полными прилагательными, так как краткие формы называют не постоянный, пассивный признак, а переменный, развивающийся во времени [6]: *Я был **жесток**. / Я резко обличал, / о собственных ошибках не печалюсь. / Казалось мне – / людей я обучал, / как надо жить, / и люди обучались* (Давайте, мальчики!) [2]. В стихотворении лирический герой дает напутствие молодым людям. В процитированном отрывке краткое прилагательное **жесток** и другие формы прилагательных характеризуют поведение героя в молодости, он размышляет о своих поступках, переоценивая многое (*Я просто **старше** вас в познании своем. / Переставая быть к другим **жестокими**, / быть **молодыми** мы перестаем*), но оправдывает смелость и дерзость молодых, их нигилизм (*ведь даже и в своей несправедливости вы тоже **справедливы** иногда*). В выражении оценки поведения лирического героя в прошлом и сегодняшних «мальчиков» предпочтение отдается кратким формам прилагательных, выступающим в предикативной функции.

Хотя краткие прилагательные, как уже отмечалось, указывают на относительный признак, на временное состояние, но в контексте эти оттенки значения могут и не проявляться: *Трус был **свеж**. Трус был **розов***.

*Таким обкрадываются / Тихой сапой столовые и детдома. / «Я, увы, не **всесилен!** – развел он руками с почти нескрываемой радостью. / – Сожалею весьма!»* (Невсесильность) [3]. В данном контексте временный признак не выражен, а усиливается ироническое звучание, чему способствуют краткие формы прилагательных.

Чаще всего краткие прилагательные выступают в функции предиката с квалификативным значением. Так, в стихотворении «Зависть» поэт сравнивает двух мальчиков, выделяя особенности их характеров. Лирический герой, «всегда причесанный», сравнивает себя с другим, «бесхитростным и смелым», рожденном со свободой и искренностью в крови мальчиком. Обрисовке характера героя стихотворения помогают краткие прилагательные: *Завидую тому, как он дерется, / – я не был так **бесхитростен** и **смел.** //...Он будет **честен** / жесткой прямою, / злу не прощая за его добро, / и там, где я перо бросал: «Не стоит!» – / он скажет: «Стоит!» – и возьмет перо* [4]. С помощью кратких прилагательных лирический герой выражает восхищение пытливостью ума мальчика, его настойчивостью, упорством в достижении целей.

В стихотворении «Одиночество» Е. А. Евтушенко пытается разгадать женскую натуру, извлечь уроки из прошлых отношений с женщинами. Использование оценочных кратких прилагательных свидетельствует, насколько лирический герой духовно далек от женщины, которая его любит: *Мне было так легко разрешено / приехать, / что я был **самоуверен** / и слишком упоенно **современен** – / я не цветы привез ей, / а вино. / Но оказалось все – / куда сложней...* [4].

Экспрессия кратких прилагательных проявляется, если они выступают в качестве обособленных определений, получающих в контексте особо важное значение: *Мы взбирались на дряхлые звонницы / и глядели, угрюмо куря, / на предмет утешения вольницы /– запыленные колокола. / Они были все так же опасными. / Мы молчали, **темны** и **тяжки**, / и толкали неловкими пальцами / их подвязанные языки* (Вологодские колокола) [1]. Это стихотворение поэт посвятил Юрию Козакову и всем писателям, которые, несмотря на «подвязанность колокольных языков нашей литературы, всегда учили людей свободе, совести, любви к Родине и вере в будущее России» [1]. Обособленные краткие прилагательные **темны** и **тяжки** тонко передают тревожные чувства и эмоции, переживания, подавленное душевное состояние лирических героев.

Совсем другое эмоциональное переживание лирического героя выражается обособленными краткими прилагательными в стихотворении «Всегда найдется женская рука»: *Всегда найдется женская рука, / чтобы она, **прохладна** и **легка**, / жалея и немножечко любя, / как брата, успокоила тебя...* [4]. Это стихотворение посвящено женщинам, их мудрости

и терпению, любви и преданности, всепрощению и способности к самопожертвованию.

Грамматисты обращают внимание на книжный характер кратких прилагательных. «Краткая форма в ее исключительно предикативном значении есть явление чисто литературное, – писал А. М. Пешковский. – Это придает краткой форме оттенок большей книжности, отвлеченности, сухости, иногда категоричности, чем это свойственно полной форме» [6]. В такой стилистической функции выступают краткие прилагательные в стихотворении Е. А. Евтушенко «Проклятье века – это спешка...» – образце философской лирики, в котором представлены размышления над сутью человеческой жизни, вечной повседневной суетой, превращающей людей в рабов времени, принимающих поспешные, необдуманые решения: *Под шелест листьев обветшалых, / под паровозный хриплый крик / пойми: забежавшийся – жалок, / остановившийся – велик // ...Топча, как листья, чьи-то лица, / остановись! / Ты слеп, как Вий. / И самый шанс остановиться / безумством спешки не убий. // О человек, чье имя свято, / подняв глаза с молитвой ввысь, / среди распада и разврата / остановись, остановись!* [5]. Благодаря «столкновению» противоположностей (антитеза *жалок – велик*), усиливается экспрессивность текста.

Стилистическое значение кратких прилагательных в творчестве Е. А. Евтушенко трудно переоценить. Они несут значительную смысловую и стилистическую нагрузку: способствуют экспрессивации поэтической речи, акцентируют значимые в идейно-художественном отношении смыслы, выступают средством авторской оценки, участвуют в создании образов.

Список использованной литературы

1. Вологодские колокола [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ev-evt.net/stihi/v/vologda_kolokola.php. – Дата доступа: 09.05.2022.
2. Давайте, мальчики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/evgenij-evtushenko-davajte-malchiki/>. – Дата доступа: 09.05.2022.
3. Невсесильность – Евгений Евтушенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ev-evt.net/stihi/n/nopower.php/>. – Дата доступа: 09.05.2022.
4. Популярные стихи Евтушенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/populyarnye-stixi-evgeniya-evtushenko>. – Дата доступа: 07.04.2022.
5. Проклятье века – это спешка. Евтушенко. Полный текст стихотворения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/26449/proklyate-veka/>. – Дата доступа: 09.05.2022.
6. Стилистическая оценка кратких прилагательных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.textologia.ru/russkiy/stilistika/chastej-rechi/stilisticheskaya-ocenka-kratkih-prilagatelnih/>. – Дата доступа: 09.05.2022.
7. Цветы лучше пуль: Евгений Евтушенко : текст стихотворения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/evgenij-evtushenko-cvety-luchshe-pul/>. – Дата доступа: 09.05.2022.

К содержанию

А. В. НОВАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

**СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В СТИХАХ Е. А. ЕВТУШЕНКО**

В идиостиле Е. А. Евтушенко отдельного внимания заслуживает употребление имен прилагательных как субстантивов. Субстантивация представляет собой процесс перехода слов других частей речи в разряд существительных. Чаще всего этому процессу подвергаются имена прилагательные и причастия. При субстантивации прилагательных их грамматические формы преобразуются. В результате такого перехода образуются слова с грамматическими и семантическими характеристиками имени существительного [2]. Субстантиваты приобретают постоянную категорию рода (*больной, военный* – м. р., *столовая* – ж. р., *снотворное* – ср. р.), неизменяемой может стать категория числа (*домашние* – мн. ч., *заливное* – ед. ч.).

Интерес представляет неполная субстантивация, при которой слово может употребляться двояко: и как прилагательное, и как существительное. В числе таких субстантивов встречается немало экспрессивных прилагательных, по своей семантике тяготеющих к эмоциональной речи, что позволяет использовать их в поэзии. К этой форме прилагательного неоднократно прибегает Е. А. Евтушенко в своих стихах.

В стихотворении «*Был я столько раз так больно ранен*» поэт рассуждает о том, как часто мы обижаем друг друга, даже не замечая этого, хотя каждый из нас так же легко раним, а утешение находим только дома, в семье (*Был я столько раз так больно ранен, добираясь до дому ползком*). Однако чаще всего от нас страдают близкие люди: *Почему иду я по руинам / самых моих близких, дорогих, / я, так больно и легко ранимый / и так просто ранящий других?* [1]. В этих строках субстантивации подвергается аналитическая форма превосходной степени **самых близких, дорогих**, употребленная в составе метафоры. Согласованное определение **моих** при субстантивате еще более усиливает личностное начало в стихотворении.

Употребление прилагательных в значении существительных добавляет к их семантике предметность и образность, придает большую наглядность и конкретность, тем самым усиливает выразительность речи: *Дай бог слепцам глаза вернуть и спины выпрямить горбатым. / Дай Бог быть*

*Богом хоть чуть-чуть, но быть нельзя чуть-чуть **распятым**. (Дай Бог); **Младшенький** наш неразборчиво гулит, / И разбудить его – это табу. / **Старшенький** каждый наш скрип караулит, / Новеньким зубом терзая губу (Сила страстей) [1].*

Е. А. Евтушенко часто обращается к теме жизни и смерти, используя субстантиваты **живые** и **мертвые**: *Чувства жизни нет без чувства смерти. / Мы уйдем не как в песок вода, / но **живые**, те, что **мертвых** сменят, / не заменят **мертвых** никогда (Зашумит ли клеверное поле). В одном из стихотворений, написанных на мощном эмоциональном посыле, поэт снова использует антитезу «**живые** – **мертвые**». Эмоции подчеркнуты вопросительной интонацией: *Где и когда это сделалось модным: / «**Живым** – равнодушие, / Внимание – **мертвым?**» (Нежность). Лейтмотив стихотворения «Нежность» – убийственная людская несправедливость, черствость. У поэта рождается афоризм: *живым – равнодушие, внимание – мертвым*. В стихотворении «Не исчезай» поэт сравнивает с **мертвым** человека, потерявшего любовь, а страх потери любви отождествляет со смертью: *Не исчезай... Исчезнуть – так легко. / Воскреснуть друг для друга невозможно. / Смерть втягивает слишком глубоко. / Стать **мертвым** хоть на миг – неосторожно (Не исчезай) [1].***

При субстантивации наиболее продуктивны формы среднего рода, приспособленные для выражения отвлеченных понятий: *Ты большая в любви. / Ты смелая. / Я – робею на каждом шагу. / Я **плохого** тебе не сделаю, а **хорошее** вряд ли смогу (Ты большая в любви) [1]; Будет в жизни **хорошее**, **скверное**, / будут годы **дробиться**, **мельчать**, / но и нынче я знаю **наверное**, / что увижу я в **смертный** мой час (Из воды выходила женщина) [1]. В стихотворении «Ольховая сережка», посвященном Джен Батлер, – одном из самых пронзительных стихотворений русской лирики XX в., используется субстантиват **необъяснимое**. Лирический герой рассуждает о смысле жизни, пытается понять и принять **необъяснимое**, видя в нем смысл, сравнивает человеческое бытие с дрожащей на ладони сережкой ольховой: *И **необъяснимое** – это совсем не бессмыслица. / Все переоценки нисколько смущать не должны, – / ведь жизни цена не понизится и не повысится – / она неизменна тому, чему нету цены (Сережка ольховая) [1].* Субстантивированное прилагательное **прекрасное** встречаем в антивоенном стихотворении «Цветы лучше пуль», в котором отвлеченное понятие **прекрасное** наполняется смыслом – цветы, молодость, жизнь: *Собирайтесь, цветы, на войну! / Защитите **прекрасное!** / Затопите шоссе и проселки, / Как армии грозный поток, / И в колонны людей и цветов / Встань, убитая Аллисон Краузе, / Как бессмертник эпохи – / Протеста колючий цветок! (Цветы лучше пуль) [3].**

Поэт, говоря о жизни, о любви, о чувствах и переживаниях, не раз использует субстантиват *любимая*: *Но кто же, как не мы, любимых превращает в таких, каких любить уже не в силах мы?* или *Дышала мгла в окно малиною сырою, / а за моей спиной – все видела спина! / – с платоновскою Фро, как с найденной сестрою, / измученная мной, любимая спала* (Качался старый дом) [1]; *Прости и пойми, / если даже разлюбит любимая, / сережкой ольховой / с ладони ее отпусти* (Сережка ольховая) [1].

В одном из стихотворений Е. А. Евтушенко, ставшем песней, в качестве обращения используется субстантивированное прилагательное *любимая*, придающее особую интимность стихотворению, а фраза «Любимая, спи...» проходит рефреном через все стихотворение. Лирический герой утешает любимую, с которой в ссоре, мучается от этого разлада, раскаивается и просит прощения: *Любимая, спи... / Что причина бессонницы? / Ревущее море? / Деревьев мольба? / Дурные предчувствия? / Чья-то бессовестность? А может, не чья-то, а просто моя?* (Любимая, спи...) [1].

Таким образом, субстантивные имена прилагательные в поэтических текстах Е. А. Евтушенко приобретают особую выразительность, совмещая в себе предметность и наглядность имен существительных и признаковую, качественное значение имен прилагательных. Они способствуют конденсации развернутой мысли в одном слове. Причина употребления субстантиватов видится не только в желании поэта придать поэтической речи большую художественную выразительность. Эти морфологические формы отражают мировоззренческие, идейно-эстетические установки поэта.

Список использованной литературы

1. Популярные стихи Евтушенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/populyarnye-stixi-evgeniya-evtushenko>. – Дата доступа: 10.05.2022.
2. Стилистическое использование грамматических форм имен прилагательных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/185846/literatura/-stilisticheskoe_ispolzovanie_grammaticeskikh_form_imen_prilagatelnyh. – Дата доступа: 11.05.2022.
3. Цветы лучше пуль: Евгений Евтушенко: стих, текст стихотворения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/evgenij-evtushenko-cvety-luchshepul/>. – Дата доступа: 09.05.2022.

К содержанию

ПАНЬ ГАОЦЗИНЬ – PAN GAOJIN

Minsk, BSU

Scientific Supervisor – N. M. Shakhnazaryan, Ph. D., Assistant Professor

**SYMBOLS IN THE TEXT OF ENGLISH AND CHINESE POETS
AND ITS TRANSLATION**

In the 1930s, with the study of translations and the introduction of the poetic works of the British Romantic poets Wordsworth, Shelley, Keats, and Coleridge, European romantic literary concepts also penetrated China, which had a profound effect on the then group of Chinese poets. Xu Zhimo, Dai Wangshu, and Wen Yiduo are the main representatives of the Romantic poets, advocating the use of poetry to express the subjective spirit of people, express their own emotional world, and express their own existence through the description of the relationship between man and nature and between man and I. The idea of imagination in the European Romantic literary movement also spread into the territory of Chinese literature and formed the modern Romantic poetic style with unique Chinese characteristics. At the same time, with the introduction and spread of the Baudelaire school of impressionism, Eliot's modernism and Pound's symbolist literary works, the system of Western modernist poetics almost completely came to the attention of Chinese poets. Bian Zhiling, Ai Qing, Feng Zhi, Li Jinfa are its important representatives. Based on the complete absorption of the figurative features of classical Chinese poetics, they absorbed the Western spirit of modernism, the features of the selection, use and narration of poetic imagery and symbolic techniques, forming a typical modern-classical, East-West, symbolic-mythological theory of poetic creativity and a narrative system, all they are in favor of showing the eternity, immanence and creative potential of people through their own literary work, through the repeated use of images, so that his works seem vague, multifaceted, layered, unique and symbolic. "The modern transformation of Chinese poetry is mainly influenced by the concepts and forms of Western poetry. Compared with foreign influences, the traditional influence of this people's poetry is rather a deep penetration of latent growth" [1, № 1, p. 113].

Ai Qing and Bian Zhiling, representatives of the backbone of modern Chinese poets, in terms of their level of education, cultural habits and creative ideas, distinguished between Coleridge in the era of Western romanticism and Eliot's system of poetics in the era of modernism. the circumstance of completely selective assimilation of the ideas of poetic creativity has formed its own unique way of using imagery. The era in which they lived was special: due to the unique historical causes of China and the special background of the

dynastic succession, Coleridge and Eliot came to China almost simultaneously, and their influence on the poets of that time was almost synchronous.

At that time, the political situation in China was complex and chaotic, the warlords fought, the new culture movement deepened, Ai Qing tried to break the outdated literary atmosphere, find a new path, and constantly deepen his literary understanding. in creativity. Through Ai Qing's formative power of imagination, unique use of imagery, and accurate capture of color and social pulse, everything becomes one, and his own literature is full of special vitality, shaping a profound modernity in China at that time. A stream of poetic creativity of ideology and realism, "Ai Qing most successfully achieved the unification of the expression of the zeitgeist and the pursuit of artistic beauty" [1, № 2, p. 79].

References

1. Wang Zelong, Image Theory in Modern Chinese Poetry, Central China Normal University. – 2004. – № 1. – P. 113 ; № 2. – P. 79.

К содержанию

А. С. ПОПЕКА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДА КАК ПРИЗНАК БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА)

Пифагор сказал: «Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык». Нельзя не согласиться с данным высказыванием. Язык – это зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, обычаи, мироощущение, видение мира.

При сопоставлении лексических систем двух и более языков и лингвисты, и переводчики постоянно сталкиваются с проблемой эквивалентности. Наиболее полно проблемы эквивалентности слов оригинала и перевода описаны в монографии А. О. Иванова «Безэквивалентная лексика» [3]. Даже при полном совпадении денотативного значения лексемы могут оказаться неэквивалентными прагматически, т. е. иметь разные стилистические характеристики, различную эмоциональную окраску. Кроме того, наблюдаются «ассоциативные лакуны»: слова в сознании носителей языка могут иметь «определенные дополнительные ассоциации, отсутствующие в сознании носителей другого языка» [3].

Один из классиков современного переводоведения В. Н. Комиссаров в учебном пособии «Современное переводоведение» относит к безэквивалентной лексике «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [4]. Его точку зрения разделяет Л. С. Бархударов, считая, что термин «безэквивалентная лексика» употребляется в смысле отсутствия устойчивого словарного соответствия лексической единице (слову или устойчивому сочетанию) одного языка в словарном составе другого языка [1].

Таким образом, отсутствие единообразия перевода является важнейшим признаком безэквивалентной лексики. Если слово стилистически нейтрально, не имеет коннотации, соотносится с конкретным денотатом, все переводчики используют одни и те же соответствия. Однако эмоционально и экспрессивно окрашенные слова вызывают при переводе затруднения. Стараясь передать стилистические особенности произведения, переводчики зачастую используют собственные эквиваленты, не включенные в словарь.

Мы сравнили переводы двух белорусских существительных – *лагода* и *мроя* – на русский язык в словарях и художественных переводах. В качестве материала использованы произведения различных авторов, включенные в параллельный белорусско-русский подкорпус Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [5].

Переводной словарь дает два аналога для существительного *лагода* – *лад* и *благодать* [2]. Каждый аналог соответствует определенной дефиниции данного слова – ‘приятны спакой, хараство’ и ‘згода, мір, лад’ [6, с. 310]. Переводчики нашли и другие эквиваленты слову *лагода*.

В параллельном белорусско-русском подкорпусе НКРЯ слово *благодать* для перевода существительного *лагода* было использовано два раза из восьми, еще в одном примере автор образовал от него сложное прилагательное *благодатный*. Вместо двух однородных подлежащих он использовал словосочетание: *Паміж самай грымучай бітвы можа апускацца на сэрца лагода і цішыня – Оказываецца, дажэ сродь боя на серце можа опустіцца такая благодатная тишина* [Леонид Дайнеко. Тропой чародея (Г. Попов, Г. Шарангович, 1990)]. То есть в сумме предлагаемые лексикографами варианты составляют 37,5 % случаев. Единожды встречаются слова *благодать* и *радость*.

Встречаются переводы *согласие* и *приятнь*, которые соответствуют второму значению слова. Один раз (12,5 %) существительное *лагода* в переводе было опущено: *Шуміць лес, і аднастайны голас яго Васілю – супакаенне і лагода – Шумит лес, и монотонный шум его успокаивает Василя* [Михась Стрельцов. Двое в лесу (Эд. Корпачев, 1968)].

Существительное *мроя* имеет значение ‘мара, летуценне’ [5, с. 350]. В переводном словаре оно имеет два синонимичных соответствия: *греза*, *мечта* [2]. Стоит сказать, что это не частотное слово – всего оно встречается пять раз в трех произведениях [4]. Существительное *мечта* единожды употребляется в переводах, что составляет 20 % случаев.

Один раз встречается и слово *фантазия*: *Гэта тое, што цяпер – адна жудасная мроя. – Это то, что сейчас – одна страшная фантазия* [Андрей Курейчик. Потерянный рай (2001)]. Все же это слово имеет иную коннотацию. *Мечта* – положительное слово, мысли о ней вызывают воодушевление, радость, энтузиазм. Фантазия же может обладать и отрицательной оценкой, оставлять после себя горький осадок, разочарование.

Грамматической трансформации и отсутствия эквивалентов не зафиксировано. Не встретилось и слово *греза*, что свидетельствует о его неполном семантическом соответствии.

Необычен перевод Валентины Щедриной. В романе Владимира Короткевича «Каласы пад сярпом тваім» слово *мроя* встретилось три раза. Дважды оно переводилось на русский язык существительным *мроя*: *Што? – Мроя, – кажса нехта. – Ява. – Что? – Мроя* [Грезы, видение наяву (белорус.). «Мроя» описана в книге «Здоровья путь верный», изданной в 1715 году], – *говорит кто-то* [Владимир Короткевич. Колосья под серпом твоим (Валентина Щедрина, 1974)]. В одном примере автор использует слово *ява*, которое В. Щедрина почему-то тоже переводит белорусским словом *мроя*: – *Ява, – сказаў сівы аж да прозелені стары Вітахмовіч. – Мроя, – сказал седой до прозелени старый Витахович* [Там же]. В данном тексте слова *мроя* и *ява* выступают как синонимы, но в белорусском языке эти слова являются антонимами: *ява* – ‘тое, што сапраўды існуе або існавала; рэальнасць, рэчаіснасць, а не сон ці мара’ [5, с. 779]. В русском языке нет слова *мроя*, оно является своего рода «варваризмом», хотя данный термин не совсем уместен для родственных языков. Данный вариант перевода свидетельствует о его неполной эквивалентности русским соответствиям. Использование данного варианта составляет 60 % случаев.

Для исследуемых существительных переводчики выбирают разнообразные соответствия, и предлагаемые в переводном словаре варианты используются лишь в 20–37,5 % случаев. Кроме того, в 12,5 % случаев переводчики опустили анализируемые слова. Эти факты свидетельствуют о том, что существительные *лагода* и *мроя* не имеют в русском языке полных эквивалентов.

Список использованной литературы

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.

2. Беларуская-рускі слоўнік : у 3 т. : больш за 110 000 слоў [Электронны рэсурс] / пад рэд. А. А. Лукашанца ; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. – 4-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2012. – 3 т. – Рэжым доступу: <http://slounik.org>. – Дата доступу: 25.06.2022.

3. Иванов, А. О. Безэквивалентная лексика / А. О. Иванов. – СПб. : СПбГУ, 2006. – 200 с.

4. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru>. – Дата доступа: 25.06.2022.

6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.

К содержанию

Д. В. ПРИГОЖАЯ

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Научный руководитель – А. В. Шаколо, канд. филол. наук

НЕМЕЦКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ОТТЕНКОМ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Фразеологизмы употребляются в любом языке. Исследования таких нужных единиц языка, выявляющих полноту реалий, свойственных для каждого народа, требует обязательного рассмотрения во взаимодействии с другими науками: психологией, этнолингвистикой, лингвокультурологией.

Каждая фразеологическая единица носит оттенок национальности, которая не раз привлекает для своего полного исследования. Ценность фразеологического исследования действительно важна, так как во фразеологизмах можно найти страноведческий материал, а также этнолингвистические компоненты.

Цель работы – рассмотрение идиом, метафор современного немецкого языка и выявление компонентов, отражающих быт, национальные особенности этих языков.

Материал и методы. В соответствии с целью, поставленной в работе, основными методами исследования являются сравнительный, описательный, культурно-исторический. Материалом для исследования послужили фразеологизмы, отобранные из пособия «Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте» (Е. Ф. Арсентьева) [1].

Фразеологизмы полностью или частично отражают быт народа, что позволяет сделать вывод о различиях и многих сходствах в жизни немецких народов, об отличии их менталитета. В качестве первого примера

можно рассмотреть фразеологизмы с компонентом *порядок*. В немецком языке в найденных фразеологизмах с данным компонентом можно легко проследить характерную немецкую черту – порядок выше всего:

- *Ordnung ist das halbe Leben* – Порядок – основа жизни;
- *Heilige Ordnung, segensreiche Himmelstochter* – Святой порядок – благословенный сын небес;
- *Ordnung im Haus ist halbes Sparen* – Порядок в доме – половина экономии.

Нельзя не заметить, что чертой порядка будет являться не только умение хорошо работать, но и организованность, пунктуальность и опрятность в каких-то случаях. Эти же черты будут ключевыми для объяснения характера труда. Как писал Г. Прокноу: «*Немцы живут, чтобы работать, в то время как все остальные народы работают, чтобы жить*» [3].

Чтобы показать, что немцы очень трудолюбивы и доводят каждое дело до конца, можно рассмотреть следующие фразеологизмы:

- *Arbeit adelt* – Работа облагораживает;
- *Arbeit ist eine Ehrensache* – Труд – дело чести;
- *Fleiß macht aus Eisen Wachs* – Прилежание делает из железа воск.

Бережливость проявляется в аккуратном использовании вещей, а также четкой экономии денежных средств. Очень часто в немецких фразеологизмах со значением ‘экономить’ можно встретить немецкий глагол *sparen*. Важно обратить внимание на: бережливость в понимании немца – быть довольным тем, что есть, не ущемлять себя в нужной потребности, но не быть скрягой. Такую бережливость легко найти в следующих фразеологизмах:

- *Sparen ist verdienen* – Экономить – значит зарабатывать;
- *Wer spart, wenn er hat, der hat, wenn er bedarf* – Кто экономит, когда имеет, тот имеет, когда нуждается в этом;
- *Spare was, dann hast du was* – Сэкономил сначала, поимеешь потом.

Несмотря на огромное разнообразие фразеологизмов со значением ‘экономить’, в немецком языке можно встретить фразеологизмы с чертой немецкого упрямства и своенравия, обусловленного культурно-историческими традициями этого народа:

- *Ein Starrkopf ist wie der Böse: aus ihm ist nichts herauszuholen* – Упрямый что лукавый: ни Богу свеча, ни черту кочерга;
- *Den Buckligen heilt das Grab, den Eigensinnigen der Knüppel* – Горбатого исправит могила, а упрямого – кнутовище.

При отборе фразеологизмов были найдены фразеологизмы с компонентами *осторожность* и *прямолинейность*. Зачастую появление

подобных слов и словосочетаний в немецких фразеологизмах говорит о прямой принадлежности данных черт немецкому народу:

– *Deutsch mit j-m sprechen* – Говорить с кем-либо коротко и ясно, напрямик;

– *Vorsicht ist die Mutter der Porzellankiste* – Осторожность произвела на свет фарфоровую посуду;

– *Das bessere Teil der Tapferkeit ist Vorsicht* (F. Schiller) – Осторожность – лучшая черта храбрости.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что немцы как народ обладают своими присущими только им своеобразными чертами. Эти черты выражаются с помощью фразеологизмов со значениями порядка, бережливости, экономии и пунктуальности.

Ф. Хайек еще давно выдвинул свою теорию: «Немцы в целом – народ трудолюбивый и дисциплинированный, добросовестный и энергичный до безжалостности, честный и тщательно выполняющий любое дело; у немцев сильно развиты любовь к порядку, чувство долга и повиновение властям; они часто готовы на большие личные жертвы и выказывают незаурядное мужество в случае опасности» [2].

Список использованной литературы

1. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – С. 52–57.

2. Мамонтова, Е. С. Культурно-национальные стереотипы в речевом поведении носителей немецкоязычного мира [Электронный ресурс] / Е. С. Мамонтова // Молодой ученый. – 2017. – № 10. – С. 478–481. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/144/40277>. – Дата доступа: 18.05.2022.

3. Сводная энциклопедия афоризмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism>. – Дата доступа: 18.05.2022.

К содержанию

В. В. ПУДАЎКІНА

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

НАЗВЫ ДРЭЎ У ГАВОРЦЫ ВЁСКІ СЛАБУДКА ПРУЖАНСКАГА РАЁНА

У свеце налічваюцца мільёны відаў раслін, якія маюць разнастайныя жыццёвыя формы. Ёсць дрэвы, пальмы, кактусы, сасудзістыя расліны і інш. Дрэва – жыццёвая форма раслін, якая мае “выразнае, у рознай ступені адраўнелае галоўнае сцябло (ствал), крону і разгалінаваную

каранёвую сістэму. Яны адыгрываюць галоўную ролю ў стварэнні лясных біяцэнозаў. На Беларусі 26 відаў дрэў. Сярод іх лесаўтваральныя (асіна, бяроза, вольха, граб, дуб, елка, хвоя) і пладовыя (вішня, груша, сліва, яблыня) пароды. Ёсць дрэвы-помнікі. Шэраг дрэў інтрадукаваныя (лістоўніца сібірская і еўрапейская, хвоі Банкаса, Мурэн, Веймутава і інш.).

Працягласць жыцця ў дрэў разнастайная – ад 20 да соцень і тысяч гадоў (баабаб, секвоя – да 3–5 тыс. гадоў, дуб – 500–1000, хвоя – 300–350, елка – 250–300, асіна, бяроза – 150–200 гадоў). Дрэвы даюць драўніну, ядомыя плады, лекавую, тэхнічную і хімічную сыравіну, выкарыстоўваюцца для азелянення. Са старажытных часоў дрэвавыя расліны выкарыстоўваюцца ў архітэктуры, дэкаратыўна-прыкладным і народным мастацтве, скульптуры. З іх здаўна вырабляюць хатняе начынне, прылады працы, транспартныя сродкі, мэблю і інш.” [1, с. 229].

Кожны населены пункт нашай краіны мае багаты запас своеасаблівых лексічных адзінак для называння дрэў, і для лінгвістаў гэта цікавы і арыгінальны матэрыял, які захоўвае багатую слоўную спадчыну нашага народа, а таксама адлюстроўвае змены ў сучаснай сістэме беларускай лексікі, што адбываюцца пад уплывам суседніх моў. У артыкуле прадстаўлены назвы дрэў, зафіксаваныя ў маўленні жыхароў вёскі Слабудка Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці. Матэрыял быў сабраны самастойна аўтарам у выніку апытання жыхароў названага населенага пункта.

Абрыко́с м. р. ‘абрыкос – паўднёвае пладовае дрэва з плодам чырвона-жоўтага колеру з буйнай костачкай, салодкі, мясісты’: *Я ўчора вам дала баначку варенья з абрыкоса.*

А́йва ж. р. ‘айва – паўднёвае дрэва з цвёрдымі духмянымі пладамі, якія па форме нагадваюць яблыкі’: *Айва такое нізкарослае дрэва, яно цвіце красным, плады потым жоўценькія, у іх цербкі вкус.*

Ака́цыя ж. р. ‘белая акацыя – дрэва або куст з белымі духмянымі кветкамі ў доўгіх гронках’: *Мне падабаецца акацыя, калі яна цвіце.*

Алыча́ ж. р. ‘алыча – паўднёвае пладовае дрэва, род дробнай слівы’: *А алыча ў нас ва дварэ расце.*

Альха́ ж. р. ‘вольха – лісцёвае дрэва з цёмна-бурай з неглыбокімі трэшчынамі карой, драўніна якой мае чырванаваты колер’: *Альха серожкі такія выпускае, в старыну чарніла рабілі з іх.*

Асі́на ж. р. ‘асіна, таполя дрыжачая – лісцёвае дрэва з зеленавата-шэрай гладкай карой і акруглым лісцем, якое дрыжыць пры нязначным ветры’: *Як кажут: дрыжыт бы асіна.*

Бэра́ст м. р. ‘бераст – дрэва або куст з цёмна-шэрай глыбока растрэсканай карой, багатай дубільнымі рэчывамі’: *Бераст сабіралі, як малымі былі, ціна дзеньгі.*

Беро́за ж. р. ‘бяроза – лісцёвае дрэва з белай карой’: *Із берозы із почек прымяняюць лекаства.*

Вербá ж. р. ‘вярба – дрэваяя і кустовая расліна з разложыстымі гнуткімі галінамі і вузкім лісцем’: *Вербу свецят на Вербніцу перед Пасхою.*

Вішня ж. р. ‘вішня – садова-ягаднае дрэва з цёмна-чырвонымі костачкавымі пладамі’: *У гэтым годзе я не катала кампот з вішні.*

Вяс ж. р. ‘вяз – лісцёвае дрэва з буравата-карычневай карой, якая адстае вузкімі доўгімі палосамі’: *У мяне ў Паўлавічах расце вяс.*

Грап м. р. ‘граб – лісцёвае дрэва або куст з гладкай шэрай карой і буйным зверху цёмна-зялёным, знізу больш светлым лісцем’: *Грап тожэ шчытаецца такое дрэва целебное.*

Груша ж. р. ‘груша – фруктовае дрэва з сакавітымі салодкімі пладамі ў форме акруглага конуса’: *У нас у дзевне многа груш расце.*

Дуб м. р. ‘дуб – буйное лісцёвае дрэва з моцнай драўнінай і пладамі жалудамі’: *З дуба лісцья, допусцім, ложат в соленья, шоб огурцы былі твёрже.*

Ёль ж. р. ‘елка – вечназялёнае хваёвае дрэва з конусападобнай кронай і доўгімі лускаватымі шышкамі’: *На Новы год ёлку ставляют.*

Іва ж. р. ‘іва – дрэваяя і кустовая расліна з разложыстымі гнуткімі галінамі і вузкім лісцем’: *Іва плакучая – красівое такое дрэва, свісаюцее.*

Кіпаріс м. р. ‘кіпарыс – паўднёвае хвойнае вечназялёнае дрэва сямейства кіпарысавых’: *Кіпаріс – это тожэ такі вечна зелены кустарнік.*

Клён м. р. ‘клён – дрэва з буйным перыстым лісцем і крылатымі плодзікамі’: *На кленовых лісцьях хлеб в печ кагда-та сажалі.*

Ліпа ж. р. ‘ліпа – лісцёвае дрэва з сэрцападобнымі пілаватымі лістамі і жаўтаватымі духмянымі меданоснымі кветкамі’: *Ліпа – это лекарственные цветы, пріменяют от кашля.*

Ліствінніца ж. р. ‘лістоўніца – хвойнае дрэва з мяккай, ападаючай на зіму ігліцай і цвёрдай, моцнай драўнінай’: *Ліствінніца – это вечно-зелёное такое дрэва.*

Пёрсік м. р. ‘пёрсік – паўднёвае пладовае дрэва з мясістым сакаўным плодам з пушыстай жаўтавата-чырвонай скуркай і буйной костачкай’: *У дзецтве ў мяне ва дварэ рос персік.*

Піхта ж. р. ‘піхта – вечназялёнае хваёвае дрэва’: *Ну дзерева піхта ёсць яшчэ ў двары.*

Рабіна ж. р. ‘рабіна – дрэва з гронкамі аранжава-чырвоных ягад’: *Рабіна прымяеца для лекастваў, в кампотах закрывают красівые гроздзі.*

Сасна ж. р. ‘сасна – вечназялёнае дрэва з доўгай ігліцай’: *С сасны смалу спускают.*

Сліва ж. р. ‘сліва – фруктовае дрэва з пладамі ліловага або жоўтага колеру з костачкай у сярэдзіне’: *Мая мама любіла варенье са сліваю.*

Тополь м. р. ‘таполя – буйное лісцёвае дрэва з дробным насеннем з пухам, якое разносіцца ветрам’: *Наверное, дрэвесіна цэнная з тополя.*

Чарэшня ж. р. ‘чарэшня – садова-ягаднае дрэва з чырвонымі, жоў-тымі ці амаль чорнымі костачкавымі ягадамі’: *Муж мой чарэшню любіць.*

Чэромуха, бэз ж. р. ‘чаромха – дрэва ці куст з сабранымі ў гронкі белымі духмянымі кветкамі і чорнымі даўкімі на смак ягадамі’: *Кагда чэромуха цвіце, то запах прятный.*

Шелковіца ж. р. ‘шаўкавіца – дрэва, або куст з касцянкападобнымі салодкімі пладамі ад белаватага да цёмна-фіялетавага колеру’: *На маміну Родіну ездзіла, і ў іх там цэлая алея этой шелкавіцы.*

Ябляня ж. р. ‘яблыня – пладовае дрэва з ядомымі сакавітым і акруг-лымі пладамі’: *У нас у саду ябляня расце.*

Явар м. р. ‘явар – дрэва з вялікімі пяцілопасцевымі лістамі і крыла-тымі плодзікамі’: *Явар – это шчिताецца свяшчэннае дрэво.*

Ясень м. р. ‘ясень – дрэва з перыстым лісцем і цвёрдай драўнінай’: *А вось за акном ясень расце.*

Такім чынам, у гаворцы вёскі Слабудка Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці адзначаюцца назвы разнастайных лясных (*беро́за, дуб, ель* і інш.), паркавых (*альха́, ака́цыя, асі́на, верба́* і інш.) і садовых (*абрыко́с, алыча́, ві́шня, гру́ша* і інш.) дрэў. У большасці зафіксаваныя намінацыі з’яўляюцца фанетычнымі ці словаўтваральнымі варыянтамі адпаведных навуковых найменняў, прынятых у беларускай ці рускай батанічнай наменклатуры.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Дрэва // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1998. – Т. 6 : Дадаізм – Застава.

К содержанию

М. А. РАЎНЕЙКА

Брэст, БрДТУ

Навуковы кіраўнік – Я. Р. Самуйлік, канд. філал. навук, дацэнт

ДА ПЫТАННЯ МАЎЛЕНЧАЙ ДЗЕЙНАСЦІ: СУАДНОСІНЫ ПАМІЖ МОВАЙ І МАЎЛЕННЕМ

Разглядаючы пытанне маўленчай дзейнасці, даволі часта ўзнікаюць цяжкасці ў інтэрпрэтацыі суадносін паміж мовай і маўленнем. Таму ў дадзеным артыкуле мы засяродзім увагу на асаблівасцях ўзаемадзеяння гэтых паняццяў мовазнаўства ў працэсе камунікацыі.

Мова – гэта сістэма знакаў (гукаў, марфем, слоў, словазлучэнняў і сказаў), якія абазначаюць з’явы рэчаіснасці, а маўленне – спосаб

перадачы думак праз мову, пры дапамозе і праз пасрэдніцтва мовы, гэта валоданне моваю, працэс моўных зносін паміж людзьмі, перадача думкі на адлегласць.

Адрозніваюць вуснае і пісьмовае, знешняе і ўнутранае маўленне.

Вуснае маўленне адбываецца ва ўмовах непасрэднага кантакту суразмоўцаў, таму значнае месца адводзіцца тэмпу, тону, мелодыцы, тэмбру голасу, паўзам, лагічнаму націску і іншым маўленчым якасцям. Пэўную ролю адыгрываюць і нямоўныя сродкі (жэсты, міміка і да т. п.). Усім відам вуснага маўлення ўласціва экспрэсія непасрэднасці і высокі ўзровень эмацыянальнасці. Нездарма Бернард Шоу гаварыў, што ёсць пяцьдзясят спосабаў сказаць “так” і пяцьсот спосабаў сказаць “не”, але ёсць адзін спосаб напісаць гэта.

Пісьмовае маўленне характарызуецца адсутнасцю непасрэдных агульных для ўдзельнікаў зносін жыццёвых абставін і агульнага жыццёвага вопыту, што на 9/10 палягчаюць узаемаразуменне ў вусным маўленні, а таксама адсутнасцю дапамогі з боку жэстаў, мімікі, інтанацыі.

Пісьмовае маўленне – гэта звычайна падрыхтаванае маўленне. Яно больш строгае па форме і складанае па змесце, у ім дакладней выбраны словы, больш складаныя сказы.

Унутранае маўленне характарызуецца афармленнем думкі без выказвання. Яму ўласцівы фрагментарнасць, хуткасць мыслення, сцісласць. Сам сабе чалавек не апісвае падрабязна тое, што ён робіць ці збіраецца рабіць. Для ўнутранага маўлення не характэрны строгія правілы. Іншы раз чалавек ведае нейкую інфармацыю на ўзроўні ўнутранага маўлення, але не можа яе выказаць на ўзроўні знешняга маўлення.

Знешняе маўленне разлічана на іншую асобу, таму яно патрабуе паўнаты ў афармленні думкі, пабудовы дакладнага, выразнага, з дастаткова разгорнутай думкай тэксту выказвання. Знешняе маўленне адрозніваецца ад унутранага і будовай. Яно можа быць маналагічным ці дыялагічным, можа адрознівацца паводле стылёвай ці жанравай прыналежнасці.

Адзінкамі маўлення, яго формамі з’яўляюцца маналог, дыялог, тэкст.

Маналог (ад грэч. *monos* ‘адзін’, *logos* ‘слова, маўленне’) – разгорнутая форма маўлення ад першай асобы, адрасаваная слухачам або чытачам і разлічаная на пасіўнае, апасродкаванае ўспрыманне. Для маналогаў характэрны тэксты рознага памеру, якія структурна і сэнсава звязаны. Маналог мае індывідуальную кампазіцыйную будову і адносную сэнсавую закончанасць, якія залежаць ад жанравай (мастацкі маналог, прамова, даклад, артыкул, бытавое апавяданне і г. д.) і функцыянальнай (апавяданне, разважанне, апісанне) прыналежнасці тэксту. Маналог амаль не залежыць ад сітуацыі, ён звычайна не накіроўваецца і не падтрымліваецца пытаннямі. Асобныя адрэзкі маналога могуць змяшчаць у сабе сродкі,

характэрныя для дыялогу (звароткі, рытарычныя пытанні і інш.), мэта якіх – актывізаваць адрасата.

Дыялог (ад грэч. *diálogos* ‘размова, гутарка’) – форма маўлення, у якой удзельнічаюць два ці некалькі (палілог) чалавек і якая характарызуецца непасрэднай сувяззю выказванняў з сітуацыяй.

Выказванне ў дыялогу, якое звернута да суразмоўцы, называюць рэплікай. Рэплікі звязаны паміж сабой па сэнсе і будове, але характарызуецца непасрэднасцю, непадрыхтаванасцю. Значную ролю ў дыялогу адыгрываюць пазамоўныя сродкі (жэсты, міміка, інтанацыя і інш.).

Тэкст (ад лац. *textum*) – гэта падрыхтаванае выказванне (вуснае ці пісьмовае) з устойлівым сэнсавым адзінствам і сістэмай кампанентаў, функцыянальна аб’яднаных у адзіную структуру. Тэкст падпарадкаваны адзінай тэме. Ён разгортваецца ў лагічнай паслядоўнасці, якая вырашаецца спецыфічнымі сродкамі тэкставай сувязі. Асноўнымі ўласцівасцямі тэксту з’яўляюцца разгорнутасць, паслядоўнасць, звязанасць, закончанасць.

У залежнасці ад спосабу перадачы зместу і ўнутранай арганізацыі тэксту адрозніваюць такія камунікацыйна-сэнсавыя тыпы тэкстаў (дакладней, маўлення), як апавяданне, апісанне, разважанне.

Аповяданне – гэта тып маўлення, які служыць для перадачы фактаў, з’яў, дзеянняў і г. д. Гэтыя падзеі звычайна разгортваюцца ў часе, маюць дынаміку. Менавіта гэта прадвызначае пэўную ролю дзеясловаў у дадзеным тыпе маўлення.

Апісанне – гэта тып маўлення, які ўжываецца для характарыстыкі прадметаў, з’яў, асобы і г. д. У ім пералічваюцца прыметы прадмета ў пэўнай паслядоўнасці. Найбольш важнай асаблівасцю апісання з’яўляецца статычнасць, таму ў такіх тэкстах часцей выкарыстоўваюцца назоўнікі, прыметнікі, радзей дзеясловы-выказнікі, якія, як правіла, маюць аднолькавую форму і значэнне знаходжання або існавання.

Разважанне – тып маўлення, у якім даецца лагічны і аргументаваны выклад думкі. Будуецца разважанне дэдуктыўна (ад агульных палажэнняў да прыватных) ці індуктыўна (ад прыватных палажэнняў да агульных).

Своеасаблівасць тэкстаў залежыць і ад іх функцыянальна-стылістычнай і жанравай прыналежнасці (навуковы, публіцыстычны, мастацкі тэкст і г. д.).

Мова і маўленне належаць да маўленчай дзейнасці – сукупнасці псіхафізіялагічных дзеянняў чалавечага арганізма, якія неабходныя для фарміравання, перадачы і ўспрыняцця думкі. Аднак яны з’яўляюцца двума яе рознымі бакамі: унутраным і знешнім, якія не могуць існаваць адзін без другога і, такім чынам, з’яўляюцца арганічна ўзаемазвязанымі. Мова і маўленне суадносяцца паміж сабой у цэлым як сутнасць і з’ява: мова служыць унутранай глыбіннай сутнасцю, а маўленне – знешняй з’явай, праз якую гэта сутнасць праяўляецца.

Маўленне з'яўляецца індывідуальнай з'явай, якая характарызуе кожнага чалавека як асобу. Зносіны паміж людзьмі ажыццяўляюцца праз маўленне, і, нягледзячы на тое, што маўленне – індывідуальная з'ява, мы разумеем адзін аднаго, таму што карыстаемся агульнымі адзінкамі (фанемы, марфемы, словы), якія ўласцівы ўсім членам моўнага калектыву, і агульнымі правіламі аперыравання гэтымі адзінкамі. Самі прыватныя працэсы гаварэння і разумення яго цыркулююць у чалавечым асяроддзі і вымагаюцца патрэбамі абменьвацца думкамі, перадаваць паведамленні ад аднаго чалавека да другога, г. зн. грунтуюцца на сацыяльным падмурку. Гэты сацыяльны падмурак маўлення і ўтварае мова. Значыць, маўленне адносіцца да мовы, як прыватная і індывідуальная з'ява да агульнай і сацыяльнай сутнасці.

Маўленне кожнага чалавека праяўляецца матэрыяльна і фіксуецца акустычнымі або пісьмовымі формамі, прычым гэтым формам папярэднічае фізіялагічная актыўнасць органаў чалавека (пры вусным маўленні – лёгкія, язык, вусны, гартань; пры пісьмовым – рукі). Мова ж з'яўляецца абстрактнай сутнасцю, але рэальнай, бо яна праяўляецца канкрэтнымі маўленчымі актамі, і фізіялагічная актыўнасць маўлення мае ў сваёй аснове псіхічную дзейнасць усёй нервовай сістэмы (і галоўным чынам галаўнога мозгу). Значыць, маўленне характарызуецца як канкрэтная і фізіялагічная з'ява, а мова – як абстрактная і псіхічная сутнасць.

Мова ўяўляецца патэнцыяльнай сутнасцю, што ўжыўлена ў нашу свядомасць у выглядзе засвоеных здзяцінства здольнасцей гаварыць, а таксама разумець праз маўленне думкі і пачуцці іншых людзей. Маўленне ж служыць актуалізацыяй гэтай патэнцыі, яе матэрыяльным увасабленнем, ператварэннем здольнасці гаварыць непасрэдна ў працэсе гаварэння. Адсюль вынікае, што мова – патэнцыяльная сутнасць, якая дае здольнасць гаварыць, а маўленне – актуалізаваная з'ява, працэс гаварэння.

Мова – гэта код або набор адцягненых адзінак і правілаў іх арганізацыі, які з'яўляецца ўнармаваным, што забяспечвае яго правільнае выкарыстанне гаворачымі ў межах выпрацаваных нормаў і разуменне слухачом. Маўленне ўяўляе сабой гатовы прадукт, які вытворны ад кода і выступае ў выглядзе вуснага або пісьмовага тэксту. Тэкст пры спантаным спараджэнні з'яўляецца моўным ужываннем, якое патрабуе карпатлівай дадатковай працы, каб яго аформіць у строгай адпаведнасці з правіламі мовы. Значыць, мова суадносіцца з маўленнем, як код і норма з тэкстам і ўжываннем.

Маўленне з'яўляецца сітуацыйна замацаваным, бо яно ўжываецца ў пэўных абставінах і прадугледжвае наяўнасць суразмоўцы і спаразумення з яго боку і носіць мэтанакіраваны характар. Мова ж не звязваецца ні з сітуацыяй зносін, ні з вызначанай мэтай ужывання, таму што яна

служыць сродкам зносін, сродкам фарміравання маўленчых выказванняў незалежна ад мэты. З гэтага вынікае, што маўленне належыць да сітуацыйных і мэтанакіраваных з’яў, а мова нейтральная ў адносінах да згаданых асаблівасцей.

Такім чынам, адзінкі розных узроўняў мовы звязаны паміж сабой разнастайнымі адносінамі, у выніку чаго яна ўтварае шматмерную сістэму. Можна перадаць адну думку рознымі спосабамі. Маўленне і яго прадукт (тэкст) будуюцца строга ў лінейнай паслядоўнасці. Маўленне – з’ява аднамерная. Пры спантаным спараджэнні маўлення ў ім здольны праяўляцца індывідуальныя асаблівасці маўлення, якія не адпавядаюць агульнапрынятым нормам мовы. Маўленне кожнага канкрэтнага чалавека мае некаторую ступень свабоды ў адносінах да ўнутранай сістэмы мовы [1, с. 35–39; 2, с. 13–15].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лапкоўская, А. М. Беларуская мова (прафесійная лексіка) : вучэб. дапам. / А. М. Лапкоўская. – Гродна : Гродз. дзярж. ун-т, 2009. – 271 с.
2. Сучасная беларуская мова : вучэб. дапам. / Л. М. Грыгор’ева [і інш.] ; пад агул. рэд. Л. М. Грыгор’вай. – Мінск : Выш. шк., 2007. – 559 с.

К содържанию

В. В. РИЧКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭЗИИ Е. ЕВТУШЕНКО С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АГЛИЙСКИЙ

Одна из трудностей, с которыми традиционно сталкивается переводчик при работе над текстом – это передача безэквивалентных языковых единиц, тех, которым не существует соответствий в языке перевода. Пожалуй, самый безэквивалентный тип языковых единиц – имена собственные. С одной стороны, о переводе в полном смысле слова имен собственных говорить нельзя. С другой стороны, переводческие ошибки при передаче данного слоя лексики особенно бросаются в глаза читателю, и поэтому представляется необходимым четко описать способы «перевода» указанных единиц языка [1, с. 93].

Имена собственные являются важными компонентами в межъязыковой и межкультурной коммуникации. При сопоставлении многих имен собственных, которые обозначают одни и те же предметы в разных языках,

часто заметно, как они не похожи. Поэтому проблема адекватной передачи имен собственных при переводе с одного языка на другой была и остается неизбежной задачей переводчиков. Имена собственные в своей изначальной языковой среде обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка [1, с. 94].

Кажется, что перевод имен собственных – процесс достаточно легкий. Основными способами перевода имен собственных являются транскрипция и транслитерация. В современной лингвистике собственные имена часто определяются как называющие лексические единицы в отличие от нарицательных слов, которые считаются обозначающими единицами, т. е. у имен собственных «на первый план выходит функция номинативная – называть, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга» [1, с. 93].

В ходе исследования нами был установлен перечень имен собственных (23 примера) в поэзии Е. Евтушенко на русском языке и их перевод на английский язык, выполненный А. С. Вагаповым. Проведенный анализ выявил использование четырех основных способов передачи имен собственных при переводе поэзии Е. Евтушенко на английский язык.

1. **Функциональная замена** наблюдается в 12 примерах. Зачастую данный способ используется не в широком значении, а скорее в контексте замены имени на фамилию или наоборот [2]: ...*Под крылами голубки Пикассо / продолжается всюду война... – Beneath the wings of the dove of Picasso / there's a war going on everywhere; ...Знаток я, может, не отменный, / ну, а по-моему – Шекспир... – ...Perhaps, as a judge I am not righteous, – / it's Shakespeare, I estimate...*

Поскольку имена исторических личностей, поэтов и художников (Нефертити, Авиценны, В. Шекспира, П. Пикассо и др.), а также литературных персонажей (Фауст, Мефистофель) не являются исконно русскими, автор перевода использует общепринятое написание латиницей. Русские имена и фамилии при передаче на английском языке транслитерируются (*Борис Чичибабин – Boris Chichibabin*) и транскрибируются (*Сысоев – Sysoyev*) в соответствии с международными нормами.

2. **Транскрипция/транслитерация** (9 примеров): *Твердили пастыри, что вреден / и неразумен Галилей... – The pastors claimed that Galileo / was an unreasonable man...; Ученый, сверстник Галилея, / был Галилея не глупее – A scholar from that same era / who was as smart as Galileo.*

В данном случае мы наблюдаем, что автор перевода использует только имя Галилео Галилея, более распространенное в англоязычной среде, тогда как сам Е. Евтушенко употребляет исключительно фамилию, что свойственно русскоязычной среде.

В одном из примеров (...как у Шекспира и Пастера, / Гомера и Толстого... **Льва!** – ...like the career of Shakespeare, / Homer, Pasteur, **Tolstoy the Great**) функциональная замена проявляется в том, что Е. Евтушенко использует позицию «уточнения», т. е. показывает нам, о ком из рода Толстых идет речь. В переводе используется *Tolstoy the Great*, что переводится как *Толстой Великий*, чем подчеркивается мировая известность Льва Николаевича как Великого писателя.

3. **Калька/полукалька (в совмещении с функциональной заменой)** представлена переводом слов и выражений путем копирования или замены слов, которые больше употребляются в том или ином языке [2] (1 пример): ...*сидит, как император Петр Великий, / на троне, притворившемся горшком* – ...*Sits on that throne with a solemn air, / Czar Peter the Great, as if he were*. В данном примере наблюдается калька *Великий* – *The Great*, а также функциональная замена *император* – *czar*, которая достаточно выразительна, поскольку происходит «обмен» лингвокультурами: если в русскоязычной традиции слово «царь» является более употребительным, то слово «император» более характерно для западной языковой картины мира.

4. **Транспозиция** – переход слова из одной части речи в другую или использование одной языковой формы в функции другой [2] наблюдается в одном примере: *Ирония, тебе мы душу продали, / не получив за это Маргариты* – *We've sold our souls to irony, without / receiving lovely Marg'ret in return*. Автор перевода использует сокращенную форму английского имени *Margaret* с целью сохранения аллитерации на [p], которая прослеживается в произведении, а также с целью сохранения ритмики стихотворного текста.

Таким образом, передача имен собственных на английский язык происходит посредством таких способов, как функциональная замена как наиболее частотный способ (в контексте замены имени на фамилию и наоборот) и транскрипция/транслитерация как один из основных способов перевода. Некоторые имена собственные, которые могут быть не знакомы иностранным читателям, заменяются словами и словосочетаниями с яркой коннотацией.

Список использованной литературы

1. Бурханова, Е. В. Способы передачи имен собственных на английский язык / Е. В. Бурханова // Вестн. Уфим. юрид. ин-та МВД России. – 2016. – № 1. – С. 92–95.
2. Щетинин, Л. М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах / Л. М. Щетинин. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 224 с.

К содержанию

А. Г. РЫЖУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

**МЕТАЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБРАЗНОЙ ДЕСКРИПЦИИ
В ИДИОСТИЛЕ НАРИНЭ АБГАРЯН**

Имя Наринэ Абгарян, русскоязычной писательницы из Армении, стало известным чуть более 10 лет назад. Она вошла в литературу как детский писатель с замечательными автобиографическими повестями. И сейчас Наринэ Абгарян продолжает писать о том, что знает лучше всего – об истории своего рода, о людях и событиях, связанных с ее малой родиной.

Исследователи творчества этой талантливой писательницы включают ее в круг авторов, «развивающих традиции классической русской прозы и относящихся к так называемому “неореализму”». Значимость творчества таких авторов заключается в выраженной духовно-нравственной и гуманистической направленности [7, с. 113]. Ярким подтверждением этой направленности выступают романы Н. Абгарян «С неба упали три яблока», «Люди, которые всегда со мной» и сборник рассказов «Дальше жить». В этих текстах предстают драматические судьбы жителей родного селения Н. Абгарян, других мест, всей Армении в целом. Герои, события, места действия взяты из реальной жизни автора, дополненной художественным вымыслом.

Художественный текст отражает языковую личность автора, постижение которой предполагает исследование его идиостиля и включает изучение индивидуальной языковой картины мира, а также мотивов творчества писателя, отраженных в текстовой деятельности. Лингвистическому исследованию доступна языковая сторона текстов, выступающая воплощением идеи и содержания произведения, а также характеризующая вербально-смысловой уровень языковой личности.

Слова-понятия в художественном тексте переводятся в слова-образы, жизненный материал, по словам Н. С. Валгиной, преобразуется в своего рода «маленькую вселенную», увиденную глазами данного автора [4, с. 70]. Такое преобразование возможно благодаря художественной образности. Художественно-образная речевая конкретизация может обеспечиваться металогическими средствами образной дескрипции, т. е. средствами выражения образа с помощью слов в переносном значении. Такие средства также называют тропами, но список последних четко не определен. К ним относят метафору, метонимию и синекдоху [6, с. 607], однако некоторые исследователи существенно расширяют список тропов,

называя в их числе сравнение, эпитет, перифразу, оксюморон, гиперболу и др. [8, с. 559].

В идиостиле Наринэ Абгарян образность обеспечивается разными тропами. Здесь широко представлены сравнения: *Метаксия, обмывая тело погибшего пасынка, (мыла осторожно, не дыша – словно боялась разбудить* [1, с. 11]; *Было безвыходно и тоскливо – так, будто враз выключили все, что дарит надежду* [1, с. 48]); перифразы: обильное застолье – *счастливый сон Гаргантюа*; ливень – *небесная река*; гиперболы: *(Полуторагодовалый Киракос... проснулся..., оглашая округу такими мощными руладами, что их услышал даже вконец оглохший Петинанц Сурен* [3, с. 290]); эпитеты: *молнии пятипалые, сиреневые; глаза холодные, колючие*. Часто используется метонимия (*Деревня молчала, пестуя в своих каменных объятиях бесконечную печаль* [3, с. 211]); *Деревня поохала, поцокала языком* [3, с. 116]; синекдоха: *Анна видела, как чей-то грязный ботинок подсек его* [четырёхлетнего брата], *убегающего...* [1, с. 156]. Мы остановим внимание на функционировании в текстах Н. Абгарян метафоры, которую этот автор использует наиболее активно и с наибольшей смысловой нагрузкой.

«Метафора в узком смысле основана на сходстве понятий, представлений, ощущений и других концептов смысловой сферы», – пишет В. П. Москвин [6, с. 122]. Текстовые наблюдения позволяют утверждать, что метафора является излюбленным средством создания образности у Н. Абгарян. В переносном значении употребляются разные части речи. Среди них имена существительные (*дыхание утра; безмолвие небес; урожай жертв; дыхание гор*); глаголы и их особые формы (*дорога карабкается; ветер царапал пальцем стекла; солнце... кусается; заскучавший ветер; влюбленные пичужки; споткнувшись взглядом*); имена прилагательные, т. е. метафорические эпитеты (*неистовый вой сирены; колючий возраст; могучие, согбенные... платаны*); наречия (*ржаво отозвалась; приговоренно плакала; шелково простираются... поля*).

Главным достоинством метафоры является ее свежесть, новизна, а также емкость смыслового наполнения, которая зависит от структуры метафоры. Абгарян чаще использует метафоры развернутые: *Высоко над головой, царапая* (глагольная метафора) *острыми крыльями подол неба* (субстантивная метафора), *летели деревенские ласточки* [2, с. 186]; *Стремительно густеющее небо смыкает над ущельем прохладные ладони*. Однако наиболее интересна природа метафор.

У Н. Абгарян метафора почти всегда антропоморфна: она строится на уподоблении природных реалий, явлений, событий, предметов и животных человеку. Например, номинативные метафорические образы служат описанию природных реалий и явлений и строятся на переносном

использовании названий частей тела человека. Они олицетворяют природные объекты, делают их частью человеческой жизни: *появился на ладони мира... городок Берд* [2, с. 6]; *Небо смыкает над ущельем прохладные ладони*; *Атанес... лежит..., взглядываясь в безответные глаза ночи* [1, с. 33]; *Дом... стоял на... краю схлынувшего в пропасть плеча Маниш-кара* [3, с. 142] и др.

Глагольные антропоморфные метафоры функционируют значительно активнее. Метафоризация позволяет зримо представить время. Приведем несколько контекстных иллюстраций. Вот образ наступающего утра: *Ноябрьское утро сновало прилежной хозяйкой по округе, приводя все в безупречный – не придерешься – порядок. Притушив последние звезды, протерев мягкой тряпичей небосвод и с удовлетворением убедившись, что наверху все готово для встречи солнца, оно... взялось за долину: пригладило... верхушки деревьев, разбудило горные реки* [1, с. 158]. День и ночь в круговороте обыденной жизни ассоциируются с жизнью человека, с его утренними и вечерними заботами. Метафорически в разных текстах изображается и туман. В нем бывает что-то враждебное (*Густой и вязкий туман отступал медленно и неохотно: то в ветвях старой айвы запутается, то на кроны дубов присядет – якобы дух перевести* [1, с. 78]); или притягательно-мистическое (*Берд пленил ее влажными туманами – ...непроглядные и безмолвные, они приходили непрошеными гостями и долго стояли, прижавшись лицом к оконному стеклу* [2, с. 148]). Враждебным становится и солнце в засуху: *Солнце, немилосердное и бело-слепящее, ...накрыло мир огненной дланью – не распрямиться и не продышаться* [3, с. 105].

Автор умеет оживить общеязыковые метафоры, дополнив их индивидуально-авторскими образами: *Солнце вставало долго, нехотя, словно в кошки-мышки играло: один бок выкатит, потом другой, облаком прикроется, обратно выглянет* [3, с. 181]. Здесь узуальные метафоры *солнце вставало, солнце выглянет* обретают свежесть благодаря включению в контекст новых образов: *бок выкатит, облаком прикроется*.

С помощью метафор в текстах Абгарян последовательно изображаются засуха, голод, война, несущие людям беду и смерть: *Засуха была последним вестником, посланным голодом впереди себя. Следом... нагрянул он – ...мерзкий, не ведающий пощады и сострадания...; Голод... выстроил всех... в одну унижительную шеренгу к краю могилы, измывался над ними... с неприкрытым удовольствием* [3, с. 123]. В результате отвлеченные понятия становятся конкретными, зримыми для читателя, вызывают у него сильные эмоции.

Антропоморфны у Абгарян и металогиические образы вещей и предметов: *На кривом заборе подставил спину солнцу большой ковер...*

Это старый ковер, он многое видел, многое помнит [2, с. 221]; *Выстроились в ряд арбузы – вспоминают лето* [1, с. 133]; *Хачкар* [крест-камень] *старого Берда ушел в землю по пояс, ссутулился* [1, с. 114].

Олицетворяет писательница образы животных, которые всегда находятся рядом с людьми. Так, старый осел Сетó, сбросивший Девочку на горной тропе, *«встретил Тамар с таким потерянным видом, что у нее язык не повернулся отругать его. Осел понуро всхлипывал»* [2, с. 104]. Человеческими чертами наделяется корова Малишка, она *«горько мычала», «умирала от обиды», «расплакалась»*. По-человечески реагирует на взрывы пес, спасающийся в подвале: *ворвался в погреб, ... споткнулся. Пес плакал, уткнувшись носом в ладонь старшего внука. ... Когда раздался новый взрыв, ... пес громко вздохнул, запричитал совсем по-человечьи* [1, с. 47]. Животные в рассказе «Стадо» после гибели спасавших их людей *«обступили тела мужчин и смиренно ждали, когда их убьют, и их убили – до последней горестно мычащей коровы и жалобно плачущей овцы»* [1, с. 168].

Кроме антропоморфных метафор, в текстах Абгарян можно изредка видеть образы бедствий, построенные на скрытом сравнении с некими мифологическими созданиями, злобными чудовищами, мерзкими пресмыкающимися: *Война будет медленно расползаться, отравляя смрадным дыханием все на своем пути* [1, с. 194]; *Война... отступила, подвывая и прихрамывая, зализывая кроващие лапы* [3, с. 52]. Аналогично изображены тяжелые эмоциональные состояния людей, порожденные этими бедствиями: *Людской страх – мешкотный, неподъемный – одышливо полз по дворам* [1, с. 48]. В этом видится глубокий смысл: мир природы и людей неразрывно и гармонично связаны, но все, что нарушает привычное течение жизни людей, убивает их, бесчеловечно, чудовищно, антигуманно.

Метафора – это средство оформления реальности [5, с. 90], и такую функцию названный троп выполняет в идиостиле Наринэ Абгарян в первую очередь. Мир небольшого армянского селения, изображенный в текстах писательницы, отличается целостностью, органичным единством, одушевленностью. Эта целостность мира дорога автору и очень значима в текстах. В наибольшей мере ее обеспечивают именно метафоры, особенно антропоморфные, поэтому метафоричность следует считать стилистическим маркером идиостиля Н. Абгарян.

Список использованной литературы

1. Абгарян, Н. Ю. Дальше жить / Н. Ю. Абгарян. – М. : АСТ, 2021. – 252 с.
2. Абгарян, Н. Ю. Люди, которые всегда со мной / Н. Ю. Абгарян. – М. : АСТ, 2022. – 314 с.
3. Абгарян, Н. Ю. С неба упали три яблока / Н. Ю. Абгарян. – М. : АСТ, 2021. – 381 с.

4. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 250 с.
5. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
6. Москвин, В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс / В. П. Москвин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 630 с.
7. Павлова, Н. И. Память, род, семья как базовые концепты современной прозы (на примере творчества Наринэ Абгарян) / Н. И. Павлова // Вестн. ТвГТУ. Сер.: Науки об о-ве и гуманитар. науки. – 2017. – Вып. 3. – С. 113–120.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.

К содержанию

Е. В. РЫЛОВА

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Е. Н. Горегляд, канд. филол. наук, доцент

ЗДОРОВЬЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ БЕЛАРУСИ)

В процессе развития общества складывается определенная система ценностей, которая формируется посредством воспитания, усвоения традиций, через язык, литературу, общение.

В основных ценностях общества сконцентрирован исторический опыт, в них запечатлелись чувства, мысли, эмоции многих поколений. Ценности представляют собой нормативные явления, регулирующие поведение и даже психическую деятельность индивида. Ценности, несомненно, зависят от естественных, природных желаний и потребностей человека. Но ценности также и активны, они формируют, интенсифицируют, углубляют, дифференцируют интересы и желания. Воспринимая и постигая сущность ценности, человек формирует свои взгляды на мир, расширяет свой круг интересов, вырабатывает свои убеждения, обогащает и приумножает свои интересы.

На современном этапе государственная идеология Республики Беларусь формируется на духовно-нравственной основе, проявленной в общечеловеческих ценностях, и теоретически оформляется с учетом исторического времени и национальных традиций.

Одним из наиболее влиятельных каналов формирования духовной культуры личности в современном мире является периодическая печать. Она не только отражает действительность, фиксирует то, что для субъекта значимо, отвечает его миропониманию и убеждениям, но и во многом

определяет ценностную ориентацию индивида. «Деятельность средств массовой информации аксиологична, она направлена на распространение системы взглядов на мир, структурированных согласно определенной совокупности ценностей» [1, с. 132].

Проведенное нами исследование посвящено анализу функционирования лексем, маркирующих ценность *здоровье* в современном газетном заголовке. Материалом для исследования послужили республиканские и региональные издания «Знамя юности» (далее – ЗЮ), «Сельская газета» (далее – СГ), «Витьбичи», «Витебские вести» (далее – ВВ), «Жыццё Прыдзвіння» (далее – ЖП) за 2021 г.

На протяжении всей истории человечества *здоровье* рассматривалось как высшая универсальная ценность. Это одна из базовых человеческих ценностей. Словосочетание «здоровый образ жизни» прочно вошло в наш лексикон за последние годы. Тема здорового образа жизни стала одной из наиболее популярных в средствах массовой информации, обсуждаемой как в отдельных социальных группах, так и учеными различного профиля: медиками, социологами, психологами и т. д. По мнению академика Ю. П. Лисицына, здоровый образ жизни – это не просто все то, что благотворно влияет на здоровье людей, не только соблюдение медико-социальной активности, искоренение вредных привычек, правильное питание и т. д., а прежде всего использование материальных и духовных условий и возможностей в интересах здоровья, гармоническое физическое и духовное развитие человека [2].

Обычно выделяют три уровня ценности *здоровье*: биологический (здоровье как саморегулирующаяся адаптирующаяся система организма), социальный (здоровье как мера социальной активности индивида), психологический (здоровье не как отсутствие болезни, а как стратегия ее преодоления) [4, с. 65].

В толковом словаре С. И. Ожегова *здоровье* – «правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие; состояние здоровья», а также «то или иное состояние организма» [3].

Анализ аксиологической составляющей заголовков показал, что ценность *здоровье*, к сожалению, не входит в число приоритетных в названных печатных изданиях и занимает пятую позицию (31 упоминание, или 13 %), уступая тоже значимым, безусловно, ценностям *любовь, добро, семья, счастье*.

Здоровая среда – здоровые мы (Витьбичи. 04.02.2021. № 13);

Опасные для здоровья товары (ВВ. 18.03.2021. № 30);

Чтобы сохранить здоровье (ЗЮ. 04.02.2021. № 5);

Здоровье на кончике иглы (СГ. 21.01.2021. № 7);

Здоровые игры (ЖП. 27.02.2021. № 15).

Как следует даже из приведенных примеров, в заголовках печатных изданий данная ценность морфологически представлена преимущественно именем существительным (65 %), что, на наш взгляд, свидетельствует о важности фиксации предметного содержания данного понятия для журналиста:

Берегут здоровье смолоду (Витьбичи. 30.07.2021. № 85);

Мы молимся о здоровье медиков (СГ. 06.02.2021. № 14);

Техподдержка здоровья (Витебские вести. 19.01.2021. № 36).

В нескольких заголовках ценность *здоровье* представлена именем прилагательным (35 %), что позволяет характеризовать определенные объекты, события и явления с большей экспрессией.

В коллективе – здоровый дух (Витьбичи. 24.11.2021. № 134);

Вернуться с поля живым и здоровым (Витьбичи. 17.03.2021. № 31).

В значительной части примеров лексема *здоровье* занимает в предложении слабую синтаксическую позицию – дополнения и определения. Дополнение служит для обозначения и акцентирования внимания на объекте действия, состояния или признака. Определение позволяет отличать предмет от других, выделить его важнейшие свойства, раскрыть отношение к другим предметам и их свойствам.

Акцент на здоровье и воспитание нашей смены (Витьбичи. 16.01.2021. № 5);

Экоплощадка здоровых людей (Витебские вести. 16.01.2021. № 5);

Сохранить и укрепить здоровье нации (Витебские вести. 11.02.2021. № 16).

О значимости данного понятия, на наш взгляд, может свидетельствовать функционирование лексемы «здоровье» в качестве главного члена предложения. Однако в анализируемых печатных изданиях такие заголовки единичны: *Физкультура и спорт – здоровье* (Витьбичи. 01.09.2021. № 99).

Опосредованно данная духовная ценность передается в единичных случаях однокоренными словами:

Летняя оздоровительная компания (Витьбичи. 19.05.2021. № 55);

Главная опора здравоохранения (ВВ. 23.01.2021. № 8).

Лишь однажды нам встретилась зафиксированная во фразеологизированной конструкции устаревшая форма лексемы, маркирующая данную ценность: *В добром здравии домой!* (Витьбичи. 11.06.2021. № 65).

Здоровье – это ценность, предполагающая морально-этические подходы к ее пониманию. Именно здоровье позволяет человеку реализовать определенный набор физических, духовных и социальных возможностей, в той или иной мере воплотить в жизнь свой человеческий потенциал. Гармоничность физического, психического и социального здоровья – один

из главных факторов личной и общественной жизни, создания высокой гуманистической культуры, рационального отношения человека к окружающей среде, формирования социальной политики государства в области сохранения и укрепления здоровья, усиления нацеленности общества на культивирование здоровья как высшей ценности. А здоровый образ жизни – это принцип жизни, особое мировоззрение и каждодневная работа над собой, которая в итоге обязательно увенчается успехом.

По мере роста благосостояния населения, удовлетворения его естественных первичных потребностей (в пище, жилье и др.) относительная ценность здоровья должна возрастать. Основные принципы ведения здорового образа жизни должны стать частью мировоззрения каждого человека. И немаловажная роль в этом процессе отводится воздействующей силе газетного слова.

Список использованной литературы

1. Ерофеева, И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре / И. В. Ерофеева. – Чита : Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2009. – 297 с.
2. Лисицын, Ю. П. Образ жизни и здоровье населения / Ю. П. Лисицын. – М. : Медицина, 1982. – 328 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
4. Петленко, В. П. Этюды валеологии. Здоровье как человеческая ценность / В. П. Петленко, Д. Н. Давиденко. – СПб. : Балт. пед. акад., 1998. – 120 с.

К содержанию

К. У. СВІРЬДОВІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

ПАЭТАНІМІКОН РАМАНА УЛАДЗІМІРА ГНІЛАМЁДАВА “ПАСЛЯ ВАЙНЫ”

У рамане “Пасля вайны” Уладзімір Гніламёдаў апавядае пра гісторыю свайго роду. Аснову сюжэта твора складаюць жыццёвыя перыпетыі Лявонція Міхайлавіча Сцепанюка, дзеда аўтара. Падзеі ў рамане разгортваюцца ў вёсцы Пруска, што на Камянеччыне, у першыя пасляваенныя гады. Творча ўваскрашаючы гісторыю жыцця сям’і, вёскі, а праз гэта – народа, пісьменнік умела выкарыстоўвае прагматычны патэнцыял, нацыянальна-культурную інфармацыю, вобразна-выяўленчыя магчымасці ўласных імёнаў.

Асабовыя імёны герояў рамана адлюстроўваюць адметнасць беларускай лінгвакультуры ХХ ст. Каляндарныя імёны найчасцей ужываюцца ў гіпакарыстычных і эмацыйна-ацэначных формах – рэпрэзентантах канатацыі гутарковасці, сацыяльнасці, ацэначнасці, эмацыйнасці, экспрэсіўнасці: **Фёкла – Фяклуша – Феня, Цішка – Цімоша, Марыя – Марыля – Марыся – Маняша – Манька, Васіль – Васятка, Домна – Домнушка** і інш. Гэтыя варыянты імён – спосаб адлюстравання статусу асобы ў соцыуме і сродак выражэння шырокага спектра пачуццяў у адносінах да носбіта імені: кахання, любові да дзіцяці, цёплых адносінаў да землякоў, сяброў, суседзяў і інш.: *“Найбольшай павагай і аўтарытэтам з сябрукоў карыстаўся Юрка Відэрка”* [3, с. 11]; *“Калі мяне заб’юць, – казаў Санька, – дык прашу цябе, Пятро, жаніся на Маняшы, каб не засталася яна адна. Жалка! Люблю я яе, брацішка, і добра ёй жадаю”* [4, с. 22]; *“Хлопчык вырваў з шытка аркушык і зверху, над дыктоўку бабулі, старанна і асцярожна вывеў: «Дарагая Домнушка». Фёкла прадыхавала гэта і заплакала, аднак узяла сябе ў рукі, крыху супакоілася і працягнула свае думкі-ўспаміны”* [3, с. 39]. У мове твора прадстаўлены формы імёнаў, ужывальныя ў палескіх гаворках, – выразнікі канатацыі дыялектнасці: *“Пытаўся пра ўсіх: як там дзеці, як Прося, пра бацькоў пытаўся і пра цесця з цешчай, і пра тое, ці выкапалі картоплі”* [3, с. 12]; *“Так ён і памёр, пакінуўшы Гэльцы двое дзяцей – сына і дачку”* [3, с. 31]. Рэпрэзентантамі канатацыі архаічнасці з’яўляюцца імёны прускаўцаў старэйшага пакалення: **Оргій, Гамон (Агамамнан), Дзякрэта, Рузана**.

Прозвішчы герояў рамана адлюстроўваюць уласцівыя беларускай лінгвакультуры мадэлі ўтварэння антрапонімаў. Так, шэраг прозвішчаў утвораны ад каляндарных імёнаў. Асновай прозвішча **Хомка** паслужыла царкоўнае імя **Фама**, якое ў перакладзе з арамейскай азначае ‘блізнюк’. У аснову прозвішча лягла вытворная форма гэтага імя – **Хомка (Фама < Хома < Хомка)** [5, с. 350]. Асновай прозвішча **Якавук** паслужыла царкоўнае імя **Якаў**, якое перакладаецца са старажытнаўрэйскай мовы як ‘другі па нараджэнні’ [5, с. 450]. Прозвішча **Платонаў** утворана ад каляндарнага імені грэчаскага паходжання **Платон** са значэннем ‘шырокі’ [1, с. 38]. Прозвішча **Афінагенаў** утворана ад імя **Афінаген** (грэч. ‘разумны, квітнеючы’) [1, с. 12]. У аснове прозвішча **Гальяш** – гутарковая форма імені **Ілья** (ст.-яўр. ‘сіла Божая’ [1, с. 28]). У антрапаніміконе рамана прадстаўлены прозвішчы, утвораныя ад апелятываў як лексіка-семантычным спосабам (**Мурашка, Швед**), так і з дапамогай розных суфіксаў (**Расстаргуеў**). У аснове гэтых прозвішчаў ляжаць былыя мянушкі адапелятыўнага паходжання: 1) празванні-характарыстыкі, якія акрэсліваюць

якасці асобы: *Ламака* ('цяльпук, гультай' [2, с. 243]), *Швед*, *Нямцоў*; 2) найменні, утвораныя ад назваў прадметаў матэрыяльнай культуры: *Кужаль*, *Латушка* ('невялікая гліняная місачка з загнутымі ўнутр краямі' [2, с. 247], *Кляновік*; 3) мянушкі, утвораныя ад назваў жывых істот, раслін і іх частак: *Мурашка*, *Пралеска* і інш.

Носьбітамі канатацыі нацыянальна-культурнай спецыфікі з'яўляюцца характэрныя для вёскі **сямейна-родавыя мянушкі**, утваральная база якіх – імёны, прозвішчы, мянушкі роднасных асоб. **Патронімы** – празванні дзяцей, утвораныя на базе прозвішчаў бацькі: *Тупчыкава* Гапа, *Хомкава* Волька, **андронімы** – найменні жонак, утвораныя на базе прозвішчаў мужоў: *Хомчыха*. Многія мужчыны падчас вайны загінулі, таму часта ўжывальнымі сталі **матронімы** – найменні дзяцей, утвораныя ад імёнаў, прозвішчаў, мянушак маці: "*Мыла ў вочы ўдаецца, – паскардзіўся Валодзька Хрысцінін, пераростак*" [3, с. 15]; "*Матчына імя Марына перадалося сыну ў спадчыну, і Колю звалі Марынчык*" [3, с. 46]. У кантэксце рамана выкарыстана і калектыўная мянушка: "*У Прусцы цыганоў называлі «дзецьмі ветру». Чаму за імі замацавалася гэтая мянушка, Валодзік не ведаў. Хіба што за бестурботнасць. Сапраўды, мужчыны цыганы выглядалі зусім бестурботна, ляжалі каля вогнішча і раз-пораз бесклапотна пазяхалі*" [3, с. 5]. Сродкам абмалёўкі характару, паводзін, абставінаў жыцця персанажаў з'яўляюцца індывідуальныя мянушкі-характарыстыкі. Удзельнік руска-японскай вайны атрымаў празванне **Фэдар-японец**. Жанчына лёгкіх паводзінаў, якая працавала ў публічным доме горада Брэста, атрымала празванне **Блудніца вавілонска-я**. Характар хлопца акрэслівае мянушка **Жэшкі**, аснова якой – дыялектнае слова: "*Найбольш смелы і адчайны з бранавіцкіх «шкаляроў» – пераростак Сяргей Шаўчук. Нездарма за ім замацавалася мянушка Жэшкі – гарачы, па-прускаўску. Рызыконт і авантурыст*" [3, с. 29]; "*Ігралі на акардэонах, кожны на сваім, часцей за ўсё Коля Цыцка з Пакупчыкаў і Сяргей Шаўчук з Бранавіч – той самы Жэшкі. Мянуска і тут адпавядала характару дзецюка, які ўмеў надаць сваёй музыцы нейкую асаблівую заліхвацкасць*" [4, с. 44].

Сродкам адлюстравання **хранатону (прасторава-часавых адносін)** у творы з'яўляюцца "**фонавыя**" онімы. Палешукі, асабліва людзі старэйшага пакалення, нават у савецкія часы шчыра верылі ў Бога. Вера ўзмацнілася ў трагічныя ваенныя гады. Прускаўцы, героі рамана, чытаюць малітвы, гавораць з Богам, просяць у яго дапамогі, таму на старонках твора ўжыты **тэонімы (Бог, Гасподзь)**, **агіёнімы (Марыя Магдаліна, Ісус Хрыстос)**, назвы малітваў ("**Багародзіца**"), царкоўных свят (**Паска, Вялікдзень, свята пакутніка Ціхана**), частак Святога Пісьма (**Дзяянні**

апосталаў): “Грэх перад **Богам** прускаўцы лічылі чымсьці горшым нават, чым злачынства” [3, с. 35]; “Прышла, чую, смерць. Паслаў нарэшыце **Гасподзь**” [3, с. 19]; “Хор на чале з **Кухтам** спяваў малітвы, а потым **Кухта** сам чытаў, трымаючы перад сабой **Святое Пісанне**, урыўкі пра **Дзяянні апосталаў** і пра тое, як **Хрыстос** выгнаў з **Марыі Магдаліны** сем бесаў, якія ў ёй сядзелі” [3, с. 35]; “На **Паску** **Фёкла** пякла велікодныя пірагі, ці калачы, як яна іх называла, навесіла на абраз, што ў покуце, новы ручнік-набожнік” [4, с. 36]. Атмасферу савецкага часу ствараюць ужытыя на старонках твора фільмонімы (“**Гэта было ў Данбасе**”, “**Зыгмунт Каласоўскі**”, “**Два байцы**”, “**Цырк**”, “**Яна абараняе Радзіму**”), эргонімы (камуна “**Таварыш Троцкі**”, калгас “**26 бакінскіх камісараў**”), бібліённымы (“**У краіне райскай птушкі**”, “**Сын вады**” Янкі Маўра), назвы савецкіх свят (**1 Мая**, **Кастрычнік**): Нацыянальны каларыт ствараюць тапонімы – назвы беларускіх гарадоў (**Брэст**, **Камянец**), вёсак (**Пруска**, **Выгнанка**, **Пакупчыкі**, **Бучамле**, **Сухаволле**, **Бабічы**, **Зінькі**, **Баранавічы**, **Алешкавічы**), мікратапонімы – назвы дробных аб’ектаў, што знаходзяцца на пэўнай тэрыторыі (**Крухмальня**, **Агульнае**, **Такары**, **Высокае**).

Ужытыя Уладзімірам Гніламёдавым паэтонімы спрыяюць стварэнню запамінальнай гісторыі жыцця сям’і палешукоў. Анамастыкон рамана адлюст-роўвае менталітэт беларускага народа, яго культурна-гістарычныя карані.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Барыс, С. Як у нас клічуць?: Беларускія імёны / С. Барыс. – Мінск : Медысонт, 2010. – 124 с.
2. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
3. Гніламёдаў, У. Пасля вайны / У. Гніламёдаў // Польшча. – 2014. – № 11. – С. 3–47.
4. Гніламёдаў, У. Пасля вайны / У. Гніламёдаў // Польшча. – 2014. – № 12. – С. 3–48.
5. Лемтюгова, В. П. Корні нашых фамилий = Карані нашых прозвішчаў / В. П. Лемтюгова, И. О. Гапоненко. – Минск : Звязда, 2018. – 672 с.

К зместу

Н. Л. СИЛЬВАНОВИЧ

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Е. Ю. Муратова, д-р филол. наук, профессор

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ Е. А. ЕВТУШЕНКО «СТИХИ XXI ВЕКА»

Термин «прецедентность» в лингвистике был впервые употреблен в XX в., когда Ю. Н. Караулов ввел понятие «прецедентный текст». По его мнению, текст или имя становятся прецедентными, когда они значимы для человека в эмоциональном и познавательном отношениях, когда не только этот человек, но и все его широкое окружение (в него должны входить не только современники, но и предшественники) знает этот текст или имя и использует в своей речи. В дискурсе данной языковой личности должно неоднократно возобновляться обращение к ним [1, с. 25].

Сфера исследований прецедентного имени весьма разнообразна: изучаются вопросы структуры концепта прецедентного феномена, рассматриваются пути возникновения в языке прецедентных текстов и проблемы восприятия прецедентного имени как лингвокогнитивного феномена. О. Н. Долозова относит прецедентное имя к особым словесным знакам, совмещающим в себе свойства имени собственного и нарицательного. М. Ю. Илюшкина предлагает разграничивать прецедентные имена на те, которые используются с течением времени без каких-либо изменений и на те, которые претерпевают те или иные смысловые или структурные трансформации [8, с. 811].

В настоящее время существует значительное количество определений понятия «*прецедентное имя*». Одним из признанных является определение, данное авторами коллективного исследования «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь»: это «воплощенное» имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и (или) фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться интенционально. Общим для них является существование общенационального инвариантного представления, стоящего за каждым из этих имен [9, с. 23–24].

Прецедентные имена – это не только широко известные имена собственные, которые используются в тексте для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), но и своеобразные культурные знаки, символы определенных качеств, событий, судеб.

В сборнике Е. А. Евтушенко «Стихи XXI века» нами было выявлено 198 прецедентных имен, что представляет собой значительное количество

для сборника, состоящего из 146 стихотворений. Самая большая группа представлена именами исторических деятелей: *И. Сталин, Ю. Гагарин, А. Сахаров, В. Путин* и др., реже встречаются герои античной мифологии: *царица Танах, Аполлон, Фемида, царь Горох* и т. п., литературные персонажи мировой и отечественной литературы: *Воланд, Карменсита, Буратино, Илья Муромец* и др., реально существующие или существовавшие объекты и вымышленные: *Советский Союз, императорская Русь, станция Зима, Воробьевы горы, Кузнецкий Мост* и т. д., присутствуют также названия праздников: *Троица, Крещение, Прощеное воскресенье*, незначительное количество теонимов – *Иисус, Христос, Амур и Магхотя*, а также идеонимов, связанных с личностью *Дон Жуана*.

Так в стихотворении «Tuck me in» есть следующие строки «*Мой сын краем уха слышал про Сталина и про Берию, в свои пятнадцать он маленький, хотя почти исполин...*». Объяснять, кем были эти грозные исторические личности, нет нужды, их имена не забывают до сих пор. Но нужно сказать, что поэт написал это стихотворение очень своевременно, ведь в советское время издать его было бы невозможно, даже когда культ личности Сталина был развенчан. Теперь же об этом можно говорить свободно, хоть никаких оценочных суждений эти строки не заключают, они скорее говорят о смене поколений. Сталин упоминается и в следующем стихотворении «Тетя Ра»: «*Твой любимый Сталин – он убийца...*». Может, Е. Евтушенко и приходилось писать стихотворение про Сталина (он даже участвовал в фильме о похоронах Сталина сразу в трех ипостасях – актера, режиссера и сценариста), но этими строками показал, что не любил этого человека. И это опять же про своевременность написания и опубликования стихов Евтушенко.

В стихотворении «Разрезы» прецедентных имен достаточно. Вот первое из них: «*Под звуки михалковской “Марксельезы”*». Здесь очень тонкая аллюзия на французскую «Марсельезу» и легкая ирония над советским (а затем и российским) вариантом гимна, автором которого во всех трех редакциях был Сергей Михалков. И затем: «*Все перепуталось – и Маркс, и Дейл Карнеги*». Имя Карла Маркса встречалось во всех учебниках советского времени настолько часто, что казалось, этот человек знает все обо всем. Дейл Карнеги же – американский педагог, писатель и оратор, автор книг по самосовершенствованию и эффективному общению (хотя его биографы утверждают, что сам он советам своим не следовал и умер в одиночестве). И вот еще: «*Как поездом разрезанная Анна?*». Это имя становится прецедентным только в контексте, ясно, что здесь говорится об Анне Карениной, героине одноименного романа Л. Н. Толстого. Но для человека, незнакомого с русской классической литературой (например,

иностранца), при переводе потребуются пояснение, иначе имя не будет выглядеть прецедентным.

Представлено несколько прецедентных имен и в стихотворении «Изумрудины». Вот, например, в строках *«Твои ноги великие – ноги Дитрих Марлен, оказались уликами...»*. Марлен Дитрих – известная актриса и законодательница женской моды своего времени. В модной лексике имеется даже выражение «брюки Марлен», означающее широкие длинные брюки. Марлен Дитрих считала свои ноги некрасивыми, неизвестно, знал ли об этом поэт, но, судя по общему тону стихотворения, это комплимент ногам. Прецедентные имена в этом стихотворении имеются и в следующих строках: *«Где Базаровы, Рудины? Лишь Раскольниковы»*. Под «Базаровы» имеется в виду образ Евгения Базарова из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», воплотивший в себе образ нигилиста. Рудин – еще один персонаж И. С. Тургенева (роман «Рудин»), который отличался красноречием и влюбил в себя дочь хозяина дома. Раскольников – герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», раскаявшийся преступник. Можно предположить, что этими строками поэт хотел показать, что мужчины разучились восхищаться женщинами и делать им комплименты. Сам же он выразил в своем стихотворении по-настоящему искреннее восхищение красотой женщины.

В стихотворении «Как не хватает Сахарова нам...», название которого дважды повторяется в самом тексте и содержит также прецедентное имя. Андрей Дмитриевич Сахаров был общественным деятелем и правозащитником, и этот человек ассоциировался у Евтушенко с совестью народа, его чистотой, поэтому он и пишет, что такого человека России не хватает.

В стихотворении «Любовник» мы видим еще один тип прецедентного имени – идеоним. Это выражается в следующей строке: *«Пройдя сквозь искус донжуанства»*. Дон Жуан характеризуется повесой и распутником, то же самое, что Казанова или Ловелас (сейчас про таких людей говорят «бабник»). Это имя стало нарицательным и обозначает теперь не человека, а идею.

В стихотворении «Старое фото» также есть прецедентное имя – антропоним: *«То, что тайно вложила ты в Блока»*. Блок – это поэт, но здесь имеется в виду не человек, а книга, томик стихов Блока. Поэтому можно сказать, что здесь Блок – это метонимия.

В триптихе «Неприконовенье» в первом стихотворении «Фенечка» есть и теоним, и антропоним. Теоним находим в строке *«Амур, – и сводник и разлучник»*. Амур в древнеримской мифологии был богом любви. Антропоним же в такой строке *«Нас познакомил Окуджава»*. Булат Окуджава – известный бард, ему Е. А. Евтушенко посвятил четыре стихотворения, объединенных общим названием «Булат Окуджава. Моя Булатиада».

Результаты классификации прецедентных имен по типам свидетельствуют о повышенном интересе Е. А. Евтушенко к внутреннему миру человека и вообще к человеку, истории, причем не только своей страны, но и Европы в целом. Такой вывод можно сделать на основании того, что антропонимы используются в большинстве случаев для характеристики людей, а также времени, в котором жили эти люди.

Список использованной литературы

1. Долозова, О. Н. О семантике прецедентного имени / О. Н. Долозова // Материалы II Международного конгресса русистов-исследователей, Москва, 18–21 марта 2004 г. – М. : МГУ, 2004. – С. 152–155.
2. Евтушенко, Е. А. Стихи XXI века / Е. А. Евтушенко. – М. : Эксмо, 2006. – 352 с.
3. Земская, Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская. – М. : Наука, 1996. – 336 с.
4. Илюшкина, М. Ю. Использование потенциала прецедентных имен в рекламной коммуникации предприятий общественного питания / М. Ю. Илюшкина // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. – 2018. – Т. 28, № 5. – С. 808–814.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : КомКнига, 2019. – 264 с.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Рус. яз. за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.
8. Косиченко, Е. Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Ф. Косиченко ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М. : Эксмо, 2006. – 224 с.
9. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2007. – 207 с.
10. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева [и др.]. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. 1. – 318 с.

К содержанию

Ю. В. СОКОЛОВСКАЯ

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Научный руководитель – А. А. Булгакова, канд. филол. наук, доцент

МЕДИАОБРАЗ ПЕРСОНАЛА КАК КОМПОНЕНТ КОРПОРАТИВНОГО ИМИДЖА ГРОДНЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Имидж играет важную роль в позиционировании вуза на рынке образовательных услуг. Медиаобраз, являющийся основой транслируемого СМИ образа, позволяет выявить сильные и слабые стороны, которые

в будущем повлияют на выбор данного вуза абитуриентами, будут мотивировать на сотрудничество в сфере бизнеса, научно-исследовательских проектов и т. д. Актуализация такого понятия, как корпоративный имидж, связана с тем, что любая организация, чей образ транслируется на широкую аудиторию, является частью конкурентной среды и находится в условиях перенасыщенного рынка.

Корпоративный имидж – совокупность репутации организации, ее успехов, степени стабильности [3, с. 38]. Он подразумевает понимание и оценку организации различными группами общественности, которые формируются на основе хранящейся в сознании и памяти информации о различных сторонах деятельности организации. Отдельной категорией таких организаций выступают высшие учебные заведения.

Наиболее часто в научной литературе применяется структура имиджа вуза, предложенная Н. К. Моисеевой [2, с. 78]. Она включает восемь компонентов: имидж образовательной услуги, имидж потребителей образовательных услуг, внутренний имидж организации, имидж ректора и научного совета, имидж персонала, социальный имидж, визуальный имидж, бизнес-имидж.

Имидж персонала как собирательный, обобщенный образ в первую очередь преподавательского состава, играет важную роль в восприятии учреждения высшего образования. Он формируется посредством публикаций в СМИ различных сторон университетской жизни. В данной статье имидж персонала Гродненского государственного медицинского университета рассматривается через медиаобраз, транслируемый в СМИ. В качестве основных СМИ для анализа были выбраны БелТА, республиканские газеты «СБ. Беларусь сегодня», «Звезда», «Медвестник» и региональные газеты «Гродзенская праўда», «Вечерний Гродно», а также аудиовизуальные средства массовой информации – республиканские телеканалы «Беларусь 1», ОНТ, СТВ и региональные «Гродно Плюс» и «Беларусь 4».

Сегодня персонал вуза – это 43 профессора, 152 доцента, 48 докторов медицинских наук, 222 кандидата медицинских наук. Всего на постоянной основе в ГрГМУ работают более 550 человек профессорско-преподавательского состава [1, с. 5]. Это достаточно большой коллектив, который периодически попадает в поле зрения журналистов средств массовой информации.

Медиаобраз в СМИ рассматривается по разным направлениям деятельности сотрудников университета – научной, спортивной, культурной и др., транслируются победы и достижения как всего коллектива, так и отдельных его сотрудников:

– **научная деятельность:** *«Двухтомная монография и учебное пособие “Клинический менеджмент” представляют собой первый в странах*

СНГ комплексный научно-методический труд («Гродзенская праўда» (далее – ГП). 08.06.2017); **«Благодарности Президента удостоены семь преподавателей учреждений высшего образования. В их числе – доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней Гродненского государственного медуниверситета Андрей Болтач»** (СБ. 30.06.2018);

– **участие и победа в конкурсах, конференциях:** **«В медицинском университете разработали новый метод лечения нефиксированной формы плоскостопия у детей»** (ГП. 08.02.2017); **«Новые разработки ученых ГрГМУ были представлены на выставке научных достижений»** (ГП. 28.01.2017);

– **спорт:** **«От спортивной гимнастики до инноваций в реабилитации – таков жизненный диапазон профессора кафедры медицинской реабилитации ГрГМУ Ларисы Пироговой»** (Медвестник. 20.01.2020);

– **культурная жизнь:** **«Выставка «Женщина медицинского университета после работы» прошла в ГрГМУ... Сотрудницы университета показали, чем занимаются, когда в коридорах вуза звенит звонок с последней пары»** (Вечерний Гродно. 04.03.2016), **«Медаль “Жена пограничника” вручили старшему преподавателю кафедры русского и белорусского языков, заместителю декана по воспитательной работе факультета иностранных учащихся ГрГМУ Надежде Мишонковой. Ее имя дважды внесено в энциклопедию «Кто есть кто в Республике Беларусь. Женщины Беларуси»** (Медвестник. 28.04.2021).

Информирование общественности происходит и через отдельные образы. Портрет героев таких публикаций формируют имидж целой группы. Например, сотрудники ГрГМУ:

– выступают в СМИ в качестве экспертов (особенно актуально это стало в период пандемии COVID-19): **«Самый молодой в Беларуси доктор медицинских наук работает в Гродненском медицинском университете...»** (СБ. 01.06.2020); **«В конце октября в Беларуси зарегистрирован новый подвид штамма дельта. О том, какую опасность он таит и чем отличается от классической дельты, рассказала заведующая кафедрой инфекционных болезней Гродненского государственного медицинского университета доктор медицинских наук, профессор Наталья Матиевская»** (БелТА. 11.11.2021).

– становятся героями объемных материалов о призвании в профессии, мотивации и построении успешной карьеры: **«Профессор ГрГМУ Дмитрий Хворик – о медицинских изобретениях, молодом лице 55-летней кафедры и своем пути в науке»** (ГП. 11.10.2017); **«Александр Глуткин в свои 32 года – доцент кафедры детской хирургии Гродненского государственного медуниверситета, хирург Гродненской областной детской клинической больницы, спасающий жизни маленьких пациентов и пекущийся о судьбе отечественной медицины»** (СБ. 17.10.2018).

Исходя из контекстов можно сделать вывод о том, что в СМИ формируется устойчивый положительный образ персонала за счет трансляции побед, инноваций, изобретений. Нужно отметить его разносторонний характер (не только наука и преподавание, но и спорт, культура). В заголовках и текстах персонал редко именуется обобщенно (в таком случае используются слова *сотрудники, ученые*), чаще употребляются название должности, ученое звание и степень (выборочно или вместе). Персонал в равной степени выступает в активной роли («*сотрудницы университета показали, чем занимаются*», «*самый молодой в Беларуси доктор медицинских наук работает*») и в пассивной («*благодарности Президента удостоены*», «*новые разработки ученых ГрГМУ были представлены*»). Таким образом, деятельность университета демонстрируется через его персонал широкому кругу читателей за счет публикаций новостей в республиканских и региональных СМИ.

Список использованной литературы

1. Ежегодник Гродненского государственного медицинского университета. События. Факты. Цифры. 2020 : справ. изд. / сост.: Е. Н. Кроткова [и др.] ; отв. ред. Е. Н. Кроткова. – Гродно : ГрГУ, 2021. – 160 с.
2. Моисеева, Н. К. Маркетинг и конкурентоспособность образовательного учреждения / Н. К. Моисеева // Маркетинг. – 2009. – № 5. – С. 77–81.
3. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – 6-е изд., стер. – М. : Сمارт-Бук, 2009. – 575 с.

К содержанию

В. П. СТОЯНОВ

Шумен, ШУ имени Епископа Константина Преславского

Научный руководитель – Е. В. Стоянова, д-р филологии, профессор

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА *КРЕПКИЙ ОРЕШЕК*

Актуальной проблемой современной лингвистики представляется выявление специфики выражения языковыми средствами культурных особенностей развития народа. С этой точки зрения фразеология любого языка является важным источником культурологической информации. Фразеологизмы отражают особенности менталитета, транслируя в речи установки культуры. В науке большую популярность приобретает лингвокультурный подход, который, «с одной стороны, дает возможность познания культуры через язык, т. е. извлечения культурологической информации из языковых единиц. С другой – способствует восприятию

(или презентации) языковой единицы как обусловленного культурой факта, фрагмента культуры, т. е. установлению ассоциативной связи с культурным фоном (образом), аналогичным присутствующему в сознании носителя данной лингвокультуры» [4, с. 47; 5, с. 145–212; 6].

Фразеологическая единица (далее ФЕ) отражает национальную культуру несколькими способами: во-первых, нерасчлененно, комплексно (идиоматическим значением), во-вторых, расчлененно (компонентным составом) и, в-третьих, своим прототипом [2, с. 85].

В данной статье рассматриваются лингвокультурные особенности ФЕ *крепкий орешек* и ее использование в современном русском языке.

Историко-этимологический словарь А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой связывает происхождение ФЕ *крепкий орешек*, как и выражений *Крепкий орешек – сразу не раскусишь; Орешек не по зубам; Крепок орешек, да зелен*, со взятием Петром I шведской крепости Нотеборг, в прошлом – русского города *Орешек*.

Интересна история названия этого города. В глубокой древности финны именовали поселение у истоков Невы *Пяхкиналинна*, т. е. Ореховая крепость. Вероятно, вокруг было много зарослей лесного ореха. Новгородцы, утвердившись в этом месте, перевели это финское слово просто как *Орешек*. Захватившие затем город шведы заменили его название своим – *Нотеборгом*. Наконец Петр I вернул город России и изменил его название.

Взятие Орешка досталось Петру нелегко. Сообщая в Москву о взятии крепости, Петр I писал: «Правда, что зело крепок сей **орех** был, однако ж, слава Богу, счастливо разгрызен» (Вартаньян 1973, с. 124–125) [цит. по: 1, с. 423].

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова рассматриваются два значения фразеологизма. *Крепким орешком* является одушевленный и неодушевленный субъект/объект. Так говорят: ‘1. О хорошо укрепленном городе, населенном пункте, крепости, которую трудно взять’. Например: *Либава была очень **крепким орешком**... в районе Либавы насчитывалось семнадцать батарей только среднекалиберной зенитной артиллерии* (В. Раков. Крылья над морем); ‘2. О человеке, отличающемся твердым или скрытным характером и не поддающемся влиянию других’. Например: *Мария Ивановна была **крепким орешком**. К своим богатствам никого не подпускала. Со связкой ключей от своих сокровенных шкафов и тумбочек не расставалась даже ночью* (Ю. Дмитриев. Дело о миллионе) [7].

Наряду с данной семантикой, на материале Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) можно выделить еще одно значение, в котором ФЕ употребляется в современном русском языке: ‘3. О чем-либо с трудом разрешимом’. Например: *Курсы мировых валют напрямую*

зависят от ситуации в экономике, а ее сейчас трясет по всему миру. Главная интрига – госдолг США. Повысят его потолок или нет? Аналитики об этом **крепкий орешек** уже сломали голову (Комсомольская правда. 20.11.07) [3]; В питерском Ледовом дворце рок-шоу уже состоялось, доказав, что песни «Наутилуса» – **крепкий орешек** для трибьюта (Труд-7, 2008.12) [3] и др.

Кроме того, **крепким орешком** является теперь не только город или крепость, которые трудно захватить, но и, например, спортивная команда / сборная, которую трудно победить: Всегда говорил, что «Терек» **крепкий орешек** абсолютно для любой команды. И он здорово играл, когда был в форме (Vesti.ru. 2014.12) [3]; У подопечных Курбана Бердыева и Ивана Данильянца уже есть опыт успешной игры с сильными европейскими клубами, но «Спарта» – слишком **крепкий орешек**, чтобы его недооценить (lenta.ru. 2017.02) [3]; Но мужская сборная России – точно **крепкий орешек** (Коммерсант. 2013.08) [3] и др.

Иллюстрацией употребления ФЕ в этих значениях служат примеры из НКРЯ. В них преобладает тема спорта, политики и культуры. Например: Бои за Мазари-Шариф, которые вели в последние годы талибы и Северный альянс, свидетельствуют: город – **крепкий орешек** (Известия. 2001.10) [3]; Я не знаю его, но он точно “**крепкий орешек**”, – сказал американский президент (gazeta.ru. 2017.03) [3]; Мэр в инвалидной коляске – настолько **крепкий орешек** для заклятых противников, иницировавших процесс, что генпрокуратура добилась изменения подсудности дела, и оно перенесено из Дзержинского райсуда (Известия. 2015.04) [3]; Понятное дело: оперные певцы – это не Максим Суханов, да и Вагнер **крепкий орешек** – запросто можно все зубы поломать (Известия. 2002.12) [3]; Мальта: **крепкий орешек** (Аргументы и факты. 2004.05) [3]; Пока в России еще никому не удавалось раскусить этот **крепкий орешек**, хотя английский классик очень много взял от Чехова, его герои тоже пьют чай, а в это время разбиваются их судьбы [3, Труд-7, 2005.06]; С другой стороны, считается, что для русского оркестра его музыка – **крепкий орешек** (Коммерсант. 2006.11) [3]; Но «Филадельфия» с «Нью-Джерси» снова выдали не матч, а **крепкий орешек**, забросив лишь три шайбы за 60 минут (Советский спорт. 2005.12) [3] и др.

Таким образом, ФЕ **крепкий орешек**, этимологически связанный с событиями русской истории, в медийных текстах оказывается достаточно популярным. **Крепким орешком** именуют страны, спортивные команды, спортсменов, политиков или что-либо сложное для достижения, преодоления, осуществления или понимания.

Список использованной литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии : ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
2. Верещагин, Е. М. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : учеб. пособие для студентов филол. специальностей и преподавателей рус. яз. и лит. иностранцам / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; Науч.-метод. центр рус. яз. при Моск. гос. ун-те им. М. В. Ломоносова, Группа страноведения. – М. : Наука, 1973. – 232 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new>. – Дата доступа: 10.05.2022.
4. Стоянова, Е. Очи. Глаза. Гляделки (Фразеологические единицы с компонентом *глаз/глаза* сквозь призму метафоры) / Е. Стоянова. – Шумен : Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2013. – 240 с.
5. Стоянова, Е. Развитие лингвокультурного направления в болгарской русистике / Е. Стоянова // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков. Вып. 12. – Шумен : Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2018. – С. 145–212.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры. – 1996. – 288 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Федорова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/fedorov>. – Дата доступа: 10.05.2022.

К содержанию

Е. А. СТРУНЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

ВОСПРИЯТИЕ СТАРШЕКЛАССНИКАМИ

МИНИАТЮРЫ И. А. БУНИНА «РОМАН ГОРБУНА»

Содержание обучения русскому языку в 10–11 классах структурировано на основе компетентного подхода, в рамках которого развиваются и совершенствуются языковая, речевая, коммуникативная, риторическая и лингвокультурологическая компетенции. Формирование всех компетенций осуществляется на основе текстоцентрического подхода, благодаря чему изменился методический статус текста. Текст стал основной дидактической единицей на уроках русского языка, он выполняет познавательную, развивающую, эстетическую функции, являясь средством формирования интеллектуальной, духовной, социальной, национально-культурной, этической и эстетической сфер личности школьника, средством для воспитания у обучающихся личностно значимых качеств [1, с. 335].

Действующие учебники ориентируют учителя на обучение старшеклассников проводить лингвистический анализ текста – языковой анализ, направленный на выявление системы языковых средств, с помощью которых не только передается идейно-тематическое и эстетическое содержание речевого произведения, но и создается текст как лингвистическая единица.

В ходе педагогической практики в 10 классе СШ № 15 (учитель русского языка и литературы Г. А. Декола) мы провели урок по анализу миниатюры И. А. Бунина «Роман горбуна» [2, с. 1]. Целью было определение уровня умений учащихся выявлять текстообразующую роль частей речи в тексте. Эта тема в соответствии с действующей программой [3, с. 1] изучается сегодня на уроках русского языка. Под текстообразующей функцией грамматических единиц в лингвистике понимается их способность передавать разнообразные оттенки смысла в процессе передачи определенного содержания, участие в структурировании текста и оформлении типа и стиля речи. Приведем текст миниатюры (предложения в тексте пронумерованы нами для удобства в проведении анализа).

Роман горбуна

1 Горбун получил анонимное любовное письмо, приглашение на свидание:

2 «Будьте в субботу пятого апреля, в семь часов вечера, в сквере на Соборной площади. **3** Я молода, богата, свободна и – к чему скрывать! – давно знаю, давно люблю Вас, гордый и печальный взор, ваш благородный, умный лоб, ваше одиночество... **4** Я хочу надеяться, что и Вы найдете, быть может, во мне душу, родную Вам... **5** Мои приметы: серый английский костюм, в левой руке шелковый лиловый зонтик, в правой – букетик фиалок...».

6 Как он был потрясен, как ждал субботы: первое любовное письмо за всю жизнь! **7** В субботу он сходил к парикмахеру, купил (сиреневые) перчатки, новый (серый с красной искрой, под цвет костюму) галстук; дома, наряжаясь перед зеркалом, без конца перевязывал этот галстук своими длинными, тонкими пальцами, холодными и дрожащими: на щеках его, под тонкой кожей, разлился красивый, пятнистый румянец, прекрасные глаза потемнели... **8** Потом, нарядженный, он сел в кресло, – как гость, как чужой в своей собственной квартире, – и стал ждать рокового часа. **9** Наконец в столовой важно, грозно пробило шесть с половиной. **10** Он содрогнулся, поднялся, сдержанно, не спеша надел в прихожей весеннюю шляпу, взял трость и медленно вышел. **11** Но на улице уже не мог владеть собой – зашагал своими длинными и тонкими ногами быстрее, со всей вызывающей важностью, присущей горбу, но объятый тем блаженным страхом, с которым всегда предвкушаем мы счастье. **12** Когда же

быстро вошел в сквер возле собора, вдруг оцепенел на месте: навстречу ему, в розовом свете весенней зари, важными и длинными шагами шла в сером костюме и хорошенькой шляпке, похожей на мужскую, с зонтиком в левой руке и с фиалками в правой, – горбунья.

***13** Беспощаден кто-то к человеку!*

Учащиеся достаточно быстро определили, что тема этого рассказа – неоправданные ожидания человека, а основной мыслью является авторский тезис, расположенный в конце текста, – ***13** Беспощаден кто-то к человеку!* Затем началась работа по выявлению текстообразующей роли разных частей речи, и в этом учащимся потребовалась помощь учителя.

В тексте И. А. Бунина первое место по количеству занимают имена существительные (их в тексте 27,9 % от всех слов), они относятся к тематическим группам «письмо» (***1** приглашение, свидание, **2** сквер, площадь, **3** одиночество, душа, **4** костюм, зонтик, **5** букет фиалок*), «сборы» (***7** парикмахер, **7** перчатки, **7** галстук, **7** зеркало, **7** пальцы, румянец*), «встреча» (***11** страх, **11** счастье, **12** сквер, **12** собор, **12** горбунья*). Следовательно, отметили учащиеся, имена существительные выполняют функцию раскрытия темы.

Значимую роль в миниатюре играют прилагательные и причастия, их 21,1 %, т. е. каждое пятое слово. В коротком письме, полученном горбуном, в самохарактеристике горбунии используются краткие прилагательные: ***3** молода, богата, свободна*. Именно прилагательные указывают на то, что привлекло ее в горбуне: ***3** давно люблю Вас, гордый и печальный взор, ваш благородный, умный лоб*, именно с помощью прилагательного выражена надежда: ***4** Вы найдете, быть может, во мне душу, родную Вам*. Прилагательные характеризуют состояние горбуна в день свидания. Он купил ***7** сиреневые перчатки* и ***7** новый галстук, серый с красными искрами* – так мы видим, что для героя эти детали одежды были очень важны. Когда горбун одевался, его ***7** длинные и тонкие пальцы были холодными и дрожащими, на щеках его, под тонкой кожей, разлился красивый, пятнистый румянец, прекрасные глаза потемнели*. Идя на свидание, горбун шагал ***11** своими длинными и тонкими ногами быстрее, со всей вызывающей важностью, присущей горбу, но объятый... блаженным страхом...* У учащихся возникли проблемы в выявлении роли прилагательных и причастий, они пытались связать свои размышления больше с литературой, придавая прилагательным и причастиям философическую роль. Между тем текст миниатюры – это повествование с элементами описания, и прилагательные помогают читателю расширить представление о главных героях миниатюры и их состояниях в описываемом событии.

Роль глаголов в тексте (их всего 10,8 %) учащиеся определили верно: глаголы не только структурируют текст-повествование, но и играют смыслообразующую роль. Так, глагол *12 оцепенел* в тексте имеет значение ‘пришел в состояние неподвижности под влиянием какого-либо сильного ощущения, переживания’ [4, т. 2, с. 731] и показывает крушение надежд главного героя. Это слово имеет ключевое значение, поскольку помогает «расшифровать» в полной мере название текста – «Роман горбуна».

Учащиеся отметили, что наречий в тексте немного (всего 12), но каждое значимо в той или иной функции. Дважды употребленное в письме горбуни *давно* не оставляет сомнений в том, что молодая и богатая женщина действительно любит горбуна: *3 Я... давно знаю, давно люблю Вас...* Наречия помогают описать восприятие горбуном окружающей обстановки в день свидания: *9 Наконец в столовой важно, грозно пробило шесть с половиной.* Его еле сдерживаемые чувства подчеркивают тоже наречия: с одной стороны, *10 Он... сдержанно, не спеша надел в прихожей весеннюю шляпу, взял трость и медленно вышел,* с другой стороны, *11 на улице уже не мог владеть собой – зашагал... быстрее...* *12 Когда же быстро вошел в сквер возле собора, вдруг оцепенел...* В целом же наречия, отметили учащиеся, помогают автору оформить описательный аспект текста.

Учащиеся верно заметили, что местоимений в тексте немного (9,5 %), они относятся к разным разрядам и выполняют в тексте не техническую функцию замены существительных и прилагательных, а смысловую функцию. Так, в любовном письме есть личное местоимение *Вы* и притяжательное *ваши*, которые подчеркивают уважение автора письма к горбуну. Определительное местоимение *весь*, возвратное *себя* (*11 уже не мог владеть собой*), указательное *тот* (*11 объятый тем блаженным страхом, с которым всегда предвкушаем мы счастье*) усиливают описание состояния горбуна в день свидания, Личное местоимение *мы*, единожды употребленное в тексте (*11 объятый тем блаженным страхом, с которым всегда предвкушаем мы счастье*), объединяет автора и читателей, говоря об одинаковости чувств людей в подобных ситуациях. В предложении *13 Беспощаден кто-то к человеку!* школьники обратили внимание на местоимение *кто-то*, и дали объяснение: в данной формулировке под местоимением подразумевается Бог. Поэтому глубинная идея текста заключается в том, что каждый человек – это Божье творение, и так или иначе каждого по жизни сопровождает Тот, Кто дарит мгновения, которые нужно ценить.

Таким образом, с выявлением текстообразующей роли частей речи учащиеся в основном справились: оказалось, что все части речи в большей или меньшей мере участвуют в раскрытии смыслового ядра, организации

сюжета небольшого текста, оформлении типа речи. Имена существительные выполняют роль проводников темы и основной мысли, использование небольшого количества глаголов в данном тексте является «ключевым» для организации структуры текста-повествования, прилагательные помогают читателю расширить представление о главных героях миниатюры и их состояниях в описываемом событии, наречия выполняют вспомогательную функцию в описании окружающей обстановки.

Список использованной литературы

1. Academic.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lingvistics_dictionary.academic.ru. – Дата доступа: 23.07.2018.
2. Бунин, И. А Роман горбуна [Электронный ресурс] / И. А. Бунин. – Режим доступа: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/roman-gorbuna.htm>. – Дата доступа: 10.09.2020.
3. Программа по русскому языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adu.by/images/2020/08/up-Rusk1_bazavi_uroven.docx. – Дата доступа: 29.01.2021.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1984. – 4 т.

К содержанию

Е. А. СТРУНЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Ворон, канд. филол. наук, доцент

РИМСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПОЭЗИИ АКМЕИСТОВ

Среди ценностей духовной культуры, завещанных античностью всем народам, а через них человечеству в целом, историографии наряду с философией, литературой и искусством принадлежит почетное место. «Эллинизм» органично проник в поэзию О. Мандельштама и тесно связан с филологизмом. Для поэта античная литература никогда не была материалом для переводов или подражаний. Она стала пульсом его мироощущения, его поэтическим предчувствием. Под «эллинизмом» понимается филологизм О. Мандельштама, сосредоточенность поэта в слове, в его художественной обработке, в его применении как главного средства выражения мысли и его ведущей роли в попытке человека познать мир.

Многие исследователи отмечают умение О. Мандельштама, опустившись в поток времени, извлечь из него подлинные фрагменты древнего греческого мира и образы Рима. Он единственный из всех поэтов Серебряного века действительно смог выйти за рамки своего века, погрузившись во временной континуум и встретив образы забытых веков, и осмыслить,

интуитивно почувствовать их связь с веком современным, с современной цивилизацией, воплощенной в Париже и Петербурге.

Н. Гумилев и А. Ахматова также используют в поэзии литературные и исторические образы античности, которые позволяют глубже проникнуть в атмосферу не столько классической древности, сколько постигнуть события современности. В поэзии Н. Гумилева часто упоминается город Рим, его величие и роскошь. Поэт небрежен в использовании истории: он искажает исторические факты, подменяя и мифологизируя. Величие Рима и Римского государства для автора соотносится с величием и суровостью современной ему России.

Стихотворение «Каракалла» Н. Гумилева проникнуто идеей неизменности жизни, исторической повторяемости и вечности человеческого порока, воплотившегося в образе жестокого и кровожадного тирана Рима:

Образы властительные Рима,
Юлий Цезарь, Август и Помпей, –
 Это тень, бледна и еле зрима,
 Перед тихой тайною твоей [2, с. 15].

Н. Гумилев представлял себе мир в постоянном развитии и считал современного ему человека ступенью на пути к сверхчеловеку. Представленный ряд римских императоров «Юлий Цезарь, Август, Помпей» олицетворяет союз трех мужей, которые символизируют в данных строках «тень» благочестия по сравнению с суровой личностью Каракаллы. Они снискали славу благодаря государственным реформам и военным подвигам, а Каракалла запомнился кровопролитием. В произведении звучит, актуализируется проблема исторической памяти, исторической ответственности царей перед будущим.

В стихотворении О. Мандельштама «С веселым ржанием пасутся табуны» мы также видим параллели между событиями прошлого и новой историей через алогичные связи, прозрачные аллюзии, словесные метафоры. Почти все поэты касались вечной темы города Рима, но у О. Мандельштама вдруг *Римской ржавчиной окрасились долины* [1, с. 104].

Нет ничего вечного, как бы ни старались и ни утверждали себя на престолах власти, так как все безвозвратно и скоротечно: *Уносит времени прозрачная стремнина* [1, с. 104].

И в этом утверждении лежит глубокий философский смысл, напоминающий о законах мироздания тем, кто стремится о них забыть.

Образ А. Ахматовой вдохновлял многих поэтов, но только О. Мандельштам мог сравнить известный ахматовский профиль с самим Цезарем.

Я вспомню **Цезаря** прекрасные черты – сей профиль
женственный с коварною горбинкой [1, с. 104].

Стихотворение «Помпей у пиратов» Н. Гумилева тематически связано с образами Древнего Рима. Не возникает сомнений, что перед нами художественное изображение личности Помпея Сексты. Захваченный пиратами, Помпей не стал одним из них, не потерял свое достоинство, а сами пираты оказались его рабами. Образ Помпея в этом стихотворении романтичен и ироничен одновременно. Он благородный авантюрист, избранник судьбы, перед которым чувствуют раболепный страх даже самые закоренелые преступники:

Слышен зов. Это голос **Помпея**,
Окруженного стаей голубок.
Он кричит: «Эй, собаки, живее!
Где вино? Высыхает мой кубок [2, с. 15].

В образе Помпея мы вновь видим не идущего на уступки правителя. Помпей, окруженный «стаей голубок», уподобляется небесному посланнику. Но динамика образа Помпея построена на контрастах: «стая голубок», как атрибуты небесной символики, рифмуется с «кубком» – олицетворением веселья, пьянства и праздности.

Стихотворение «На саях, покрытых соломой...» О. Мандельштама вошло во второй сборник стихов «Тристаня». Оно тесно связано со значимым событием в жизни поэта: поэт впервые посетил Москву. Город впечатлил поэта тем, что сильно отличался от его любимого Санкт-Петербурга, поэтому в строках обыгрывается концепция «Москва – Третий Рим»:

Не три свечи горели, а три встречи –
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а **Рим** далече –
И никогда он **Рима** не любил [1, с. 115].

Под встречами понимается встреча с Москвой и с А. Ахматовой, которая открыла О. Мандельштаму новую Москву.

Продолжая тему Древнего Рима, в стихотворении О. Мандельштама «Обиженно уходят на холмы» практически завершается тема исторического противоречия между Грецией и Римом:

Обиженно уходят на холмы,
Как **Римом** недовольные **плебеи**,

Старухи овцы – черные халдеи,
 Исчадье ночи в капюшонах тьмы.
 Им нужен царь и черный **Авентин**,
Овечий Рим с его семью холмами [1, с. 5].

Халдей – представитель древнегреческого народа халдеев, бродячий представитель, **плебеи** – население Древнего Рима, права которых были строго ограничены, **Авентин** – один из 7 холмов, на которых возник древний город Рим. Рассмотрев все античные символы этого стихотворения, мы видим, что соединены воедино «жребий», «царь», «Рим» с его семью холмами. Свободный и творческий дух эллинизма вступает в противоречие с Римом, с духом римской государственности и закрепощенности.

Согласно античной традиции, близнецы Ромул и Рем (основатели Рима) родились в 771 г. до н. э. Стихотворение Н. Гумилева «Основатели» обыгрывает миф о сотворении Рима:

Ромул и Рем взошли на гору,
 Холм перед ними был дик и нем.
 Ромул сказал: «Здесь будет город».
 «Город как солнце», – ответил Рем [2, с. 90].

Автор подчеркивает, что великий город строился из ничего великими правителями. По преданию, младенцы были брошены на берегу реки, где их выкормила волчица. И повзрослев, братья-маугли решили основать новую общину в 754–753 г. до н. э. У братьев оказались весьма разные представления о будущем городе как разных путях развития любого государства – свободного или закрепощенного, – что, по мнению поэта, зависит от правителя.

Важное значение для понимания мировой литературы зачастую имеет знание античной мифологии и литературы, мифологических и исторических личностей античности, которые в последующие эпохи приобретают статус символов, создающих особое подтекстовое пространство художественного произведения. Поэты-акмеисты активно заимствуют римские исторические образы, вуалируя серьезные проблемы своей современности: власти, ответственности правителей перед народом и их будущим, скоротечности времени и вечности, которой наделяются лишь великие государи. Рим – вечный город – сопоставляется поэтами со столицей России, в чем отразились чаяния и надежды акмеистов о грядущей великой судьбе своей родины, оказывавшейся не раз в истории в руках недостойных правителей.

Список использованной литературы

1. Манделъштам, О. Э. Стихотворения / О. Э. Манделъштам ; предисл. В. Шубинского. – М. : Эксмо, 2021. – 384 с.
2. Серебряный век : сб. стихов / К. Бальмонт [и др.]. – М. : АСТ, 2021. – 352 с.

К содержанию

СУНЬ ФЭНИ, А. П. РЫБИКОВА

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Е. Н. Горегляд, канд. филол. наук, доцент

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ АУДИТОРИИ

Одной из основных потребностей человека является коммуникация – фактор, который способствует установлению контакта и взаимодействия в различных сферах жизни. В мультикультурной среде возрастает значимость решения проблем межкультурной коммуникации, выработки условий достижения взаимопонимания, формирование способности преодолевать и разрешать коммуникативные конфликты.

Мультикультурное образование есть «образование, создающее равные для всех этносов возможности реализации своих культурных потребностей, приобщающее молодежь к культурным и нравственным ценностям других стран и народов» [1].

На факультете гуманитаристики и межкультурных коммуникаций Витебского государственного университета имени П. М. Машерова обучаются иностранные студенты из Туркменистана, Узбекистана, России, Украины, Китая. Нахождение в иноязычной среде обуславливает необходимость постоянного, устойчивого общения, сложность которого обусловлена рядом причин, в том числе неподготовленностью молодых людей к иноязычной культуре, а также незнанием правил и тонкостей невербального общения.

Общение по своей сути является многоаспектным; коммуниканты не ограничиваются использованием только вербальных средств, но и привлекают невербальные (фонационные, кинетические, проксемические и т. д.). Для успешности общения коммуникантам важно не только (и не столько) владеть одним языком, сколько уметь понимать друг друга на эмоционально-чувственном уровне.

Соотношение невербальных средств общения различно для культур с высоким и низким контекстом (по классификации Э. Холла). Отличительными чертами высококонтекстуальных культур считаются, в частности, невыраженная, скрытая манера речи; наличие в речи многочисленных

и многозначительных пауз, значимость паралингвистических средств общения, использование невербальных сигналов и символов. Все это позволяет отнести по большинству параметров белорусскую, китайскую и туркменскую культуры к высококонтекстуальным. Однако система коммуникации (в том числе и невербальной) отличает одну культуру от другой.

Совокупность невербальных средств упрощенно называют «языком жестов». Однако в несловесном общении кроме жестов важны также мимика, прикосновения, дистанция коммуникации, визуальное взаимодействие, интонация и другие факторы. Важнейшей особенностью невербальной коммуникации является то, что она осуществляется с помощью всех органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния, каждый из которых образует свой канал коммуникации. В совокупности владение этими каналами позволит лучше понять собеседника и предвидеть дальнейшее развитие коммуникативной ситуации.

Одним из факторов, влияющих на невербальные знаки, являются культурные особенности. Поэтому, обучаясь в мультикультурной аудитории, необходимо ознакомиться с особенностями этикета другой страны. Уровень культуры влияет на систему жестов, представление об этикете, правильное воспитание.

Многое о собеседнике может рассказать, например, предпочитаемый цвет и стиль одежды. Так, в Китае национальные костюмы имеют множество оттенков красного цвета, а также золотистого и желтого – они являются по традиции цветами, которые обещают богатство и благополучие. Узбекский национальный костюм можно отличить по использованию ярких, насыщенных оттенков (считается, что темные цвета притягивают к себе зло и неудачи) и отказу от черного и темно-синего цвета в одежде.

К средствам невербальной коммуникации могут быть отнесены и различные условные обозначения, с помощью которых коммуникатор информирует о чем-то значимом для него, адресованном для сведения возможных реципиентов. Например, в знак траура в России, Беларуси надевают одежду черного цвета и используют черные траурные ленты; в Китае траурным цветом является белый; туркмены во время траура даже в помещении носят головной убор; узбеки надевают одежду голубого или синего цвета (цвета неба).

С целью выявления того, как относится представитель конкретной культуры к компонентам невербального общения, нами был проведен (как один из самых надежных и наиболее эффективных способов проверки) верифицирующий эксперимент. Мы предложили участникам опроса готовый перечень утверждений о коммуникативном поведении с целью установить, какое значение жестам и мимике придают в повседневной жизни представители разных культур, насколько грамотно они способны

расшифровывать невербальные послы своих собеседников, а также разбираются ли они в значении невербальных знаков как таковых.

В анкетировании была задействована группа русскоязычных студентов факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций Витебского государственного университета имени П. М. Машерова из 23 человек и группа китайских студентов этого же факультета из 21 человека. Возраст участников опроса составлял от 17 до 25 лет. Информантам предлагалось выбрать из списка тот вариант ответа, который соответствовал бы их взглядам на невербальную коммуникацию.

Согласно проведенному анкетированию, большинством русскоязычных участников опроса был набран достаточно высокий балл (20 и выше из 30 возможных), а максимальный балл (27) набрали три человека. Отметим, что в данной группе анкетиртуемых никто не выбрал ни в одном из заданий ответ, который предполагал абсолютное невнимание к невербалике.

Что касается китайских студентов, четверо при ответе на вопрос «Жесты моего собеседника могут рассказать гораздо больше, чем его слова» выбрали ответ «Нет, главное то, что он говорит». Только двое китайских студентов на вопрос «Я сам активно использую жесты и мимические сигналы, чтобы более точно передать свои эмоции собеседнику», выбрали ответ «Нет, я не считаю это необходимым». Четверо китайских студентов отметили, что у них были неловкие и конфузные ситуации, связанные с неправильным использованием жестов при разговоре с иностранными собеседниками. Самый низкий балл из всех анкетиртуемых представителей китайской культуры набрали лишь два человека; это говорит о том, что они совершенно не придают значения языку жестов и мимики. Причем объясняется этот факт не столько неумением считывать невербальные сигналы, а скорее индивидуальной особенностью пренебрегать этим моментом в процессе коммуникации. Для таких личностей оказывается важнее именно вербальный аспект сообщения, непосредственно звучащая речь.

Общая картина результатов опроса показала, что для большинства студентов информация, заключенная в невербальных компонентах коммуникации, все же играет немаловажную роль в общении. Показатели большей части опрошиваемых находятся в цифровом диапазоне, который характеризует их как людей, достаточно хорошо разбирающихся в невербальной коммуникации и умеющих неплохо применять жестовый язык на практике. Статистическая обработка полученных результатов выявила, что анкетиртуемые уделяют должное внимание мимическому и жестовому аспекту невербальной коммуникации, а также стремятся использовать

невербальные компоненты коммуникации на практике в ходе общения как с представителями своей лингвокультуры, так и с иностранцами.

Правильная интерпретация невербальных сигналов является важнейшим условием эффективного общения, способствует успешному диалогу культур и взаимопониманию между странами и людьми. Знание норм поведения, традиций и культуры страны в целом позволит молодым людям в будущем адекватно воспринимать и понимать не только друг друга, но и непосредственно самих носителей языка [2].

Список использованной литературы

1. Закирова, В. Г. Теории и технологии мультикультурного образования : монография / В. Г. Закирова, Л. А. Камалова. – Казань : Отечество, 2016. – 132 с.
2. Леонтьев, А. А. Мыслительные процессы в усвоении иностранного языка / А. А. Леонтьев // Иностр. яз. в шк. – 2005. – № 5. – С. 72–76.

К содержанию

Д. В. ТИТОВА

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель – Н. В. Ермалович, старший преподаватель

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В ПОВЕСТИ К. ПАУСТОВСКОГО «ЗОЛОТАЯ РОЗА»: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Грамматические отношения в синтаксической конструкции могут быть двух видов: объективно-синтаксические и субъективно-объективные. Объективно-синтаксические отношения – это отношения между словами в словосочетании, в предложении.

Субъективно-объективные отношения – это отношение всего высказывания или предложения к реальности. Иначе эти отношения называют модальными [2, с. 594]. Для осознания сущности модальных отношений рассмотрим такую категорию, как модальность. Модальность (от лат. *modus* ‘мера, способ’) – это грамматическая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказываемого, отношение высказывания к реальной действительности [5, с. 414]. Она может быть объективной и субъективной.

Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к объективному миру, она присутствует в любом высказывании и чаще всего выражается с помощью разных форм наклонения и времени глагола: *сады цветут, сады зацвели*. Субъективная модальность выражает отношение говорящего к высказыванию. В роли средства выражения субъективной модальности выступают модальные слова [5, с. 414–415].

Модальные слова – это лексико-грамматический разряд слов и выражений, с помощью которых говорящий оценивает свое высказывание в целом или его отдельные части с точки зрения их отношения к объективной действительности [4, с. 281]. Ранее модальные слова в русском языкознании не выделялись как отдельная категория, а рассматривались в составе наречий как их особый вид. Модальные слова в качестве самостоятельного лексико-грамматического разряда слов впервые описал В. В. Виноградов [5, с. 414].

В связи с тем, что этот разряд слов как определенную часть речи ученые стали рассматривать сравнительно недавно, единого подхода относительно значений модальных слов не существует. Самыми распространенными являются точки зрения, связанные с узкой и широкой трактовкой семантики модальных слов. Так, В. Д. Стариченок в своих трудах придерживается узкой трактовки и подразделяет модальные слова на два разряда (с утвердительным и предположительным значениями). В. В. Виноградов широко трактовал данное языковое явление, выделяя 12 семантических разрядов модальных слов [5, с. 416]. В данной статье мы будем придерживаться классификации, предложенной Е. А. Анисимовой и И. Н. Кавинкиной, где рассматривается четыре разряда модальных слов [1, с. 69].

Цель нашего исследования – выявить и классифицировать модальные слова, используемые в повести К. Г. Паустовского «Золотая роза», по семантическому признаку.

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) – советский писатель, классик русской литературы XX в. В своем творчестве воспевал красоту природы, писал поучительные сказки и рассказы для детей. Очень много путешествовал по России. Во время поездок старался свои впечатления переносить на бумагу.

«Золотая роза» – особенная книга в творчестве Паустовского, вышедшая в 1955 г. В этом произведении автор приоткрывает завесу над собственным творчеством, рассказывает о себе, источниках творчества и роли писателя для мира.

В ходе исследования было изучено 14 глав повести «Золотая роза» и выделено путем метода сплошной выборки 46 единиц модальных слов, многие из которых повторяются. Все выявленные слова были распределены по следующим разрядам, соответствующим классификации Е. А. Анисимовой и И. Н. Кавинкиной:

1) слова, выражающие различную степень уверенности. Например: *Вот, собственно, и вся маленькая история, случившаяся на Майори на Рижском взморье* [3, с. 122]; *Я, конечно, знал, что есть дожди моросящие, слепые, обложные, грибные, спорые, дожди, идущие полосами, – полосовые, косые, сильные окатные дожди и, наконец, ливни* [3, с. 79];

2) слова, выражающие различную степень неуверенности: *Может, он там хоть лишний год проживет* [3, с. 51]; *Кто знает, будет ли это случайная встреча, запавшее в душу слово, сон, отдаленный голос, свет солнца в капле воды или гудок парохода* [3, с. 37];

3) слова, выражающие эмоциональное отношение к высказываемому: *Слава богу, она не дождала до такого позора* [3, с. 31]; *За много веков люди, к счастью, не научились освобождать психическую энергию геологических напластований* [3, с. 56];

4) слова, выражающие соотношенность с другим лицом: *Проза должна быть, по его мнению, отработана до предельной точности и закалена до твердости алмаза* [3, с. 112]; *Пушкин, по его собственным словам, каждой осенью расцветал вновь* [3, с. 107].

Анализ результатов проведенного исследования позволил выявить, что к I разряду относится 17 слов, что составляет 37 % от общего количества, ко II разряду – 15 слов (33 %), к III и IV разрядам – по 7 слов соответственно (15 %). Наглядно распределение модальных слов по семантическому признаку представлено в виде диаграммы (рисунок).

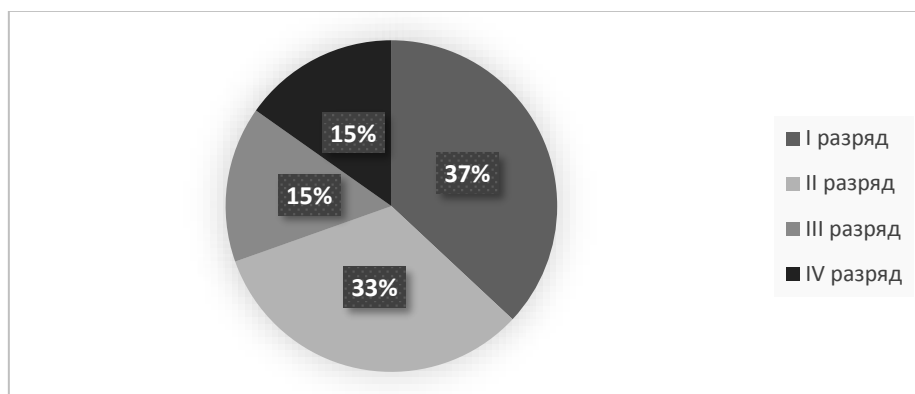

Рисунок – Распределение модальных слов по семантическому признаку

Таким образом, можно сделать вывод о том, что К. Паустовский использовал модальные слова, чтобы выразить свое отношение к написанному, указать на источник информации или же показать степень уверенности в той или иной информации. Введение модальных слов в текст делает произведение более живым, ярким. Автор хочет, чтобы читатель услышал его точку зрения, желает, чтобы строки произведения читались более вдумчиво.

Очевидно, что модальные слова обогащают речь, окрашивая ее различными оттенками субъективного отношения к содержанию высказывания, а также служат средством связи сказанного с контекстом или же с конкретной ситуацией, используются для плавного перехода от одной мысли к другой.

Список использованной литературы

1. Анисимова, Е. А. Грамматика. Глагол. Наречие. Служебные части речи и другие классы слов : пособие / Е. А. Анисимова, И. Н. Кавинкина. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 153 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
3. Паустовский, К. Золотая роза : повести / К. Паустовский. – Минск : Юнацтва, 1996. – 383 с.
4. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык : пособие / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – 8-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2006. – 448 с.
5. Современный русский литературный язык : учеб. пособие / В. Д. Стариченок [и др.] ; под ред. В. Д. Стариченка. – Минск : Выш. шк., 2012. – 591 с.

К содержанию

Н. В. ТОКМАКОВА

Ярославль, ЯГПУ имени К. Д. Ушинского

Научный руководитель – Ж. К. Гапонова, канд. филол. наук, доцент

АКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАЗВАНИЯХ ЮВЕЛИРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОРГАНИЗАЦИЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Для многих культур характерно влечение к драгоценным металлам и камням, что, безусловно, приводит к появлению большого количества разных предприятий и организаций, занимающихся изготовлением ювелирных изделий. Чтобы лучше понять, какое место занимают названия предприятий ювелирного производства в системе языка вообще и в системе имен собственных в частности, следует рассмотреть их формальную структуру. Для изучения указанной области ономастикона были выбраны названия Костромской области, поскольку на территории Костромской области существуют довольно древние предприятия по обработке драгоценных металлов. Именно Костромской край является ювелирной столицей России.

По структуре номинации названия ювелирных предприятий могут быть как однословными, так и составными. Наш материал показал, что среди названий преобладают однословные. Они составляют 63,5 % (например, «Адалин», «Алькор», «Амбер», «Ганибал», «Гродес», «Декун», «Иллада», «Калетта», «Нордика», «Ника+», «Росса», «София», «Сорокин», «Славнов» и др.). Составные названия составляют 36,5 % от общего числа наименований ювелирной промышленности (например, «Артефакт Jewelry», «Белый бриллиант», «Северная Фиваида», «Золотые узоры», «Золотая волна», «Золотой ключик», «Золотой дождь», «Золотое руно», «Золотые традиции», «Золотые мечты» и др.).

Еще одним аспектом классификации наименований является «степень прозрачности», т. е. разделение коммерческой номинации на прямую и непрямую номинации: к прямой номинации можно отнести наименования, указывающие на непосредственное название товара или услуги: «Алмазные грани», «Лавка ювелира», «Ювелиры России», «Ювелирные традиции», «Ваш ювелир» и др. К непрямой номинации будут относиться единицы, в которых отсутствует связь названия с предлагаемым товаром либо они построены на ассоциативных представлениях, возникающих в сознании носителей языка: «Адалин», «Алькор», «Амбер», «Ганибал», «Гродес», «Декун», «Иллада», «Калетта», «Нордика», «Ника+», «Росса», «София», «Сорокин», «Славнов», «Адамас», «Александрит», «Аквамарин», «Аверс», «Сонир», «Титул», «Северная Фиваида», «Золотые узоры», «Золотая волна», «Золотой ключик», «Золотой дождь», «Золотое руно» и др.

Большинство (92 %) наименований являются прямыми номинациями и лишь 8 % – непрямыми. Судя по собранному материалу, большая часть предпринимателей ориентируется на мотивированные, односложные, не прямые номинации, позволяющие влиять на потенциальных покупателей.

Рассмотрим названия ювелирных предприятий с точки зрения наличия мотивировки в номинации. Среди проанализированных наименований 77,8 % составляют мотивированные названия ювелирного производства (например, «Артефакт Jewelry», «Александрит», «Северная Фиваида», «Сонир», «Титул», «Гиалит», «Диадема», «Золотов», «Золотые узоры» и мн. др.). К немотивированным наименованиям ювелирного производства мы отнесли 22,2 % от общего числа наименований.

Названия ювелирных предприятий можно разделить на группы, в зависимости от того, какой мотивировочный признак лежит в основе наименований ювелирных предприятий Костромской области.

Прежде всего выделяются предприятия, в названии которых содержится указание на имя владельца. Множество предпринимателей дают имена или фамилии своему делу. Следует отметить, что не каждая фамилия подходит для названия производства. Она должна быть редкой, запоминающейся или графически красиво обрисованной, например: *Декун*, *Ганибал*, *Славнов*. Фамилия владельца сети магазинов «Sokolov Jewelry» довольно распространенная, поэтому пришлось обыграть ее иностранным написанием и присоединением иностранного слова со значением, связанным с ювелирной промышленностью (перевод с англ. яз. *Jewelry* ‘ювелирные изделия’). Кроме того, написание русского слова латиницей отражает одну из современных тенденций в ономастике – использование букв разных алфавитов с целью достижения особой экспрессии и воздействия на потенциального покупателя. Изначально предприятие носило название

«Диамант», символично связанное с драгоценным камнем, но по стечению обстоятельств было переименовано.

Вторая группа проанализированных нами наименований – это наименования, образованные от названий драгоценных камней, металлов, минералов и т. п., например: «Аквамарин», «Александрит», «Белый бриллиант», «Гиалит», «Адамас» (наименование построено по следующему принципу: есть всем известное слово *адамант* – ‘алмаз, бриллиант’, но слово это происходит от греч. *adamas* или *adamantos*, т. е. в качестве названия взят не привычный вариант, а калька с греческого слова), «Платина», «Рубин», «Сапфир».

Одной из наиболее распространенных тенденций в названиях является указание на деятельность, связанную с драгоценностями. Предприниматели хотят, чтобы наименования «кричали» об области производства. В третью группу мы включили наименования, которые представляют собой, как правило, выдуманные или специально взятые фамилии, производные от слов, связанных с ювелирным производством. Такие названия в ювелирной промышленности встречаются довольно редко, но у покупателей такие магазины вызывают интерес, например, ювелирное предприятие «Золотов». Необычное объединение слова *золото* и использование суффикса фамилии делает название прозрачным для потребителя. В других сферах наименования-фамилии также встречаются, что свидетельствует о том, что обозначенная тенденция номинирования разных объектов городской среды является модной.

Некоторые номинации представляют собой названия-метафоры. Эти словосочетания включают в себе отсылку к ювелирному делу, но при этом создают красивый образ, привлекающий потребителей: ювелирная компания «Золотые узоры», «Серебряный дом»; ювелирная мастерская «Золотая волна»; магазин ювелирных камней «Золотой ключик»; ювелирные магазины «Золотой дождь», «Золотые традиции», «Золотые мечты», «Ювелирные традиции». Как видим, названия актуализируют в сознании потребителей достаточно устойчивые положительные ассоциации с мечтами, красивыми узорами, указывают на традиции.

Другую группу наименований представляют названия, связанные с мифологией. Достаточно редко владельцы углубляются в мифологию для того, чтобы дать название своему делу. Поэтому в Костромской области нашлось всего одно предприятие, связанное с мифологией («Золотое руно»).

Кроме того, нам встретилось всего одно наименование, содержащее указание на связь с религией или религиозной тематикой («Иордань»).

Отдельную группу наименований составляют названия, указывающие на местонахождение предприятия: «Серебро России», «Серебряная

Кострома», ювелирное предприятие «Ювелиры России», «Красносельское серебро». Большая часть ювелирной промышленности находится в пгт Красное-на-Волге. Именно там производятся лучшие ювелирные изделия, которые славятся на всю страну.

Следующую группу названий составляют имена, содержащие отсылку к профессии ювелира, к объектам его работы или к материалам, с помощью которых он изготавливает изделия: ювелирная компания «Алмазные грани»; ювелирная мастерская «Ваш ювелир». К этим названиям примыкают наименования, напрямую не связанные с ювелирной промышленностью, однако их названия могут указывать на различные предметы, связанные с драгоценными металлами, например, ювелирный магазин «Аверс». Аверс (от фр. *avers*, от лат. *adversus* 'обращенный лицом') – 'лицевая сторона монеты или медали'.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам: мотивированных наименований ювелирных предприятий в Костромской области больше, чем немотивированных. Мотивированные названия составляют 77,8 % от общего числа наименований.

Принципы нейминга рассмотренных ювелирных предприятий и организаций нашли отражение в выделении нескольких групп онимов, которые отражают тенденции современных предпринимателей, связавших свое дело с ювелирным производством.

Таким образом, наши исследования показали, что запоминающееся, яркое название ювелирного предприятия, вызывающее положительные ассоциации у покупателя, играет огромную роль в развитии бизнеса. Многие владельцы не обращают внимания на правильно выбранное наименование, но, как оказалось, первое впечатление от фирмы производит именно его название.

К содержанию

У СЯО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Зуева, преподаватель

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИИ КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Языки не изолированы друг от друга, так как «начиная с древнейших, дописьменных времен через языковые контакты на бытовой, экономической, просветительской, политической почве в исконный русский язык входили заимствованные слова» [1, с. 267]. Китайских слов, в отличие

от французских, немецких, английских и других европейских языков, в русском языке мало. **Целью** статьи является рассмотрение этимологии китаизмов в современном русском языке. **Материалом** послужили слова китайского происхождения, зафиксированные этимологическими словарями и топонимическим словарем (см. список условных сокращений).

Анализ языкового материала показал, что по происхождению выделены следующие группы китайских заимствований:

I. Прямые [1, с. 268], где выделяются типы:

1) китайский_{язык-источник} → **русский**_{язык-преемник}: *байховый (чай)* – от *baihua* ‘белый цветок’ (ЭС, т. 1, с. 108); *женьшень* – от *жень* ‘человек’ (КЭС, с. 145); *Наньшань* – ‘южные горы’ (ТС, с. 282); *Сычуань* – от *сы* ‘четыре’ и *чуань* ‘река’ (ТС, с. 404); *Сянган* – от *сян* ‘аромат’ и *ган* ‘залив, бухта’. Из южно-китайского диалекта *Хенкен*, англ. форма *Hongkong* (ТС, с. 404); *Тяньцзинь* – от *тянь* ‘небо’ и *цзинь* ‘столица’ (ТС, с. 427); *Ухань* – название из первых слогов названий объединившихся городов: *У* от *Учан*, а *хань* – общий слог двух других названий (ТС, с. 436); *Фуцзянь* – провинция, образованная путем объединения областей *Фучжоу* и *Цзяньчжоу* (*чжоу* ‘округ, область’); название из первых слогов названий этих областей: *фу* + *цзянь* (ТС, с. 443); *Хуанхэ* – от *хуан* ‘желтая’ и *хэ* ‘река’ (ТС, с. 451); *Хубэй* – от *ху* ‘озеро’ и *бэй* ‘северный’ (ТС, с. 451); *Хэбэй* – от *бэй* ‘северный’ и *хэ* ‘река’ (ТС, с. 452); *Хэйлунцзян* – от *хэй* ‘черный’, *лун* ‘дракон’ и *цзян* ‘река’ (ТС, с. 452); *Хэнань* – от *нань* ‘южный’ и *хэ* ‘река’ (ТС, с. 452); *Хэси* – от *хэ* ‘река, канал, проход’, и *си* ‘запад’ (ТС, с. 452); *Цзюлун* – от *цзю* ‘девять’ и *лун* ‘дракон’ (ТС, с. 454); *Цзянси* – область *Цзяннань* от *цзян* ‘река’ и *нань* ‘южный’, но это слово было названием реки Янцзы, которую разделили на два округа, один из которых назывался *Цзяннаньсилу* от *си* ‘западный’ и *лу* ‘округ’. Провинция получила сокращенное название *Цзянси* ‘западнее реки (Янцзы)’ (ТС, с. 454); *Цзянсу* – образовано путем объединения областей *Цзяннин* и *Сучжоу*; название из первых слогов названий этих областей: *цзян* + *су* (ТС, с. 454); *Циндао* – от *цин* ‘синий, голубой’ и *дао* ‘остров’. *Чесуча, чечунча, чичунча, чесунча, чесуча* – заимствовано из китайского *tšoudzy* ‘шелк-сырец’ (ЭСРЯ, т. 4, с. 351, 356); *Чунцин* – ‘двойное празднование’ (ТС, с. 467); *Чэнду* – от *чэн* ‘городская стена, крепость’ и *ду* ‘столица, крупный город’ (ТС, с. 467); *Шанхай* – от *шан* ‘вверху, над’ и *хай* ‘море’ (ТС, с. 469); *Шаньдун* – от *шань* ‘гора’, *дун* ‘восточный’ (ТС, с. 469); *Шаньси* – от *шань* ‘гора’, *си* ‘западный’ (ТС, с. 469); *Шаньтоу* – от *шань* ‘гора’ и *тоу* ‘голова’; в южнокитайском чтении *Сватоу* (ТС, с. 469); *Юньнань* – от *юнь* ‘облако’ и *нань* ‘юг’ (ТС, с. 488); *Янцзы, Янцзыцзян, Чанцзян* – начинается в Тибете, где называется *Муруй-Ус, Джичу* (от монгольского, тибетского *мурен, ус, чу* ‘река’), далее китайское *Цзинь-шацзян* ‘река золотого

песка', ниже города Янчжоу, известного как Янцзы, река получает название *Янцзыцзян* 'река города Янцзы'. Для всей реки в целом, на всем ее протяжении, в Китае применяется название *Чанцзян* 'длинная река'. В других языках в качестве названия всей реки употребляется название ее нижнего участка в сокращенной форме *Янцзы* (ТС, с. 491);

2) **ицзу**_{язык-источник} (на ицзу говорят в провинции Сычуань) → **русский**_{язык-преемник}: *Куньмин* – от этнонима племен, предков современных ицзу (лоло-бирманская подгруппа центральной группы синотибетской семьи языков) (ТС, с. 230);

3) **южнокитайское произношение**_{источник} → **русский**_{язык-преемник}: *Пекин* – в китайском произношении *Бэйцзин* 'северная столица'. В русском употреблении форма *Пекин* из принятого в европейских странах *Peking*, основанного на южнокитайском произношении (ТС, с. 324).

II. Опосредованные [1, с. 268], где выделяются типы:

1) **китайский**_{язык-источник} → **тюркские**_{языки-посредники} → **русский**_{язык-преемник}: *жемчуг* – из тюркских языков, где оно является переоформлением китайского *гончу*, сложения *гон* 'настоящий' и *чу* 'жемчуг' (КЭС, с. 144–145); *чай* – через турецкое, татарское, киргизское, алтайское, монгольское *čaj* 'чай', уйгурское *ча* из северно-китайского *čhā* 'чай', южнокитайское *tē* послужило источником западноевропейским названиям чая – французское *thé*, итальянское *tè* (ЭС, т. 4, с. 311);

2) **китайский**_{язык-источник} → **европейские**_{языки-посредники} → **русский**_{язык-преемник}: *каолин* – из французского *kaolin* из китайского *kao-ling* 'особый вид глины', восходит к топониму *Kao-ling*, где *kao* 'высокий' и *ling* 'холм, гора' (КЭС, с. 186); *нанка* – из французского *nankin* или немецкого *Nanking* от названия китайского города. Очевидно обратное образование из нанкин, которое могло быть понято как прилагательное на -ин (ЭС, т. 3, с. 41); *тайфун* – через немецкое *Taifun* или английское *typhoon* из китайского *taifung* 'сильный ветер' или арабского *tūfān* 'прилив', которое из греческого *τῦφῶν*, откуда русское *тифон* 'вихрь' (ЭС, т. 4, с. 12).

III. Слова, связанные с Китаем, но не являющиеся китайскими по этимологии (имеются свои номинации на китайском языке), где выделены типы:

1) **тунгусо-маньчжурский**_{язык-источник} → **русский**_{язык-преемник} – (**китайский язык**_{своя номинация}): *Гирин* – от тунгусо-маньчжурского *гиринь* 'ряд домов, квартал'. Китайское название *Цзилинь*. Существует мнение, что провинция названа по реке Сунгари, маньчжурское название которой *Гирин-Ула*. Название *Гирин-Ула* (маньчжурское *ула* 'большая река') вторично, образовано от названия *Гирин* (ТС, с. 168);

2) **монгольский**_{язык-источник} → **русский**_{язык-преемник} – (**китайский язык**_{своя номинация}): *Китай* (китайцы название *Китай* для своей страны

не употребляют) – от монгольского *кидане* (*китай*) группы монгольских племен, покоривших территорию северного Китая. Сами китайцы называют свою страну *Чжунго* ‘Срединное государство’. В других языках используются названия (*Х/Ч/К*)ина, образованные от *Цинь* – царства в Древнем Китае (ТС, с. 204).

IV. Кальки из других языков: *Тянь-шань* – ‘небесные горы’, китайская калька монгольско-тюркского *Тенгри-Таг* с тем же значением (монгольское *тэнгэр* ‘небо’ и тюркское *таг* ‘гора’) (ТС, с. 427).

V. Слова с утраченной этимологией: *Куньлунь*, *Куэнь-Лунь* – этимология утрачена. Объяснение как ‘луковые горы’ является попыткой осмысления непонятного названия (ТС, с. 230).

Таким образом, анализ этимологии китаизмов показал, что по происхождению китайские заимствования в русском языке делятся на 1) прямые; 2) опосредованные; 3) слова, связанные с Китаем, но не являющиеся китайскими по этимологии; 4) кальки из других языков; 5) слова с утраченной этимологией.

Список условных сокращений

КЭС – Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.; **ТС** – Пospelов, Е. М. Географические названия мира: топоним. слов. / Е. М. Пospelов. – М.: Рус. слов.: Астрель: АСТ, 2002. – 512 с.; **ЭС** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – М.: Прогресс, 1986–1987. – 4 т.

Список использованной литературы

1. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. / Е. И. Диброва [и др.]; под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Академия, 2008. – Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Морфемика. Словообразование. – 480 с.

К содержанию

Е. М. ФЕДУРО

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Е. Н. Горегляд, канд. филол. наук, доцент

УТРАЧЕННЫЕ НАЗВАНИЯ УЛИЦ БЕЛАРУСИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Урбанонимная лексика является ценным источником изучения духовной культуры народа. Значимость изучения внутригородских названий объясняется важностью топонимных фактов и отношений для решения

многих теоретических вопросов языкознания в целом и ономастики в частности, ценностью их для сравнительно-исторических и этимологических изысканий, для решения проблем культурологической направленности.

Урбанонимия с ее чрезвычайной прагматической значимостью для человека вызывает особый интерес и требует к себе пристального внимания еще и потому, что она – необходимое звено в изучении лексической системы конкретного языка.

Названия улиц и других мелких объектов внутри населенных пунктов составляют сложную систему, связанную с многочисленными переосмыслениями одних и тех же имен в связи с включением их в разные системы.

В XVIII–XIX вв. названия улиц возникали стихийно. В это время появляется множество наименований, связанных с характером деятельности промышленных торговых предприятий, с фамилиями владельцев фабрик, домов, земельных участков. Нередко в некоторых названиях улиц отражались особенности местного ландшафта [1, с. 3].

Новый этап начался после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Революционная эпоха вызвала к жизни новые имена, насыщенные революционным и гражданским пафосом [1, с. 4].

Урбанонимикон Беларуси разнообразен и не статичен. В результате исследования нами был установлен корпус переименованных внутригородских объектов в границах Республики Беларусь. Среди них преобладают топонимы атрибутивного типа, что обусловлено удобством в произношении, и генитивного типа, распространение которого объясняется ходом исторического развития, а также искусственной номинацией топонимов.

Атрибутивный тип возник в древние времена и является продуктом естественной номинации [3, с. 25]. Из-за относительно свободного порядка расположения компонентов наименования атрибутивного типа просты и удобны в произношении. Что касается генитивного типа, его использование активизировалось после 1917 г., когда массовые переименования послереволюционных лет принесли целый поток названий в форме родительного падежа [3, с. 28].

По структуре все утраченные топонимы подразделяются на простые и составные. Большинство из них (91 из 152) до переименования являлись простыми: ул. *Молодежная* (Минск, до 1967 г.), ул. *Центральная* (Витебск, до 2017 г.), ул. *Песочная* (Гомель, до 2013 г.), ул. *Гоголевская* (Витебск, до 1962 г.), ул. *Стеклова* (Витебск, до 1950 г.) и др. Остальные (61) – сложными: ул. *1-я рабочая* (Гомель, до 1951 г.), ул. *Советских Пограничников* (Минск, до 1979 г.), ул. *4-я Поперечная* (Гомель, до 1950 г.), ул. *2-я Сельмашевская* (Гомель, до 1963 г.), ул. *Демьяна Бедного* (Гомель,

до 2018 г.). Преобладание простых годонимов может быть связано со склонностью языка к упрощению и произнесением названий в усеченных формах.

Среди переименованных годонимов преобладали улицы (80). Несколько меньше было выявлено остановочных пунктов (40), проспектов (16), переулков (6) и шоссе (6). Самой малочисленной группой оказались названия площадей (4).

Все утраченные годонимы мы классифицировали по нескольким тематическим группам:

1) наименования, связанные с коммунистическим движением и именами советских общественных и политических деятелей, исторических личностей:

Ленинский проспект (Витебск, до 1951 г.);

ул. Ворошилова (Минск, до 1956 г.);

ул. Опанского (Минск, до 1967 г.);

ул. Дзержинского (Минск, до 1977 г.);

ул. Жданова (Минск, до 1990 г.);

ул. Кропоткина (Витебск, до 1950 г.) и др.;

2) наименования, заключающие в себе указание на пространственное расположение и направление улиц:

ул. Центральная (Витебск, до 2017 г.);

ул. Московская (Витебск, до 1973 г.);

Городокское шоссе (Витебск, до 1973 г.);

1-я Смоленская улица (Витебск, до 1973 г.);

Могилевское шоссе (Минск, до 1967 г.);

ул. Подлесная (Минск, до 1982 г.) и др.;

3) наименования, связанные с именами литературных деятелей:

ул. Гоголевская (Витебск, до 1962 г.);

ул. Горького (Минск, до 1967 г.) и др.;

4) наименования, названные в соответствии с объектами, расположенными на данной улице:

ул. Обувная (Минск, до 1967 г.);

ул. Сторожевская (Минск, до 1967 г.);

ул. Типографская (Минск, до 1976 г.);

проезд Инженерный (Гомель, до 1982 г.);

ул. Театральная (Гомель, до 1977 г.);

ул. Замковая (Витебск, в XX в. переименовывалась пять раз, последний – в конце 1973 г.);

ул. Канатная (Витебск, до 1933 г.) и др.

Самой многочисленной является группа годонимов, связанная с коммунистическим движением и именами советских общественных

и политических деятелей, исторических личностей. Подобные номинации подчеркивают значимость исторических событий и обусловлены политической государством в конкретный период времени. Утрату данных топонимов можно объяснить постепенными идеологическими и политическими изменениями в обществе.

Не менее широко представлена группа топонимов, связанных с указанием на пространственное расположение и направление улиц, что позволяло проще ориентироваться как в одном населенном пункте, так и между несколькими (например, *Городокское шоссе* вело по направлению к Городку – городу в Витебском районе), а также указывало на близлежащие объекты городского пространства (например, на *улице Канатной*, которая располагалась в районе Задвинье в Витебске, находилась фабрика по производству канатов). Однако по истечении времени большинство наименований теряли актуальность: *улица Ипподромная* (Минск, до 1960 г.) получила свое название в связи с тем, что на ней должен был быть построен ипподром, однако эта идея так и не была реализована; улица, названная *Полевой* (Гомель, до 2016 г.), с годами застраивалась, и наименование потеряло изначально заложенный смысл.

Самой малочисленной оказалась группа топонимов, связанная наименованиями объектов, расположенных непосредственно на данной улице. Изначально подобного рода наименования помогали лучше ориентироваться среди улиц города, однако в условиях постоянно меняющегося города такое наименование быстро могло потерять актуальность.

Приведенные в исследовании тематические группы топонимов свидетельствуют о различных подходах к наименованию улиц в разные исторические периоды. Так, до середины XX в. преобладали идеи коммунистической направленности, обусловленные патриотизмом советских людей. После событий Великой Отечественной войны произошел ряд переименований с целью увековечить память героев.

Системное изучение топонимной лексики открывает широкие перспективы для моделирования языковой картины мира белорусского народа. В связи с этим и в XXI в. представляется необходимым и актуальным сбор и осмысление лексического материала для обозначения местных (на фоне общечеловеческих) географических понятий [2, с. 285].

В Беларуси ценят и стремятся сберечь культурное наследие предыдущих исторических периодов. Изучение истории наименований внутригородских объектов способствует сохранению памяти о духовной жизни народа, о культуре ушедшей эпохи.

Список использованной литературы

1. Горбачевич, К. С. Почему так названы? О происхождении старинных названий в Ленинграде / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Л. : Лениздат, 1960. – 146 с.

2. Мезенко, А. М. Имя внутригородского объекта в истории: Об урбанонимах Беларуси XIV – нач. XX в. / А. М. Мезенко. – Минск : Выш. шк., 2003. – 301 с.

3. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.

К содержанию

І. І. ХАФІЗАЎ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Г. М. Ішчанка, канд. філал. навук, дацэнт

ТЭАРЭТЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ АСЭНСАВАННЯ ДУХОЎНАГА І ДУХОЎНАСЦІ Ў ЛІТАРАТУРЫ

Вывучэнне беларускай літаратуры, культуры і мастацтва немагчыма без разумення катэгорыі духоўнасці. Даследаванне творчасці любога беларускага пісьменніка і паэта, у якім бы там ні было навуковым гісторыка-літаратуразнаўчым кантэксце, нязменна прадугледжвае зварот даследчыка да дадзенай катэгорыі пры разглядзе і вывучэнні той ці іншай канкрэтнай літаратурнай тэматыкі.

Духоўнасць – дастаткова аб’ёмістая і шматбаковая ў філасофскім і культурна-эстэтычным плане катэгорыя. Як вядома, чым шырэй і змястоўней паняцце, тым цяжэй яго вызначыць. Расійскі літаратуразнаўца А. А. Сталяроў у сваёй манаграфіі дае наступнае разгорнутае вызначэнне гэтага паняцця: “Духоўнасць – пэўны стан унутранага свету чалавека і накіраванасць яго свядомасці на ўспрыманне жыцця і яго разумення ў святле Вышэйшых пачаткаў. Для рэлігійнай свядомасці Вышэйшыя пачаткі жыцця канцэнтруюцца ў ідэі Бога, Усявышняга. Для нерэлігійнай, свецкай, секулярызаванай свядомасці духоўнасць – нейкі вышэйшы і адначасова глыбінны сэнс разумення і пасціжэння рэальных з’яў і працэсаў жыцця – таго ў зямным індывідуальна-сацыяльным і культурна-творчым быцці, што адухаўляе саму рэальнасць, само быццё, адкрываючы для чалавечага пачування новыя гарызонты” [1, с. 17].

Прыведзенае вызначэнне духоўнасці найбольш дакладна выяўляе разнастайнасць і шматпланавасць мастацка-эстэтычных пошукаў аўтараў. Менавіта гэтае вызначэнне дапамагае даследчыку глыбей спасцігнуць высокі сэнс пачуццяў абраных пісьменнікаў, абумоўленыя як іх рэлігійным, гэтак і секулярызаваным светапоглядам. Секулярызаваная свядомасць, характэрная для сусветнага грамадства XX ст., прывяла да далейшага перасэнсавання катэгорыі духоўнасці. Менавіта татальная секулярызацыя грамадства з’явілася вытокам шматпланавасці і неадназначнасці катэгорыі

духоўнасці. Яе неадназначнасць уласцівая ўсім творам сусветнай мастацкай літаратуры ХХ ст.

Шматпланавасць духоўнасці ў сучасным навуковым, практычным і творчым, мастацкім кантэксце асваення свету мае вялікае значэнне для сапраўднага даследавання. На думку А. Сталярова, “менавіта шматпланавасць, шматзначнасць і шматграннасць, аб’ёмнасць катэгорыі духоўнасці дае магчымасць сучасным даследчыкам гаварыць пра тую ці іншую праблематыку, звязаную з творчасцю пэўнага аўтара; яна дапамагае дакладна і выразна зразумець і прааналізаваць тыя моманты і сюжэты яго твораў, анталагічным імпульсам для якіх стала арыентацыя на спасціжэнне вышэйшага сэнсу жыцця” [1, с. 24].

Традыцыі духоўнай хрысціянскай паэзіі і агіяграфічнай літаратуры, так ці інакш, знайшлі свой працяг у шматлікіх творах беларускіх пісьменнікаў ХХ–ХХІ стст. Яскравы прыклад таму – творчасць Р. Барадудзіна.

Хрысціянская духоўнасць, уласцівая свядомасці многіх класікаў беларускай літаратуры ХХ ст., стала тым мастацка-эстэтычным, светапоглядным творчым падмуркам, дзякуючы якому былі захаваны найважнейшыя традыцыі айчынай літаратуры ранейшых стагоддзяў. У сваёй працы мы паспрабуем выявіць як рэлігійна-хрысціянская (праваслаўна-каталіцкая) духоўнасць уплывала на творчасць трох выдатных пісьменнікаў: Р. Барадудзіна, Н. Гілевіча і В. Быкава.

Даследуемых намі аўтараў звязвае не толькі гістарычны час, хоць той факт, што яны былі сучаснікамі таксама іграе важную ролю, іх радніць перш за ўсё трапяткое стаўленне да беларускай культуры, гісторыі і нацыянальнай духоўнай спадчыны. Энцыклапедычная адукаванасць, шырыня творчых інтарэсаў і арыентацыя на духоўныя вылучае Р. Барадудзіна, Н. Гілевіча і В. Быкава ў шэрагу іншых пісьменнікаў-сучаснікаў. Канешне, у гады масавага атэізму і ідэалагічнага дыктату яны не сталі дысідэнтамі, адкрыта прапагандуючымі рэлігійную духоўнасць у сваіх творах. На поўны моц духоўны патэнцыял сваёй творчасці гэтыя мастакі слова змаглі раскрыць толькі з надыходам часу перабудовы, галоснасці і нацыянальна-духоўнага адраджэння напрыканцы 80-х гг. ХХ ст.

Разглядаючы і даследуючы мастацкія тэксты, якія адрозніваюцца ступенню рэлігійнай духоўнай напоўненасці, можна выявіць тры зусім розныя тыпы хрысціянскай духоўнасці.

Да першага адносіцца рэлігійная духоўнасць Р. Барадудзіна, да якой ён прыйшоў напрыканцы свайго жыцця. Ёй уласціва строгая адпаведнасць усім кананічным і дагматычным асновам хрысціянства (у выпадку паэта – уніяцтва), дакладнае калькаванне ў творчым пошуку непарушных канфесійных пастулатаў. У сваім зборніку малітоўнай паэзіі “Ксты”

народны паэт нібы пераймае складаную місію Ф. Скарыны – перакласці Святое Пісьмо на зразумелую для чалавека паэтычную мову. Як першадрукар пачаў выданне свайго перакладу “Бібліі” з кнігі “Псалтыр”, так з “Псалтыра” пачаў свае разважанні над “Бібліяй” Р. Барадулін. Як у доктара Скарыны развагі ішлі праз прадмовы і пасляслоўі, так і над “Псальмамі” паэт разважае ў пасляслоўях, дэманструючы пераемнасць і наследаванне паўтысячагадовай традыцыі нашага народа. Атрымліваецца, што барадулінская мастацкая мадэль рэлігійнай духоўнасці, па сутнасці, напрамую залежыць ад біблейскага тэксту.

Другі тып духоўнасці прадстаўлены ў творчасці Н. Гілевіча апошняга перыяду. Паэт не выкарыстоўвае ў сваіх творах цытат і прамых алузій на біблейскія гісторыі, а біблейскія сімвалы, якія складаюць паэтыку аўтара, глыбока пераасэнсоўваюцца самім Н. Гілевічам падчас творчасці. Значная частка лірыкі паэта пачатку 90-х гг. прапітана пакаяльна-спавядальным усведамленнем сваіх і чужых грахоў перад Усявышнім за дзесяцігоддзі бязбожнага жыцця. А хрысціянскія сімвалы, сюжэты, вобразы і адпаведная лексіка выкарыстоўваюцца мастаком слова ў вершах, накіраваных на няпростую барацьбу за незалежнасць Беларусі, дзяржаўнасць беларускай мовы і нацыянальную ідэю беларускага народа.

Трэці тып духоўнасці ўвасоблены ў паэтыцы прэзіка В. Быкава. Яна носіць хутчэй культуралагічны характар, хаця самога Быкава падазраваць у бязвер’і і атэізме было б неабачліва, паколькі некаторыя факты асабістай біяграфіі пісьменніка і самі яго творы сведчаць зусім пра адваротнае. Проза аўтара напоўнена духоўнасцю не толькі рэлігійнага плана, але і маральнага. Быкаўскія героі, шлях многіх з якіх мае трагічны фінал, надзвычай мужныя і самаадданыя. Яны заўсёды нясуць цяжар іншых, жывуць згодна са словамі апостала Паўла: “нясіце цяжар нямоглых”. І яны сапраўды па-хрысціянску дапамагаюць адзін аднаму. Нават будучы пастаўленымі ў самы складаны ўмовы, быкаўскія героі заўсёды робяць цяжкі маральны выбар. Такія духоўна-маральныя ўстоі праходзяць чырвонай ніткай праз усю творчасць В. Быкава.

Прапанаваную тыпізацыю неабходна ўлічваць пры даследаванні твораў большасці беларускіх паэтаў і прэзікаў XX – пач. XXI ст., якія так ці інакш закранаюць біблейскія сюжэты, альбо свядома прысвечаных біблейскай тэматыцы. Гэта з’ява патрабуе дэталёвага, скрупулёзнага вывучэння, без яе разумення будзе немагчыма скласці поўнае ўяўленне пра гісторыю сучаснай беларускай літаратуры.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Столяров, О. О. Библейская символика в творчестве Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Тарковского / О. О. Столяров. – М. : Линкор, 2009. – 176 с.

К содержанию

Т. М. ХВЕСІК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

АНТОНІМЫ-КВАЛІТАТЫВЫ Ў БЕЛАРУСКІХ ПРЫКАЗКАХ

На думку беларускага літаратуразнаўца і крытыка С. К. Майхровіча, прыказкі ў большасці сваёй пабудаваны на паралельным, або двухчленным, вобразным супастаўленні процілеглых паняццяў, часцей за ўсё метафарычнага значэння [2, с. 37]. Таму даволі шырокае выкарыстанне антонімаў з'яўляецца аб'ектыўнай і прыкметнай адзнакай беларускіх прыказак. Вельмі часта ў прыказках выкарыстоўваецца антытэза, што робіць народныя ўстойлівыя выразы асабліва выразнымі, экспрэсіўнымі.

Аналіз матэрыялу «Тлумачальнага слоўніка прыказак» І. Я. Лепешава і М. А. Якалцэвіч паказаў, што найбольш часта ў беларускіх прыказках сустракаюцца антонімы-квалітатывы (44 %). Як вядома, квалітатывы (ад лац. *qualitativus* 'якасць') рэалізуюць градуальнасць апазіцыі. Прыкладам такіх антонімаў можа служыць пара *малады – стары*, дзе дапускаецца ўстаўка іншых кампанентаў, якія дазваляюць уявіць паступовую змену якасці: *малады – сярэдніх гадоў – сталы – стары*.

Паводле структуры ўсе выяўленыя ў прыказках квалітатывы з'яўляюцца рознакаранёвымі. Гэта можам убачыць на прыкладах: *Ад крывого дрэва не бывае прамога ценю* [1, с. 60]; *Бруднае (паганае) да чыстага не прыстае (не прыстане)* [1, с. 96]; *Далей кінеш – бліжэй возьмеш* [1, с. 151]. Што да часцінамоўнага выражэння антонімаў-квалітатываў, то тут найперш выдзяляецца група антонімаў-прыметнікаў, якія складаюць амаль што ўсю групу квалітатываў (48 пар – 75 %). На другім месцы знаходзяцца антонімы-прыслоўі (11 пар – 17 %), на трэцім – антонімы-назоўнікі (4 пары – 6 %), на чацвёртым антонімы-прыназоўнікі (1 пара – 2 %) адпаведна. Напрыклад: 1) антонімы-прыметнікі: *Верабейка па зярнятку клые – і сыты, а воўк авечак цягае – і галодны* [1, с. 110]; *На смелага сабакі брэшуць, а баязлівага рвуць* [1, с. 337]; *Не бойся крыклівага, а бойся маўклівага* [1, с. 346]; 2) антонімы-прыслоўі: *Лепі (лепей) дрэнна ехаць, чым добра ісці* [1, с. 290]; *Меней (мени) гавары – болей (больш) пачуеш* [1, с. 312]; *Блізка відаць, ды далёка дыбаць* [1, с. 88]; 3) антонімы-назоўнікі: *Як багаты памрэ, па тры з хаты прэ, а як бедачок – толькі поп ды дзячок* [1, с. 593]; *Адзін дурань можа задаць (задасць) столькі пытанняў, што дзесяць (сем) разумных не адкажуць* [1, с. 53]; *Дурань (дурны) дае, разумны бярэ* [1, с. 181]; *Калі б маладосць умела (ведала), а (калі б) старасць магла* [1, с. 243]; 4) антонімы-прыназоўнікі: *Кінь (кінеш) за сабою, <то> знойдзеш перад сабою* [1, с. 265].

Калі аналізаваць тэматыку выслоўяў, у якіх сустракаюцца антонімы-квалітатывы, то найперш можна вылучыць прыказкі, дзе проціпастаўляюцца паняцці «дабро – зло», «добрае – кепскае, дрэннае, ліхое». З надзеяй на нешта лепшае і добрае ў будучым людзі гавораць: «*Няма таго злога (дрэннага), каб не выйшла на **добрае***» [1, с. 392], а калі звяртаюцца з павучаннем цярдліва пераносіць нечаканыя непрыемнасці, выкарыстоўваюць выраз: «*Любіў **добрае**, палюбі ж і **злое***» [1, с. 299]. У парадзе не расказваць пра сваю бяду таксама выкарыстоўваюцца антонімы-квалітатывы: «*Сваёй бяды нікому не кажы, бо **добры** злякнецца, а **злы** пасмяецца*» [1, с. 452]. Пры незадавальненні характарам сваёй жонкі мужчына жартаўліва гаворыць: «*Усе дзяўчаты **добрыя**, а адкуль бяруцца **дрэнныя** жонкі?*» [1, с. 506]. Калі ж нейкая дрэнная справа распаўсюджваецца хутчэй за добрую, тады ўжываюцца выразы: «***Добрае** далёка чуваць, а **дрэннае** яшчэ далей*» [1, с. 170]; «***Добрая** слава на паліцы ляжыць, а **благая** на дарожцы бяжыць*» [1, с. 174]; «***Добрая** слава далёка ідзе, а **кепская** (ліхая) яшчэ далей <ляціць>*» [1, с. 174]. З дапамогай антонімаў-квалітатываў у прыказках сцвярджаецца думка, што ў сям’і вельмі многае залежыць ад паводзін і якасцей мужа: «*За **добрым** мужам і варона жона, а за **кепскім** і княгіня загіне*» [1, с. 198]; «*За **добрым** чалавекам як за сцяною, а за **благім** як за плотам*» [1, с. 198]; «*З **добрым** гаспадаром нажывешся, з **дрэнным** гора набярэшся*» [1, с. 210]. Таксама характарызуюцца паводзіны асобы, даецца ацэнка яе дзейнасці. Так, прыказка «***Добрую** траву (травіну) людзі сеюць, а **ліхая** чорт ведае адкуль бярэцца*» [1, с. 174] ужываецца як здзіўленне і абурэнне кепскімі ўчынкамі людзей, а пра добрага і памяркоўнага чалавека скажуць: «***Добраму** чалавечку добра і ў запечку <а **благой** (якой) **благаце** дрэнна і на куце>*» [1, с. 171]. Для параўнання з’яўці становішча выкарыстоўвалі выразы: «*Лети **кепскія** скокі, чым **добрыя** хаўтуры*» [1, с. 289]; «*Леней **кепскі** родны бацька, чым **добры** айчым*» [1, с. 288]. А прыказка «***Кінь** (кінеш, закінь) **наперад** (уперад) – знойдзеш **здаду***» [1, с. 264] падказвае, што калі ты зробіш ласку, то і табе адплоцяць тым жа.

Квалітатывы таксама ўжываюцца пры апісанні розных характарыстык людзей, прынамсі пры разважаннях пра сувязь узросту і паводзін чалавека: «***Стары** кажэ на глум, а **малады** бярэ на вум*» [1, с. 477]. Выразы «***Малыя** дзеці – малы клопат, <**большыя** дзеці – большы клопат>*» [1, с. 306]; «***Малыя** дзеці топчуць бацькам ногі, **вялікія** – сэрца*» [1, с. 306] ужываюцца як сцвярджэнне, што чым большымі становяцца дзеці, тым большы клопат прадстаўляюць яны для бацькоў. Пра апраўданне чых-небудзь паводзін, дзеянняў, учынкаў, якіх, дарэчы, могуць здарыцца ў жыцці любога чалавека, гавораць прыказкі: «*Не мы **першыя**, не мы **апошнія***» [1, с. 364]; «*Не ты **першы**, не ты **апошні***» [1, с. 374]; «*Не ён **першы**, не ён **апошні***» [1, с. 355]; «*Не я **першы**, не я **апошні***» [1, с. 382].

Пры гэтым, як відаць, атрыбутыўныя кампаненты застаюцца нязменнымі, як і сэнс выслоўяў, змяняюцца толькі займеннікі.

У прыказках, звязаных з характарыстыкай разумовых здольнасцей людзей, таксама ўжываюцца антонімы-квалітатывы: *Лепш (лепей) з разумным згубіць, чым з дурнем знайсці* [1, с. 291]; *Што дурны папсуе, то і разумны не выправіць* [1, с. 578]; *Няхай лепш разумны паганіць, чым дурны пахваліць* [1, с. 394]; *Разумныя валасы пакінулі дурную галаву* [1, с. 439]; *Бойся быка спераду, каня ззаду, а дурня – з усіх чатырох бакоў* [1, с. 94]. З дапамогай антонімаў-квалітатываў ацэньваецца і матэрыяльнае становішча людзей, іх падзел на багатых і бедных, а ў залежнасці ад гэтага характарызаюцца і людскія паводзіны. Напрыклад: *Пакуль (покуль) з багатага пух, то (дык) з беднага дух* [1, с. 405]; *Багатаму шкада (шкода) карабля, а беднаму кашаля* [1, с. 78]; *Багаты дзівіцца, чым бедны жывіцца* [1, с. 78]. Сустрэкаюцца квалітатывы, якія характарызаюць магчымасці, якасці людзей. У такім разе ў прыказках часта выкарыстоўваюцца якасныя прыметнікі са значэннем памеру, напрыклад: *Малы жук, ды вялікі гук* [1, с. 305]. Часам кажуць, што калі паквапішся на значнае і вялікае, то не даб'ешся поспеху і ў малым: *За вялікім пагонішся – і малое згубіш* [1, с. 194]. Пра справу, якая шумная, гучная напачатку, але завяршаецца нікчэмнымі вынікамі, скажуць: «*З вялікае хмары малы дождж*» [1, с. 209] або «*З вялікага грому <часамі, заўсёды> малы дождж <бывае>*» [1, с. 208]. А пра нязбытнасць намераў якога-небудзь чалавека могуць сказаць так: «*Высока лятаеш, але нізка сядзеш*» [1, с. 120]. Таксама ў беларускіх прыказках выкарыстоўваюцца якасныя прыметнікі са значэннем даўжыні, што выступаюць у ролі антонімаў-квалітатываў: *У бабы валасы доўгія (волас доўгі), а розум кароткі (памяць кароткая)* [1, с. 492]; *Вяроўка добра доўгая, а размова кароткая* [1, с. 124]. Акрамя гэтага, сустракаюцца прыказкі з апісаннем знешніх характарыстык і ўласцівасцей чалавека, дзе таксама выкарыстоўваюцца квалітатывы: *Худы – хоць куды, а тлусты – чалавек пусты* [1, с. 548]; *Пакуль тоўсты (сыты) ссохне (усохне), дык (то) худы (сухі) здохне* [1, с. 405].

З дапамогай якасных прыметнікаў са значэннем смаку, што выступаюць у ролі антонімаў-квалітатываў у прыказках, гаворыцца пра добрыя вынікі працы, навукі: *Горка часам праца, ды хлеб ад яе салодкі* [1, с. 135]; *Корань навукі (навучання) горкі, ды плады яго салодкія* [1, с. 274]. Пра праўду і хлусню гавораць так: *Лепш (лепей) горкая праўда, чым салодкая мана (хлусня, падман)* [1, с. 290]. У прыказцы *Не будзь салодкі, а то праглынуць, не будзь горкі, а то праплююць* [1, с. 347] даецца парада пазбягаць крайнасцей у паводзінах.

Такім чынам, маючы супрацьлеглыя значэнні, антонімы выкарыстоўваюцца ў прыказках як лексічны сродак стварэння кантрастаў, аснова

для параўнанняў і супастаўленняў з'яў. Антонімы дапамагаюць адлюстраваць парадаксальныя і ў той жа час звычайныя з'явы жыцця, асаблівасці чалавечых узаемаадносін, людскіх ацэнак.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якал-цэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.
2. Майхровіч, С. К. Прыказкі і прымаўкі : гіст. нарыс / С. К. Майхровіч. – Мінск : БДУ, 1976. – 125 с.

К содержанию

П. Э. ХИХЛИНА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. Ю. Яницкая, канд. филол. наук, доцент

О ЯЗЫКЕ «БАЛЛАДЫ О КРАСКАХ» Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Роберт Рождественский – известный поэт-шестидесятник. Его поэтические шедевры волновали читателей и продолжают трогать их души по сегодняшний день. Творчество этого мастера слова весьма многогранно: он писал для взрослых и детей, писал о любви и дружбе, о мире и войне. Тема войны занимает особое место в творческой биографии Р. Рождественского. В его лирике набатом звучит голос целого поколения, которое пережило те страшные дни и годы. «Баллада о красках» – выдающийся поэтический текст, который рассказывают наизусть, а также исполняют в песенном варианте. Текст стихотворения-баллады насыщен следующими стилистическими фигурами и тропами.

1. Аллитерация: *был он рыжим, как из рыжиков рагу; хохотала над расспросами она, говорила.*

2. Антонимы: *плоть и стать.*

3. Идиома: *привалило счастье; к плечу плечо; зеленое вино.*

4. Сравнение: *был он рыжим, как из рыжиков рагу; рыжим, словно апельсины на снегу; черным, словно обгоревшее смолье.*

5. Образы-символы: *мать – птица, дети – ее крылья; оба сына, оба-двое, два крыла.*

6. Метафора: *я от солнышка сыночка родила; прокричали репродукторы беду, похоронка обошла ее избу.*

7. Ряды лексических повторов: *мать шутила, мать веселою была; в сорок первом, в сорок памятном году; оба сына, оба-двое.*

8. Библейская цитата: *соль земли.*

9. Эпитеты: *золотистых, зеленое, бешеный.*

10. Устаревшая фольклорная форма глагола *воротилися*, которая передает чудо возвращения сыновей живыми и здоровыми.

11. Колоративная лексика: *рыжий, черный, черна, злую зелень, серый цвет прифронтовых госпиталей, зеленое вино, смертельной белизны, много белой краски у войны*.

12. Антитеза. Текст построен на резком противопоставлении.

13. Лексика разговорная, живая, колоритная: *довелось в бою почувать молодым*.

14. Существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, подчеркивающими материнскую нежность: *я от солнышка сыночка родила*.

15. Градация: *не гневил, не кляла; Повезло ей. Повезло ей! Повезло!*

16. Инверсия: *хохотала она*.

17. Парцелляция: *стали волосы – смертельной белизны*.

18. Неполные предложения: *И ушли*.

19. Безличное предложение: *Повезло ей*.

20. Синтаксический параллелизм: *Ноги целы, руки целы*.

21. Пунктуационное оформление. *Я от солнышка сыночка родила... Слишком ночь была черна!.. Повезло ей! Ноги целы, руки целы – что еще?*

Текст «Баллады о красках» являет собой неповторимое художественное целое. Используемые в нем стилистические фигуры и тропы играют важную роль в создании индивидуально авторского поэтического пространства.

Список использованной литературы

1. Рождественский, Р. Баллада о красках [Электронный ресурс] / Р. Рождественский // Русская поэзия. – Режим доступа: <https://rupoem.ru/rozhdestvenskij/byl-on-guzhim.aspx>. – Дата доступа: 23.04.2022.

К содержанию

А. П. ЧАЛЮК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

НАЗВЫ ДРЭЎ У ДЫЯЛЕКТНАЙ МОВЕ БЯРОЗАЎШЧЫНЫ

“Дрэва – шматгадовая расліна з выразным адраўнелым сцяблом (ствалом), захоўваецца на працягу ўсяго жыцця, утвараючы крону, і захоўвае разгалінаванай каранёвую сістэму” [2, т. 2, с. 219]. Дрэвы з’яўляюцца асноўнай крыніцай, якая дае нам драўніну, ядомыя плады, лекавую, тэхнічную і хімічную сыравіну; мы выкарыстоўваем іх для азелянення, у архітэктуры, дэкаратыўна-прыкладным і народным мастацтве,

скульптуры. На Беларусі сустракаецца каля 26 відаў. Сярод іх вылучаюць лесаўтваральныя (*хвоя, елка, асіна, дуб* і інш.) і пладовыя (*груша, яблыня, слива* і інш.) пароды.

Лексемы дадзенай тэматычнай групы шырока прадстаўлены ў дыялектнай мове нашай краіны. У артыкуле мы сабралі прыклады функцыянавання намінацый леса- і паркаўтваральных дрэў у гаворках Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Прадстаўлены матэрыял часткова сабраны аўтарам падчас спецыяльных абследаванняў населеных пунктаў вывучаемага рэгіёна, а таксама выбраны з матэрыялаў дыялекталагічных практык, раней апублікаваных лексікаграфічных і дыялекталагічных прац.

Акацыя ‘дрэва або куст з белымі духмянымі кветкамі ў доўгіх гронках’ – *акáцыя* ж.: *Акацыя коло бабы Валі росце* (МА, Здзітава), *Акацыя тут заўсёды была. Нават не знаю, як яна тут з’явілася* (МА, Дзягелец); *Акацыю колі-то і на чай збіралі* (МА, Пяшчанка).

Асіна, таполя дрыжачая ‘лісцёвае дрэва з зеленавата-шэрай гладкай карой і акруглым лісцем, якое дрыжыць нават пры нязначным ветры’ – *асі́на* ж.: *На асіне, кажут, Іуда повесіўса* (МА, Здзітава), (МП, Міхнавічы), *Асіну я не люблю* (МА, Дзягелец); *У маёй маці на дворы асіна росла* (МА, Пяшчанка); *госы́на* ж., *госы́на́* ж. (МП, Галавіцкія); *осы́на* ж. (АЛА, Горск).

Бук ‘вялікае лісцёвае дрэва сямейства букавых з гладкай светла-шэрай карой, цвёрдай драўнінай і пахучым лісцем’ – *бук* м. (АЛА, Горск).

Бяроза ‘лісцёвае дрэва з белаю карой’ – *быро́за* ж.: *З быро́зы – гэто самэ голоўнэ ўбра́нне, бо быро́за лычы́лася ахоўныцай усёго молодого* (МП, Стрыгінь); *бэ́рэ́за* ж.: *Бэ́рэ́за во каля маёй хаты расце* (МА, Здзітава), (АЛА, Горск); *бэ́рэ́зіна* ж.: *Нашу бэ́рэ́зіну то ўжэ спіліць трэба* (МА, Пяшчанка). (МП, Міхнавічы); *бэ́рэ́зына* ж. (АЛА, Горск); *бяро́за* ж.: *Бяроз у нас тут много расце* (МА, Дзягелец).

Вольха ‘лісцёвае дрэва з цёмна-бурай з неглыбокімі трэшчынамі карой, драўніна якой мае чырванаваты колер’ – *алёшы́на* ж.: *Як до моста ісці, то там усё ў алешынах* (МА, Здзітава), *Алешыны ў нас за вёскай растуць, каля вадаёма* (МА, Дзягелец); *альхі́* ж.: *Альхі наш сусед насадзіў, то цень добры маем* (МА, Пяшчанка); *ольшы́на* ж.: *Зрэзав ольшыну на дрова* (БДС, Горск), (МП, Міхнавічы); *ольшы́на́* ж. (МП, Галавіцкія).

Вяз ‘лісцёвае дрэва з буравата-карычневай карой, якая адстае вузкімі доўгімі палосамі’ – *вя́з* м.: *Вяз стояў коло леса* (МА, Здзітава).

Вярба ‘дрэвавая і кустовая расліна з разложыстымі гнуткімі галінамі і вузкім лісцем’ – *вэ́рба́* ж., *вэ́рбы* мн.: *За сылом дэ колышуцца вэ́рбы...* (з песні) (МП, Перасудаўчы), (АЛА, Горск); *вя́рба́* ж.: *О, на вябре ростэ тое, шо коцікамі называюот* (МА, Здзітава), *Асвячо́ная ў Вэ́рбныцу вя́рба лычы́лася абя́рэгам. Тому́ ў до́ме яна захоўваласа год пасля асвячэ́ння,*

а праз год старыя голынкы спальвалы або няслы туды, дэ каровы, свынні, коб быў абярэг ад пажараў, ад хвароб, ад усяго (МП, Стрыгінь), Вярбу я кожны год уцэркве свячу (МА, Дзягелец), У нас мама казалася: “Не я б’ю, вярба б’е...” (МА, Пяшчанка).

Граб ‘лісцёвае дрэва або куст з гладкай шэрай карой і буйным зверху цёмна-зялёным, знізу больш светлым лісцем’ – *граб* м. (АЛА, Горск).

Груша лясная ‘груша-дзічка’ – *дзікая груша* ж.: Дзікую грушу мы свыням давалі (МА, Здзітава); *дзічка* ж.: У дзічкі малэнькія грушкі (МП, Галавіцкія).

Дуб ‘буйное лісцёвае дрэва з моцнай драўнінай і пладамі жалудамі’ – *дуб* м.: З дубу гэты стол зроблены (МА, Здзітава), Абярэгі робылыся з голынок дуба, коб булы всі дужымы і здоравымы, як дуб (МП, Стрыгінь), (АЛА, Горск, Сычы), (МП, Міхнавічы), У нашай старай хаце дзверы прыгожыя з дубу былі зроблены (МА, Дзягелец), Мой папа дуб садзіў, то ён яшчэ расце (МА, Пяшчанка).

Елка ‘вечназялёнае хваёвае дрэва з конусападобнай кронай і доўгімі лускаватымі шышкамі’ – *еліна* ж. (МП, Міхнавічы); *ёлка* ж.: Елку коло хаты нельзя сажаць (МА, Здзітава), Елку мы з лесу на новы год прывозім (МА, Дзягелец), Прыгожыя елкі я толькі в лесі бачыла (МА, Пяшчанка); *ёлка* ж. (МП, Галавіцкія), (АЛА, Горск); *яліна* ж. (АЛА, Горск).

Каштан ‘дрэва з пладамі ў выглядзе буйнога арэха’ – *каштán* м.: Каштаны ў нас тут вэлікія растуць (МА, Здзітава), Каштаны ў нас тут вэлікія растуць (МА, Дзягелец), Ой, у дзяцінстве так часта под каштаном гулялі (МА, Пяшчанка).

Клён ‘дрэва з буйным перыстым лісцем і крылатымі плодзікамі’ – *клён* м.: Бачыла, якія лісты клёна ужо красівыя? (МА, Здзітава), (МП, Галавіцкія, Міхнавічы), Я недаўно бачыла, што Мікола свой клён спілаваў (МА, Дзягелец); Мы з унукамі ўжо збіралі лісце клёна (МА, Пяшчанка); *клё(ю)н* м. (АЛА, Горск).

Ліпа ‘лісцёвае дрэва з сэрцападобнымі пілаватымі лістамі і жаўтаватымі духмянымі меданоснымі кветкамі’ – *ліпа* ж.: З ліпы рабілі чай (МА, Здзітава), (АЛА, Горск), Чай з ліпы мы заўсёды пілі раней (МА, Дзягелец), На Купалле збыралы кветкі ліпы, якая памагала ад прастуды зымой (МП, Стрыгінь); *ліпіна* ж. (МП, Міхнавічы); *ліпка* ж.: Калі ў Здзітава ісці, то там на дарозе ліпка маладая расце (МА, Пяшчанка); *ліпына* ж. (АЛА, Горск).

Лістоўніца ‘хвойнае дрэва з мяккай, ападаючай на зіму ігліцай і цвёрдай, моцнай драўнінай’ – *лістоўніца* ж.: Сама я лістоўніцу ў нас у лесе бачыла (МА, Здзітава).

Піхта ‘вечназялёнае хваёвае дрэва з мяккімі плоскімі шыпулькамі і прама стаячымі шышкамі’ – *пыхта* ж. (АЛА, Горск).

Рабіна ‘дрэва з гронкамі аранжава-чырвоных ягад’ – *гарабына* ж.: *То у гарабіны чырвоныя ягады* (МА, Здзітава), *Гарабіну і для лекаў варыла* (МА, Дзягелец); *орабына* ж. (ЛАБНГ, Спорава); *рабіна* ж.: *Такія абярэгі робылыса з рабыны, коб усі былы прыгójжы і чырвóненькі, як рабына* (МП, Стрыгінь); *рабінка* ж.: *Рабінка нечага ў мяне ўжо не такая прыгójжая* (МА, Пяшчанка).

Рабінія ілжэакацыя, белая акацыя ‘дрэва або куст з белымі духмянымі кветкамі ў доўгіх гронках’ – *акацыя* ж. (МП, Міхнавічы).

Таполя ‘буйное лісцёвае дрэва з дробным насеннем з пухам, якое разносіцца ветрам’ – *сокорына* ж.: *Сокорыны растуць вдовш гуліцы* (ДСБ, Жычын); *тапóля* ж.: *Таполя это тая, шо ў парку коло магазіна ростэ* (МА, Здзітава), *Таполі таксама коло поля растуць* (МА, Дзягелец), *У нас таполі роў упрыгójжваюць* (МА, Пяшчанка); *тóпаль* ж. (МП, Міхнавічы); *тóполь* м. (МП, Галавіцкія), (АЛА, Горск).

Тут, шаўкоўніца ‘дрэва або куст з касцянкападобнымі салодкімі пладамі ад белаватага да цёмна-фіялетавага колеру’ – *шаўкоўніца* ж. (МП, Міхнавічы).

Хвоя ‘вечназялёнае дрэва з доўгай ігліцай’ – *сасна* ж.: *На галоўнай вуліцы соснаў няма, гэто ўжо бліжэй да поля* (МА, Дзягелец), *Дык у нас цераз дарогу сасновы лес* (МА, Пяшчанка); *сасна* ж., *сóсны* мн.: *Соснаў многа коло его хаты расце* (МА, Здзітава), (АЛА, Горск), (МП, Міхнавічы); *хвоіна* ж. (АЛА, Горск); *хвóя* ж.: *У нас во такія ліса е, дэ на самóй спрэве дубы, дэ хвóя* (МП, Стрыгінь).

Чаромха ‘дрэва ці высокі куст з сабранымі ў гронкі белымі духмянымі кветкамі і чорнымі даўкімі на смак ягадамі’ – *чарóмуха* ж.: *Чаромуху мне хлопцы часто дарылі* (МА, Пяшчанка); *чарóмха* ж. (МП, Міхнавічы); *чырóмуха* ж. (МП, Галавіцкія); *чэрóмуха* ж.: *З чэрóмухі кожны год букеты раблю* (МА, Здзітава), *Я так люблю, колі чэрóмуха пачынае цвісці* (МА, Дзягелец).

Яблыня лясная ‘яблыня дзікая’ – *лясна́я я́блыня* ж.: *Як доўго ішлі некуды, то яблыкі з лясной яблыні поесці зрывалі* (МП, Здзітава).

Ясень ‘дрэва з перыстым лісцем і цвёрдай драўнінай’ – *ясень* м.: *Ясень у лесе побачыш* (МА, Здзітава), (МП, Міхнавічы); *ясэн* м. (АЛА, Горск); *ясэнь* м. (МП, Галавіцкія).

Такім чынам, сярод назваў дрэў у маўленні жыхароў Бярозаўскага раёна адзначаюцца найменні, якія: 1) поўнасьцю супадаюць з навуковымі (дуб, акацыя, бук, клён, чарóмха, ясень і інш.); 2) з’яўляюцца фанетычнымі, акцэнтнымі ці граматычнымі варыянтамі агульнапрынятых навуковых назваў (бэрэзіна, ольшына, вэрба, яліна, ясэн і інш.); 3) фіксуюцца толькі ў дыялектнай мове (сокорына).

Спіс умоўных скарачэнняў

АЛА – Агульнаславянскі лінгвістычны атлас / Міжнар. кам. славістаў, Каміс. Агул.-славян. лінгвіст. атласа, Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа / гал. рэд. А. І. Падлужны. – Мінск, 2000. – Вып. 3 : Раслінны свет. – 162 с., [2] л. ; **БДС** – Шаталава, Л. Ф. Беларускае дыялектнае слова / Л. Ф. Шаталава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 208 с. ; **ДСБ** – Дыялектны слоўнік Брэстчыны. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 294 с. ; **ЛАБНГ** – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак : у 5 т. / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Фонд фундам. даслед. Рэсп. Беларусь, 1993–1998. – Т. 1 : Раслінны і жывёльны свет / Г. У. Арашонкава [і інш.] ; рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. – 1993. – 160 с., 368 к. ; Т. 2 : Сельская гаспадарка / склад. М. П. Антропаў [і інш.] ; рэд. А. І. Чабярук, І. Я. Яшкін. – 1994. – 354 к. ; **МА** – матэрыялы, сабраныя аўтарам у выніку апытвання прадстаўнікоў гаворак ; **МП** – матэрыялы, сабраныя студэнтамі УА “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна” падчас дыялекталагічнай практыкі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Раслінны свет : тэмац. слоўн. / склад.: В. Д. Астрэйка [і інш.] ; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 655 с.
2. Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5 т. / гал. рэд. І. П. Шамякін. – Мінск : БелСЭ, 1983–1986. – 5 т.

К содержанию

К. Н. ЧЕШКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Ворон, канд. филол. наук, доцент

ВЕЩНЫЙ МИР КАК СПОСОБ ПСИХОЛОГИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В «МЕРТВЫХ ДУШАХ» Н. В. ГОГОЛЯ

Николай Васильевич Гоголь – классик русской литературы, писатель, драматург, публицист, критик. Художественный мир его прозы всегда вызывал интерес у литературоведов своим многомерным и целостным пространством, насыщенным религиозными, мистическими и языческими элементами мировидения. «Художественное пространство – это пространство произведения искусства, совокупность тех его свойств, которые придают ему внутреннее единство и завершенность и наделяют его характером эстетического» [1]. Д. Лихачев понимал под художественным пространством совокупность всех мелочей, в которых действует персонаж произведения, включая окружающий его вещный мир. Исследователь отмечал, что «мир художественного произведения – явление не пассивного восприятия действительности, а активного ее преобразования» [3].

Вещный мир как часть художественного пространства имеет специфический функциональный ресурс.

В настоящее время одним из важнейших направлений литературоведения является изучение проблемы поэтики вещного мира, рассмотрение категории вещи в художественном мире писателей, в частности в творчестве Н. В. Гоголя. Сама проблема вещного мира представляется исключительно важной и значимой, так как связь между человеком и окружающей его предметной средой является у Н. Гоголя, с одной стороны, чрезвычайно прочной, с другой – подвижной: вещи писателя нередко переходят в человека, а человек – в вещи. В свою очередь, наличие подобной связи составляет художественную особенность стиля писателя, определяя тем самым его своеобразие и неповторимость. Вещные атрибуты, являясь внешними художественными деталями, используются автором с целью передачи душевного состояния героев, особенностей его характера и мировоззрения. Поэтому исследование гоголевских приемов создания образа вещного мира поэмы, типа художественной образности писателя и ее смысловой содержательности имеет свое продуктивное продолжение и в современном гоголеведении.

В целях выяснения специфики вещного мирообраза гоголевской поэмы необходимо установить роль вещи в организации духовного, домашнего, физического пространства человека. Н. Гоголь понимал «психотерапевтическую», «успокоительную» для человека функцию вещей, однако в своей поэме невозможно разделить вещь и лицо в пространстве единой «человечески-вещной» субстанции.

Герои Н. Гоголя словно теряются в бесконечном мире вещей, сами превращаются во что-то «предметное», бездуховное. Писатель стремится к максимальной выразительности различных элементов повествования. Ни одна из художественных деталей, которые используются писателем при изображении действующих лиц, не существует сама по себе, она всегда привлекает в неразрывной связи с образом, является средством характеристики тех или иных его сторон.

Детализация изображенных явлений стала важным художественным приемом для писателя. Детали помогают раскрытию центральной проблемы поэмы – проблемы омертвления живой души. Вещи становятся способными сказать о своих владельцах намного больше, чем те знают о себе. Неверно думать, что у всех героев вещная мания, но их предметные миры оказываются переполненными вещами и это ведет к смысловой опустошенности, где нет ничего, кроме вещей, образующих мертвящую стихию.

В помещичьих домах поэмы «Мертвые души» вещная атрибутика занимает едва ли не центральное место. Вот, например, в доме Собакевича

их названо 29, в доме у Коробочки – 35. Люди в поэме Н. Гоголя буквально завалены вещами, которые поглощают не только их быт, но и становятся заменой жизни духовной, что и выступает свидетельством их приземленности и «неодушевленности». Так, «вещный» мир сопровождает по жизни Чичикова: «потасканный чемодан из белой кожи, сапожные колодки, табакерка с финифтью, сабля да ларчик красного дерева, знаменитая шкатулка “апостола” Павла Ивановича» [4]. Рассмотрение содержимого шкатулки В. В. Набоков уподобляет анатомическому вскрытию чичиковской души. Душа замещена предметами, вещами и, конечно, деньгами, ибо кругозор, как личное пространство Чичикова, определяется жаждой миллиона. Других устремлений у него нет. С помощью деталей автор позволил нам представить сначала своего главного героя. Можно отметить его стремление к победе над враждебной судьбой, его настойчивость и «непотопляемость», плутовство, изобретательность.

Самым ярким примером «гипервещизма» художественного пространства является описание дома помещика Плюшкина, самого колоритного из гоголевских героев. Изображенная автором картина удачно вписывается в психологическую характеристику Плюшкина. Во всем чувствуется ветхость и запустение, словно в имении давно никто не живет: «бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек наверху да жерди по сторонам в виде ребер» [2]. В окнах без стекол, покосившихся балкончиках отражался характер владельца.

В деревне, принадлежащей Плюшкину, все выглядит старым и дряхлым, хотя, кроме него, здесь живет достаточно много других людей. Плюшкин никого ни к чему не принуждает, но принадлежащие ему крестьяне выбрали для себя подобный образ существования.

В описании плюшкинского дома Н. Гоголь не использует ни одной яркой краски: все пасмурно, тускло, грязно. И даже природа не в силах бороться с запустением, порожденным руками и разумом человека: «ничего не было заметно оживляющего картину – ни отворяющихся дверей, ни выходящих откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома!» [2]. Сам дом выглядел «дряхлым инвалидом», из «темных широких сеней которого дуло холодом, как из погреба» [2].

Н. Гоголь детально описывает дом Плюшкина, убранство его комнат, считая, что дом и комната и есть граница между внутренним и внешним пространством человека. Вещизм породил потребность героя ходить «каждый день по улицам своей деревни, заглядывать под мостки, под перекладыны и все, что ни попадалось ему, тащить к себе и складывать в кучу» [2]. Куча в углу комнаты, выросшая без всякой надобности, символизирует не только самого Плюшкина, но и страсть к накопительству, жадность вообще.

Все найденное Плюшкиным по крупинке приносилось в дом, сваливалось в кладовые и постепенно становилось гнилью и прорехой. Все это вещное изобилие не нужно было герою ни для улучшения условий жизни, ни для благотворительной деятельности, ни для удовлетворения собственного честолюбия. Возможно, сам Плюшкин до конца не осознавал своих действий.

Характеристика автора содержит не столько портретные или физиологические критерии, сколько психологические. С точки зрения психологии, в Плюшкине отмечается дефицит человеческого именно в отношении бытия. В ином плане он достаточно наблюдателен, осторожен и гибок. Возможно, случившееся с Плюшкиным говорит о его внутренней незащищенности. Н. Гоголь старался понять причины, сделавшие героя «прорехой», и одновременно найти истоки «вещизма» в жизни.

Плюшкин – последний в гоголевской галерее «восковых фигур» помещиков. Давая значительные характеристики всем предшествующим героям, Н. Гоголь образом Плюшкина подводит итог своим изысканиям в области постановки проблемы «человек – вещь». Собакевич даже утверждает, что Плюшкин морит крепостных голодом. Но страсть к накопительству стала причиной разрушения всех родственных и дружеских связей, сам Плюшкин просто потерял человеческий облик.

Таким образом, предметный (вещный) мир художественного пространства поэмы «Мертвые души» Н. Гоголя выполняет ряд репрезентативных функций, подчеркивающих психологические, интеллектуальные, мировоззренческие и духовные особенности персонажей произведения. Гипервещизм в описании интерьера и экстерьера героев призван выявить их приземленность и духовную ограниченность.

Список использованной литературы

1. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / С. П. Белокурова. – Режим доступа: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com>. – Дата доступа: 03.04.2022.
2. Гоголь, Н. В. Мертвые души [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml. – Дата доступа: 03.04.2022.
3. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. – Режим доступа: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-poetika/prostranstvo-skazki.htm>. – Дата доступа: 03.04.2022.
4. Набоков, В. В. Николай Гоголь [Электронный ресурс] / В. В. Набоков // Лекции по русской литературе. – Режим доступа: https://booksafe.net/read/nabokov_vladimir-lekcii_po_russkoj_literature-154314.html. – Дата доступа: 03.04.2022.

К содержанию

ЧЖЭН ЦЗЯЮНЬ

Минск, БГАМ

Научный руководитель – Е. В. Михайлова, канд. филол. наук, доцент

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА РОМАНСА И ЕГО РОЛЬ В ПЕРЕДАЧЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ ОТТЕНКОВ СОДЕРЖАНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НА СЦЕНЕ

Исполнение романсов на стихи русских и зарубежных поэтов занимает значительное место в процессе подготовки студентов и магистрантов вокально-хорового факультета Белорусской государственной академии музыки. Романсы на стихи А. С. Пушкина используются довольно часто. В создании «...музыкальной пушкинианы принимали участие самые знаменитые композиторы-современники: Алябьев создал 24 вокальных произведения, Титов – 18, Глинка – 13, Верстовский – 12, Кавос – 5, Феофил Толстой – 5, Людвиг Мауэр – 5, Вильегорский – 4, Геништа – 5, Карл Гедике – 2» [1, с. 87]. В процессе изучения курсов «Русский язык как иностранный» и «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» зарубежные студенты и магистранты обязательно знакомятся с биографиями и творчеством знаменитых русских поэтов и писателей, среди которых – А. С. Пушкин. При этом на занятиях проводится лингвистический либо филологический анализ поэтического текста, чтобы помочь учащимся лучше понять его, вникнуть во все нюансы содержания, правильно передать музыкальные эмоции.

Рассмотрим романс «Не пой, красавица, при мне...» [1, с. 130]. На этот текст имеются романсы «...более 50 композиторов: Н. С. Титова (1829), М. И. Глинки (1831), Карла Гедике (1833), Ю. К. Арнольда (1840), М. А. Балакирева (1865), Полины Виардо (1865), А. К. Лядова (1876)...» [1, с. 130] и др. Для лингвистического (филологического) анализа данного поэтического текста мы избрали методику, разработанную белорусским филологом В. А. Масловой [2, с. 82–84].

Стихотворение «Не пой, красавица, при мне...» было написано А. С. Пушкиным в 1828 г. Будучи в гостях, поэт услышал грузинскую песню в исполнении Анны Олениной. Он вспомнил свое первое путешествие по Кавказу, прекрасную природу и девушку, понравившуюся ему. Под влиянием музыки, воспоминаний и личных переживаний у А. С. Пушкина родился поэтический шедевр. Главные темы данного поэтического произведения – темы памяти и любви. Поэт вспомнил то время, когда он был счастлив. С одной стороны, он не хочет слушать песню, с другой стороны, его душа стремится возвратиться в прошлое и снова пережить волнительные мгновения. В стихотворении выражаются различные эмоции

и чувства: любовь, нежность, сожаление, печаль. Лирический герой стихотворения – влюбленный мужчина, душевный и впечатлительный.

Анализ сильных позиций текста показывает, что самое главное в данном произведении – просьба лирического героя к красавице не петь, потому что песни Грузии напоминают ему о другой жизни.

В тексте имеются устаревшие грамматические формы *оне* и *дальный*. В нем представлены различные части речи: самостоятельные (имена существительные – 17, имена прилагательные – 11, глаголы – 8, деепричастие – 1, местоимения – 16, наречие – 1), служебные (предлоги – 3, союзы – 7, частицы – 2), междометие – 1. Преобладают именные части речи: существительные, прилагательные и местоимения. Значит, в стихотворении немного действия, более значительно выражение эмоций и чувств. Из грамматических средств поэт использует обращение («*Не пой, красавица, при мне...*» [1, с. 130]), однородные члены предложения («*Напоминают мне оне [напевы – Ч. Ц.] // Другую жизнь и берег дальный*» [1, с. 130] и др.), деепричастный оборот («*Я призрак милый, роковой, // Тебя увидев, забываю...*» [1, с. 130]) и др.

Если составлять словарь данного стихотворения, отдельную группу составят музыкальные термины: *песня* – ‘стихотворное и музыкальное произведение для исполнения голосом, голосами’ [3, с. 514], *напев* – ‘то же, что мелодия’ [3, с. 388]. Выделяется также группа имен прилагательных со значением эмоций и чувств (*печальный, жестокий, милый*) и группа имен существительных, обозначающих природные явления: *берег, степь, ночь, луна*.

В рассматриваемом произведении используются следующие средства поэтического языка: эпитеты («*Увы, напоминают мне // Твои жестокие напевы // И степь, и ночь, и при луне // Черты далекой, бедной девы!..*» [1, с. 130]), повторы («*Не пой, красавица, при мне // Ты песен Грузии печальной...*» [1, с. 130]), оксюморон («*Увы, напоминают мне // Твои жестокие напевы...*» [1, с. 130]) и др.

Романс М. И. Глинки на основе анализируемого стихотворения характерен для русского романтизма начала XIX в.; в нем всего две строфы пушкинского стихотворения, темп – андантино, размер – 6/8, поэтому романс исполняется не очень долго – около 1 мин. 30 с. Исполнителю нужно за очень короткий промежуток времени передать чувства, которые хотели выразить композитор и поэт.

В начале вокальной партии романса композитор применил восходящий секстет, звуковой эффект которого полон эмоций, хорошо выражает мысли и чувства, подверженные изменениям. Так что певцу нужно быть эмоциональным при исполнении первой строчки, и петь нежно и с выражением просьбы.

Когда певец достигает слов *берег дальный*, он исполняет самую высокую ноту песни, где композитор использовал восходящую октаву. Октава – наиболее представительный большой интервал в музыке, ее функция – подводить музыку к кульминации и выражению возвышенных эмоций. Такие места нельзя петь громко, это будет портить красоту песни. Певец должен петь чуть тише, это внесет в мелодию легкую грусть и сможет вернуть слушателя к *тому далекому берегу и печальным воспоминаниям*.

Противоречивость воспоминаний лирического героя проходит через стихотворение очень полно, эти воспоминания и милы, и печальны для поэта. Певцу нужно петь нежно и чуть печально, а последняя нота каждого предложения должна быть немного тише предыдущей ноты, как будто голос мягко отдалили. Фразы должны быть похожи на воспоминания поэта. Слова *и степь, и ночь, и при луне* нужно петь, словно рассказывая историю.

Последние слова романса *милой девы* тоже представляют собой восходящую октаву. Их нужно петь в два раза дольше, чем предыдущую октаву.

Публика любит этот романс М. И. Глинки, потому что он передает слушателям сожаление и уважение к тому, что уже прошло, но осталось в жизни и в памяти лирического героя. У всех людей есть сожаление в душе, иногда песня – это все, что нужно, чтобы разбудить его.

Я хочу исполнить и романс С. В. Рахманинова на стихотворение А. С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне...». Интересно будет сравнить их отличия.

Таким образом, проведение лингвистического анализа текстов романсов очень важно для иностранных учащихся-вокалистов, потому что это поможет им глубоко понять их, почувствовать, что хотел передать поэт, а значит, правильно исполнить данные произведения. На примере рассмотренного стихотворения исполнитель увидит, что нужно эксплицитно выделить красоту данного текста, акцентировать первую и последнюю строфы стихотворения, а также выделить голосом изобразительно-выразительные средства поэтического языка.

Список использованной литературы

1. Антология русского романса. Золотой век / авт. предисл. и биограф. ст. В. Калугин. – М. : Эксмо, 2007. – 944 с.
2. Маслова, В. А. Филологический анализ поэтического текста : монография / В. А. Маслова. – Минск, 1999. – 208 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

К содержанию

З. К. ШИШКОВА

Шумен, ШУ имени Епископа Константина Преславского
 Научный руководитель – Е. В. Стоянова, д-р филологии, профессор

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ *МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ*

Фразеология является сложным и многомерным явлением языка. «Нет ни одного принципиального вопроса, который не вызвал бы в среде фразеологов острые дискуссии. До сих пор не установлены даже критерии определения фразеологических единиц (ФЕ), нет единства мнений о категориальных свойствах этих единиц» [4, с. 5]. Исследователи считают, что «фразеологизмы как элемент духовного богатства народа, “продукт” исторического развития лингвокультуры и результат взаимодействия языка и культуры, следует рассматривать в историко-культурном контексте» [8, с. 8]. По мнению В. Н. Телия, ФЕ проявляет двойственность, что обеспечивает функционирование фразеологизмов в языке как знаков номинации и одновременно трансляции национальной культуры и менталитета [9, с. 251]. При этом «изучение языковой картины мира неизбежно ведет к историко-этимологическим исследованиям, без которых невозможно достижение точности и отражение динамики во фразеологической картине мира» [7, с. 41].

В данной статье мы рассмотрим фразеологизм *между двух огней* в историко-культурном контексте и современном плане использования.

В Большом фразеологическом словаре русского языка В. Н. Телия (БФСРЯ) значение фразеологизма определяется как (быть, находиться, попасть) в неблагоприятное затруднительное положение; быть под угрозой опасности. Иногда подразумевается необходимость поиска компромиссного решения, чтобы избежать обострения ситуации. Имеется в виду, что лицо или группа лиц попали в нелегкую ситуацию, когда опасность или неприятность грозит с обеих сторон [2].

Компонентом рассматриваемой ФЕ является огонь. В народных представлениях это одна из основных стихий мироздания (наряду с водой, землей, воздухом). Символика огня носила двойственный характер: уничтожающий и очищающий огонь [10, с. 239–240].

Существует несколько версий происхождения фразеологизма. Наиболее достоверной представляется связь ФЕ с исторической эпохой монголо-татарского ига на Руси. Эта версия как одна из самых достоверных версий происхождения фразеологизма приводится в Историко-этимологическом словаре А. Бириха, В. Мокиенко, Л. Степановой. Тогда

удельные князья нередко навещали к ханам Золотой Орды. Причины таких визитов могли быть разными: от подношения дани до высказывания каких-либо просьб. Понятно, что ханы гостей несколько остерегались, а потому всякий раз перед тем, как предстать перед правителем Золотой Орды, князья подвергались своеобразному обряду очищения с помощью огня. К хану пройти нужно было между двумя зажженными кострами. В этом состоял обряд очищения огнем. Монголо-татары верили, что огонь предохраняет от зла. Считалось, что этот ритуал отнимает силу у человека, если тот пришел с недобрыми намерениями, а потому защищает и самого хана от посягательств на его жизнь. Со временем в выражении «между двух костров» произошла трансформация: «костров» в «огней» [1, с. 415].

В европейских языках есть сходные образные выражения, например, англ. *to be (to find oneself) between two fires*, фр. *entre deux feux* [2]. Похожий фразеологизм есть в немецком языке. В Историческом словаре немецкого языка Я. и В. Гримма есть выражения *zwischen zwein feuern sitzen* ‘попасть в перекрестный огонь с двух сторон’ или ‘попасть в опасное положение при попытке помирить две враждующие стороны’ и *zwischen zwei feuer setzen* ‘положение войска, когда противник обстреливает его с двух сторон’ [11, с. 43]. Наличие сходных фразеологизмов объясняется наличием культа огня у многих индоевропейских народов [3].

У ФЕ *между двух огней* есть синонимы. К ним можно отнести следующие устойчивые сочетания: *между Сциллой и Харибдой* и *между молотом и наковальней* [6].

Фразеологизм активно используется в художественной литературе и средствах массовой информации. Приведем несколько примеров из русской классики: *Этого только и ждал Райский, зная, что она сейчас очутится между двух огней: между стариной и новизной, между преданиями и здравым смыслом – и тогда ей надо было или согласиться с ним, или отступить от старины* (И. А. Гончаров. Обрыв, 1869) и др.

В современных медиа ФЕ употребляется в сочетании с глаголами *быть, находиться, попасть, оказаться, лавировать, зажать, жить, очутиться, разрываться, метаться, проскользнуть, работать, творить*. Например: *А Евросоюз – в силу того, что по идее должен представлять интересы всех 27 стран – членов, лавировал между двух огней* (РИА Новости. 2007.12) [5]; *США в этой ситуации оказались зажаты между двух огней* (РБК Daily. 2007.10) [5]; *Губернатор Петр Сумин попал в затруднительное положение и теперь пытается решить задачу, как проскользнуть между двух огней: энергетиков и прокуратуры* (Новый регион 2. 2004.10) [5]; *Специфика работы заключается в том, что наши люди работают здесь как бы между двух огней, – рассказывает начальник*

группы (РИА Новости. 2001.12) [5]; «Ленком», «Таганка», «Современник» *творили как бы между двух огней* (Аргументы и факты. 2000.02) [5] и др.

Таким образом, историко-культурный контекст позволяет соотнести образ фразеологизма с фактами истории, древними верованиями или реалиями. В широком контексте фразеологическая единица *между двух огней* относится к историческому пласту языка и связана с мифологическими воззрениями индоевропейских народов. Этимологически фразеологизм восходит к эпохе Средневековья – периоду контактов Руси с Золотой Ордой.

Список использованной литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии : ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий [Электронный ресурс] / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс, 2006. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm>. – Дата доступа: 04.04.2022.
3. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1965. – 258 с.
4. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1989. – 364 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 20.01.2022.
6. Словарь синонимов ASIS [Электронный ресурс] / сост. В. Н. Тришин. – 2013. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm>. – Дата доступа: 20.01.2022.
7. Стоянова, Е. Очи. Глаза. Гляделки (Фразеологические единицы с компонентом *глаз/глаза* сквозь призму метафоры) / Е. Стоянова. – Шумен : Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2013. – 240 с.
8. Стоянова, Е. Устаревшие фразеологические единицы в контексте культуры / Е. Стоянова. – Шумен : Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2012. – 192 с.
9. Телия, В. Н. Русская фразеология (Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты) / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры. – 1996. – 288 с.
10. Токарев, С. А. Огонь / С. А. Токарев // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – М. : Совет. энцикл., 1980. – Т. 2. – С. 239–240.
11. Цветаева, Е. «Меж двух огней», или О мифопоэтическом в русской и немецкой фразеологии // Вестн. МГЛУ. – 2010. – № 22. – С. 42–47.

К содержанию

А. Ю. ШУРКО

Минск, БГУ

Научный руководитель – О. В. Приемко, канд. филол. наук, доцент

ВНЕТЕКСТОВАЯ ФУНКЦИЯ ЗАГОВОРНОГО СЛОВА

Заговор – произведение магического характера, произносимое с целью воздействия на окружающий мир, его явления и объекты, чтобы получить желаемый результат. Наиболее ранние сведения о них встречаются в летописях, где упоминаются клятвы, произносившиеся в X в. при заключении мирных договоров с греками.

Говоря о внетекстовой функции заговорного текста, я имею в виду психологическую составляющую воздействия заговоров на человека. Заговор характеризуется обрядностью, а цель любого обряда – воздействие на духовный мир человека или любого другого живого существа. При этом всякий обряд не имеет смысла без веры в его эффективность.

А. А. Потебня писал в своих трудах: «Существенною чертою здесь является не представление о всемогущем божестве, а вообще вера в то, что существо, к которому обращается просьба, может исполнить ее и обязательно исполнит, если формула будет произнесена» [3, с. 52].

Н. Ф. Познанский считал, что «вся сила сосредоточится в одной формуле. Молитва девочки при своем зарождении – молитва. Но стоит ей только повториться несколько раз – и она уже приблизится к заговору. А если перейдет от своей изобретательницы к другому лицу, то перед нами будет уже чистый заговор, потому что это лицо воспримет ее как формулу с установившейся магической репутацией» [3, с. 52].

Теперь необходимо обратиться к психологии и особенностям психики человека. Любой внешний фактор воздействует на человека, вызывая ту или иную реакцию, внутренний отклик. Всякая реакция может проявляться внешне (рефлекс) и внутренне (эмоцией). Любая эмоция субъективна и зависит от конкретного индивида, его мировосприятия и отношения к произошедшему. Кроме того, всякая эмоция несет в себе энергетический заряд. Как писал В. В. Бойко, «психическая энергия представляет собой деятельность нематериальных, или идеальных, явлений психики, обладающих информацией, которая сосредоточена на разных ее уровнях – сознания, предсознания и подсознания. <...> Эмоции выполняют роль посредника в преобразовании материальных внешних и внутренних воздействий в психическую энергию» [1, с. 5].

Рассмотрим свойства психической энергии по В. В. Бойко.

1. Поскольку психическая энергия проявляется в жизни человека постоянно, то она становится фоном всей его деятельности – внутренней и внешней.

2. Психическая энергия управляет и управляется человеком.

3. Как и любая другая, психическая энергия выходит за пределы своего источника – мозга, физического тела человека.

4. Психическая энергия одного человека воздействует на состояние и поведение другого [1, с. 9].

Выше было указано, что всякий заговор будет эффективен лишь при доверии к произносящему его и при вере в его действенность. Учеными доказано, что чем выше эмоциональный фон человека, тем больше к нему доверия.

Внушаемые люди относительно легко подчиняются указаниям и советам, даже если эти советы противоречат их собственным убеждениям и интересам, легко заражаются чужими настроениями и привычками. Свойственная субъекту степень внушаемости может быть повышена действием ситуативных факторов: утомления, стресса, дефицита времени, недостатка компетентности, группового давления и пр. Повышенная внушаемость наблюдается у детей и у взрослых при утомлении, стрессе, разнообразных заболеваниях, в условиях неопределенности и в некоторых других социально-психологических ситуациях, а также под влиянием гипноза. На мой взгляд, эффективность воздействия заговоров напрямую зависит от внушаемости «пациента» и способности целителя внушить необходимую информацию.

Заговоры читаются с обязательным соблюдением прописанных для каждой формулы временных, обстоятельственных и атрибутивных правил. Голос чаще всего тихий, монотонный. Он усыпляет сознание, вводя человека в так называемое трансовое состояние. Внимание обратившегося за помощью рассеивается, а все слова воспринимаются бессознательно и истинно. Более того, атрибутивная составляющая зависит непосредственно от запроса заговариваемого и ассоциативно связана с ним. В некоторых текстах происходит перенос образа с болезни на образ в заговорной формуле.

Хорошо составленные народные заговоры имеют немало общего с внушениями, принятыми в современной психотерапии. Начинаются они, как правило, с психологической настройки больного на «прием» воздействия, затем следует основная часть – собственно внушение с требованием «выгнать болезнь вон» из тела человека. Использование в этой части заговора различных образных представлений («выгоняю болезнь такого-то в гнилое болото, в сыпучие пески...») позволяет более полно вовлечь различные системы восприятия (зрительную, кинестическую и т. д.), усилить и закрепить внушение. В завершающей части могут произноситься фразы, имеющие целью продлить действие заговора в будущем, тем самым способствуя разворачиванию оздоровительных процессов в организме больного.

Внушение (да и любое другое управляющее воздействие) во многом зависит от «фоновое обеспечение», т. е. от психологического состояния собеседников и окружающего фона. В этом плане можно выделить ряд фоновых состояний. Наиболее простым и вполне надежным фоном для беседы является мышечная релаксация (расслабление): комфортная обстановка, мягкий и неяркий свет, удобная мебель, отсутствие сильных звуков и наличие достаточного времени. Частным случаем релаксации является состояние транса у адресата воздействия.

Кроме того, всякий знахарь должен уверенно говорить, сумев сохранить при этом образ: соответствующие взгляд, позу, жесты, тембр голоса, интонацию. Дополнительную силу имеет репутация проводящего ритуал. Так, всякий человек, прежде чем довериться специалисту из любой области, узнает у своих родственников или знакомых (ближайший круг общения, высшая степень доверия) обращались ли те по схожим вопросам. Для представителей «магической» сферы важен образ. Магическое мышление работает так, что в сознании есть уже сложившееся представление о народном целителе и ведунье. Классическое представление о знахарях: «люди в возрасте – одинокие холостяки или пожилые вдовы. Однако их дар часто связывали с посещением потустороннего мира: знахарями люди могли стать после тяжелых травм и затяжных болезней. Внешне знахари не отличались от простых селян, они не скрывали своего занятия» [2].

Итак, чтобы заговор был эффективен, необходимо доверие со стороны пришедшего к знахарю. Кроме того, очень важно, чтобы человек был внушаем. Внушаемость же может меняться в зависимости от внешних обстоятельств и индивидуальна для каждого. Имеют значение эмоциональное состояние реципиента и целителя, их энергетический фон и настрой. Очень важны также интонация, уверенность знахаря, атрибутивная составляющая и соблюдение ритуальности и сакральности. Была выявлена значимость его репутации. В современном мире менее значим образ и внешность заговаривающего, однако соответствие традиционным представлениям поднимет уровень доверия реципиента.

Список использованной литературы

1. Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В. В. Бойко. – М. : Филинь, 1996. – 469 с.
2. Ковынева, М. «Непростые люди» в славянских селениях [Электронный ресурс] / М. Ковынева. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/253717/neprostyle-lyudi-v-slavyanskikh-seleniyakh>. – Дата доступа: 14.05.2022.
3. Познанский, Н. Ф. Заговоры: опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Ф. Познанский. – Репр. изд. 1917 г. – М. : Индрик, 1995. – 352 с.

К содержанию

А. В. ШЫКІЛА

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

**ФУНКЦЫЯНАЛЬНА-СЕМАНТЫЧНАЯ ЗНАЧНАСЦЬ
МЕТАФАР У ПРОЗЕ В. БЫКАВА**

Практычна кожны пісьменнік карыстаецца ўніверсальным прыёмам метафарызацыі – унутраным рухавіком развіцця мовы [7]. Аналіз метафар у творах Васіля Быкава дазваляе адзначыць, што пісьменнік ужывае метафары, якія сваімі зыходнымі значэннямі ўваходзяць у розныя семантычныя комплексы, сярод якіх можна вылучыць наступныя: «чалавек», «вада», «птушкі», «расліны і кветкі», «агонь» (у аснове класіфікацыі – падыход В. А. Ляшчынскай, якая аналізавала метафару ў паэзіі Я. Купалы [5, с. 21]).

У семантычны комплекс «чалавек» уваходзяць метафары, арыентаваныя на чалавека, якія адлюстроўваюць шырокія і шматбаковыя сувязі аб'ектыўнай рэчаіснасці з чалавечым быццём [5, с. 22]. Вельмі трапна ў творах В. Быкава ўжыты метафары, якія характарызуюць псіхічны і эмацыйны стан чалавека: *уражанні трымаюцца ў пачуццях* [2, с. 23]; *вочы наліваліся гневам* [2, с. 41]; *гора душыць за горла* [1, с. 7]; *узбунтавалася ва мне кроў* [3, с. 28]; *лютасць ва мне забушавала* [2, с. 17]. З дапамогай такога тыпу метафар, якія перадаюць псіхаэмацыйнальны стан чалавека, В. Быкаў тонка і дакладна стварае вобразы сваіх герояў. Такія метафары часцей сустракаюцца ва ўнутраных маналогах персанажаў. Так, у аповесці «Здрада» Цімошкін крыўдзіцца на Грышку – свайго земляка, які нядобра паступіў з ім, калі яны былі на абароне ў Малдавіі: *Хацелася не думаць аб гэтым, забыцца, выкінуць земляка з галавы, але думкі самі сабой настойліва таўкліся ў свядомасці* [3, с. 187]. У аповесці «Трэцяя ракета» Лазняк, даведаўшыся пра тое, што яго «ідэал мужчынскае сталасці» – Задарожны – пры першай магчымасці захацеў здацца ў палон, пачынае часта думаць аб гэтым і знаходзіцца ў неспакойным стане: *Зусім новае, ніколі раней не знаёмае пачуццё гневу і расчараванасці ахоплівае мяне* [3, с. 207]. Сярод выяўленых у творах В. Быкава метафар значную колькасць складаюць і тыя, што апісваюць стан навакольнага асяроддзя і разам з тым адлюстроўваюць персаніфікацыю: *вечер раскручвае* [2, с. 56]; *маўкліvasць заахвочвала* [2, с. 59]; *дарожка вывела* [4, с. 44]; *раскоша прыроды раздражняла* [4, с. 62].

Сустракаюцца ў тэкстах В. Быкава і метафары, звязаныя з характарыстыкай жэстаў, мімікі, унутраных адчуванняў персанажа, напрыклад: *позірк слізгануў* [4, с. 60]; *адкрыццё кранула* [3, с. 38]; *пачало мацнець прадчуванне* [3, с. 71]. З дапамогай такіх метафар пісьменнік перадае

емоції, перажыванні герояў, якія трапляюць у складаныя сітуацыі. Так, напрыклад, метафарычным словаўжываннем выразна і сцісла перадаюцца адчуванні героя аповесці «Трэцяя ракета» Жаўтых: *Гэтыя апошнія імгненні перад адкрыццём агню асабліва нясцерпныя, тупым болем **ныюць** усе **нервы** – хутчэй, хутчэй!* [3, с. 154]. Праз метафару выразна характарызуецца стан яшчэ аднаго героя названай аповесці – Лёшкі, у якога на вайне ад безвыходнасці апускаюцца рукі: *Зноў **паныласць і раздражнёнасць упаўзаюць** у мой настрой – я зноў гатовы сказаць сабе: чорт з імі!* [3, с. 159].

У комплекс «вада» ўваходзяць метафары, якія адлюстроўваюць сувязь аб'ектыўнай рэчаіснасці з вадой [5, с. 23]. З дапамогай такіх метафар аўтар робіць больш выразнымі апісанні эмацыйнага або фізічнага стану чалавека: *слёзы сцякалі з яго твару* [3, с. 112]; *стома смалой налівае цела* [3, с. 124]; *вочы наліваліся гневам* [3, с. 130]; *ускіпела злосць* [3, с. 130]. У гэтай групе выкарыстоўваюцца дзеяслоўныя метафары, якія дапамагаюць перадаць эмацыянальны падтэкст і выразную характарыстыку апісаных у тэкстах дзеянняў і станаў людзей. Так, у аповесці «Трэцяя ракета» В. Быкаў пры дапамозе такой метафары актуалізуе адчуванне напружання і павольнай хады часу: *Маўклівая і трывожная **ноч плыве над затоенай, прыціхлай зямлёй*** [3, с. 138]. У аповесці «Здрада» з дапамогай метафары дадзенай групы выразна апісваецца фізічны стан галоўнага героя: *Ідучы, неяк лягчэй было выцягваць з сябе апошнія сілы, ды і не так працінала сцюжа, цяпер жа мерзлі ногі і ўсё **цела налілося страшэнным цяжарам*** [3, с. 180].

Метафары з групы «агонь» дапамагаюць стварыць яркі зрокавы вобраз [5, с. 23]. У кантэкстах В. Быкава гэта часцей вобраз, звязаны з часовай характарыстыкай, напрыклад: *у небе **дагарала апошняя зорка*** [3, с. 184]; ***дагараў дзень*** [3, с. 180]; ***дзень той быў гарачы*** [3, с. 191]; або характарыстыкай настрою, стану персанажа: ***вочы яго загарэліся*** [3, с. 184]; ***вочы гаснуць*** [3, с. 194]; ***мільганула думка*** [3, с. 198].

У творах В. Быкава сустракаюцца адзінкавыя прыклады метафар з семантычных комплексаў «Птушкі» і «Кветкі і трава»: *замысел разлятаўся* [3, с. 382]; *кулі дзяўблі* [3, с. 375]; *апаска пачала расці-разрастацца* [3, с. 10].

Яны таксама служаць перадачы псіхалагічнай характарыстыкі вобраза і яго стану. Напрыклад: *Узлесак застаўся ззаду, і ў душы ў Бурава **пачала расці-разрастацца сцюдзенаватая апаска** – як бы іх часам не стрэлі па той бок рэчкі, ля лазні ці на падворку, як бы не напароцца на якую халеру...* [4, с. 10].

Такім чынам, можна адзначыць, што з дапамогай метафар В. Быкаў найперш перадае фізічны стан і адчуванні герояў (*Пад ранак **запылала дачушка, усчаўся вялікі жар, прасіла ўсё піць, жалілася: баліць галоўка***

[3, с. 401]) або эмоцыі, перажыванні персанажаў, калі яны трапляюць у складаныя жыццёвыя сітуацыі (*Сушчэня не адказаў – моўчкі прыдушыў у сабе крыўду, бо была яна далёка не першая, падумаў, што, мабыць, крыўд яму яшчэ хопіць* [4, с. 78]).

Адметнасць быкаўскіх метафар заключаецца ў разгорнутасці іх структур, у якіх кожны кампанент узаемадзеінічае з іншымі, утвараючы пры гэтым цэласны мастацкі вобраз: *Гудзела, пырскала іскрамі грубка, за сцяной недзе цурчала з даху вада, шумеў у завуголлі вецер і вельмі хацелася спаць* [2, с. 104]; *Відаць, душа такая: заўсёды на прастор лезе* [2, с. 108]. Яркім прыкладам частага выкарыстання разгорнутых метафар з’яўляецца апавесць «У тумане». Напрыклад, стан параненага Бурава, які знаходзіцца на мяжы жыцця і смерці, апісваецца наступным чынам: *Прытомнасць яго знікала, растварылася ў болю, які няцярпнай някельнасцю ахапіў цела, сэрца захліпнула, і ён праваліўся ў пакутны свет зданяў* [4, с. 36]. Выкарыстоўваюцца такія метафары пры апісанні ўнутранага свету герояў. Да прыкладу, перажыванні Войціка, калі ён згадвае памылкі свайго партызанскага жыцця: *Ён не ўяўляў, як бы наводзіў сябе сам, калі б незнарок выплыў на свет ягоны летапні выпадак у Вайноўскім урочышчы, што ледзьве не скончыўся для яго пагібельлю* [3, с. 86]. Разгорнутыя метафары выкарыстоўваюцца В. Быкавым для перадачы разважанняў герояў: *Ён згледзеў нейкую нечаканую нітачку, якая, можа, вывела б яго да сваіх, калі б не ўратавала жыццё, дык хоць бы засцерагла ад недарэчнай пагібелі* [4, с. 46].

Такім чынам, метафары ў творах В. Быкава служаць найперш для перадачы станаў чалавека (як псіхічнага, так і фізічнага), эмоцый герояў, а таксама выкарыстоўваюцца пры апісанні прадметаў ці з’яў прыроды.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Быкаў, В. Абеліск / В. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 131 с.
2. Быкаў, В. Выбранае : для ст. шк. узросту / В. Быкаў. – Мінск : Ураджай, 2001. – 415 с.
3. Быкаў, В. Поўны збор твораў : у 14 т. / В. Быкаў. – М. : Время, 2005. – Т. 1 : Аповесці, апавяданні, прыпавесці. – 645 с.
4. Быкаў, В. У тумане : аповесці / В. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 383 с.
5. Ляшчынская, В. А. Метафара ў паэзіі Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003. – 160 с.
6. Старычонак, В. Д. Мнагазначнасць слова ў беларускай мове : у 3 кн. / В. Д. Старычонак. – Мінск : Колорград, 2017. – Кн. 1 : Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі. – 273 с.
7. Шандроха, Н. Э. Рыторыка: тропы і фігуры маўлення [Электронны рэсурс] / Н. Э. Шандроха. – Рэжым доступу: <https://elib.grsu.by/doc/535>. – Дата доступу: 01.05.2022.

К содэржанию

А. Ю. ЮРКОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Ворон, канд. филол. наук, доцент

ТЕМА ПОЭТА И ПОЭЗИИ В ЛИРИКЕ Б. АХМАДУЛИНОЙ

Тема поэта и поэзии является одной из главных для художников слова. В лирике Б. Ахмадулиной она занимает также важное место. Друзья и родные поэтессы вспоминали, что она очень серьезно и с особой ответственностью относилась к этому процессу: всегда заранее подготавливала свое рабочее место и чаще всего писала ночью, где-нибудь уединясь. Ее муж Борис Мессерер в своей книге «Промельк Беллы» рассказывал, как она работала: «Наступала ночь, и Белла поднималась по внутренним шатким лесенкам на третий этаж дома и садилась за свой столик на крохотном балкончике, висевшем над пропастью, и на ее свечу сразу же набрасывались летучие мыши, ночные бабочки, тысячи мошек» [4].

В своих стихотворениях она затрагивает две полярные грани темы творчества. Поэтесса описывает муки слова, рассказывая о поэте, который тщетно ждет вдохновения. «Немота» в ее произведениях обозначает не просто творческое молчание, но и имеет материальное выражение: «...как пар изо рта, / округлилась у губ немота» [2, с. 81]; «...только немоту / тяжелую в моих губах имею» [2, с. 81]. Такая «немота» обладает невероятной силой, которую не может преодолеть рассудок поэта при создании стихотворения.

«Немоте» противопоставляется «голос». Это такое же мощное и неподвластное состояние души, которое не контролируется волей поэта:

Вдохновенье – чрезмерный, сплошной
вдох мгновенья душою немой,
не спасает ее выдох иной,
кроме слова, что сказано мной [2, с. 81].

Мотив муки творчества является центральным в теме поэта и поэзии Б. Ахмадулиной. Выделяются мучения как физические, так и нравственные. Страшнее всего для поэтессы нравственные муки. Она раскрывает этот мотив через слова «долг», «совесть», «ответственность». Лирическая героиня Б. Ахмадулиной испытывает муки совести, потому что она чувствует свое несовершенство, когда придумывает образ и пытается его описать при помощи слов. Осознавая всю мощь и порой несокрушимую силу слова, поэтесса берет на себя ответственность за то, что создает:

«нерасторжимы словесность и совесть» [2, с. 130]. Но, несмотря на все мучения, она уже не может выбрать другой путь:

Способ совести избран уже,
и теперь от меня не зависит [2, с. 122].

В истории литературы сложились две традиции интерпретации творчества: как полета вдохновения и как ремесла. Б. Ахмадулина является сторонницей именно второго подхода. Она сравнивает свой труд с делом:

– архитектора: *«и воздух обретает плоть / громоздко-стройного собора»* [2, с. 385];

– художника: *«еще и кисть глупа и краски непослушны»* [2, с. 232];

– оператора: *«сделать так, как сделал оператор, / послушно перенять его пример / и, пристально прикинув к аппаратам, / прищуриться на выбранный предмет»* [2, с. 31];

– печника: *«Когда возводит красную трубу / печник на необжитом новом доме»* [2, с. 31];

– крестьянина: *«Светает, садовод! Светает, огородник! / Что ж, потянусь и я возделывать тетрадь»* [2, с. 213].

В результате тяжелой работы поэт приобретает свой аналог сгорбленной спины усталого работника: *«И остался от этих времен / горб – натруженность среднего пальца»* [2, с. 122].

Одним из главных орудий труда поэтов является голос, зарождению которого способствует горло: *«Обильные возникли голоса / в моей гортани»* [2, с. 85]. По мнению Б. Ахмадулиной, для этого процесса «в неживом ущелье гортани, погруженной в темноту» должна быть «такая чистота проёма, / чтоб уместить во всей красе объема / всезнающего слова полностью» [2, с. 80]. Но вместо этого поэт ощущает в «алом рваном проеме» горла *«то всхлип, то хрип, и снова / насыщенный шум, занявший место слова»* [2, с. 80], и в этом причина его мучительного молчания.

Горло для Б. Ахмадулиной ассоциируется не только с собственным творчеством, но и с поэзией как таковой: именно горло она отмечает в поэтическом языке любимых поэтов: О. Мандельштама (*«Строй горла ярко наг и выдан пульсом пенья»* [2, с. 343]) и М. Цветаевой (*«огромный мускул горла»* [2, с. 89]).

Устойчивым мотивом в лирике Б. Ахмадулиной также является сопоставление творчества и кровотечения. Для Б. Ахмадулиной суть творчества заключается в том, чтобы *«не утруждая ранящий предмет, / открыть в себе кровотечение звука»* [2, с. 69]. Поэзия для ее лирической героини настолько же естественна, как ток крови по жилам: *«сперва пульсирует мотив / как бы в предсердии искусства»* [2, с. 326]. Глубокие раны,

оставленные в горле и зияющие чернотой, ассоциируются с образом запекшейся крови, а также с отсутствием голоса:

Кто мой голос из горла увел?
 Не умеет заплакать о нем
 рана черная в горле моем [2, с. 80].

Лоб в лирике Б. Ахмадулиной является символом не только поэтического дара, но и рационального начала. Она понимает, что для того, чтобы быть хорошим поэтом, одного таланта мало, нужна еще и хорошая «работа ума»: *«и медленно стираю прядь со лба / для пущего удобства размышленья»* [2, с. 94]. Прежде чем получить материальное воплощение, стихотворение сначала рождается в горле, потом осмысливается умом и в конце при помощи руки появляется на бумаге.

Всего-то было – горло и рука,
 в пути меж ними станет звук строкою [2, с. 88].

«Бег руки вдоль стола» – это физический труд, который совершается почти автоматически, потому что рука уже сама *«знает привычку ставить слово после слова»* [2, с. 81]. Вот так творчество объединяет сферы чувственного, рационального и физического. Весь организм поэта ощущает творческие импульсы и участвует в процессе создания новых произведений:

Пулсировала бесконечность
 в груди, в запястье и в виске [2, с. 139].

Физиологичность образов Б. Ахмадулиной затрагивает не только речевой аппарат, но и другие органы чувств. Особое место занимают вкусовые (*«нежный вкус родимой речи»* [2, с. 36]) и тактильные (*«ожог во лбу от выдумки неточной»* [2, с. 78]).

Так как творчество для Б. Ахмадулиной – это ремесло, то и «орудия труда» она выбирает соответствующие: бумага, перо, свечи. Атрибуты творчества у поэтессы самые разнообразные и выполняют определенные функции. В ее произведениях очень органично сочетаются предметы из разных эпох: перо с карандашами и ручками, а свеча с лампой. Есть «орудия труда», которые употребляются как традиционные «поэтизмы» (перо, свеча), а есть и те, которые имеют достаточно реалистичные образы предметов.

Вокруг меня – ни звука, ни души
И стол мой умер и под пылью скрылся.
Уставили во тьму карандаши
тупые и неграмотные рыльца [2, с. 575].

В своей работе поэтесса тщательно выбирает не только «орудие труда», но и время для творчества. И самым лучшим таким временем она считает ночь: *«Ночь – вотчина моя, во дне я – чужестранец»* [2, с. 344]. Ночью можно никуда не спешить, поэтому Б. Ахмадулина, оставшись наедине с собой, обретает свободу. Именно свобода является обязательным условием для создания настоящих произведений искусства.

Все спать улягутся, но мне ведь
привычной складывать слова [2, с. 313].

Именно ночь является временем господствования бессознательного. Все маски дня слетают, бытовые проблемы стираются и на передний план выходит внутренний мир поэта, слышатся звуки его настоящего голоса. Луна становится проводником вдохновения:

Она – мой вождь и вещей понукатель,
глаз созерцатель, помыслов знаток [2, с. 402].

Б. Ахмадулину также волнует проблема взаимодействия творческой личности и общества. В стихотворении «День поэзии» поэт противопоставляется слушателям:

По той дороге, где мой след затерян,
стекается на празднество народ [2, с. 198].

Таким образом, в лирике Б. Ахмадулиной тема поэта и поэзии занимает важное место. Процесс написания произведений для нее и ее лирической героини – это большой и тяжелый труд, труд-мука и труд-необходимость одновременно, к которому она подходит с особой деликатностью. Поэтесса удивительно сочетает в себе дионисийско-экстатическое, стихийное понимание природы творчества и признание аполлоновского его начала.

Список использованной литературы

1. Алешка, Т. В. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии [Электронный ресурс] / Т. В. Алешка. – Минск : РИВШ БГУ, 2001. – 124 с. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/151204>. – Дата доступа: 11.04.2022.

2. Ахмадулина, Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе / Б. А. Ахмадулина ; сост. Б. Мессерер и Т. Алешка. – М. : Альфа-Книга, 2012. – 856 с.

3. Башкайкина, Д. Мотивная структура концепта «творчество» в лирике Б. Ахмадулиной [Электронный ресурс] / Д. Башкайкина // eLIBRARY.RU : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24358001&>. – Дата доступа: 25.05.2022.

4. Мессерер, Б. А. Промельк Беллы [Электронный ресурс] / Б. А. Мессерер, А. Л. Бондаренко // ЛитМир : электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=563245&p=12>. – Дата доступа: 15.10.2021.

К содержанию

А. В. ЯРМОШЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

КОНЦЕПТ «ДОРОГА» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАРЕМИЯХ

Концепт пути, дороги – это универсалия мировой культуры. В мифопоэтическом представлении пространства центр (дом) и путь/дорога оказываются его основными элементами. Поэтому в восточнославянских концептуальных и вербальных картинах мира понятия *путь*, *дорога* занимают весьма важное место.

Репрезентантами концепта «дорога» выступают лексемы рус. *дорога*, *дорожка*, *путь*, *тропа*, *тропка*, *тропинка*; укр. *дорога*, *доріжка*, *шлях*, *стежка*; бел. *дарога*, *дарожка*, *шлях*, *сцежка*.

На основе анализа толковых словарей можно сказать, что во всех восточнославянских языках выделяется несколько значений основных репрезентантов концепта «дорога»: ‘полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения’, ‘путешествие, пребывание в пути’, ‘направление, путь следования, маршрут’, ‘самая езда, ходьба, плавание, и время, срок, нужный для проезда, прохода, проведенный в дороге’, *перен.* ‘средства достижения какой-нибудь цели, жизненный путь’. Лексемы рус. *дорожка* / укр. *доріжка* / бел. *дарожка* и рус. *тропа*, *тропка*, *тропинка* / укр. *стежка* / бел. *сцежка* соотносятся с основными репрезентантами концепта в значении ‘полоса земли, место, по которому нужно проехать или пройти’, но отличаются общими семами ‘узкость’ и ‘сделанность людьми или животными’.

Паремии с компонентом *дорога* и его синонимами можно распределить по нескольким группам, которые выделяются на основании анализа их значений.

Так как дорога всегда считалась границей между «своим» и «чужим» миром, мифологически нечистым местом, где связь с потусторонним очень сильна, в части пословиц актуализируется противопоставление дороги дому как месту, привычному и безопасному для человека: рус. *Дома рука и нога спит, в дороге и головушка не дремлет; Домашняя дума в дорогу не годится*; укр. *Дома рука й нога спить, а в дорозі й голова не дрімає; Домашня думка в дорогу не годиться*. В белорусском языке такие единицы не выявлены. Зато есть поговорка, в которой дом и дорога объединяются: *Як ля парога, такая і дарога* – ‘какое начало, такой будет и конец’.

Соответственно во многих пословицах говорится об опасности дороги и о том, что во время пути может произойти что угодно: рус. *Говорила мне своячинка, что на дороге бывает всячинка; В дорогу идти – пятеры лапти сплести; Дорогой идешь, и то споткнешься*; укр. *В дорозі всього трапиться; Коли на те піде, то й серед битого шляху поламаєшся; І на гладкій дорозі люди ноги ламають / Спотинув'ємся на гладкій дорозі; Дорога і вночі не спить*; бел. *Дарога не спіць* ‘во время путешествия или поездки с человеком может произойти что-нибудь неожиданное’; *У дарожцы ўсякае здараецца: калі яна – маці, а калі – і мачыха; Па (на) крывой дарозе наперадзе (наперад) не відаць*.

С другой стороны, дорога может противопоставляться дому как возможность развиваться, а способность выйти из дома и отправиться в дорогу оценивается как преимущество: русск. *Знайка по дорожке бежит, а незнайка на печке лежит; Печка дрожит (нежит), а дорожка учит*; укр. *Незнайко на печі лежить, а знайко по дорозі біжить; Піч тучить, а дорога учит*. Среди белорусских поговорок единицы с данным значением не обнаружены.

Важной характеристикой времени, проведенного в пути, является наличие спутника (попутчика). И это отображено в поговорках всех восточнославянских языков: рус. *Умный товарищ – половина дороги; Одному ехать – и дорога долга; Лучше плохая дорога, чем плохой спутник; Вдвоем и в дороге веселей*; укр. *Одинокому дорога дуже довга; Краще погана дорога, ніж поганий супутник; Товариш мовний в дорозі стоїть за віз смакований; Тоді дорога спішна, коли розмова потішна; Ідеш удвох – дорога коротша*; бел. *Аднаму ехаць і дарога доўгая*. В русском языке появляются характеристики человека, с которым не стоит собираться в путь: *Кто сам себя хвалит, с тем пути не бывает; Не ищи пути с непутевым*. В последней поговорке используется языковая игра: существительное использовано в значении ‘путешествие’, а прилагательное *непутевый* восходит к *путь* со значением ‘польза, прок, толк’.

В пути все трудности преодолеваются совместно, что сближает людей. Это может привести и к изменению статуса попутчика на время

пути: рус. *В дороге и отец сыну товарищ; В дороге и ворога назовешь родным отцом*; укр. *В дорозі і батько брат*; бел. *У дарозе і бацька таварыш*.

Одним из критериев дороги является ее новизна или, наоборот, освоенность и изученность дороги людьми. При этом новая дорога часто ассоциируется со сложным путем, преодолением трудностей, в то время как старая дорога соотносится с привычными способами. Стоит отметить, что в пословицах, где упоминается старая дорога, она не характеризуется как нечто негативное. Например: рус. *Старой дорогой легко идти*; укр. *Старою дорогою легко ходити*; *Новою дорогою іди, але і стару не забувай*; бел. *Па новай дарозе ідзі, але пра старую не забывай*.

Пословицы рус. *На проходжей (битой, торной) дороге трава не растет*; укр. *На битій дорозі трава не росте*; бел. *На вытапанай (выбітай, торнай) дарозе трава не расце* выступают со значением 'выбор общеизвестного, банального способа жизни не приведет к чему-то хорошему или необычному' и имеют неодобрительную окраску, так как говорят о выборе обычного и легкого пути. В белорусском языке актуализируется и другое значение – 'у гулящей, развратной женщины детей не бывает'.

Во всех восточнославянских языках есть пословицы, в которых дорога на тот свет оценивается с точки зрения утоптанности: рус. *Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли*; укр. *Нехай старі мруть та й нам дорогу труть*; бел. *Людзі мруць, нам (другім) дарогу труць*. В этих паремиях утверждается, что смерть неумолима и неизбежна для каждого человека, поэтому относиться к ней нужно философски. Это своеобразная попытка примириться с данным законом жизни.

Кроме освоенности дороги, важны ее качественные характеристики: прямота/кривизна, близость/дальность. В первом противопоставлении прослеживается негативное отношение к кривой дороге как к опасной или неправильной. Во второй оппозиции дальний/окольный путь характеризуется как нежелательный. Например, рус. *В окольных дорогах проку нет; Где путь прямой, там не ездят по кривой; По верному пути хорошо идти; Не ездят дальнею дорогой, когда ближнюю знают; Ближнюю дорогу вдалеке не ищут; Прямым путем (прямиком) по кривой не ездят; По кривой дороге вперед не видать*; укр. *Проста дорога найліпша / Простою дорогою найборше зайдеш; По кривому шляху поїхав; До Бога важкий шлях, а до пекла прямесенький*; бел. *Па (на) крывой дарозе наперадзе (наперад) не відаць*. Однако в белорусском языке отмечена и паремия с противоположной оценкой кривой дороги: *Кривая дарога з простаю смяецца* 'по обходной дороге идти или ехать более надежно, чем напрямик'.

Можно выделить паремии, в которых осуждается человек, который раздает советы, но сам делает иначе: рус. *Показывает дорогу, а сам*

в болото лезет; укр. Показує **дорогу**, а сам в болото лізе / Другим **дорогу** показує, а сам болотом бредє; бел. Іншаму **дарогу** пакажа, а сам у балота лезе.

Со значением 'человек, который на своем месте разобраться не может' выступают следующие пословицы: рус. На **дороге** стоишь (стоит), а **дорогу** (дороги) спрашиваешь (спрашивает); укр. Іде **дорогою**, **дороги** питає / їде (їде) **шляхом** і **шляху** питає; На **дорозі** стоїть, а **дороги** питає; бел. Ідзе на **дарозе** і **дарогі** пытае.

Восприятие мира через призму религиозных устоев и веру в Бога отображено в ряде паремий. Среди них такие, как рус. Нужный **путь** бог правит; Бог **пути** кажет; Не помолившись богу, не ездят в **дорогу**; С Богом пойдешь, к добру (добрый) **путь** найдешь (до благого дойдешь); укр. Не помолившись Богу, не їдь в **дорогу**; До Бога важкий **шлях**, а до пекла прямесенький; Від серця до Бога, навпростець **дорога**; Від серця до неба **шляху** не треба; Козак на **дорозі**, а надія в Бозі; бел. Божыя **дарогі** неспазнаныя; Неспавадальныя (нявызнаныя) **шляхі** Гасподнія (Божыя); Едзеш у **дарогу**, памаліся Богу; Дасць Бог дзень, дасць і **дарогу**. Эти единицы показывают веру народа в Бога, который указывает правильный путь и защищает человека в дороге. Интересно, что в русских словарях паремий, которые использовались в работе, не зафиксирована пословица *Неисповедимы пути Господни*, хотя в узусе она широко распространена. Возможно, это обусловлено базой, на основе которой осуществлялся отбор паремий в словари, с которыми мы работали: в словарях отображено фольклорное восприятие мира человеком, а данная пословица имеет светскую окраску.

Хлеб всегда играл важную роль в жизни славянских народов и соотносился с благополучием и домом, поэтому в восточнославянских языках много различных пословиц, связанных с этим символом. Часть из них содержит лексемы *дорога/дарога*, *путь*. Такие паремии описывают древний обычай брать хлеб в дорогу, чтобы она прошла легче: рус. Хлеб в **пути** не тяжесть (тягость); Нет беды в **дороге**, когда хлеб на возе; укр. Хліб у **дорозі** не затяжить; Коли хліб на возі, то нема біди в **дорозі**; бел. Калі хлеб у возе, то няма бяды ў **дарозе**.

В пословице рус. Хлеб в **пути** не тяжесть (тягость) показано, что хлеб как нечто обязательное и важное для человека не мешает в дороге. А в русском и украинском языках есть паремии, в которых утверждается, что нужно очень щепетильно выбирать то, что берешь с собой в дорогу, так как лишний груз будет только мешать: рус. На большом **пути** и малая ноша тяжела; укр. В **дорозі** і голка важить (важка).

Дорога/дарога, *путь* рассматривается и как место, где нельзя найти ничего ценного, что выражено в таких паремиях, как рус. Счастье

на деньги не покупается, удача на **дороге** не валяется; укр. Удача на **дорозі** не валяється; бел. Шчасце на **дарозе** не валяецца; Па **дарозе** ідучы, грыбоў не набярэш. А паремии типа рус. *Житье, что гороху при дороге: кто ни пройдет, тот и скубнет*; укр. *Буряк не дурак: по дорозі не росте*; бел. *Жывём (жыву) як <той> гарох пры дарозе* – хто ідзе, той і скубе показывают, что и культурным растениям нет места на дороге, так как там нет возможности питаться и развиваться, а также проходящие мимо будут мешать этому развитию.

Только в русских пословицах указывается, что правда всегда будет известна: рус. *Ложью как хочешь верти, а правде **путь** один; Дорога у правды широка*. В исследуемых словарях белорусских и украинских паремий выражений с данным значением найти не удалось.

На основании анализа семантики паремий можно сделать вывод, что объем концепта «дорога» в восточнославянских языках почти полностью совпадает. Отличаются лишь периферийные значения, которые наблюдаются не во всех языках. Основными являются противопоставление дороги дому как безопасному месту и характеристики дороги с точки зрения новизны/изученности, прямоты/кривизны, близости/дальности.

К содержанию